

Наталья Шеховцова

*Крыжовенное
варенье*

Исторический детектив. Книга 41

История перстня Екатерины Великой, которая писалась 8 лет. Все началось с того, что автору, в середине 90-х работавшему в "Комсомолке", дали задание переночевать в музее восковых фигур. Там-то она и встретила лицом к лицу с Екатериной Великой, а на пальце императрицы разглядела перстень с большим зеленым камнем. Заинтересовалась, начала работать с историческими справками и архивными документами. Итогом стали не только заметка, но и исторический роман с детективным сюжетом. В нем параллельно друг другу развиваются две линии, XVIII века и современная.

ПРЕДИСЛОВИЕ. О том, как я ночевала в Музее восковых фигур и о мистических событиях, случившихся

Мне предстояло провести ночь в компании сановитых покойников — восковых копий известных личностей, — задание редакции.

Начала со звонка создателю музея. Когда-то делала с ним интервью, и его домашний телефон значился в моей записной книжке. Но... оказалось, что я позвонила аккурат в день первой годовщины его смерти. Родные сидели за поминальным столом, а тут... покойного спрашивают к телефону... Жуть!

Новых руководителей пришлось долго уговаривать, чтобы не побоялись нарушить должностную инструкцию и сняли помещение с сигнализации. В конце концов, все утряслось.

Было ли мне страшно? Да, двух вещей. Первое, что засну, проснувшись, не вспомню, где нахожусь и свихнусь, когда увижу, кто меня окружает. Второе, что шаги пришедшего утром сотрудника музея приму за потусторонние. Тем более, что еще Гиляровский в "Москве и москвичах" описал здание как "дом с привидениями". Сегодня полно "очевидцев", готовых подтвердить: дядя Гиляй не врал.

Все знают этот дом. № 14 по Тверской, на первом этаже в нем расположен "Елисейский" магазин. Построен в конце XVIII века для супруги статс-секретаря императрицы Е.И. Козицкой. Позже здесь жила княгиня Волконская и держала салон, потом поселилась некая затворница, странноватая, говорят, — точный прототип "Пиковой дамы". В 1932 в одной из комнат дома жил, получал первые публикации своего романа и умер Николай Островский.

Входную дверь не должны были закрывать снаружи, но кто-то из "хозяев" сделал это по привычке. Впрочем, возможно, то была вовсе не ошибка, а коварный умысел, мол, раз девочка жаждет приключений... Короче, выбраться оттуда я не смогла бы, даже если бы захотела.

Обхожу зал. Стараюсь мыслить здраво. Паркет скрипит где-то совсем не там, где наступаю? — должно быть, каверза акустики. Чья-то тень мелькнула между Мао Цзедуном и Лениным. На самом деле, моя собственная, — зеркала, расположенные вдоль стен под углом друг к другу ввинчивают твое собственное отражение в центр выставки, точно ты сам стал экспонатом.

Их ровно сорок, тех, кто составит мне компанию этой ночью: тридцать семь джентльменов и три леди. Большинство из этих людей давным-давно истлело в могилах, а я могу бродить здесь сегодня и рассматривать их тела, столь же прекрасные, как при жизни.

Воск и внешний лоск, — если описать нашу "вечеринку" коротко.

А если подробно? Вообще-то было скучновато... Я ждала полуночи, а когда та наступила, оказалось, что ничего сверхъестественного не произошло...

Все равно, они — там, а я — здесь... Меж нами магический барьер — обычное музейное ограждение, провисающая веревка, а, кажется, будто ворота в иное измерение. И я шагнула "за"...

Вы замечали? Во всех залах, где выставлены восковые фигуры, приглушен свет.

Полумрак создает эффект меняющихся лиц. Мне показалось, что лица стали суровее.

Рука Распутина осенила крестом мою спину, будто предостерегая. Резко обернулась в его сторону — нет, стоит недвижим, как ни в чем ни бывало...

Виктор Цой ухмыльнулся... Приближаюсь и ясно вижу, что левый глаз легенды рока движется, нацеленный на меня.

Это получилось как-то само собой, мне просто захотелось совершить приободряющий жест — я похлопала Цоя по плечу. Фигура заколыхалась, словно погруженная в транс. Оказывается, она вовсе не была прикреплена к полу. Пришлось подхватить певца, чтобы тот не упал, и даже слегка примять при этом его плащ. Наши лица оказались на расстоянии сантиметров двадцати друг от друга... Нет, на обычный, человеческий, облик не был похож. Скорее, на загримированную физиономию артиста, что в его случае вполне естественно. Не естественно было другое, тело — холодное и онемелое... И впрямь, как у покойника...

С познавательной пытливостью пора было заканчивать: ненароком раскокаю кого-нибудь, персоны-то ценные.

Я выбрала фигуру, рядом с которой чувствовала себя наиболее защищенной, от которой не веяло ужасом... Вы, наверное, удивитесь но ею оказалась Екатерина II. Придвинула топчан, села напротив. Вот так: царица стоит, а я сижу и рассказываю ей анекдоты про соседей по залу... Растолковываю, что такое телевидение ("это как бал при дворце, туда трудно попасть, но если попадаешь — сразу становишься знаменитым"), про современные дороги ("пить за рулем нельзя, а на проезжей части полно пробок"), про собственно руль, про повозки без лошадей...

— Ах, Ваше Величество, если бы вы смогли хотя бы подойти к окну...

Даже фотографии передают настроение и эмоции, трехмерная же копия человека излучает нечто большее, похожее на душу... Возможно, этому все же поспособствовал дух особняка.

Взгляд цеплял перстень на чуть вздернутой руке: изумруд в серебряной оправе. Похожий когда-то был у моей мамы. Откуда он появился в нашей семье — никто не знает, зато я хорошо помню, как мама, вот почти также, как и Екатерина Алексеевна, однажды взметнула руку и камень выпал в траву, искали — не нашли. Теперь даже не могу точно утверждать, был ли то изумруд — вряд ли...

Меня осовободили в восемь тридцать. Ничего особо сверхъестественного так и не произошло. Мистика началась несколько позже...

Кажется, я переоценила стойкость своей психики. Мой рассудок взболтанулся той ночью. Во-первых, не хватало ощущения жизни. Не своей, конечно, — екатерининской. Увидев человека вырванным из «контекста», захотелось этот «контекст» восстановить.

Оказалось, нет ничего проще. Ее слова доступны и сегодня. Екатерина Алексеевна первая из правителей оставила потомкам литературное наследие, в том числе личные дневники. Я прочла их. Потом пошла в Госархив и увидела их в подлиннике — страницы примерно двадцать на сорок сантиметров. Текст колонкой на половину листа, чтобы оставалось место для правки. И правка есть, почти профессиональная, со скобамигалочками в месте вставляемых фраз. Писано на французском, черными чернилами, размеренным почерком... Там же, в Госархиве, обнаружила письмо уже взятого под стражу Петра III с просьбой о помиловании и нервную, с ползущими вверх строками записку от Алексея Орлова о «болезни» супруга-императора.

Простые листочки, над которыми склонялись в раздумье вершители судеб человеческих.

Их рукава касались этой бумаги, их смятение, страх, торжество дрожью отдавались в пальцах. И, быть может, эта вот закорючка стала следствием внутренней ажитации в момент принятия важного решения.

Кажется, напряженность, соответствующая моменту написания документов, передалась и мне. С тех пор мое существование как бы раздвоилось во времени. Я рулила на работу, садилась за компьютер, заходила в магазины. Но... замечала, что проезжаю мимо здания, построенного по проекту Казакова, в поисковике запрашивала отличие алонжевого парика от «крыльев голубя» и пару-тройку полок в шкафу нагрозила справочниками по антиквариату, быту второй половины XVIII века и обмундированию русской армии того времени... В телепрограмме кружочками обводились все исторические документальные и художественные фильмы. Даже элементарная гигиеническая процедура умывания по утрам сопровождалась свербящей, хотя и по-женски наивной мыслью: как же им хватало кувшинчика с тазиком?

Я проштудировала воспоминания современников государыни: ее подруги княгини Дашковой, брильянтика Позье, агронома Болотова. Съездила в Питер, в Петропавловскую крепость, и добилась разрешения на коленках использовать недоступную для посетителей зону усыпальницы императоров (меня интересовали некоторые несоответствия в цифрах на гробнице Петра III, как выяснилось, со временем они были исправлены).

Прочла пьесы Екатерины Великой и сама начала писать... Получился детектив. Почему? Не знаю. Вы не найдете в нем ни одного вымышленного исторического события. К чему привирать там, где правда сама по себе кажется невероятной. Даже легшая в основу история про перстень с изумрудом отыскалась в Интернете, а я просто позволила ей обрасти художественными подробностями.

Или, например, лейб-садовник Ее Величества Андрей (Генрих) Эклебен. Творил во вверенном ему хозяйстве настоящие чудеса: выращивал в морозном Петербурге бананы и с одного зернышка пшеницы получал около полусотни колосков. Об этом стратегически важном для государства факте упоминал сам Михайло Ломоносов. К сожалению, о личной жизни талантливого ботаника практически ничего не известно, ее-то и пришлось домыслить. Поэтому я чуть изменила имя героя, вы найдете его в книге под фамилией Анклебер.

Свалившийся в Неву Калиостро, откопанный в питерском Центральном парке культуры и отдыха фундамент ротонды и даже фонтан воды, забивший в израильской пустыне Негев, — все было на самом деле.

И еще одно почти мистическое событие произошло с рукописью. Февраль 2006 года. Детектив был готов примерно на две трети, когда у меня сломался компьютер. В обычную мастерскую нести было нельзя — машину починят, но текст не сохранится. Я отдала агрегат своим старым знакомым — ребятам из технической службы той самой газеты, что отправила меня ночевать в компанию восковых знаменитостей. Уж они-то знают: самое ценное в наших ноутбуках — не железо, а информация.

Ребята каким-то чудодейственным способом на считанные секунды активировали жесткий диск, скачивали с него файлы, сколько успеют. После чего диску нужно было дать передышку на несколько часов. Так они шаманили две недели.

Поздно вечером в воскресенье мне позвонили и сообщили, что компьютер готов, а с текстов даже сделаны лишние копии, на всякий случай. И что завтра утром я могу все забрать.

— Можно сегодня?

— Но мы уже дома.

— Мы заедем за вами, отвезем и привезем... Правда, дорогой? — но муж посмотрел неодобрительно. Это была годовщина нашей свадьбы и вообще-то мы ехали в ресторан. Я сдалась.

На следующее утро, в трудный день понедельник, тринадцатого числа, я подъехала к редакции одновременно с пятьюдесятью пожарными расчетами. Офис сгорел. До тла. Обвалилось несколько этажей, мой ноутбук и жесткие диски с копиями даже не нашли...

Кое-что восстановила по отрывкам (какие-то куски распечатывала для правки, какие-то пересылала друзьям). Чуть меньше половины текста пришлось переписывать заново. Мне казалось, я помнила все почти дословно. И вдруг обнаружила, что сюжетная линия отклонилась. И, как водится, со стороны все стало выглядеть по-другому. Проявились новые идеи, высветились иные факты, обнаружились дополнительные совпадения. Возникла необходимость написать продолжение...

Так получилась диалогия "Крыжовенное варенье" и "Год нерожденного ребенка".

ЧАСТЬ 1. ПЕРЕПОЛОХ

Москва, февраль-март 2000 года

«Тьма, словно театральный декоратор, устраивает нам пространственно-визуальные фокусы. На сцене это называется эффектом черного задника. А на улице... на улице никак не называется. Или называется реальным ужасом. Подворотня вдруг превращается в таинственную пещеру. Грязная лужа раздается до размеров бездонного омута. Оступишься — сгинешь...» — Ольга Лобенко семенила ножками по обледеневшему тротуару и пыталась на ходу сочинить «умняшку».

Так она называла рожденный в голове экспромт, красивое иносказательное выражение. На подобные творчески-мозговые атаки девушка шла всякий раз, когда хотела избавить психику от чего-то вредного: уныния, злобы, зависти...

В данный момент психике госпожи Лобенко угрожал панический страх. Чья-то внушительная тень тащилась параллельно: не сворачивала, не обгоняла, не отставала. Повернуть голову и выяснить, кто это, девушка боялась, потому что твердо знала: «Нервозное поведение жертвы провоцирует маньяка на насильственные действия», эту заповедь Лобенко вынесла в своей крашеной блондинистой головке прямо из стен институтского кружка по самообороне.

«Интересно, он ограничится изнасилованием или все-таки убьет меня? И если убьет, как скоро мой захламленный трупик найдут под кустиком? Наверное, только под утро. А опознают вообще через неделю. В предстоящие выходные про меня никто не вспомнит. Потом всполошатся: «Ах, она не вышла на работу!» Немного подождут, начнут обзванивать общих знакомых... Стоп! У меня ж с собой служебное удостоверение, — это меняет дело», — мысли неслись, как перепуганные куры, без оглядки и в разные стороны.

«Бом-бом», — стучало в голове. «Шлеп-шлеп», — вторили разбухшие ботинки.

«Завтра же о моем убийстве сообщат в Останкино. При входе в телецентр повесят портрет с черной ленточкой в правом нижнем углу. Или левом? Интересно, это принципиально, в какой угол вешать траурную ленту? Лично мне без разницы. Зато не все равно, что за снимок они возьмут. Уж лучше бы попросили фотографию у Верочки, гримера. Мы с ней как-то в выходной гуляли по ВВЦ, а перед этим она меня с таким старанием нарисовала. Чудные фотки получились, жизнерадостные. И стрижка у меня тогда была удачная...»

— Не могу! Не могу больше за тобой поспевать! — Заговорившая «тень» схватилась за левый бок. — Сейчас сердце выпрыгнет из груди, а то и откуда-нибудь пониже, из пятки... — И добавила: — Дочка, давай держаться вместе, пока по пути.

Только тут страх отпустил Ольгу: голос был женский и явно не молодой. Как же она сразу не заметила, плечи-то у «внушительного» силуэта — бабские, покатые, сглаженные цветастым павловопосадским платком. Ольга впервые видела столь высокую и крупную старушку. Когда проходили под фонарем, нарочно заглянула в лицо попутчице, проверить, не ошиблась ли с возрастом. Вдоль лба и по контуру щек — глубокие морщины, под глазами — потемневшие припухлости, следы долгой, вдумчивой жизни. Да, ей никак не меньше шестидесяти пяти!

Звали бабулю, как выяснилось уже через двадцать три секунды, Светланой Артемьевной.

По пути Светлане Артемьевне и Ольге было идти минут десять, их дома стояли друи напротив друга в одном просторном дворе. И хотя бабушка превосходила девушку по габаритам, Ольга, из уважения к почтенному возрасту, все же предложила поменяться ношами. Светлана Артемьевна с Ольгиным пакетом в руках стала передвигаться заметно живее. А Ольга с нагруженной сумкой-тележкой едва тащилась. К тому же на очередной кочке сумка нервно подпрыгнула, от нее отделилось левое колесо и укатило в неизвестном направлении. Лобенко сконфузилась. И попыталась в срочном порядке разрядить обстановку:

— Светлана Артемьевна, вы только не волнуйтесь! У меня есть сумка, вот прямо точно такая же, на колесах. Честно! — Для убедительности Ольга даже топнула ножкой и попыталась заглянуть бабушке в глаза, чтобы понять, шибко та расстроилась или не очень. Вроде бы не шибко. — Дома стоит. Я ею совсем не пользуюсь. Хотите, подарю?

— Ох, дела! — старушка подоткнула кончик шали возле ворота. — Просто так не возьму. Хм! Ну, разве что отблагодарить тебя как? Дать что-нибудь взамен... Хочешь кувшин фарфоровый? Или статуэтку, балерину на одной ноге?

Девушка была озадачена. К чему ей лишние вещи, а отказаться вроде как и неудобно...

— Не ломайте голову, Светлана Артемьевна. Я же говорю, сумкой совсем не пользуюсь, только место на балконе занимает. Вы мне еще и одолжение сделаете, если заберете.

— И все-таки я придумала, как тебя отблагодарить. Отведаеть моих пирожков! Я их отменно стряпаю. Договорились? — женщина взглянула на спутницу, слегка наклонив голову вперед. Тень от выступающих бровей легла на впадины глаз, сделав их еще более глубокими и даже несколько грозными. Попробуй тут отказаться!

Х Х Х Х Х

На следующий день Ольга направлялась к дому Светланы Артемьевны, волоча за собой свеженачищенную «авоську» на крепких колесах.

Жилище недавней попутчицы оказалось нетипичным для людей ее возраста. В комнате минимум мебели: могучий шкаф-купе, изящный диван-трансформер да миниатюрный журнальный столик со стеклянной сердцевиной, на нем радиотелефон и фарфоровая статуэтка — балерина на одной ноге (видимо, та самая, которую старушка в знак благодарности пыталась сбавить Ольге).

Кухня встроенная. На пестрой столешнице красовались микроволновая печь, кухонный комбайн и электрочайник. Но чего уж Ольга совсем не ожидала увидеть, так это аккуратненький серенький компьютер в уголочке. Светлана Артемьевна, укутанная в белую пуховую шаль, выглядела среди столь современной обстановки весьма архаично.

— Я снимаю это помещение, — бабуля почувствовала немое изумление гостыи. — Конечно, у меня имеется и своя, двухкомнатная, квартира, но я ее внуку оставила. Он вначале сам на съемной обитал, но потом Люба, его жена, забеременела. Сделали УЗИ. Оказалось, двойня! Я подумала, куда им с двумя малышами на съемную, да и однокомнатной маловато будет... Я же привыкла по чужим углам ошиваться — муж, царство ему небесное, военный был...

Ольга хотела было высказать все, что она думает по поводу внука, уславшего родимую бабулю из собственного дома куда подальше. Но промолчала. Негоже, почитай, прямо с порога в чужую жизнь нос совать. Потому и перевела разговор на иную тему:

— Уже стали сдаваться квартиры с компьютером?

— Нет, это мой агрегат, — и в голосе хозяйки послышались явные признаки

гордости. — Я его в основном из-за Интернета держу, лучше любой библиотеки...

Рослая бабуля запросто дотянулась до верхней полки навесного шкафчика и достала оттуда две белые волнистые фарфоровые чашечки с золотой каймой.

Светлана Артемьевна действительно хорошо стряпала. То, что она вчера назвала пирожками, на самом деле оказалось полновесными кулебяками, с рыбой, грибами и мясом. В качестве сладкого на столе присутствовали слойки с начинкой из яблок, орехов и изюма; законсервированные вишенки с терпким привкусом гвоздики, вываленные в сухарях и обжаренные; а также песочное печенье с сердцевинкой из красносмородинового желе.

Сколько Ольга Лобенко поглотила этого великолепия, и сама не помнит, сколько времени прошло — тоже. Потому как у бабульки, помимо кулинарного, присутствовал еще и дар красноречия.

А началось повествование с неприметной бумажки, обнаруженной в кармане приволоченной Ольгой сумки. Маленький клочочек с фамилией, именем, номером телефона и рыжим пятном. Кто такой, откуда, зачем давал свои координаты? Девушка ничего не помнила. Хотела было выбросить записку, но старушка не дала.

— Твой почерк?

— Угу!

— Раз записывала, стало быть, нужно. Одно дело, когда кто-то сам тебе визитку или координаты подсовывает, совсем другое, когда ты не ленишься за перо взяться, — значит, нужный человек. И еще вспомнишь о нем, возможно, в самый важный и ответственный момент. Зачем же выбрасывать?

Девушка с удивлением посмотрела на гостеприимную хозяйку. Стоило из-за какой-то записки такой гвалт поднимать? Но женщина не успокаивалась:

— Вот нынче не принято, а раньше целые домашние архивы собирали. Много интересного потом из этих архивов можно было узнать... И часто случалось, что писанная впопыхах бумажка становилась важнейшим документом.

Светлана Артемьевна пустилась в неспешное повествование. Она говорила негромко, вытянувшись в Ольгину сторону и постоянно озираясь, будто сплетничала о соседях:

— Павлуше шел восьмой годик, когда умер его отец. Но даже в этом нежном возрасте мальчик понял: кое-кто считает, будто папаня отправился на тот свет не по своей воле. Законная супруга и родная Павлушина матушка якобы тому поспособствовала. Ох, дела! — Светлана Артемьевна принахмурилась, мотнула головой, мол, «что на свете творится!». — О том, что мать невиновна, он узнал только через тридцать четыре года. После ее смерти. Кстати! Перебирал бумаги покойницы и обнаружил записку, в которой женщину извещали о гибели мужа в стихийной пьяной драке. Ну, в стихийности драки можно было и усомниться, но уже одно то, что матушка при сей заварушке не присутствовала и узнала о факте только после его свершения, облегчило Пашину душу.

Зазвонил телефон. Ольга так прониклась рассказом старушки, что в благозвучной полифонической трели ей померещилась нотка тревожности. А Светлана Артемьевна поначалу от звонка равнодушно отмахнулась: «Будь что-то важное, на автоответчик наговорят». Но едва звонивший представился: «Цветков беспокоит», бросилась в комнату, к аппарату. Схватив трубку, сделала несколько глубоких вдохов и затем уже говорила совершенно спокойно, хотя и несколько спешно.

— Да, получилось... У меня. Именно так... Да, ну, я же великая болтушка. Узнаю — перезвоню... Я бы вам, дорогой Алексей Степанович, настоятельно порекомендовала в

«Спортлото» сыграть. С вашей интуицией — озолотитесь! Нет, не шучу... До свидания!

Бабуля мягко положила трубку в гнездо базы и вернулась к госте:

— Ох, дела! Это мой... знакомый звонил, — зарделась, словно младая барышня. — Так на чем мы остановились?

— На том, что Павел разбирал бумаги умершей матери... Светлана Артемьевна, у вас волосы растрепались.

— Спешила, бежала, думала, не успею, повесит трубку, знакомый-то. — Она вытащила шпильки, зажала их в зубах, размотала пучок, пригладила пальцами длинные черные волосы (седина закрашена до самых корней), с быстротой фокусника совершила некую круговую манипуляцию, и прическа снова готова: спереди ровный прямой пробор, на затылке — тугой узел. Поправила пуховый платок на плечах и продолжила: — Так вот. Там был дневник. Ты сама никогда не пробовала вести записи? — вопрос был как бы риторическим. Бабуля и не предполагала дожидаться ответа. — Для мужчин дневник — организатор жизни. Когда мысли перестают помещаться в голове, они их записывают, чтобы не забыть. Сильный пол немногословен и, как правило, ограничивается скупой отметкой о происшедшем, так сказать, констатацией факта: «Заходил Семен Иванович, просил миллион долларов, обещал вернуть с первой полочки». Для женщин же дневник — что-то вроде подружки-подушки. Дамы сливают туда все свои слезы, сердечные секреты и интимные подробности, все то, о чем не хотелось бы говорить вслух. При этом, втайне от самой себя, каждая надеется, что ее записи когда-нибудь, «совершенно случайно», попадут в чужие руки и будут прочитаны, а может быть («О счастье!»), даже опубликованы.

Бумаги с воспоминаниями, которые попали в руки Павла, не были исключением, они тоже оказались хранилищем сердечных обид.

«Счастье не так слепо, как обыкновенно думают. Часто оно есть не что иное, как следствие верных и твердых мер», — с этих строк женщина начала свое повествование.

Мать Павла лепила свое счастье осознанно. Она много читала и пыталась отыскать ответы на философские вопросы: что первично — любовь или долг; способны ли мирно ужиться в одной душе покорность и гордыня; может ли правда быть абсолютной?

Отец же о подобных «пустяках» не задумывался вовсе. Свое «счастье» он впервые нашел в десятилетнем возрасте — на дне бутылки. Да так с ним и не расставался. Юноша женился в семнадцать лет (невесте было и того меньше, всего шестнадцать), но семейная жизнь не заладилась, потому что она (семейная жизнь) его не интересовала. Зато с большим увлечением он играл в солдатиков. У него была целая армия деревянных, свинцовых, восковых, слепленных из крахмала рядовых и офицерских чинов. По праздникам он «заставлял» их «палить» из орудий и ежедневно менял часовых на посту.

Как-то к картонному бастиону пробралась крыса и отгрызла голову часовому. «Главнокомандующий» приказал учинить над грызуном показную расправу. Крысу поймали, выпороли и повесили прямо посередине комнаты, на маленькой игрушечной виселице, «на глазах» у игрушечного полка. Тело «преступницы» должно было болтаться в петле три дня — «для внушительного примера». Когда супруга застала благоверного за сим живоделством, не смогла сдержать эмоций. Но увидев, что мужа ее реакция только разозлила, тут же ретировалась:

— Как женщина, я ничего не смыслю в военных законах.

Зато она многое смыслила в психологии. Муж к ней холоден? Она раздобыла военный мундир, переделалась в солдата и встала навтыжку перед дверью в спальню. Надо ли

объяснять, что форма военная весьма соблазнительно подчеркнула ее естественные, дамские, формы...

— Бедный Павел! Наверное, когда он прочел записки матери, ему стало жаль женщину. — Ольга слушала свою собеседницу внимательно и на какое-то время даже позабыла, что бабуля ведет речь отнюдь не о собственной знакомой и даже не об их современнице.

— Ох, дела! Что ты, Оленька! Конечно, любой другой человек ей посочувствовал бы. Любой, даже абсолютно чужой, но не Павел. Во-первых, он с детства был воспитан как будущий император. Командовать, управлять, подчинять — вот чему его учили. Во-вторых, хотя мать и оказалась непричастной непосредственно к гибели супруга, зато хапнула власть в свои руки. А ведь российская корона могла оказаться на голове Павлуши если не тридцать четыре года назад, то хотя бы двадцатью пятью годами ранее, когда он достиг совершеннолетия...

Так что дневник не только не вызвал чувства сострадания у наследника, он привел его в бешенство. Собственноручные записки матушки подтверждали самые скандальные сплетни русского двора: Екатерины Великая не была верна своему мужу с первых лет их совместной жизни. Соответственно, ставилась под сомнение причастность Павла к правящей династии. Какой позор! Дневник было приказано запереть и никому не показывать... Только почти через шестьдесят лет, в 1859 году, «Записки императрицы Екатерины II» были обнаружены.

Вот так, дорогая Оленька! А ты говоришь: «старая бумажка». Вчерашний день — уже история. А у истории бывают свои тайны...

Девушка послушно сунула листок с телефоном и фамилией в карман.

— Светлана Артемьевна, откуда же вы так много узнали о Екатерине?

Старушка провела пятерней по гладким, словно отшлифованным гагатам, волосам.

— Ох, дела! Разве я не говорила, что до пенсии в школе историю преподавала? Екатерина всегда была моей излюбленной темой.

— То, что вы мне сейчас рассказали, в школьную программу не входит...

— И не надо. В программе на нее отводилось два часа, а я тратила восемь да еще для желающих факультатив вела. — Светлана Артемьевна потянулась к кнопке электрочайника, тот успел остыть за разговорами. А Ольга подумала: «Наверное, неприлично так долго засиживаться у человека, с которым только вчера познакомилась...»

Х Х Х Х Х

— В эфире «Волшебный ларец»! Встречайте — первая тройка игроков: Виктор Соловьев! Нижний... Еськина мать!!! — Ведущий шоу Александр Вуд задел ботинком за стеклянный квадрат и едва не растянулся на сверкающем полу. Пошатнувшись, он опрокинул столик, с которого одна за другой повалились наземь коробки с призами.

Это на экранах телевизоров кажется, что под ногами в студии лежит дорогуший кафель, на самом деле все гораздо проще: пол устилается тканью, а сверху покрывается стеклом, — и дешево, и вариантов масса. Сегодня «кафель» зеленый, завтра — малиновый, послезавтра на нем появляется логотип рекламодателя. Рекламодатель не проплатил вовремя? В считанные секунды логотип из-под стекла исчезает.

— Оля! Неужели нельзя уложить квадраты плотнее?! Оля, ты в студии? — Софиты светили прямо в глаза, ведущий щурился и не мог разглядеть даже ближайшие ряды зрителей, не говоря уже о «задворках», на которых обычно ютится персонал. Вместо

девушки на подмогу прибежал представитель спонсора — предприятия по производству упаковки, Генрих Ильич Гридасов, вернул на место стол, водрузил на него свои фирменные коробки.

— Лобенко, тебя шеф кличет! — толкнула в бок задумавшуюся о чем-то девушку гример Верочка.

Ольга поспешно вылетела в центр, к барабану, встала на четвереньки и, смешно задрав ту часть туловища, которую принято называть «пятой точкой», стала передвигать квадраты. «Что ж, у каждого свои вершины», — придумала она на ходу очередную «умняшку», потому как считала, что суета и чувство неловкости — ощущения также весьма нежелательные для психики. Вообще-то, процедура укладки пола в ее обязанности администратора не входила, но спорить с шефом при полной аудитории было бы неэтично. Да и, в конце концов, постановщики в студии — ее подчиненные, значит, и недосмотр — ее. Единственное, девушка боялась, что первый объявленный игрок сейчас появится из-за ширмы и увидит Лобенко в, мягко говоря, весьма не эстетичной позе.

«А может, это вовсе не Нижний Тагил? Мало ли в России населенных пунктов, начинающихся со слова «Нижний»: Нижний Новгород, Нижний Ингаш, Нижний Ломов и даже Нижний Цасучей... — Ольга зазубрила этот перечень еще в студенческие годы, когда бегала на переговорный пункт звонить родителям в этот самый Нижний Тагил. Рядом с телефоном-автоматом висел список городов с кодами. Все необходимые цифры девушка, естественно, знала наизусть, но все равно было приятно лишний раз посмотреть на привычное с детства словосочетание. Само собой получалось, что, пока шли гудки, взгляд блуждал по соседним строчкам. — Интересно, а сколько в Тагиле Соловьевых и сколько среди этих Соловьевых Викторов?»

Х Х Х Х Х

...Стекло на экране компьютера вспыхнуло голубым.

Тум! — раздалось в ночной тишине, машина начала загружаться.

— Х-х-а-а-ррр! М-м-м-м! Хра-хра... — Виктор только на секунду перестал выдавать ночные рулады, перевернулся на другой бок и снова погрузился в сон.

Это раньше Екатерина II, да и многие наши прапрабабушки доверяли свои чувства и мысли бумаге, скрипели пером по шершавому листочку, желтоватому от падающего на него свечного отблеска. Нынешней молодежи «подушкой-подружкой» стал железный мыслящий агрегат. Проницательная старушка Светлана Артемьевна попала в точку — Ольга тоже входила в число романтиков, «сливавших все свои слезы» в дневник.

Девушка открыла окошко текста и застучала по клавиатуре:

«28 февраля 2000 года

Боже, как долго я этого ждала. А когда перестала надеяться на то, что это свершится, это наконец-то произошло».

— Фу!

Курсор пробежал по абзацу с левого верхнего угла в правый нижний, у текста появился черный фон. Ольга зло стукнула пальцем по клавише «delete». Слова исчезли. Новая запись:

«Моя первая и, как долго казалось, безответная любовь закончилась постелью. Хотя, собственно, любви уже, наверное, и нет. Это в школьные годы она была. Когда, надев свое самое шикарное платье, часами дефилировала под его окнами: «Пусть видит, какая я на самом деле красивая!» Однажды мне даже сон приснился. Он выходит, берет меня за руку и говорит: «Ты мне всегда нравилась, очень-очень. Только я раньше об этом не догадывался.»

Прости!» А девчонки в стороне стоят с раскрытыми от зависти ртами... Какие до глупости романтические ожидания!»

Снова голубоватый фон и «delete». Снова пальцы застучали по клавишам:

«Вот он, загадочный год с тремя нулями. Только начался, а уже полон сюрпризов.

Странный год, второе тысячелетие вроде бы позади, а третье еще не наступило.

Сегодня среди участников на программе был Витька Соловьев. Отличник и умница, самый красивый мальчишка в классе. Все девчонки по нему сохли. И я не исключение.

Он меня, конечно, не узнал. Ведь за одиннадцать лет, прошедших после школы, я не только повзрослела, но и превратилась из брюнетки в блондинку, нацепила на нос очки и остригла косу. Я сама к нему подошла после съемок. Предложила посидеть, поболтать в местной кафешке. Он вначале никак не мог привыкнуть, что я — это я, даже на «вы» меня называл.

Рассказал, что окончил педагогический, преподает детишкам природоведение в нашей бывшей средней школе. Живет с родителями в двухкомнатной квартире.

В общем-то, бывший дамский сердцеед и нынешний любитель васильков да лютиков, Виктор Соловьев оказался заурядным ботаником. Простофилей. Ни разговор поддержать не может, ни девушку как следует соблазнить.

В кафешке все время зыркал по сторонам. Глаза вспыхивали, когда натыкались на знаменитых телеведущих. Таким же огненным взором он одаривал и меня.

После первых двух бокалов «Мортеля» я предложила выпить «на брудершафт», после чего, как положено, чмокнуться и называть друг друга на «ты», словно в старые добрые времена. И Соловьев предложение принял, заметно раскрепостился, в дополнение к ритуалу даже положил руку на мое плечо.

На «вы» он снова перешел чуть позже, когда решил расплатиться за коньяк и увидел счет. Но я соврала, что для сотрудников телецентра здесь скидка, взяла счет и пошла с ним к стойке бара. Конечно же, он не заметил, какие купюры я доставала из кошелька.

Он брал меня за руку, краснел и мямлил нечто про то, что он мне не пара, что я «столичная штучка» и «почти телезвезда»... Мы сделали десять кругов вокруг Останкинского пруда. А когда я окончательно замерзла, то сама предложила ему: «Поедем ко мне?»

Я не чувствовала, что навязываюсь. Наоборот, в его глазах читалось такое обожание, что отправить Виктора в гостиницу одного было бы верхом садизма.

Он целовался со мной неумело, как пацан. В десятом классе, когда я застучала их с Танькой в раздевалке, у него были куда более ловкие движения. Нельзя сказать, чтобы я получила большой кайф, но определенное чувство удовлетворения, безусловно, есть. Что ж, теперь из моего выпускного плана (я написала его 1 сентября в десятом классе) остался невыполненным только один пункт:

*Стать знаменитой.

Признаться, с выполнением первого пункта, «Закрутить роман с В.С.», я изрядно затянула, пришлось ждать одиннадцать лет, да и романом то, что произошло накануне, назвать можно с бо-ольшой натяжкой. Что ж, судя по темпам, второй пункт я не выполню никогда... И вообще, главные ценности в моей жизни давным-давно поменялись. Я уже отнюдь не наивная десятиклассница...

Да, кстати, Соловьев-то в «Волшебный ларец» проиграл. Засыпался уже на третьем вопросе. Ему достались лишь утешительные призы: фирменные майка, кепка с эмблемой

передачи. Ну и я, разумеется, тоже».

Х Х Х Х Х

Подходя к подъезду, Ольга по привычке сунула руку в карман. Ключей не было. Уходя утром на работу, она оставила их Виктору. Гостиница у него была оплачена только до двенадцати дня, а поезд уходил в шесть вечера, вот девушка и предложила переждать у нее дома. Ключи Виктор должен был отдать соседке Матильде.

Возле подъезда стояла милицейская «семерка». На скамеечке около двери, как всегда, сидел местный алкоголик Лаврон. Было это настоящее его имя или кличка, Ольга не знала. Как не знала и номера квартиры, в которой он живет. Но Лаврон был непременным атрибутом подъезда. Казалось, он даже спит на лавочке. Во сколько бы ни уходила Лобенко на работу, во сколько бы ни возвращалась домой, мужичок всегда был «на посту».

Прошлой весной Ольга взяла двухнедельный отпуск и укатила в Египет. Вернулась вся шоколадная, такси привезло ее из аэропорта в шесть тридцать утра. Она выходит из машины, а на лавочке — Лаврон, в два раза чернее ее... Ольга ему даже позавидовала: никаких проблем у человека, с утра до вечера балдеет под сорокаградусную, свежим воздухом дышит да на солнышке нежится, не жизнь — сплошной курорт. «Нервная система у него должна быть прочнее альпинистского троса», — схомила она тогда. Но сейчас вид у подъездного «сторожа» был, мягко говоря, какой-то затравленный. Он сидел нахохлившись, вязаная шапочка набекрень, старая шинель нараспашку, одна полосатая варежка была надета на правую руку, другая валялась под скамьей.

— Прикинь, соседка, в нашем тихом омуте черти завелись! Обра... огра-а-бление! — слова Лаврону давались с трудом. — Менты меня добра... допрашивали: кто вхо-о-одил, кто выхо-о-одил, — подъездный «сторож» приподнял в руке бутылку «Русской», — вот стресс сни-и-имаю.

— И в какой квартире ограбление? — Ольга подняла его варежку, положила на сиденье.

— Однобомбатую, на чебвертром... на че-е-твертом...

Ольга не дослушала мужичка, метнулась в подъезд. Видимо, местный алкаш тоже знал девушку только в лицо и не ведал, в какой квартире она живет (обычная ситуация для многоэтажки), иначе сказал бы не «на четвертом», а «на твоём» этаже. Более того, ограбили именно Ольгину квартиру. Точнее, квартиру, которую Ольга снимала. Хозяев уже успели вызвать. Они, вместе с председателем жилищного кооператива и старшей по подъезду, стояли в коридоре и внимали рассказу соседки Матильды.

— Вернулась я из супермаркета, а дверь-то открыта! Думала, Ольга пришла. Но потом вспомнила, у нее и ключей-то нет, — соседка верещала тонюсеньким голоском, тут она заметила подошедшую Ольгу. — Слушай, у тебя там просто вавилонские Содом с Гоморрой!

— Пройдемте в комнату! — кивнула Лобенко вынырнувшая из-за двери голова в фуражке.

Ольга прошла.

— Капитан Отводов, — представился другой мужчина, в штатском, долговязый паренек с взлохмаченными темными кудряшками на макушке и какими-то необыкновенно глубокими голубыми глазами. — Я буду вести ваше дело. Посмотрите, пожалуйста, что пропало?

Легко сказать: «посмотрите». Ни одной вещи не было на своем месте. Все дверцы

раскрыты, все ящики выпотрошены. На полу вперемешку валялись белье, косметика, бумаги... В том числе и фотографии, которые девушка сделала однажды, ради эксперимента. Ольга была изображена на них то в пикантном кружевном бюстье, то нагая, прикрывшаяся полупрозрачным шифоновым платком. Вычитала в каком-то журнале, что, созерцая собственное обнаженное тело со стороны, можно избавиться от комплекса неполноценности. Разумеется, фото она никому не показывала, хранила фотографии в коробке из-под обуви, в самом темном углу шкафа. И вот теперь их увидели все: и неизвестный грабитель, и соседка, и хозяйка квартиры, и блюстители порядка.

— Начните с самого ценного, — подсказал растерявшейся девушке следователь. — Деньги в квартире были?

— Нет. Денег не было.

— Документы?

Ольга вытащила из-под ножки кресла помятый диплом о высшем образовании:

— Вот. Загранпаспорт в ОВИРе, а российский и служебное удостоверение я унесла с собой, они в сумочке. Шкатулка с украшениями? — Ольга усиленно завертела головой по сторонам, нагнулась, проверяя под столом, креслом и диваном, как будто грабитель, вместо того чтобы прихватить с собой, мог ее туда забросить... — Кажется, шкатулки нет. Такой маленькой, коричневой: мореное дерево, а на крышке — цветочки из соломки, на тумбочке стояла...

— Та-ак! Давайте составлять протокол, — следователь похлопал себя по груди, ощупывая карманы. — Аркаша, у тебя есть чем записать?

Напарник в форме услужливо предложил прозрачную ручку с изгрызенным синим колпачком. Отводов подробно зафиксировал все, что было перечислено, а именно, содержимое шкатулки: позолоченные сережки и кулон с горным хрусталем, латунный браслет со вставками из чешского стекла, медный крестик, клипсы со стразами, ожерелье и серьги из гранатовой крошки, серебряное колечко с аквамаринном...

— Потерпевшая, скажите, эти вещи были вам дороги?

Обращение резануло тонкий слух девушки. «Потерпевшая» — это когда что-то приходится терпеть, пытку, например. Любенко же была, скорее, «опустевшей», нет, снова не то, — «опустошенной».

«Дороги ли мне эти вещи? Что за дурацкий вопрос? Разве это меняет суть дела? Меня ограбили, и не важно, что унесли. Важно, что они вторглись в мое жилище и вели себя здесь как хозяйка. Разве не так?!» — но это она только подумала, а вслух сказала:

— В общем-то, да, дороги, но не из-за цены. Крестик был тот, которым еще в детстве крестили. Комплект с горным хрусталем и колечко с аквамаринном достались от мамы. Она уже на пенсии, ей их некуда надевать. Но стоят они не много, в трудные времена даже в ломбард заложить не могла. Остальное — вообще копеечная бижутерия.

— Судя по всему, вор искал что-то определенное. Возможно, преступление совершил кто-то из знакомых, дверь взломана не была...

— Может, Виктор забыл закрыть? — Ольга покраснела. — Понимаете, у меня сегодня приятель ночевал...

— Да знаем мы про вашего приятеля! — он залез пятерней в кудряшки на макушке. — Соседка рассказала. Но та утверждает, что парень вроде как закрывал дверь у нее на глазах и сразу после этого отдал ключи. — Отводов встал, прошелся вдоль комнаты, заглядывая в приоткрытые дверцы, будто что-то там выискивая. — Впрочем, он мог сделать дубликат...

Кто такой этот Виктор?

X X X X X

«1 марта 2000 года

После шмона в квартире прибиралась всю ночь. Не могла избавиться от ощущения, что вокруг какая-то грязь. Будто все вещи перемазаны чем-то липким и пахнет от них грабителями-бомжами. Хотя почему, собственно, ко мне в квартиру должны были проникнуть именно бомжи? Они бы тогда не только шкатулку, но и вещи унесли, и холодильник бы опустошили...

Утром позвонила на работу, выпросила отгул и завалилась спать. Проснулась после двух, сбегала в милицию, забрала заявление. Кажется, все этому только обрадовались. Менты — потому что с них сняли очередной «висяк». Матильда — потому что не придется отвечать на дурацкие вопросы следователя: «Куда вы положили ключи, уходя в магазин? Как часто Ольга оставляла их вам? Кому рассказывали о том, что Лобенко работает на телевидении?» А хозяевам квартиры теперь не нужно отыскивать предыдущих жильцов. По их словам, это были настолько внушающие доверие люди, что им в голову не пришло сменить замок, когда те съехали. По интонации было понятно, что я такого доверия не внушаю. Ну конечно, как можно доверять человеку, который фотографирует себя обнаженным?!

Но больше всех закрытие дела устраивало меня саму. Потому что следователь собирался связываться с нижнетагильскими коллегами, чтобы заполучить допрос Виктора Соловьева. Вот это было бы совсем некстати. История романтической ночи с бывшим одноклассником стала бы достоянием всего города. Родители сгорели бы со стыда...»

Ольга записывала эти строки в свой компьютерный дневник, когда в дверь позвонили. Она никого не ждала и никого не хотела видеть. После вчерашнего публичного разглядывания ее сугубо личных вещей и ответов на вопросы о сугубо личной жизни девушка мечтала лишь об одном: укутаться в теплый плед и так просидеть до ночи. Играть в «умняшки» упорно не получалось. Мозги от потуги нагревались, и мысли, как проволока из титано-никелевого сплава, возвращались в исходное состояние.

Девушка пробовала сосредоточиться на телевизоре, понажимала на кнопки. На одном канале шла передача о наслаждениях и их наркотическом воздействии на человека — тема, в данный момент совершенно недоступная Ольгиному пониманию. На другом показывали сериал. На третьем — репортаж с вечеринки, устроенной партией «Русское поле» по случаю очередной годовщины своего образования. Вечеринка проходила в подмосковном гольф-клубе. Подвыпившие гости, среди которых было много знаменитостей, размахивая клюшками, гоняли по холмам белый шарик. В толпе мелькали и лично знакомые Лобенко лица: председатель партии Анатолий Георгиевич Кокошкин (участвовал как-то в передаче, которую готовила Ольга), ведущий «Волшебного ларца» Саша Вуд, представитель спонсора Генрих Ильич Гридасов... Девушка снова вспомнила о работе, о Соловьеве и о том, что рано или поздно ей придется прийти в Останкино и что-то рассказать коллективу о происшедшем ЧП. Она выключила телевизор.

Оставался дневник. В конце концов, если раздумья из головы сами не уходят, надо их принудительно переселить в память компьютера.

X X X X X

И вот уединение Ольги кто-то пытался нарушить. В дверь звонили настойчиво, протяжно, будто знали наверняка, что она дома. Девушка на цыпочках подкралась к входной

двери и посмотрела в глазок. Там стояла Светлана Артемьевна и держала в руках баночку с чем-то зеленым. Ольга открыла.

— Я все знаю, — заявила старушка — и, не дождавшись приглашения, переступила порог. — Вчера из окна видела, как ты возвращалась домой, как разговаривала с мужичком на лавочке и спрашивала у него что-то, кивая головой на милицейскую машину. — Она сунула банку Ольге в руки. — Это варенье, «королевское» крыжовенное. Попьем чайку?

Такой напор со стороны старушки был совершенно неожиданным, и хрупкой Лобенко оказалось трудно противостоять ее натиску. Ольга попыталась было открыть рот, и заветные слова «Извините, я сейчас занята» готовы были соскочить с губ, но Светлана Артемьевна уже скинула с головы цветастый павловопосадский платок и начала снимать туфли. Видя, как нелегко бабушке далась процедура наклона к собственным ступням, Лобенко горестно вздохнула, достала из калошницы тапочки и пробурчала:

— У-угу... — И они вместе проследовали на кухню.

В чужой квартире устроить порядок на свой вкус всегда сложно. Особенно, если хозяева сгружают туда всяческое старье, не заботясь о том, чтобы комод гармонировал с тумбой, а занавески — с покрывалом.

Ольга, пытаясь навести хоть какую-то гармонию на неродной кухне, руководствовалась тремя правилами. Первое: заменить все, что недорого, но бросается в глаза, а именно, текстиль и посуду на каждый день; второе: убранство должно быть ярким, отвлекающим от замусоленных углов да обшарпанного линолеума; третье: все неприглядное, что можно прикрыть, нужно прикрыть. Посему «резиденция» новой хозяйки была выдержана в зелено-красных тонах, — попугайские цвета. Зато взор приковывают намертво.

На травяную скатерть легли алые салфетки. Сверху были выставлены оранжевые кружки. Вместо вазочек под варенье пошли блюда...

— Ох, дела! По тому, как ты, Оленька, вчера опрометью кинулась в подъезд, я сразу поняла: что-то случилось, — не унималась непрощеная гостья. — Позже спустилась во двор, у вышедшего из подъезда милиционера узнала номер ограбленной квартиры. Ну а уж сверить этот адрес с адресом, по которому зарегистрирован твой телефон, труда не составило.

Светлана Артемьевна, вы — шпионка? — попыталась пошутить Ольга.

— Тю! А то ты не знаешь, что в наше время вся московская база в Интернете имеется! Конечно, на ночь беспокоить тебя не стала, да и утром, на всякий случай, тоже. Понимаю, тебе было не до гостей...

Ольга хотела было возразить, мол, ей и сейчас никого видеть не хочется. Но пока собиралась с духом произнести эту фразу, бабуля снова затараторила:

— Извини, что явилась без предварительного звонка. Боялась, что ты найдешь предлог, чтобы мне отказать. Вижу ведь, ты вся как Гаргамелла, объевшаяся требухой. Если бы не я, сидела бы и переваривала вчерашнее. Попыталась бы родить ответ на вопрос, кто побывал в квартире. И обязательно придумала бы, за что себя повинить... Или уже придумала? Ну-ка, ну-ка, что глаза отводишь? Ох, дела!

Старушка пригнулась, чтобы заглянуть в лицо собеседнице. Тут-то Ольга и не выдержала, рассказала Светлане Артемьевне все-все, что смешалось в ее маленькой блондинистой головке: и про Виктора, и про то, что двенадцать лет его не видела и, соответственно, не может гарантировать, что он остался порядочным человеком. Поведала и про эротические фотографии на полу, и про то, что хозяева квартиры после вчерашнего происшествия намекнули ей, будто через пару недель им понадобится эта жилплощадь.

Бабуля внимательно выслушала, но вместо слов ободрения и утешения задала странный, как показалось Ольге, вопрос:

— Эти украшения, которые пропали, у мамы откуда?

Ольга решила все же ответить:

— Комплект мать сама купила, с премии. Она на одном предприятии больше двадцати лет проработала. Ее наградили медалью «Ветеран труда» и двойную зарплату выписали. Хватило не только на сережки с кулоном, но и мне на выпускное платье. А колечко с аквамаринном ей досталось от бабушки. Та работала врачом. И однажды спасла умирающую девочку, мать девчухи ее перстнем как бы отблагодарила. Бабушка показывала мне его в детстве и приговаривала: «Вырастешь, артисткой станешь. Будешь играть царицу, а на палец наденешь этот перстень». — Ольга вздохнула. — Не сбылись ее предсказания.

Чайник тем временем вскипел. Белый в красное яблоко заварочник был залит до краев. Гостя также не сидела без дела. Ложкой выкладывала изумрудное содержимое баночки в посуду.

— Ох, дела! Так перстенок этот, говоришь, был простенький, с аквамаринном? С ярко-зеленым?

— Что вы, Светлана Артемьевна! Ярко-зеленых аквамариннов, по-моему, вообще не бывает, этот был почти прозрачный, с легким голубоватым оттенком.

— Действительно, что это я? Просто на крыжовенное варенье загляделась да историю, связанную с ним и одним изумрудом, вспомнила, вот и напутала все. А оправка в твоём перстне... может, она ценность имела?

— Самая обыкновенная. Серебро. Гладкий овал и двенадцать крохотных зубчиков в форме трилистника, державших аквамарин... Светлана Артемьевна, вы меня от грустных мыслей отвлечь хотели, а сами все про кражу да про кражу. Лучше расскажите, что это за история, связанная с крыжовенным вареньем?

Они уже успели запустить в рот по паре чайных ложек сладкой кашицы варева. Старушка, до сих пор слушавшая Ольгу с несколько озабоченным видом, моментально оживилась:

— История не только про варенье, но и про мою любимую Екатерину. Знаешь, как я вела факультатив?

— Откуда ж мне знать? — мотнула головой девушка.

— Соберемся, бывало, с учениками в классе, зашгорим окна, на стол — канделябр и свечи, — рассказ Светлана Артемьевна сопровождала соответствующим движением рук. — Самовар вскипятим, вот так же, как с тобой, пьем чай и беседуем, рассказываем друг другу, кто что интересное о той эпохе узнал. И не только рассказываем, то девчонки пытаются собрать волосы в пышную копну, как носили в конце XVIII века; то кто-то во время каникул по екатерининским местам ездил — фотографии покажет... А однажды ученица принесла с собой баночку точно такого же, как сейчас на столе стоит, крыжовенного варенья и, пока мы пили чай, поведала нам историю о том, как государыня решила помочь бедной женщине, матери придворного поваренка. Женщина в благодарность угостила владычицу вареньем, той варенье понравилось. Слово за слово, разговорились. И так мать поваренка тронула государыню своей простотой и искренностью, что та подарила ей перстень с изумрудом. Камень был больше ногтя, точь-в-точь крыжовенная ягода. А варенье с той поры постоянно подавали при дворе на стол и прозвали его «королевским». Когда я выслушала сей рассказ от

своей ученицы, мои глаза округлились до размеров вот этого блюда, — и Светлана Артемьевна для наглядности подняла опустевшую от варенья тарелочку.

— Что, девочка раскопала историю, о которой вы раньше не слышали?

— Нет, не в этом дело, — замахала руками собеседница. — Слышать-то я ее слышала. Только была эта история нашей семейной легендой. Ведь мать поваренка — моя шесть раз прабабушка. Так получилось, рецепт варенья стал очень популярным. Его перепечатывали из одной кулинарной книги в другую, ушлые хозяйки переписывали к себе в тетрадочку от руки. Да и легенда ходила в анекдотах, но без подробностей.

— Ну а ученица-то откуда эти подробности заполучила?

— Ох, дела! Я ее тоже о том спросила. Оказалось, из Интернета. Кто-то из моих родственников кому-то проболтался, тот еще кому-то поведал, и в конце концов один из «посвященных» поместил рассказ про кольцо с изумрудом и «королевское» варенье во Всемирную паутину.

— И что?

— Ну, ежели там столь малоизвестные факты встречаются, надо этот самый Интернет во что бы то ни стало освоить, решила я. Тут уже мои дети стали для меня факультатив — ликбез компьютерной безграмотности — проводить. Ученицей я оказалась не самой плохой. А сколько на «форумах» любителей истории нашлось... Когда же я на пенсию засобиралась, родители учеников скинулись и подарили мне персональную машину, с «гуделкой» для выхода в Интернет в придачу, ну, с модемом то бишь. Ты ее видела, у меня на кухне.

— Кольцо, наверное, ваша семейная реликвия?

— Нет, — махнула рукой бабуля. — Какой там! Его, как и перстень с аквамаринном твоей бабушке, подарили позже одному доброму человеку. Но это уже отдельная история.

— Неужели ей не жалко было? Вот так просто взять и почти случайно отдать...

— Запомни, Оленька, в жизни ничего не происходит случайно. Все, в конечном счете, зачем-то было нужно и все оборачивается нам во благо.

В каждой печальной вещи
есть перстень или записка,
как в условленных дуплах...

Между прочим, это слова моей любимой поэтессы, твоей тетки, Ольги Седаковой.

— Скажете тоже! Как, например, то, что меня обокрали, может обернуться во благо?

— Знаешь, я убеждена, из этой неприятной истории обязательно выйдет для тебя какая-то польза. — Старушка тяжело поднялась из-за стола. — А какая польза? Можно будет понять, но не сейчас. Ибо только время — самый мудрый учитель на свете. И когда-нибудь ты еще будешь благодарить судьбу за то, что вчера она сложила обстоятельства таким образом, чтобы вор проник в твой дом и унес твои украшения.

— Прямо по-библейски как-то получается, «ударил по правой щеке — подставь левую»!

— Отнюдь! Разве я призываю потворствовать злу? Я даже не призываю ему, злу, не сопротивляться. Всего лишь хочу сказать, что «плыть по течению» не так уж и плохо. Нет, если у тебя весла имеются, рычаги, так сказать, управления... Отчего ж? Можно и противоборствовать... А ежели весел нету?! Сопротивление не зависящим от нас обстоятельствам отнимает уйму сил и времени, а результатов никаких обыкновенно не приносит. Куда мудрее расслабиться и плыть, просто созерцая проносящиеся мимо пейзажи. Вон — коровка с теленком на лугу пасутся, — и она ткнула рукой почему-то в сторону

окошка. — Благодать! Вон — ива над речкой, а под ней рыбак задумчивый... — на сей раз было указано на раковину в противоположном конце. — Смотришь, и тебя где-нибудь к берегу прибьет, — стало быть, судьба. Стало быть, там и нужно дом свой ставить, суженого искать...

— То есть, иными словами, ежели я сама ограбивших меня бандитов отыскать не могу, так стоит позабыть о потерях, наплевать на то, что вторглись в мое личное пространство, расслабиться и наблюдать за птичками в окошке?!

— Ну, денек-другой можно и за птичками понаблюдать. А вообще я про то, что, помимо тварей всяких, божьих и бесстыжих, типа тех, что к тебе в дом вломились, вокруг есть еще масса занимательного.

И Светлана Артемьевна направилась в прихожую, к выходу.

X X X X X

Мягкий голос собеседницы и теплый чай убаюкали Ольгу. Уже в полудреме она проводила соседку до двери, закрыла все замки, задвинула хлипкую щеколдочку и завалилась на диван.

Ей снилось, будто она лежала на бархатистой изумрудно-зеленой траве пологого склона. Откуда-то из-за облака выплывали поочередно знакомые лица. Вот обрамленные сеточкой морщин голубые глаза и поджатые губы бабушки, и ее голос:

— Ты будешь царицей!!! — Слова возникали где-то далеко, гораздо дальше зависшего меж облаками образа, потом они нарастающей волной неслись к Ольге, проходили через ее тело и увязали где-то в земных недрах.

Доброе бабушкино лицо растаяло, вместо него проявилось суровое отцовское:

— Кто это у нас нос повесил? Не позволяй грусти брать над тобой верх. Помни: уныние не только давит на грудную клетку, но и ужимает душу.

Тут лик отца сам собой как бы подретушировался. На съемках часто используется такой прием: на объектив камеры надевается эластичный чулок, и отснятое изображение становится менее четким, исчезают мелкие детали: морщины, прыщики, синяки под глазами... С лицом отца произошло то же самое: куда-то пропала щетина с подбородка, словно кто-то выщипал густые брови, взгляд стал менее резким... И Ольга начала узнавать во вновь проявляющихся чертах Витьку Соловьева.

— Ты, это, не думай, что я подлец. Я хороший. Я, когда приехал в Нижний Тагил, сразу пришел к твоим родителям, принес им коробку «Ассорти» и передал от тебя привет...

Девушка хотела было спросить, не сболтнул ли Соловьев чего-нибудь лишнего про ту ночь, но не смогла раздвинуть челюсти и произнести что-либо внятное, получилось одно сплошное мычание. И это мычание ее же саму и разбудило. Всего на секундочку. А когда Ольга снова задремала, лица бывшего одноклассника уже не было. Была рука, конечность с пятью пальцами, без туловища, даже без плеча и предплечья. Но Ольга узнала бы эту руку из тысячи других: тонкая кисть, с узором морщин, словно иней на стекле; просвечивающаяся сквозь кожу сеточка вен; некрашенные и никогда не знавшие маникюра, но аккуратно подстриженные ногти, — это была рука матери. Кисть сжалась в кулак, вытянула указательный палец вверх и погрозила Ольге. На пальце красовался украденный вчера перстень, но двенадцать крохотных зубчиков в форме трилистника держали не прозрачный, голубоватый аквамарин, а ярко-зеленый изумруд размером с крыжовенную ягоду. Вдруг зубчики разжались, изумруд выпал, а в маминой руке неожиданно оказалась клюшка для гольфа. Удар, и камень полетел куда-то далеко в бескрайние зеленые поля, там и исчез из

Вида...

Критический день 8 марта

«8 марта 2000 года

«Дополнительный критический день» — так я называю сегодняшний праздник. Правда, для женщин он становится «критическим» только в том случае, если они одиноки. Во всех остальных он «критический» для мужчин.

Впрочем, лично я никаких беспокойств представителям сильной половины человечества сегодня не доставлю. Подарков мне ждать не от кого.

И какой идиот придумал устроить в женский праздник выходной? Сделала бы прическу — да кому ее показывать? Позвала бы гостей — но у всех вечеринки «в кругу семьи». А если ты одинока? Сиди скучай?!

Нет ничего более обидного, чем остаться в этот день невостробованной. Часами смотришь на телефон, даже в ванную отправляешься с трубкой, а он молчит. Или, того хуже, телефон все-таки зазвонит. И это окажется твоя подруга, которая, отогнав желчное ехидство подальше от голосовых связей, елеиным голоском поинтересуется: «Ну, выкладывай, что тебе сегодня надарили?»

Ольга решила уж по крайней мере в этот, хотя и «критический», но вполне солнечный, день не поддаваться унынию. Какие-никакие, а цветы у нее уже есть. Вчера начальство распорядилось раздать всем сотрудницам телецентра по три тюльпанчика. Еще накануне вечером их нераспустившиеся бутоны напоминали желторотых птенцов. Но сегодня «птенчики» «оперились», приобрели алый окрас и даже успели «прозреть», обнажив черные глазки-тычинки.

Она тщательно спланировала нынешние мероприятия. Завтрак с пирогом из кулинарии «Джигит», то есть вроде как от настоящего мужчины. Прогулка в районе ВДНХ, расклейка объявлений (из любой неприятности нужно извлекать пользу, раз уж хозяева выгоняют ее с квартиры, почему бы новую не снять поближе к работе). Обед в каком-нибудь приятном местечке. Поел сам — дай поесть братьям нашим меньшим (релакс в Ботаническом саду, с кормежкой белочек, голубей и синиц). Ну а вечером можно и у телика «подежурить».

Ольга сложила в сумку заготовленные заранее объявления, клей, орешки и семечки, оделась потеплее и вышла из дома.

Она знала, что сейчас будет. Откроется дверь подъезда, и яркое солнце ударит в глаза, а морозный ветер ухватит за щеки. Собственно, так оно и случилось. Но это мгновение стало последним предсказуемым в сегодняшнем так тщательно и, как оказалось, совершенно напрасно спланированном дне.

Следом за кусачим ветерком в ее коленки впиалась ледяная струя — мимо на большой скорости пролетел темно-синий «Фольксваген» и окатил девушку из лужи.

— Щас вдогонку поскачу, по капоту настучу! — заорал вечно сущий на лавочке Лаврон и помахал вслед машине кулаком. Однако с места не сдвинулся. Потом он величественно повернулся к Ольге: — Привет, соседка! С 8 Марта! Твое здоровье! — Лаврон приложился к горлышку еще почти полной бутылки.

Лобенко пришлось вернуться в квартиру и сменить джинсы. Пока она переодевалась, зазвонил телефон.

Это был Соловьев. Ольга так и не рассказала ему о происшедшем после его отъезда. Дело закрыто. Дверь он вроде как тоже запирает, стало быть, и спрашивать не о чем.

Соответственно, и уведомлять не стоит.

Тон у бывшего одноклассника был мягкий, ласковый, голос — радостный. Поздравил, нажелал всего-всего, высказал надежду на встречу...

«Нет, он не мог вначале меня обокрасть, а потом вот так запросто позвонить... Я его знаю, законфузился бы», — сделала вывод девушка и с облегчением выдохнула. Приятно, черт возьми, осознавать, что твоя первая любовь и твой последний мужчина отнюдь не подонок!

Телефон зазвонил снова, она, кажется, даже не успела нажать кнопку отключения... Светлана Артемьевна приглашала на чай со своими знаменитыми «пирожками». Чаю с пирожками и старушкой ей не хотелось. Пришлось соврать, что идет в гости к друзьям.

Очередной звонок... Даже невероятно, с какой быстротой аппарат успевал трезвонить. На этот раз голос был мужской:

— Ольга Валерьевна? Капитан Отводов беспокоит. Где вы были вчера вечером? — в отличие от алкоголика Лаврона, следовательно не только не поздравил Лобенко с праздником, но даже забыл сказать элементарное «здрaсте».

— Доброе утро, господин Отводов. Извините, но не ваше дело, где я была вчера вечером и чем собираюсь заняться сегодня! А вот вам, ка-пи-тан, — Ольга отчеканила каждый слог, — не мешало бы сейчас стоять у штурвала семейного корабля, по совместительству исполняя обязанности кока, и не приставать к девушкам, которые мирно плавают за бортом.

Ольга добилась желаемого результата — Отводов засмутился:

— Ох, я и позабыл, что сегодня этот, Международный женский... — голос у него был приятный, с легкой хрипотцой. Она заметила сию деталь еще тогда, при первой их встрече в разгромленной квартире, но теперь, когда не было видно лица, эта некоторая сипловатость обращала на себя особое внимание. — Кстати, я не женат и «корабля», а тем более «штурвала», не имею... Потому-то меня и гоняют на дежурства по праздникам. Где я по долгу службы обязан «приставать» к молодым девушкам, чтобы те не «утонули», как вы сами изволили выразиться, «за бортом», то бишь в морской пучине. Так я, это, поздравляю вас...

— Спасибо, — быстрая реакция и достойный ответ произвели впечатление. Девушка представила, как капитан, обескураженный ее натиском, снова запустил пятерню в кудряшки на голове. Смягчилась. — А вчера вечером, если вам так уж интересно, я довезла до дома коллегу по работе, она, видите ли, после крепкого ликера выпила шампанского... Надеюсь, вы меня не подозреваете в каком-нибудь преступлении? А то, боюсь, коллега мое алиби подтвердить не сможет.

— Нет-нет. Какое преступление! Что вы! Просто я вас искал. После того, как получил нагоняй от полковника с Петровки...

— За что?

— За то, что позволил вам забрать заявление о краже.

— А мне казалось, что высокое начальство интересуется показатель раскрываемости преступлений и ему лишние «висяки» ни к чему.

— Здесь случай особый. Но об этом лучше не по телефону. Я вас жду в отделении.

— Что, прямо сейчас?

— Да, немедленно, — капитан произнес последнюю фразу тоном, не терпящим возражений.

Х Х Х Х Х

Идти до отделения милиции было минут пять, но даже за это короткое время Отводов

успел сбегать в ближайший магазинчик и купить плитку шоколада. Электрочайник вскипел в течение минуты, так что Ольгу встретили более приветливо, чем она сама того ожидала.

— Гм! — следователь передернул плечами. — От полковника вчера узнал, что вам угрожает опасность. Я за вас теперь головой отвечаю. — Он самодовольно улыбнулся, но вмиг посерьезнел и продолжил: — Стал вечером звонить — а вас нигде нет. Переволновался.

— Что ж на автоответчик сообщения не оставили?

Отводов разъярился. Энергично вырвал пятерню из собственных волос.

— Какой толк от автоответчика? Может, вы у очередного кавалера заночуете, — а я переживай. Навел справки, в сводках о происшествиях ваша фамилия не значится, среди неопознанных трупов девушки с вашими приметамы тоже не нашлось. Значит, скорее всего, нового криминала пока не произошло. И я немного успокоился.

Ольге, конечно, не понравилось прилагательное «очередной», поставленное перед существительным «кавалер», но еще больше задело ее слух словосочетание «неопознанный труп».

— Что, ожидается новый... «криминал»?

— А то! Как объяснил Алексей Степанович Цветков, тот самый полковник с Петровки, который меня отчитывал, вор, что побывал у вас в квартире, охотится за древней реликвией. В шкатулке ее не оказалось, значит, он будет искать встречи с вами, чтобы вы сказали, где она. Не скажете добровольно, попытается выбить сведения силой. А если обнаружит вещь при вас, так и совсем пришепнуть может.

— Очень праздничная весть...

— Вы не смейтесь.

— И что за ценность у меня хранится, можно полюбопытствовать?

— Изумруд.

— О-о-о, — Ольга откинулась на спинку стула, сложила руки на груди. — Могу вас обрадовать. Изумруда, даже крошечного, в руках не держала. Видела только за стеклом, в витрине ювелирного магазина.

Но капитан стоял на своем:

— Возможно, вор ошибся, и камня у вас действительно нет. Но как довести до сведения и, главное, заставить в это поверить самого жулика?

Девушка расхохоталась.

— Вы не смейтесь. Лучше постарайтесь припомнить, не интересовался ли кто в последнее время вашими украшениями, не заводил ли речь об антиквариате, о перстне с крупным изумрудом, который якобы принадлежал самой Екатерине Великой.

Ольге показалось, что она вместо чуть теплого чая проглотила перченый кипяток, пальцы моментально вспотели, и чашка выскользнула из влажных рук. Коричневая жидкость полилась на голубую ткань джинсов.

— Между прочим, эти джинсы были последними...

— Простите, что вы сказали?

— Так, ничего. Капитан, я знаю вора, точнее воровку...

Таинство рождения

Санкт-Петербург, 1754 год

Прошло три часа, как она разрешилась от бремени, но женщина все еще лежала на мокрой родильной постели. Обычная кровать находилась в двух шагах, да не было сил перебраться.

— Пить, приньесите пить. — Слова уносились в пустоту. В помещении никого. Она поежилась, не то от страха, не то от сквозняка. Пыталась провалиться в сон. Закрывала глаза, и на темно-фиолетовом фоне проявлялись красные пятна — проекция очертаний пурпурного убранства комнаты. Пятна расплывались, заполняя собой все пространство, и тогда в его центре возникала пульсирующая черная точка, она вклинивалась прямо в мозг.

— Потшему? Потшему мэнья бгхосили? — от волнения и боли ее немецкий акцент становился жестче.

20 сентября 1754 года. Хотя Екатерина и не знала заранее дату, она часто мечтала об этом дне. В своих фантазиях видела его торжественным и ярким. Как спектакль на освещенной сцене. И она — главная героиня. Даже у самой императрицы и то роль второго плана — Елизавета и повивальная бабка дежурят у постели. На их лицах соучастие, сострадание и... восторг. Последние потуги, маленький человечек оказывается в руках у повитухи. По комнате проходит гул:

— Мальчик. Родился мальчик, наследник...

Гул перетекает в смежные покои, разносится по всему дворцу и дальше, по всей России. Елизавета поздравляет роженицу, подносит к ней плачущего младенца, и тот, прислонившись щекой к груди, моментально умолкает, засыпает, смешно почмокивая губками. Вот оно — счастье!

Стоп. Если же будет девица? Ах нет! Девицы быть не должно. Родится мальчик. Господь видел ее муки, воздаянием за них и станет рождение сына — «наследника мужеского полу». Его так дожидается императрица, его ждет вся Россия.

Вот каким видела этот день в своих мечтах Екатерина. Она шла к нему фанатично, преодолевая ненависть со стороны окружающих, перешагивая через собственную гордость.

В общем-то, многое из этих фантазий совпало с реальностью. Была суета, императрица вместе с повитухой сидела у ложа. И на их лицах были соучастие, сострадание и, чуть позже, восторг. Ей было очень больно. Казалось, проще умереть, чем подарить миру новую жизнь. Но муки были вознаграждены, она родила мальчика, «наследника мужеского полу». Однако только сынишка появился на свет, огни на сцене потухли. Младенца спеленали. Пришел духовник. Нарек мальчика Павлом (с Екатериной даже не посоветовались). И Елизавета унесла Павла в свои покои, повитуха последовала за ними. Единственный «лучик света» исчез за дверью. А молодая мать осталась лежать во тьме, забытая всеми. Наедине с неутраченной болью и неумными мыслями.

Х Х Х Х Х

В окно комнаты, которую занимал старший придворный садовник Андрей Анклебер, уже которую неделю нагло пялилась алая от ягод ветка рябины. Комната располагалась на первом этаже одной из пристроек Летнего дворца. Надо сказать, помещение было довольно мрачным, минимум мебели: сколоченный из толстых и широких досок дубовый стол, сундук, стяннутый кованой окантовкой, да жесткая железная кровать. Анклебер мог бы проводить

время в гораздо более роскошной обстановке, в собственном, уже почти отстроенном особняке на Садовой улице. Но что-то не отпускало его отсюда. То ли уткнувшаяся в окошко ветка рябины, то ли чьи-то вполне очеловеченные очи...

Нет, вряд ли ветка! Она садовнику, конечно, нравилась, но не шибко, и сегодня он даже отважился эту ветку сломать. Анклебер спустился с крыльца. И тут же встретился с Татьяной, женой служителя придворной конюшенной конторы, пышногрудой блондинкой с длинной косой и голубыми глазами, — просто образец крали европейских кровей. Женщина качала на руках сынишку. Тот никак не хотел засыпать в жесткой холодной люльке.

— Андрейка, слушай, че скажу...

— Что?

— У наследника сын родился, так?

— Так!

— А каков нынче день?

— Каков?

— Двадцатый день сентября.

— И что с того?

— Так Прохор ровно на месяц цесаревича старше!

— Иди ты?! Что ж получается, у этого вот богатыря нынче праздник? Первая месячина жизни? — садовник любовно заглянул в личико мальчугану. А Татьяну, будто мимоходом, обхватил за талию. Младенец скорчил гримаску.

— Ну да, он, как чует, мается, капризничает, заснуть никак не может.

— Дай я его покачаю, — садовник на всякий случай, отер руки о рубаху, бережно взял коконообразный сверток. — С меня корзина груш. Доставлю, как только завершу букет, — в зеленых глазах заметались искорки блаженства.

— Какой такой букет?

— Елизавета Петровна приказали. Чтоб поставить у колыбели. Не пожалею для сей композиции и своей любимой рябиновой ветки.

— Что-то ты, Андрейка, близко к сердцу воспринял весть о рождении наследника, уж нет ли в сем труде твоего участия?

— Ревнуешь? — садовник с хитрецей сощурил глаза.

— Я баба замужня, с чего мне ревновать! Слухи по двору ходят...

— Обо мне слухи-то?

— Не об тебе, об княгине...

— Я в слухи не вникаю, и тебе не советую, — Анклебер потрянул белыми кудряшками. — А любимую ветку решил заломать, потому как в хозяйском дворце ей самое место: красный цвет — знак величия. К тому же рябина у кельтских народов числилась семейным оберегом.

— Все-то ты знаешь, Андрейка! И про цветы, и про деревья. И любая работа у тебя спорится.

Они прошли вдоль дорожки, присели на зеленую, сколоченную из досок с витыми коваными ножками и спинкой скамейку.

— Не любая. Я б желал как-нибудь к рождеству подать на стол Ее Величеству только что сорванную гроздь бананов. Помнишь, рассказывал тебе про такой заморский фрукт, что на полумесяц похож и сладкий?

— Ой, рассмешил, натуральные бананы — в зиму! Да они околеют, прежде чем ты их

довезешь до Петербурга!

— А я их и не повезу, прямо здесь выращу, — Анклебер столкнулся с взглядом женщины; та смотрела на него словно на несмышленного мальчугана, грозящего раскрашенной деревянной сабелькой порубать все три головы Змею Горынычу. — Я не балясничаю! И, увидишь, своего достигну!

— Что ж, дерзай, ты «своего» всегда достигаешь.

Ах, как ему стало обидно от этих слов. «Что ж, она нарочно, что ли, дразнится?!»

— Не всегда! Иначе мы бы с тобой стояли не посреди русских рябин да берез, а где-нибудь под тенью елей в Саксонской Тюрингии.

Татьяна посуровела:

— Опять! Никак не можешь простить, что тогда с тобой не удрала? Так замужем я, Андрейка! К чему грехи-то множить? Да и Осип на своих рысаках нас в два счета нагнал бы и зашиб до смерти.

— Не нагнал бы. Лошади в чащу не пойдут. А я в лесу, как у себя дома, и где схорониться знаю, и чем полакомиться...

— Прекрати! Все давным-давно решено, и нечего бывшее ворошить. Давай, отнесу Прохора в люльку, он заснул наконец-то, — Татьяна переняла малыша в свои руки.

— Отнесешь, приходи к клумбам, поможешь мне цветов нарвать.

Женщина ничего не ответила, склонилась над ребенком, будто вслушиваясь в его дыхание. Анклебер попытался заглянуть ей в глаза — ничего не вышло, тронул за рукав — она отстранилась:

— Ш-ш-ш! Разбудишь сына-то.

— Так придешь?

— Приду! — Женщина тихонько, все еще не поднимая глаз, кивнула головой и удалилась.

Анклебер подошел к рябине, ветка росла высоко, но и садовник не был коротышкой, чуть потянулся, с хрустом ее надломил. «Ох, и наблюдательны эти бабы!» Жена конюха в своих догадках была почти права. Появление Павла на свет действительно не обошлось без участия Андрея, только каким образом он поспособствовал рождению наследника, не то, что Татьяна, сама Екатерина не ведала.

Аллюзии и обманы

Садовнику вспомнился летний день 1752-го года в Ораниенбауме. Императрица прогуливалась по саду. Рядом, на расстоянии маховой сажени; (подобающей, согласно придворному этикету, дистанции), опираясь на деревянную резную трость с рукояткой в виде орлиной головы, шел граф Илья Осипович Шварин.

На Елизавете — лазурного цвета панье,, отороченное венецианскими кружевами. Широкая юбка то и дело цеплялась за сучки кустов. Если бы граф не относился столь ревностно к соблюдению этикета, дорогостоящая ткань пострадала бы меньше. Но Шварин отличался педантичностью в исполнении каких-либо правил. Правда, как это часто бывает, обратной стороной столь похвального качества являлось невыносимое занудство. Вот и сейчас, по постному лицу императрицы, можно было понять, что спутник на ее дежурный вопрос: «Как поживаете?» — стал подробно излагать, где он был вчера вечером, что ел сегодня на завтрак, и когда ожидается очередная случка его любимой борзой Джульетты с соседским кобелем Гамлетом.

Внезапно черты Ее Величества приобрели заинтересованность: в глубине аллеи промелькнул силуэт — миниатюрная наездница на черном вороном жеребце. Елизавета без труда узнала в ней жену своего племянника.

— Что за непослушание! Ведь приказала конюху не сажать Катерину в мужицкое седло! Этак держава никогда не дождетя

наследника! — произнесла она довольно громко, хотя реплика была адресована, скорее, самой себе, нежели графу.

Так уж случилось, разговор подслушал отдохавший под розовым кустом садовник. Другой бы на его месте притаился, не выдал своего присутствия, а этот, наоборот, поднялся во весь недюжий рост. В сбившихся соломенных локонах — трава, в руке — большое пунцовое яблоко, он его смачно надкусил, — несказанная дерзость. И дело тут отнюдь не в нарушении столь любимого графом придворного этикета. Елизавета Петровна ненавидела яблоки. Это все знали. Она не выносила ни их вида, ни запаха, ни, тем паче, вкуса. Аромат этого фрукта императрица могла распознать даже через несколько часов после того, как кто-либо его ел. Большинство придворных предпочитали не рисковать и вкушали «запретные плоды» только в том случае, если в ближайшие сутки общение с Ее Величеством им не грозило.

Правда, садовник пребывал у государыни на особом счету. Когда-то, в трудные для Елизаветы Петровны дни, он подбодрил ее своими мудрыми словами. Благодарная женщина всегда это помнила.

«Но нынешнюю эскападу императрица не спустит даже любимцу», — в этом пунктуальный и этичный граф Шварин был абсолютно уверен. В предвкушении скандала Илья Осипович начал истово стряхивать невидимые пылинки со своего сюртука.

Анклебер тем временем перестал жевать, швырнул огрызок подальше в кусты. Затем нагнулся и сломал ветку мускусной розы, протянул ее Елизавете, манерно преклонив при этом одно колено. Государыня вдохнула аромат цветов, и ей стало заметно легче.

— Прошу прощения, Ваше Величество, не удержался! В этом году яблони сильно цвели, выдался необычайный урожай. Только, молю, не гневайтесь на восхитительный фрукт.

Елизавета изумленно повела бровью:

— Что за чушь ты несешь! Зачем сердчать на яблоко? Оно не виновно ни в твоей грубости, ни в особенностях моего организма...

Андрей не дал договорить, прервал, — еще одна неслыханная дерзость.

— Как вы мудры, Ваше Величество! Ибо человек недалекий стал бы пенять, что в райском плоде присутствует некий изъян, раз им не может усладиться особа царских кровей.

Шварин с выражением праздной скуки на лице переместил свое внимание с сюртука на башмаки, деревянной тростью он теребил медную квадратную пряжку на одном из них. Елизавета же посмотрела на садовника с пристрастием: «Видно, не просто так Анклебер завел речь о фрукте!» А садовник продолжил:

— Обыкновенно люди не признают истинное положение вещей, коли оно их мало украшает. А для оправдания сыскивают самые нелепые причины. К примеру, давеча я приказал своему помощнику сбить три яблока на самой маковке дерева, они вызрели на солнце до янтарной прозрачности. Не яблоки — чистый мед, жаль бросать на поедание птицам, — Елизавета поморщилась, но не сказала ни слова. Поняла, Анклебер нарочно пробуждает в ней неприятные чувства, привлекает внимание к некой важной детали, о коей не осмелился заявить напрямую. — Я дал помощнику лук и стрелы. Через час прихожу — яблоки, как были на маковке, так и остались. Спрашиваю: «Почему наказ не выполнил?» Тот отвечает: «Ветер сильный — ветки вкачь, стрела мимо...»

— А, по-твоему, он должен был сказать: «Виноват, не искушен в меткости»?

— Если честно, Ваше Величество, я считаю, что он не стрелял вовсе. Иначе попал бы, коль не в яблочко, так во что-нибудь иное, в проходившую фрейлину, к примеру.

Елизавета хитро сощурилась и покачала головой:

— Ой, ли?...

— Верно говорю, Ваше Величество! У лука, осмелюсь заявить, тетива плохо натянута. А помощник на сей изъян не жалился, стало быть, ни разу даже не взял яблоки на прицел...

— Ох, и хитер же ты, Андрей! Ровно столь хитер, сколь дерзок и отважен, — Шварин к тому времени успевший трижды пересчитать все пуговицы и на сюртуке, и на камзоле, поднял голову и поджал губы в самодовольной ухмылке. Но императрица, вконец обескуражив графа, даже теперь не сменила милость на гнев. — Коли слова твои — правда, примешь в подарок сей вот перстень. Его по моей просьбе брильянтик Позье делал, — Елизавета указала на кольцо, красовавшееся у нее на правой руке: гладкий овал и двенадцать крохотных зубчиков в форме трилистника держали крупный, размером с ноготь большого пальца, изумруд.

— Благодарю вас, Ваше Величество!

— Рано благодарить!

Илья Осипович просто клокотал от злости: «не только не приказала выпороть, не только не отлучила от двора, но обещала наглецу драгоценный перстень! Что за елки точеные!?»

А Анклебер и Елизавета вежливо раскланялись друг перед другом. Государыня, позабыв про недавнего попутчика, развернулась и пошла далее по аллее. Шварин подбросил трость в руке и пустился вдогонку.

Анклебер узнал, что в тот же вечер императрица вызвала к себе двоюродную сестру, в прошлом свою статс-даму, а ныне обер-гофмейстерину Екатерины, Марию Чоглокову. Мария слыла примерной супругой. И, хотя это еще не было заметно, ожидала появления на свет своего седьмого ребенка. Собственно, государыня именно по тому и сблизилась

семейство Чоглоковых с великокняжеской четой, дабы оно личным примером поспособствовало появлению на свет наследника престола.

— Скажи, Мария, как ты мнишь, почему у Екатерины и Петра нет детей?

— Ваше Величество, дети не могут рождаться без причины. И, насколько я знаю, у великого князя с великой княгиней до сих пор такой причины не было.

Императрица оторопела.

— Чем же они занимаются? В постели?

Мария Чоглокова замялась, но Елизавета не отступала:

— Ну же, не робей!

— Так, ну... Екатерина Алексеевна обыкновенно читают, а Петр Федорович... играют в солдатиков.

Владычица была в ярости. Ее племянник после почти семи лет жизни в браке все еще остается девственником! Весь свой гнев она обрушила на обер-гофмейстерину:

— Для чего я тебя приставила к Великой княгине? Уж, верно, не для того, чтоб ты сама брюхатила!

Скандал получился не маленький. Тут же в Ораниенбауме Мария Чоглокова поспешила отыскать прехорошенькую вдову одного живописца, мадам Гроот. За определенную плату та в изящных манерах преподавала Петру Федоровичу несколько уроков интимного свойства.

При дворе также ходили слухи, что, для того, чтобы великий князь почувствовал себя мужчиной, понадобилось сделать небольшую операцию — маленький разрез на крайней плоти. А поскольку предводитель оловянно-крахмального войска панически боялся натуральной крови, Его Высочество пришлось сильно спойть, и в бесчувственном состоянии передать на руки доктору.

О результатах предпринятых мер, Чоглокова незамедлительно доложила Елизавете. Расторопность обер-гофмейстерины объяснялась не только желанием побыстрее исполнить императорский наказ. Мария знала, что Екатерина влюблена. И если бы у этой любви появились вполне логичные последствия, адюльтер княгини стал бы слишком очевидным.

Х Х Х Х Х

«Он был прекрасен как день, и без сомнения никто не мог с ним равняться... Он был довольно умен... Недостатки свои он умел скрывать...» — писала Екатерина в дневнике.

Ах да, один-единственный минус: двадцатишестилетний камергер великокняжеского двора Сергей Салтыков совсем недавно женился на фрейлине императрицы Матрене Балък. Но Екатерина тоже не была свободна. К тому же это «недоразумение» Салтыков быстро сумел объяснить:

— Не все золото, что блестит. Я дорого заплатил за минуту ослепления...

Подумать только, сколь доверчивы влюбленные девушки!

Удобный момент — пылкое признание... Еще несколько красивых и нежных фраз — и она уже думает о нем. Она встречает Сергея, и ее щеки пылают. Пока все плавно, целомудренно и отстраненно, как менуэт... Но вот Салтыков переходит к стремительной атаке: охота, призывно звучит рожок. Все погнались за зайцами, а Екатерина и Сергей, как бы случайно, остались одни.

— Согласитесь, Ваше Высочество, вы влюблены в меня?

Вопрос застал ее врасплох. Великая княгиня молчит, только постоянно поглядывает в ту сторону, откуда доносится собачий лай, боится, что свидание будет кем-либо замечено, а мужчина шантажирует:

— Уйду только тогда, когда вы скажете: «Да»!

Разве у нее есть возможность сказать «Нет»? Тем более что это было бы неправдой...

Уже в декабре 1752 года Екатерина почувствовала, что ждет ребенка. Но, императорский двор в это же время затеял переезд из Петербурга в Москву. В спешке гнали лошадей, не разбирая, где кочки, где рытвины. Едва экипажи добрались до первопрестольной, у Великой княгини случился выкидыш.

Весной 1753-го — новая беременность, а летом — очередная неудача, тринадцать дней женщина провела в горячке (часть последа никак не выходила), еще полтора месяца врач предписал ей не покидать свою комнату. Великая княгиня пала духом.

Елизавета не на шутку была обеспокоена сложившейся ситуацией. Вот тогда-то она и вспомнила про своего садовника, велела ему срочно к ней явиться:

— Андрей, помнится, год назад я посулила в награду за твои мудрые речи перстень. Вот он, — возьми, — она достала из шкатулки кольцо с изумрудом, — И все-таки, твои слова помогли сделать лишь полдела. Посоветуй, как одолеть напасти, приключившиеся с Екатериной, она совсем слаба.

— Еще не вечер, Ваше Величество. Говорят, неудачи способствуют рождению гения.

— Пока они всяческому рождению только препятствуют! Может, велеть поварам готовить для Екатерины особую стряпню?

Анклебер едва сдерживал улыбку:

— Причина недуга, Ваше Величество, как правило, бывает не в том, что мы что-то съедаем, а в том, что что-то съедает нас.

— Думаешь, она шибко переживает? Да уж, мой племянник, Петрушка, — не самый лучший супруг, годится только на то, чтобы картонные крепости штурмом брать. Потому-то я о новом наследнике и пекусь, и еще прошлой зимой велела Чоглоковой намекнуть Катерине, мол, долг перед державою выше долга супружеского!

Андрей с интересом воспринял сие утверждение:

— А Екатерина Алексеевна поняла, чьи слова передала ей обер-гофмейстерина?

Елизавета Петровна тем временем прошла к бюро, села в рядом стоявшее кресло.

— Она не глупа, Чоглокову изучила, как свои пять пальцев, знает, что та весьма труслива, и не решилась бы заводить столь отчаянные речи без моей указки.

— Тогда, я Вас прошу, пошлите ей через ту же Чоглокову посуленный мне перстень. Я и так буду помнить о Вашей щедрости, а Ваше доверие и внимание к моим словам — награда куда большая. Екатерине Алексеевне же передайте, что кольцо — не просто украшение, но талисман, приносящий удачу и счастье. Люди склонны верить в чудо, а женщины, ввиду их излишней чувствительности, в особенности. Лично я убежден, что Екатерине Алексеевне хватит собственного здоровья справиться с этими, как Вы выразились, «напастями». Но, ежели она поверит, будто в перстне заключена некая добрая сила, ее физическое, и в первую очередь, духовное исцеление будут продвигаться заметно быстрее.

Елизавета сама была суеверна, потому хорошо понимала, о какой такой «силе», заключенной в камень, говорит садовник:

— Будь по-твоему. Тотчас лично отнесу ей украшение.

Садовник склонился в полупоклоне:

— Нет, Ваше Величество, пошлите чрез Чоглокову. Тем самым Вы еще раз подтвердите: обер-гофмейстерина не только Ваши глаза и уши, но и Ваши слова, Ваше волеизъявление.

— Хорошо. Но и тебя я не могу оставить без подарка, проси, чего желаешь?

— Моя просьба может показаться Вам странной. Но, пожалуйста, не требуйте от меня никаких объяснений. Пока. Я затеял некий эксперимент, если он удастся, будет большой сюрприз и великая польза для Вашего Величества и для империи, Вами управляемой. Не прежде мне надобна дюжина сапог из прочной дубленой кожи. Каблук должен быть устойчив, достаточно широк, но у основания шире, нежели у подошвы, — он не поленился приподнять ногу, согнув ее в колене, и показать пальцами все, о чем говорил.

— Знаю, что в Петербург на днях прибыли три обоза с юфтью; для переправки в Европы. Велю несколько кусков оставить для твоего дела. Приведи всех, кого хочешь обусть, к сапожнику.

Анклебер даже несколько растерялся:

— Ваше Величество, вся дюжина нужна для меня одного.

Елизавета была удивлена, но, как подобает императрице, своих эмоций не выказала, сдержанно улыбнулась и слегка махнула рукой. Жест означал: у нее нет возражений и садовник может быть свободен.

Через пару недель Анклебер в новых юфтевых сапогах топтался на одной из грядок, неподалеку прогуливалась Великая княгиня. Она была еще немного бледна, но уже довольно бодро передвигалась по аллее. На средний палец ее правой руки был надет перстень с большим изумрудом.

X X X X X

Татьяна отнесла Прохора в люльку и вернулась. Анклебера она нашла возле клумбы с астрами. Рядом, на скамейке, лежали несколько груш с красными боками, да пучок фиолетовых конусообразных антирринумов, их еще называют «львиным зевом».

— Вот, — Анклебер кивнул на груши. — Корзину пока не набрал, но хотя бы несколько штук приготовил.

Женщина взяла один плод, повернула багровой стороной наружу («Даром что ли успела щеки свеколкой потереть, пушай садовник любитесь какие мы с грушей обе румяные.») Надкусила фрукт, загадочно вздохнула. Анклебер молчал. Значит, нужно было заводить разговор самой. Но о чем? Покосилась на лежащие рядом антирринумы:

— Ты надумал ставить в императорские покои эти цветы?

— А что? Хочу выложить вокруг рябиновой ветки подобие горностаевой мантии. Думаю, если чередом ставить белые астры и сине-багровый «львиный зев», получится как раз то, что нужно.

— Ты, Андрейка, букеты составляешь, словно стихи пишешь.

— А как же, любую работу можно исполнить душевно.

— И шти сварить?

— Тем более, шти. Все, что прежде сотворено умственно, силою воображения, — есть художество. Вот, к примеру, ты только воду на огонь ставишь, а в уме прикидываешь: надобно туда капустку кинуть, лучок с морковочкой на сальце зарумяненные, да, опосля, — петрушечкой заправить... — Андрей скользнул затуманенным взором по щекам женщины, та еще пуце зарделась. («Заметил! Не напрасно свеколку извела.») Анклебер продолжал. — Вилочек еще на грядке красуется, а ты уж чуешь на языке готовое варево. Настроение подымается, ложкой в котелке водишь и мурныкаешь себе песенку под нос. А я погода твоюстряпню испробую, и тож душа взиграет, — значит, этакие шти и есть художество. Так-то! — подошел сзади приобнял за плечи.

— Ой, точно поэт ты, Андрейка! Смотри, как складно изъясняешься! — женщина

попыталась высвободиться, но не сильно, понарошку, как того требовали не рамки приличия, а дамское кокетство.

Татьяна и садовник старались, отбирали астры одного размера, следили, чтобы в них не оказалось сухого лепестка. Вскоре букет был готов, он выглядел ярко, величественно. И, главное, не имел сильного запаха, неуместного в комнате, где спит ребенок. Анклебер в последний раз придирчиво его осмотрел, нельзя сказать, чтобы остался полностью доволен. Только хотел спросить мнение своей добровольной помощницы, но тут что-то твердое и холодное уперлось ему сзади под ребра.

— Стоять! Ни с места! Вот вы где, голубки! Воркуете? Сейчас пальну, завопите у меня как поросята в салгане!

Андрей поднял глаза, Татьяна стояла, окаменев от страха. «Неужто конюх?»

— Ответствуй, садовник, прелюбодействовал с чужой женой?

Анклебер слегка повернул голову в сторону плеча и уловил кислый винный запах, стало понятно, кто подкрался к нему из-за спины:

— Ваше Высочество, поздравляю Вас с рождением наследника, — Анклебер все же побаивался полностью оборачиваться и делать резкие движения. «Ну как у него там и впрямь ружье? Еще пальнет спьяну». — Кстати, мы с Татьяной только что окончили собирать цветы для маленького Павла...

— Эти, что ли, цветы? — Петр обошел Андрея, и садовник с облегчением заметил, что в руках у Великого князя находится отнюдь не оружие, а бутылка, на дне которой еще плескалось немного белого рейнского. Великий князь тем временем отщипнул рябиновую ягоду, сунул ее в рот, пожевал и, поморщившись, выплюнул:

— Мерзость! — он выхватил у Анклебера букет и швырнул его оземь. Астры и антирринумы рассыпались, а от рябиновой ветки отвалилась самая спелая гроздь, — Все, все твердят одно и то же: «Наследник! Поздравляем, поздравляем!» А вы уверены, что это мой на-ик-следник? — Петр гримасничал и брызгал слюнями, на последнем слове икнул, — Уверены? Я вас спрашиваю, — он ткнул Анклебера горлышком от бутылки прямо в грудь.

— Вы пьяны, Ваше Высочество.

— Да, я пьян, но полностью отвечаю за свои слова! И говорю чистую правду. «In vino veritas.» Знаешь ли ты, неграмотный садовник, что означает эта фраза?

— Ваше Высочество, упомянутая вами античная мудрость стала сегодня необычайно народной. Или, как ноне принято говорить на французский манер, популярной... Однако, отыскивая «в вине» эту самую «истину», многие забылись настолько, что не заметили, как утратили маску благопристойности, и окружающим явилось их, хотя и правдивое, но весьма неприглядное обличье.

— Дерзишь, садовни-и-ик! Как ты смеешь! — Петр лихо развернулся на каблуках и едва не потерял равновесие, снова икнул, — Ладно, все же сегодня светлый день, и я буду настолько щедр в своей милости, что ниспошлю тебе прощение! — пошатываясь и хватаясь за кусты нетвердыми руками, Петр побрел прочь. Татьяна перевела дух:

— Его Высочество сегодня с самого утра пьют... Андрейка, а что это вы про «правду» какую-то твердили?

Анклеберу тоже полегчало. Он улыбнулся женщине.

— Есть такая поговорка «Истина в вине». Ее придумали древние римляне, которые никак не могли взять в толк, почему перебродивший виноградный сок имеет такое диковинное воздействие на голову. Ведь у хмельного человека, что на уме, то и на языке. В

конечном итоге, порешили, что в вине таится некий хитрый элемент, «эликсир правды», мешающий людям лгать. Со временем первоначальный смысл поговорки несколько исковеркался, и люди стали оправдывать свое пристрастие к хмельному напитку попыткой постичь «Истину». Мол, на трезвую голову сути не увидишь. Многим кажется, будто в миг опьянения к ним являются гениальные идеи, а к художникам — Муза...

— Баба грезится?

— Да нет, Муза — вдохновенье, художнический дар...

— Они не дже ошибаются, пьяные-то. К моему Осипу, после второй кружки браги всегда приходит это, вдохновенье, — он песни заводит. Но еще раньше, буквально после нескольких глотков, начинает говорить токмо чистую правду, даже про заутренний припас выкладывает. И умные мысли его тоже посещают, но для того надобно похлеще набузыкаться: «Ты, — заявляет, — моя страданица! И бил я тебя, и изменял тебе, а все одно, милее тебя сердцу нету! Вот, — говорит, — надьсь кузнец Платон застал меня со своей супружницей на сеновале, раскаленным прутом к пояснице приложил. К кому я за подмогой побег? К тебе, любезная! Ты ушибленное место травяным настоем примочила, и зажило все. Ни в жисть боле на другу девку не посмотрю!» — Во как красиво баит. Разве на трезвую голову от него этакие складные слова услышишь?

Анклеберу было неприятно вспоминать о конюхе, он решил переменить тему:

— Ты не знаешь, здоровится ли Екатерине Алексеевне? Повитуху не встречала?

— Не встречала, но наши поговаривают, будто ревматическая боль у ней открылась, всю ночь на сквозняке пролежала. Дворец-то недаром «летним» зовется, меж оконными рамами палец впихнуть можно, да и двери плотно не прикрываются.

Андрей стал убирать с дорожки разбросанные цветы:

— Эх, придется иной букет выдумывать! Этот вовсе испорчен.

— Не горюй, Андрейка, сызнава астр наберем!

— Да не нравится мне сей букет! Когда его воображал, видел красивым. А теперь...

Понимаешь, астры с антирринумами складываются вместе, а рябина среди них лишняя, сирая. Буд-то из «рифмы» выпадает.

— Испробуй касатиков;, они тоже сине-багровые, — и она метнулась к соседней клумбе, сорвала три цветка, вернулась и протянула Андрею.

— Точно. Молодец, Танюшка!

— А по замыслу подойдут?

— Совершенно. Касатики знаменуют собой мудрость и доблесть, — важные качества для будущего главы государства.

Татьяна подняла с земли оторвавшуюся гроздь:

— Рябиновую ветку жалко, получается, напрасно ты ее заломал.

— Не напрасно, я ее Екатерине Алексеевне передам.

Татьяна вжала голову в плечи, отвернулась и, пробормотав что-то невразумительное, типа, «Меня, наверное, уже Осип ищет», бросилась прочь.

«Черт побери, я всегда полагал, что у баб богатая выдумка, но почему они чаще используют ее, дабы ревновать, а не дабы нами восторгаться?» — размышлял Анклебер, глядя ей вслед.

Страсти-мордасти

Москва, 8 марта 2000-го года.

Светлана Артемьевна была несказанно обрадована. Столько гостей у нее давненько не бывало, и уж тем более она не ожидала в своем возрасте такого числа «джентльменов с поздравлениями» в Международный дамский день.

Как ни уговаривала Ольга Лобенко не брать с собой группу захвата («Я со старушкой одна справлюсь, а уж вдвоем с вами тем более»), капитан Отводов был непреклонен («Не могу нарушить инструкцию, да и, вдруг у нее там заседание банды»)...

«Банда» состояла из пяти человек: помимо великовозрастной «предводительницы», мужчина лет тридцати, женщина, еще моложе, да двое годовалых близнецов, — внук с женой и потомством явились поздравить бабушку. Только Светлана Артемьевна поставила пять темно-красных роз сорта "Гран-при" в вазу, опять звонок в дверь. Посмотрела в глазок — Ольга Лобенко. Правда, девушка чуть раньше от приглашения отказалась. Но, видно, планы переменялись. Не задумываясь открыла дверь, а с ней — целый наряд в камуфляже, во главе с капитаном, да еще два патлатых хиппующих соседа, Марат и Коля.

Милицейская команда влетела в комнату, утащив за собой бабушку, запутавшуюся в собственной ажурной шали, словно в сети. Камуфляжники распределилась вдоль стен, грозно выставили стволы. Отводов сделал шаг вперед, извлек откуда-то служебное удостоверение и закричал:

— Всем оставаться на своих местах! Сейчас в вашей квартире будет произведен обыск! Вот разрешение, — свободной от удостоверения рукой он порылся во внутреннем кармане, выудил белый, свернутый вчетверо, листок, оба документа сунул Светлане Артемьевне под нос, затем кивнул на Марата и Колю, — Это — понятия.

— Спокойно, капитан, ситуация под контролем! — внук в ответ протянул свою «корочку»...

Отводов заглянул и понял: получить ему от полковника с Петровки еще один нагоняй...

— Ох, дела! Быстро меня «раскусили», похвально! — «предводительница» ничуть не сробела, закинула край шали за плечо, прошла в прихожую, мягко прикрыла входную дверь. Вернулась. Взяла белый листок, развернула, внимательно прочла:

— «Следователь СВАО гэ Москва...» Так-так. Рассмотрев материал по обвинению... И принимая во внимание... Э-хе-хе! Имеется достаточно оснований полагать, что предметы, как-то: позолоченные сережки и кулон с горным хрусталем, латунный браслет со вставками из Чешского стекла, клипсы со стразами... ага, вот, — серебряное колечко с аквамавром, — находятся у Свистуновой Эс А, — зыркнула из-под бровей, — А где же подпись прокурора?

Отводов стоял как школьник у доски. Волосы взлохмачены, пятерню запустить в них сейчас он не решался, и так вид дурацкий. Со скоростью зубрилки протараторил:

— В случаях, не терпящих отлагательства, обыск может быть произведен без санкции прокурора, но с последующим сообщением ему в суточный срок, — инициатор несостоявшегося шмона все это время глядел почему-то не на вопрошавшую бабушку, а на бабушкиного внука.

— Вот я, милоч, и говорю, слишком быстро работаете! И о чем теперь будете сообщать прокурору?

— Об ошибочке... — Отводов аж посерел. Но внук его успокоил, пообещал и с прокурором, и с Цветковым лично переговорить и капитана от нагоняя избавить. «В конце концов, сами виноваты, скрывали от местных органов часть важной информации». Ребят: соседей и группу захвата, — попоили чайком с пирогами, те поблагодарили, поздравили присутствующих дам и спешно ретировались. Остались только Лобенко с Отводовым. С ними, конечно, предстоял долгий разговор. Ведь нужно было все по-человечески растолковать...

Х Х Х Х Х

Незадолго до происшествия в Ольгиной квартире были совершены два преступления: кража в Питере, и ограбление в Самаре. При этом пострадал один человек.

На первый взгляд, между преступлениями не было ничего общего: исполняли их совершенно разные люди. В Северной столице сосед потерпевшего выносил мусорное ведро и на лестничной клетке повстречал «мужчину лет сорока, с густыми светлыми бровями, голубоглазого...» Они, хоть и не знали друг друга, но из вежливости поздоровались и разошлись, каждый по своим делам. Из квартиры номер сто пятнадцать, принадлежавшей одинокому пенсионеру Валентину Старкову, голубоглазый мужчина вынес приличную сумму денег и старинную резную деревянную трость с рукояткой в виде головы орла.

Самарец, Николай Городец, доставленный в местную больницу с черепно-мозговой травмой, дал весьма неточные показания. Он, токарь по профессии, возвращался домой после вечерней смены. Недалеко от проходной на него напал неизвестный мужчина, нанес удар по голове. Потерпевший успел оглянуться, но тут же потерял сознание. Когда очнулся, не было ни грабителя, ни бумажника в кармане, ни большого медного креста на шее. Единственное, что может утверждать точно, нападавший был чернобров и старше него лет на двадцать, то есть где-то пятидесяти-пятидесяти пяти лет.

И, тем не менее, именно неточно описанного самарского грабителя удалось поймать почти сразу. Им оказался некий Владимир Федорович Фадеев, безработный.

Фадеев частенько промышлял на улицах. До «крестonosца» напал на нескольких женщин. А после осмелел — стал на сильный пол бросаться. Решил, с одним подфартило, может, и с другими тоже повезет. «Мужики хоть и редко носят драгоценности, зато часто кладут в бумажник крупные суммы денег». Жертву выбирал похлупче, небольшого росточка, чтобы проще и результативнее было глушить по голове.

Только однажды Владимир Федорович... промахнулся, в буквальном смысле слова. Несостоявшийся пострадавший увернулся из-под удара и, перекрутившись на одной ноге, другой ударил по запястью — дубинка вылетела. В следующее мгновение «каратист» заломил злодею руки, связал их шарфом, и ну кричать: «Кто-нибудь, выбросите в окно скотч». Потом, уже в «обезьяннике», милиционеры два часа преступника от липкой ленты освобождали, весь был «забинтован».

Городец узнал в Фадееве ночного разбойника. Да тот особо и не отпирался. Все совершенные грабежи перечислил: где, когда, кого и что взял. Рассчитывал помощью следствию приговор смягчить. Одного не учел, крест, снятый с шеи Городца, оказался не простой побрякушкой, а старинной реликвией, упоминаемой аж в монастырских летописях XV века. Все остальные похищенные им у женщин украшения и суммы, экспроприированные из чужих кошельков, не составляли и десятой части оценочной стоимости медного креста.

Фадеев перепугался не на шутку. Нервически теребил манжет рубашки. Лебезил перед

следователем, пытался вспомнить мельчайшие подробности:

— Мне теперь кажется, господин следователь, что человек, заказавший для себя крест, следил за мной. Потому как он про мое последнее ограбление, когда я золотую цепочку умыкнул, в смысле, отнял, все подробности знает. Сказал: «Возьмешь требуемую вещь, а все, что будет в бумажнике, — твое. Если же откажешься — сдам ментам», — ну, в смысле, извините, вам, в милицию. А в кошельке у этого работяги всего столик болтался. Я, когда явился отдавать крест заказчику, намекнул, мол, выходит, бесплатно на тебя пахал, в смысле, столик-то — не деньги... Тот не поспешил, выложил три «зелененьких», тоже по сотни, — грабитель ненадолго замолчал, почесал лоб, и добавил. — Только цапка, по-моему, была все же другая, в смысле, не та, которую он хотел заполучить. Почему так думаю? Мужик вначале ее схватил, как голодная собака кость. Стал рассматривать, там самоцветы вкраплены. Особенно долго пялился на крупный зеленый камень, в центре. Поворачивал его к свету, подносил к глазам. Потом скис, в смысле, погрузнел. Я тогда подумал, что он из-за отданных мне трех сотен расстроился, в смысле, решил, не стоит этих денег крест. Отберет, думаю, «баксы». Но заказчик ничего не сказал, достал записную книжонку, развернул на заложенной странице и поставил жирную галочку напротив слова «крест». Он выписывал эту галочку долго, старательно, как бы что-то прикидывая в уме. Я успел разглядеть все, что было рядом: адрес, по которому я поджидал свою жертву. Чуть выше — другой, питерский, адресок. Он шел под пунктом «трость», и рядом с ним тоже стояла жирная галка. В самом же низу — третий — московский адрес и слово «перстень». И еще... строки с «крестом» и «перстнем» были взяты в общую скобку и помечены словом «изумруд» с вопросительным знаком.

Фадеев торопился, рапортовал на повышенных оборотах, словно боялся, что его не выслушают до конца, отправят в камеру:

— Я думаю, этот мужик — он медик. У него на записной книжке тиснение, вроде как две змеи, что-то обвили, чашу, чтоль? — почесал затылок. — Да, он, после того, как подумал, строчку с «крестом» в своей записной книжке вообще замарал, в смысле, вычеркнул. А вот третий, московский адрес и слово «перстень» при нем, обвел в овал, рядышком поставил восклицательный знак. Если хотите, господин следователь, я даже постараюсь все прочие, не самарские, адреса отобразить, в смысле, вспомнить. Только вы в протокол занесите, что я сам их назвал, что вы на меня не давили. Вы ведь на меня не давили? (Следователь кивнул.) Ну вот, так и напишите.

И Владимир Федорович Фадеев вначале назвал точный адрес снимаемой Лобенко жилплощади, а затем жилплощади пенсионера Старкова.

X X X X X

22 февраля 2000 года, менее чем за неделю до знакомства Ольги со Светланой Артемьевной, все вышеизложенные сведения по краже и ограблению, оказались в Москве, на Петровке, а именно, на столе полковника Алексея Степановича Цветкова. Изучив их, он поморщился: «Несомненно, действовал фанатик. Не один месяц готовился, составил план, все мелочи предусмотрел, аккуратно внес данные в записную книжку. Значит, совершенно не боялся, что его с этой книжкой поймают. У преступника явно имеется какая-то цель, и к этой цели он шаг за шагом приближается».

Фанатиков Алексей Степанович не терпел с детства. С того самого дня, когда подрался со своим другом Петькой Коршуновым из-за Майи Кристаллинской. Петька млел от ее тягучего «Мы с тобой два берега у одной реки». Прагматик Цветков попытался объяснить

школьному товарищу, что любовь — слишком дорогая штука, чтобы дарить ее женщине, пусть и красавице, знакомой тебе только по голосу из радиоприемника, да фотографии в «Огоньке». Тем более, если этой женщине до тебя дела, как американскому президенту до прохуdivшихся валенок бабы Мани. Объяснения плавно перетекли из области интеллектуальной в физическую. История закончилась для Лешки выбитым зубом, переломом носового хряща и репрессией со стороны родителей.

Но на этот раз полковнику Цветкову попался не простой воздыхатель, а фанатик-интеллектуал, знаток истории, охотник за старинными вещицами. Следствие располагало фотороботом, составленным со слов Фадеева. Впрочем, надежды на него было мало. Память у Фадеева, конечно, уникальная, но слишком условные приметы: усы и борода (скорее всего, приклеенные), густая шевелюра (скорее всего, парик)... Если же все это настоящее, то сбрить не долго, и внешность кардинально поменяется. Нельзя было с уверенностью говорить даже о возрасте подозреваемого.

Алексей Степанович достал документы дела, разложил их перед собой. Покряхтел, покрутил листочки и так, и этак. Затем нажал на кнопку селектора:

— Зиночка, вызовите ко мне Свистунова.

Игорь Свистунов был одноклассником дочери Цветкова, Катеньки, и внуком ее любимой учительницы Светланы Артемьевны. Полковник считал себя должником этого семейства. Когда Катерина засобиралась поступать в МГУ, на исторический, Светлана Артемьевна совершенно бесплатно просидела с девочкой несколько месяцев над учебниками. Конкурс был двадцать человек на место. Преподаватели зверствовали. Половину абитуриентов отсеяли уже на самом первом, профильном, экзамене по истории, поставив «неуд». Основная масса получила «тройки», «четверок» было немногим больше, чем свободных мест на набираемом курсе, а «пятерка» — всего одна, у Катеньки Цветковой. К тому же, поскольку Катенька окончила школу с золотой медалью, эта оценка дала ей право на зачисление, минуя остальные экзамены.

Если дочка полковника пошла по стопам бабушки своего одноклассника, то сам этот одноклассник увлекся криминалистикой, как и отец Катерины, и вскоре после юридического попал на Петровку. Цветков обиделся, узнав, что Игорь пробился на службу в престижное заведение, минуя его поддержку. Но Игорь объяснил все предельно просто:

— Не хочу, чтобы прошли слухи, будто я блатной...

Зато в дальнейшей службе полковник с майором могли положиться друг на друга. Вот и сейчас Цветков, сам не поймет почему, решил привлечь именно давнишнего знакомого к работе над делом.

Майор Свистунов заглянул в кабинет:

— Разрешите войти, товарищ полковник?

— Входите, майор. Намерен с вами поговорить, точнее, посоветоваться. А, если еще точнее, мне нужен ваш молодой, не засоренный стереотипами мозг.

— Весь к вашим услугам, Алексей Степанович!

— На нашем уголовном горизонте появился некий «охотник за стариной». Для себя я называю его «фанатиком». Сам он, разумеется, руки не марают, нанимает, кого попроще, в основном, мелких воришек. Готовится к делу заблаговременно. Знает, чем исполнителей припугнуть, чем заинтересовать. Если вещь хранится в квартире, — достает дубликат ключей, коли хозяин носит искомый предмет с собой, рассказывает, в какой подворотне и когда его удобнее подстеречь, — Цветков вытащил из ящика стола лист бумаги и нарисовал

на нем три кружка. — Таким образом, были украдены резная деревянная трость и медный крест со вставками из самоцветов и гравировкой, — полковник вписал названия предметов в кружки, располагавшиеся на одной линии.

— И все старинные?

— Крест — средневековый, с гравировкой Печерского монастыря, в котором он был выкован. Описание креста сохранилось в списках. Да и трость коллекционная — XVIII век.

Свистунов качнул головой.

— Ну, а в третий кружочек, тот, что нарисован в стороне от первых двух, что вы собираетесь записать, Алексей Степанович?

— «Перстень».

— Тоже украденный?

— Пока нет... Следствие располагает данными о том, что его собираются украсть и даже есть адрес возможного места преступления.

— Наружку выставили?

Полковник поерзал на стуле.

— Экий приткий! Квартира сдается: за кем наблюдать, за хозяевами или квартиросъемщицей? А если «фанатика» спугнем, он ведь тоже, должно быть, за будущей жертвой следит. Да и наш «осведомитель» мог ошибиться... — Цветков нажал на кнопку селектора. — Зиночка, сделайте нам с Игорем Андреевичем чайку.

— Да, задачка!

— «Охотник за стариной» весьма тщательно готовится ко всем ограблениям. Думаю, у нас в запасе недели три-четыре. Нужно первыми выйти на потенциальную жертву, естественно, предварительно определив, кто она, — полковник вписал в третий кружок мелкими буквами: «жертва» — и поставил напротив знак вопроса, — Да, еще один важный момент. Похищенный средневековый крест и пока не украденный перстень в записной книжке «фанатика» объединяет общая скобка и слово «изумруд», — два соответствующих кружочка были обведены единым овалом.

— А в кресте изумруда не было?

— Нет. Но был большой зеленый нефрит. И «фанатик», когда смог его разглядеть, расстроился.

— Так, может, грабитель ожидал увидеть на месте нефрита именно изумруд?

— Очень может быть, особенно, если учесть, что крест потерпевший Городец всегда носил на теле, значит, «фанатик» не имел возможности хорошенько разглядеть его раньше...

— И не был искушен в ювелирных вопросах. Спец не спутал бы изумруд с нефритом даже с расстояния в десять шагов. Если, конечно, камень не с маковое семечко.

— Ну-ка, — полковник полез в гущу листочков, — Вот: «в центре креста — зеленый нефрит», ни фиги себе, «размером, примерно, два на полтора сантиметра» — Цветков покрутил головой, достал кошелек, порылся в кармашке с мелочью. Выудил оттуда рубль. — Типа, как эта монета, только овальный.

— Ну вот, значит точно не спец. Стало быть, и нам нужно искать этот изумруд, точнее, перстень с изумрудом и его обладательницу. Только, по-моему, все-таки лучше это делать аккуратно, без официоза...

Дверь распахнулась. Вошла секретарь Зиночка с подносом. Выставила на стол маленький чайничек, две чашки и сахарницу. Майор вскочил с места:

— У меня ж варенье есть. Знаменитое, бабушкино, «Королевское, крыжовенное». Я

бабусе поклялся, что вас им угощу. Сейчас принесу, — и тут же, ошарашенный, сел. — А крыжовенная ягода ведь как раз два на полтора сантиметра размером и будет!

Х Х Х Х Х

Именно об этих двух кражах и о разговоре в кабинете Цветкова майор Свистунов поведал капитану Отводову и Ольге Лобенко на кухне у Светланы Артемьевны в Международный женский день.

Старушка, в свою очередь, дополнила повествование рассказом о том, как добровольно угодила в гущу событий:

— Конечно, у меня поначалу не было уверенности, что речь идет именно о том изумруде, который некогда был подарен Екатериной моей шесть раз прабабке. Но как усидеть на месте, коли тут можно в настоящем детективе поучаствовать, — бабуля вновь всплеснула руками и расправила дырочки ажурной шали. — И Алексей Степанович мою кандидатуру одобрил. Какой «фанатик» заподозрит, что старуха, на самом деле, занимается слезкой? Я попросила Игоря помочь снять квартиру поближе к твоему, Оленька, дому, и совершенно самостоятельно сочинила сцену знакомства. Даже ось в сумке-тележке специально подпилила, решила: «Пусть колесо вначале отвалится, а уж потом я придумаю, как использовать сей факт в целях упрочения отношений».

Но «придумывать» ничего не пришлось, Ольга безукоризненно «вписалась в сюжет». Единственная оплошность, организаторы и участники наблюдения за Лобенко не предполагали, что «фанатик» так скоро перейдет к активным действиям. Еще хорошо, что Ольга не пострадала, да изумруд не был найден, а то упустили бы преступника — служивые словили бы по «выговорешнику», а старушка задохнулась бы в тисках собственной совести.

— Ребята, я не знаю ни о каком изумруде. Это чистая правда, — взмолилась Ольга. Светлана Артемьевна с ней согласилась:

— Я так и поняла. Но вот перстень с аквамаринном, вернее его оправка, судя по твоему описанию, Оленька, была та самая, Екатерининская. Кто и когда подменил в ней камень? Ох, дела! К сожалению, загадок в нашем деле не убавляется, а прибывает.

— Нужно узнать, какое отношение ко всему этому имеет резная деревянная трость, — проявил сообразительность капитан Отводов.

— И почему «фанатик» решил, что изумруд помещен в средневековый крест? — спросила жена Свистунова Люба и густо покраснела: муж не любил, когда она вмешивалась в его криминальные разбирательства. Но, на сей раз, Игорь мог сердиться только на самого себя, ведь чуть дело не провалил:

— Ребята, по правилам, надо бы дополнительно опросить всех потерпевших. Но командировки — это слишком долго. Боюсь, опять что-нибудь упустим... Да и недомолвок в этих разговорах будет больше, чем откровений. Я вот что надумал. А если собрать всех вместе: Старкова, Городца, нас? И пусть каждый выкладывает все, что думает, все, что может припомнить: как реликвии попали в семью, кто ими ранее интересовался... И, главное, не слышали ли они что-либо про изумруд размером полтора на два сантиметра. Неприметное слово, маленькая деталь, а сведущий человек за нее уцепится, и клубок загадок будет размотан.

Идея понравилась всем присутствующим. Оставалось только одобрить ее у Цветкова.

Новости телевизионного закулисья

Со стороны могло показаться, что администратор ток-шоу «Волшебный ларец», Ольга Лобенко, всего лишь тщательно пережевывает зеленый лист из своего «греческого» салата. Но, на самом деле, она выполняла важную операцию — «наблюдение за окружающими с целью вычисления «фанатика». Принятие же пищи служило лишь прикрытием для ее активной мозговой деятельности.

Говорят, женщины, в отличие от мужчин, обладают исключительной способностью мыслить одновременно двумя полушариями. Ольга проверила на себе — получается. Одной половинкой серого вещества она следила за посетителями буфета, а другой, дабы сохранять душевное равновесие, беспрестанно сочиняла «умняшки»:

«Наблюдение — та же рыбалка. Главное — найти «клевое» место, забросить удочку и ждать».

Это занятие могло бы даже успокоить нервы, если бы Ольга видела себя в образе «рыбака», но ведь она была скорее насаженной на крючок «наживкой»!

Еще пару дней назад на лице девушки читались безразличие к окружающим, легкая усталость и, клонящая в сон, скука. Сегодня ее широко раскрытые глаза сверлили каждого встречного немой установкой: «Колись, бандит!» Окружающие, в свою очередь, не могли не заметить заинтересованности во взгляде этой юной и весьма привлекательной особы. Женщины и старички в ответ смущенно отворачивались, мужчины подплывали карасем и начинали «клеиться».

Как-то в одном женском издании Лобенко прочла: «Если бы вы знали, сколько парней на улице мечтали с вами познакомиться, но не сделали этого только потому, что не увидели ответного интереса в вашем взоре, — вы бы умерли от обиды». Теперь Ольга эту цифру выяснила — человек десять ежедневно. Но девушка не использовала ни одного из представившихся ей шансов.

«Страх. Всею виной страх — отказ в помощи собственного рассудка».

Умом она понимала, стоит поддерживать любое знакомство. И не потому, что ей все-таки нужно как-то устраивать личную жизнь. Просто, как объяснили майор Свистунов и капитан Отводов, в самое ближайшее время «фанатик» обязательно вступит с ней в контакт. И важно не упустить, не оттолкнуть этого человека. Но язык сам собой посылал подкатывающих кавалеров так далеко, что оттуда они уже не возвращались.

Впрочем, всех тех, кого Ольга отшила в транспорте и на улице, ей было не очень-то и жаль. «Оперативная группа», заседавшая 8 марта на кухне у Светланы Артемьевны, единодушно предположила, что «охотник за стариной» «подкараулит» Ольгу в каком-нибудь более доверительном месте, например, в телецентре. Энтузиасту, способному подбирать ключи к чужим квартирам, достать туда пропуск не составит труда...

Останкинский буфет. Всего несколько дней назад, вместе со своей детско-юношеской грезой Витькой Соловьевым она пила здесь коньяк. Но вспоминать об этом ей почему-то не хотелось. Сосредоточилась на наблюдении.

Посетителей было немного. Жанна Агалакова заскочила пропустить чашечку кофе в перерыве между выпусками новостей; группа «ВИДовцев» склонилась над столиком и что-то негромко обсуждала. Остальные были девушке незнакомы. Лысый тучный господин, поглощающий куриную ножку с таким усердием, что на лбу выступили капельки пота.

Рядом с ним — немолодая, но весьма приятной наружности дама, тоже ест ножку, но без пристрастия... В углу — некто в джинсовой паре, даже пол не определяется: короткая стрижка, косметики нет, лицо немного угловатое, а черты тонкие, изящные. Сидит один. Может быть, это и есть «фанатик»?

— Приятного аппетита, Ольга Валерьевна! У вас свободно? — Генрих Ильич Гридасов, представитель спонсорской фирмы «Картопак», нарушил ее размышления.

Генрих Ильич был в «Останкино» своим человеком уже на протяжении пяти лет. «Картопак» вкладывал деньги в самые популярные игровые шоу ведущих каналов. Эмблема фирмы: кубической формы желтая коробочка, крест-накрест перевязанная алой лентой, сверху — пышный бант, — красовалась на телеэкранах постоянно.

Когда фирма Гридасова начала финансировать «Волшебный ларец», передача в одночасье «пожелтела». Все подарки участникам стали выносить в картонной упаковке с колором спонсора. Даже главный символ — сундучок с помещенным внутрь супер-призом выкрасили под золото и навесили на него алый замок, на углы надели алые же фигурные наклейки. Наверное, не было на программе человека более уверенного в завтрашнем дне, чем Гридасов: менялись режиссеры, операторы, администраторы... Но спонсор оставался прежним и желтая коробочка, увенчанная красным бантом, никуда не исчезала.

— Приятного аппетита! Присаживайтесь, Генрих Ильич! — Кивнула Лобенко. Гридасов аккуратно составил с подноса на столик творожную запеканку, биточки с картофельным пюре и клюквенный кисель. Отнес поднос. Вернулся. Расстегнул пуговицы пиджака и, прилежно приподняв брючины, чтобы не нарушить тщательно отутюженные стрелки (издали казалось, будто он сам себя ущипнул за колени), присел на стул.

Х Х Х Х Х

Гридасов, по мнению Ольги, был не молод. Сам он так, разумеется, не считал. Ему было сорок восемь. Все его ровесники уже начали активно молодиться: сменили строгие деловые костюмы на демократичную «джинсу»; выписали в блокнотик сленговые словечки, приносимые детьми из школы, и не забывали в подходящий момент блеснуть их знанием; в конце концов, хотя бы завели юных любовниц. Гридасов на их фоне выглядел архаичным. Он был не то однолюбом, не то убежденным холостяком. Во всяком случае, ни близкой подружки, ни жены рядом не наблюдалось. Он все еще носил бороду и усы, отращенные «для солидности» девять лет назад, когда Генрих Ильич занимался политикой и даже состоял в руководстве какой-то партии. Возможно, и до сих пор там состоит.

Но, видимо, средств к существованию сия деятельность не дает. Ибо в 1993 году он пришел на работу в «Картопак» и занял должность менеджера отдела рекламы. Изъяснялся этот человек исключительно литературным языком, в слове «жалюзи» ставил ударение на последний слог и никогда не перенимал привычки «коренных» москвичей говорить «ехай» вместо «поезжай». За что, отчасти, его и полюбили в Останкино.

Впрочем, эта любовь была взаимной. Именно благодаря своему приверженному отношению к телевидению Генрих Ильич совершил стремительный подъем по крутой служебной лестнице. Тогда хозяйка российских передач только-только научились брать деньги за демонстрацию человеческих лиц в «ящике», новичок-рекламист неприметной фирмы предложил боссу известить бешенную сумму на двадцать минут ругни в прямом эфире с Депутатом Государственной Думы. Коллеги крутили пальцем у виска:

— Это ведь бюджет нашего отдела на целый квартал!

Идея абсолютно всем показалась абсурдной. Но руководитель «Картопака» неожиданно

с ней согласился. Не потому, что поверил в действенность акции, просто был амбициозным человеком. И решил, что это хороший шанс «засветиться» и «повыпендриваться» перед родственниками да знакомыми: «Ну, а затраты покрою, лишив коллектив премиальных и уволив инициатора «теледебатов» без выходного пособия».

Думовец, разумеется, никаких денег в казну канала не вносил. (Это был принцип передачи: один из участников — бесплатный, но популярный, для привлечения зрительского внимания.) Никакой финансовой ответственности за свои слова он не чувствовал и явился в студию совершенно неподготовленным. Нес что-то про удорожание товаров за счет дорогостоящей упаковки, про пагубность целлюлозно-бумажной промышленности для экологии...

Директор же «Картопака» не мог позволить себе, за собственные «бабки», выставиться дураком перед близкими, коллегами, да и перед всей страной. Поэтому к съемкам подготовился тщательно, прикупил костюмчик, сходил в парикмахерскую и устроил для сотрудников отдела рекламы блицтурнир на придумывание каверзных вопросов. Тренировка дала результат — он без труда парировал все выпады соперника: «Да, за упаковку тоже приходится платить. Но яркая коробочка не только украшает товар, но и сохраняет его целым и невредимым, — «все затраты с лихвой окупаются сокращением «неликвида»... Что же касается экологии, мы ее не портим, а сохраняем, пятьдесят процентов нашей продукции переработаны из вторсырья, то есть «макулатуры»...

Кстати пришлось выписанные на отдельный листочек красивые фразы и афоризмы по теме, — Гридасов постарался. Эфир прошел «на ура». В фирму потекли заказы. Босс не только не уволил начинающего менеджера, но и назначил его разработчиком новой PR-стратегии, потом руководителем созданного отдела по связям с общественностью и, наконец, креативным директором «Картопака».

Х Х Х Х Х

Тем временем, подсевший к Ольге Гридасов приступал к трапезе. Он вытащил бумажную салфетку из стаканчика и, за неимением льняной, разложил на коленях. Подтянул поближе биточки:

— Что это вы, Ольга Валерьевна, сегодня в одиночестве кушаете? Где ваша подруга и наш замечательный гример Верочка? — он очень смешно держал в руке нож, оттопыривая не в меру длинный мизинец почти под углом в девяносто градусов.

— Верочку вызвали на другую передачу. Ей в очередной раз придется довольствоваться кофе с малиновым рулетом, которые я отнесла в гримерку. Что же касается моего одиночества, надеюсь, вы мне его скрасите...

— Льстите, Ольга Валерьевна? Впрочем, постараюсь ваши авансы оправдать. К тому же, каюсь, подсел я к вам с корыстной целью, — Гридасов наклонился к Ольге и прошептал на ухо, — посплетничать.

Девушка слегка отстранилась:

— Вот уж не думала, что такой солидный человек, как вы, может сплетничать.

— Сплетничать любят все, моя дорогая, только многие это скрывают. К тому же, я хочу поделиться с вами не просто слухами, а достоверными данными, хотя пока и не обнародованными, — Гридасов не сводя глаз с Ольгиного лица, взял стакан с киселем, отхлебнул, утер салфеткой бороду и с достоинством выговорил. — «Волшебный ларец» снимают с эфира.

— В смысле, закрывают?

— Ну-у-у, официально... — он многозначительно выдохнул, — Пока приостанавливают выпуск, создают оперативную группу и решают, что делать дальше. Лично я предполагаю, что этой передаче попросту найдут замену.

— Ведь «Ларец» держит рейтинги уже лет семь!

— Да, но семь лет назад он в этих рейтингах был на первом месте, а сейчас — всего лишь на шестом.

— Но как же Саша Вуд?

— Он больше не будет ведущим. Собственно, — Гридасов замялся, — именно для того, чтобы его аккуратно убрать с экрана, передачу и закрывают.

— Вуд сделал программу популярной, — горячилась Ольга, отчего лицо ее покраснелось, а у виска задергалась розоватая жилка. — Она — все, что у него осталось: жена ушла, дети не хотят его видеть, здоровье пошатнулось...

— Да. И все проблемы связаны с одной, главной, — пристрастием к спиртному.

— Работе это не мешает — пьет он только по вечерам, с утра — как огурчик...

— Я бы сказал, как баклажан, Верочка ведро тонального крема изводит, чтобы придать его сизой физиономии телесный оттенок...

— Час от часу не легче, то одно, то другое.

— У вас какие-то неприятности, моя дорогая? — Гридасов аккуратно прислонил вилку и нож на край тарелки, оторвал взгляд от еды и пристально посмотрел на Ольгу.

— Да, то есть, нет...

«Чуть не проговорилась! — подумала Лобенко. — Боже упаси, посвящать таких влиятельных людей как Гридасов в свои личные проблемы. Коммерсанты считают человеческий фактор слишком сентиментальной, а потому совершенно излишней, составляющей в производстве бизнеса», — вслух же добавила:

— Просто, боюсь тоже остаться «за бортом».

— О-о-о! Уверяю, моя дорогая, вам это не грозит, — Гридасов снова взялся за вилку и нож. — И я никогда не посмел бы портить вам трапезу плохими вестями...

— Вы хотите сказать, что закрытие программы — хорошая весть?

— Для вас — да.

Лобенко поправила очки на носу. А Гридасов приосанился, осознавая важность той информации, которую собирался девушке сообщить. Отставил в сторону опустошенную тарелку из-под биточков и приблизил к себе блюдо с запеканкой. Он чеканил каждое слово:

— В связи с тем, что ток-шоу «Волшебный ларец» себя изжило, но команда, делающая его, слаженная и мобильная, на ее основе учреждается новое акционерное общество. Его равноправные совладельцы — ваш канал и наша фирма. Это будет развлекательное телевидение. В основном, игровые и музыкальные программы. Создается совет по планированию и разработке новых передач. Вы в него входите.

— Я не поняла, это повышение или понижение?

— Разумеется, повышение. Более того, у вас есть прекрасная возможность продвинуться еще дальше. Если не ошибаюсь, вы заканчивали некий творческий вуз?

— ВГИК. Я — актриса по специальности... — от волнения Ольга частила. А во креативный директор был по-прежнему невозмутим и размерен в своей речи:

— Вот и чудненько. Предложите интересный проект, сможете его же и вести.

— В смысле, обеспечивать функционирование, или работать ведущей в кадре?

— Возможны оба варианта. Решится со временем.

Дверь в кафе распахнулась, и в помещение вошел Вуд. В студийном костюме с люрексом, на этот раз, сиреневого оттенка. В руке он нес цилиндр, обшитый той же тканью. Минув барную стойку, он напрямик направился к столику, за которым сидели Ольга Лобенко и Генрих Гридасов.

— Добрый день! Ребята, я вас потесню чуточку, забыл оставить свой реквизит в подсобке, — стараясь не смотреть коллегам в глаза, Александр отодвинул свободный стул и положил на него шляпу.

— Вы нас несколько не стесните! Я как раз докушал свой скромный обед и удаляюсь. Приятного аппетита! Счастливо оставаться... — Гридасов откланялся и ушел.

Ольга, как тщательно ни пережевывала греческий салат, тоже успела его доесть. Однако уходить она пока не собиралась. Вуд это заметил и оживился.

— Тебе что-нибудь принести?

— Миндальное пирожное и зеленый чай.

— О'кей! А ты пока посторожи «сомбреро», все-таки казенное имущество.

Это была явная уловка, попытка задержать девушку. Кафе закрытое, кошелек преспокойно можно бросать на столе, не то, что бутафорский реквизит... Александру просто не хотелось обедать в одиночестве.

Ведущий «Волшебного ларца» вернулся с обещанным угощением, себе он взял шашлык из осетрины и стопку водки.

«Спиртное перед записью, это что-то новенькое», — подумала девушка и отметила, что грима на лице соседа по столику действительно многовато.

— Ну, за помин моего детища, — Вуд приподнял стопку.

— Так ты в курсе?

— Ну, если ты уже «в курсе», почему я должен быть «вне»? Судя по тому, что господин Гридасов не побрезговал с тобой сотрапезничать, ты остаешься в команде?

— Он полагает — да.

— Он не «полагает», он располагает.

— В смысле, как Господь Бог?

— Примерно. Генрих Ильич разве забыл упомянуть о таком маленьком пустячке, как его Генеральное директорство в новом АО?

— Ни фиги себе!

— Это мне ни фиги. А ему, как раз, до фиги и больше!

— Не кипятись! Ты очень расстроился? — Ольга коснулась руки Вуда.

— По поводу увольнения? Увольнение — не смерть. Отдохну немного. Слава Богу, не всю заначку пропил. А там посмотрим.

Х Х Х Х Х

Лобенко неслась в примерку, ей не терпелось поделиться последними новостями с Верочкой. Она не стала дожидаться лифта, по лестнице взмыла на второй этаж. В пролете едва не перевернула круглую напольную пепельницу на длинной ножке, зато налетела на некую рыжеволосую мадам в черном сарафане и рубашке с белым жабо. Мадам проводила ее колечками выпущенного изо рта бледного дыма. В Останкино к подобным «гонкам» привыкли. Двадцатый кабинет, девятнадцатый... вот и нужная дверь. Девушка толкнула ее растопыренной ладошкой.

Верочка сидела в кресле, лицом к окну. Больше в примерной никого не было.

— Вер, ты уже знаешь?

Вера молчала.

— Раз не переспрашиваешь, что, — значит, знаешь. И почему мне не сказала? Тоже, подруга!

Опять тишина. Лобенко подкралась сзади, легонько взяла девушку за плечи, пригнулась к уху:

— Не удалось пожевать мясца в буфете, так ты собственный язык съела? Эй, чего молчишь! — резким движением она крутанула кресло на себя. Локоны молчаливой подруги откинулись с лица, и из-под них выплыла посиневшая уродливая физиономия какого-то упыря. И впрямь создавалось впечатление, что сидевшее перед ней существо пыталось съесть собственный язык, распухший, он не помещался во рту и беспомощно выпирал наружу, прикушенный собственными зубами. Такими же вздувшимися были и губы, будто в них накачали килограмм силикона; из выпученных толстых и покрасневших полусфер век выглядывали узкие, как у китайца, глаза.

— На помощь! — Лобенко завизжала, точно импортная дрель в отечественном бетоне.

Полкан и петушиный гребень

Ораниенбаум, 1755 год.

Екатерина с трудом вытягивала ноги из свежеперекопанной влажной земли. Она то и дело приподнимала край платья и посматривала, не начерпала ли грязи в синие коты;. Эти чеботы пришлось выпросить у местной крестьянки. Собственные туфли были почти все атласные да шелковые, они и на утоптанной дороге с ноги слетают, а уж в рыхлой почве точно потерялись бы.

Княгиня потрясла правой ступней, придиричиво оглядела башмак: сидит не твердо, видно, ослабли завязки вокруг голени. Согнулась, чтобы поправить, и тут же почувствовала, острую боль в позвоночнике, чуть выше талии, словно туда вонзили что-то острое, — ощущение знакомое, но уже почти забытое...

Впервые она испытала его в семь лет, когда сильно простудилась. Жар не проходил несколько недель, а от кашля выворачивало все нутро: и легкие, и желудок, и, казалось, даже мозги.

Врач констатировал: воспаление легких. Думали, не выживет, но она поправилась. Правда, когда поднялась с постели, обнаружилось, что позвоночник сильно искривился. Пришел костоправ, а по совместительству городской палач, велел ей стать прямо, но получилось лишь зигзагом. Между рукой и туловищем образовалась большая дыра, правое плечо возвышалось над левым, а голова уходила куда-то вбок. Затем костоправ-головорез круто наклонил Фике (так ее звали домашние) вперед и велел опустить руки вниз, тут-то девчушка и почувствовала острый укол в позвоночник. По итогам осмотра было назначено лечение: и днем, и ночью носить специальный корсет. Кроме того, ежедневно к принцессе следует приводить некормленную с вечера девственницу, дабы та растирала своей слюной приподнятое плечо и искривленную спину. Не будем судить, какое из предложенных средств оказалось эффективнее, но, через три с лишним года неукоснительного исполнения процедур, позвоночник девочки выпрямился, ушла и боль при наклоне вперед.

И вот снова это дикое ощущение «ножа в спину». Екатерина перепугалась, зимой она в очередной раз перенесла тяжкую простуду с жаром, ну как ее фигура опять изогнулась подобно ржавому гвоздю?

Она резко выпрямилась, оранжевые круги поплыли перед глазами. Как ее учил костоправ? «Положи подушечки пальцев на плечи, затем поверни кисти навстречу друг другу. Если ноготочки средних перстов оказались на одном уровне — значит и с плечами, и со спиной все в порядке». Положила, перевернула, свела — слава Богу, никакого зазора.

— Что это Вы, Ваше Высочество, тайный обряд совершаете? — Андрей Анклебец подкатил к клумбе дроги с рассадой.

— Пытаюсь уговорить солнышко, чтобы прикрело наших питомцев, пускай растут буйно и цфетут пышно.

— К земле Ораниенбаума солнце благосклонно. Недаром покойный Александр Данилович Меньшиков выращивал в здешних оранжереях апельсиновые деревья, в честь них и местность названа.

Х Х Х Х Х

На южное побережье Финского залива, в Ораниенбаум, великокняжеская чета переехала жить весной 1755 года. Екатерина к этому времени только-только начала

выбираться из своей затяжной хандры. Причин у недуга было несколько.

Первая — ее материнской природе не дали реализоваться. Спросите любую женщину, и та ответит вам, что девять месяцев, период вынашивания ребенка, — не просто время определенного биологического процесса. Мать в эту пору как бы аккумулирует внутри себя энергию, готовится к новому статусу и распорядку, связанному с ним. Все ее существо сосредотачивается на крохотном человечке, без которого она не может теперь обойтись. Екатерина эту энергию в себе также накопила. А куда деваться? Против природы же не попрешь! Но реализовать не смогла, за шесть прошедших месяцев великой княгине позволили встретиться с сынишкой всего три раза. Воспитанием наследника всецело занималась императрица. Павел продолжал пребывать в ее покоях. Молодой матери рассказали, что из-за боязни застудить мальчика, его поместили в настоящую парилку: кровать и розовое бархатное покрывало изнутри обшили мехом чернобурки, под покрывало положили ватное одеяло и использовали только фланелевые пеленки.

Если Павла Елизавета Петровна окружила теплом, в прямом и переносном смысле, то в нечастых разговорах с Екатериной от императрицы веяло ледяным холодом. Ее отношение к супруге племянника резко переменялось. И это было второй причиной душевного беспокойства Великой княгини.

В день крестин сына Ее Величество преподнесла матери подарки: кольцо, серьги, два перстня, — столь простые, что стыдно было бы вручить и прислуге, да Указ на выдачу ста рублей. Украшения, княгиня поняла сразу, она носить не станет, а вот Указу обрадовалась. Будучи женщиной не скупой, Екатерина истратила личные финансы на подарки придворным и успела залезть в долги. Теперь появилась возможность с этими долгами расплатиться. Но... не тут-то было. Следом за Елизаветой, явился секретарь императорского кабинета и выпросил эти самые сто рублей взаймы, якобы Ее Величество неожиданно затребовала деньги, а казна пуста... Каковы же были гнев и обида Екатерины, когда она узнала, что указанная сумма, на самом деле, понадобилась для Петра, ибо тот закатил скандал: почему супругу поздравили с рождением наследника, а его нет.

Екатерина все чаще стала замечать: не все даже добрые поступки совершаются от чистого сердца. К тому же она обнаружила неприятное и глупое свойство русских пускать пыль в глаза, стараться выглядеть лучше, чем они есть на самом деле. Это касалось и простолюдинов, и членов императорской семьи. Вот пример: первого ноября состоялось официальное поздравление молодой матери от знатных лиц государства. Событию предшествовала специальная подготовка. В смежную со скромно обставленной спальней Екатерины комнату принесли богатую мебель. Виновницу торжества усадили на розовое бархатное покрывало, шитое серебром, — создавалось впечатление, что существование супруги Великого князя во дворце просто окружено роскошью. Приглашенные подходили, произносили величественные слова, целовали ручку. А граф Шварин так усердствовал, что, казалось, вот-вот вытащит зубами изумруд из серебряного перстня на пальце. Как только вереница поздравителей закончилась, «декорации» вынесли, а княгиню отправили обратно, в мрачное «закулисье».

Третьей причиной, усугубившей уныние Ее Высочества, стало расставание с первой любовью Сергеем Салтыковым. Через две недели после родов его отослали в Швецию со щекотливым поручением: доложить тамошнему королю, что у Петра Федоровича родился сын. В Петербург Сергей вернулся через несколько месяцев, к Масленице. Но Елизавета уже придумала для него новое задание — отправиться послом в Гамбург. Екатерине так многое

хочется рассказать своему любимому, и у них так мало времени. Красавчик Серж назначает ей свидание, она ждет его до трех часов ночи, а он не приходит...

Конечно, он перед ней оправдался и пытался смягчить ее боль. Но она только сделала вид, что его простила. Больше она не верит никому. Все мужчины до конца своей жизни продолжают играть в "солдатиков". И женщина для них — только крепость, которую нужно покорить. Неважно, штурмом или осадой. Кто-то после подобной атаки уходит с "военной службы", навсегда поселяется в "завоеванной цитадели", становится ее "комендантом", заводит хозяйство, растит детей. Кто-то не стопорится на достигнутом, "поверженное укрепление" оставляет на усмотрение "местных жителей", а сам отправляется в новый "поход". Салтыков относился ко второму типу мужчин. И супруга Великого князя, хотя и была "бастионом" привлекательным во всех отношениях, после "капитуляции" уже не вызывала у него особого интереса...

X X X X X

Она искала утешение в книгах, пыталась осмыслить свое положение при помощи мудрых мыслей философов-историков. Прогудировала Вольтера, Монтескье, Барония... Но более остальных под настроение подходил Тацит. Она даже оставила закладки в его книгах, чтобы иметь возможность время от времени возвращаться к понравившимся высказываниям.

Из этих цитат можно было бы составить учебник жизни пессимиста:

«Вражда между близкими бывает особо непримирима.»

«Великая общая ненависть создает крепкую дружбу.»

«Льстецы — худшие из врагов»...

Княгиня имела обыкновение использовать в качестве закладок живые листочки с деревьев. Правда, в последнее время Екатерина Алексеевна редко выходила из своей комнаты. Пришлось ободрать рябиновую ветку, стоявшую в вазе рядом с постелью, ту самую, которую добрый садовник Анклебер прислал ей в подарок на рождение наследника. И хорошо, что ободрала. Немногие листочки, оставшиеся на ветке, уже к первым заморозкам скукожились, покрылись серым налетом пыли... Их пришлось выбросить. Закладки же, под прессом многостраничных раздумий, засохли ровненькими и почти не потеряли своего темно-зеленого окраса. Впрочем, как и алые гроздья ягод. Екатерина так привыкла к их яркому жизнеутверждающему присутствию, что, когда императорское семейство перебралось из Летнего дворца в Зимний, взяла засохшую ветку с собой. Женщина относилась к ней, как к живому существу, ей казалось, что та все замечает, все понимает, а порой даже пытается возражать. На самом деле, спорила Екатерина сама с собой. Спорила отчаянно и жестко:

— Ты уткнулась в обиды, как в пуховую подушку, и день за днем проливаешь слезы! Не смеешь признаваться в собственной слабости? Конечно, мнить, будто виновны другие — приятственнее, нежели корить себя; сложить руки и повиноваться обстоятельствам — проще, нежели противиться оным.

— Попробуй бороться, когда чувствуешь себя совершенно незащищенной, будто с тебя содрали кожу. Любое прикосновение, даже вполне ласковое, причиняет невозможную боль.

Екатерине показалось, что засохшая ветка дернула алой гроздью. Удивительно, но внутри самой себя оба голоса звучали без малейшего акцента. А, может быть, это совсем и не удивительно. Ведь особенности обыкновенно бывают заметными лишь со стороны:

— А как ты думала, пустые надежды — это всегда больно! Но ты сама виновна в том, что позволила надеждам осесть в твоей душе.

— Зато теперь в отношении своей будущности я не в силах углядеть что-либо приятственное. Что меня ожидает? Безмолвная роль супруги-рогоносицы? Каким образом сложится моя судьба, когда Петр придет к власти? Закончится ли моя жизнь в монастыре, как у большинства нелюбимых жен при Российском престоле? Внутри императорской семьи я — даже не «крепость», а «оловянный солдатик» из коллекции мужа. Пожелают — вытащат из коробки; коли нужно — выставят напоказ; ну, а отломают башку — быстро забудут, найдут замену.

Но и на эти справедливые доводы у внутреннего голоса нашлись возражения:

— Ты так мыслишь, будто нынешний день — апогей всей твоей жизни! Опомнись, то всего лишь очередная ступень. И взошла ты на нее с честью: многое преодолела, многому научилась. Так неужто остановишься на середине пути?

— Двигаться вперед можно, когда видишь, куда идешь. В моем же жизненном плане все пункты иссякли. Я никогда не думала, что потеря цели — это столь страшно.

— Точно! Страх!!! Он окутал тебя, словно туман, лишил видения будущего, да и прошлого заодно. А если хорошенько вспомнить... Какие цели были в твоем «жизненном плане» прежде?

— Рождение ребенка...

— Нет, раньше, гораздо раньше, когда крошка Фике три с лишком года мучилась в тисках окаянного корсета...

— Я хотела вырасти красивой.

— Зачем?

— Чтобы обольщать мужчин, чтобы выйти замуж.

— И все? Выйти замуж, стать матерью ты могла не выезжая из Пруссии... Ради чего было трястись в карете тысячи верст? Принимать православие? Учить такой головоломный русский язык? Терпеть разлуку с папенькой и маменькой, пьяные выходки муженька, сплетни и косые взгляды придворных?

— Ради Российской короны, с самого начала я не была к ней равнодушна.

— И ты считаешь, что приблизилась к своей мечте на предельно близкое расстояние!?

— Ты на что намекаешь?

— Корона всегда лучше смотрится на собственной голове.

— Тс-с-с! Твои высказывания крамольны! — Екатерина даже пошарила глазами по сторонам, будто ее внутренний диалог мог кто-то подслушать.

— Мои высказывания — суть твои мысли. Не конфузья! Тот же Тацит сказал: человек, равнодушный к славе и трону, — глупый человек. Даже если его наделить властью, рано или поздно он падет жертвой алчности и предательства. Ну-ка, возьми вот ту книжицу, в синем кожаном переплете, открой на третьем от начала рябиновом листочке. Прочти подчеркнутую фразу.

— «Истинное величие — удел мудрых и искушенных».

— Вот видишь. Умный человек всегда стремится к величию. Не робей! Скажи, чего ты желаешь, на самом-то деле?

— Править Россией! — даже в собственной голове Екатерина произнесла это фразу «шепотом», и, когда произносила, в груди все скукожилось.

— Ты снова трусишь? Не слышу, громогласнее!

— Я желаю быть Российской самодержицей! — Великая княгиня приподняла острый подбородок и произнесла фразу четко и звучно. Рябиновая ветка качнулась, теперь уже на

самом деле (оттого что Екатерина, выпрямляясь, задела локтем вазу). Существование женщины в одночасье наполнилось смыслом.

Однако новая цель диктовала новое поведение. Она требовала несколько изменить мягкий и покладистый характер Великой княгини.

Теперь Екатерине приходилось чаще говорить «нет». Она сама стала подбирать свое окружение. Будущая императрица стремилась к тому, чтобы важным и пользующимся авторитетом людям было выгодно находиться с ней в дружеских отношениях. Не стеснялась показать недругам свой гнев, ее меткие высказывания не только сильно били по самолюбию политических противников, но и становились афоризмами, передаваемыми свидетелями оных баталий из уст в уста.

— Ты стала невыносимо горда, — заявил ей как-то в пьяном угаре муж.

— В чем же заключается моя кордость?

— Ты чересчур прямо ходишь!

— Мошет, для того, чтобы быть Фам угодною, мне стоит ходить согнувшись, как рабы Феликова Мокола;? — Екатерина еще более отвела плечи назад.

С этих пор она умышленно держала спину ровной, та даже несколько заостенела. Вот почему, когда Великая княгиня наклонилась, дабы поправить завязки на щиколотках, позвоночник, непривычный в последнее время к сему упражнению, пронзила острая боль. К счастью, перенесенная простуда была здесь совершенно ни при чем.

Петр Федорович вызвал в Ораниенбаум целый отряд Голштинцев. Неподалеку от дворца разбил для них лагерь и с утра до вечера заставлял маршировать, чистить ружья, палить по птицам. Придворные перешептывались:

— Как можно? Голштинцы — армия, преданная прусскому королю Фридриху...

Но... жесткий и воинственный Фридрих был кумиром Петра. Наследник этого не скрывал. Екатерина же прекрасно понимала, если будет действовать заодно со своим муженьком, никогда не добьется народной любви. А народная любовь — одно из главных условий в достижении новой цели. Она не упускала случая подчеркнуть, что никакого участия в приглашении Голштинцев не принимала, и даже была против оной затеи.

Чтобы чем-то себя занять, а заодно пореже встречаться с Петром, Великая княгиня задумала разбить в Ораниенбауме свой собственный сад. Однако супруг не выделил под затею ни клочка земли, — пришлось обратиться к князьям Голицыным, те охотно уступили сто десятин; заброшенных угодий, примыкавших к императорской резиденции.

Поначалу Екатерине помогал старый садовник Ламберти, повздоривший с императрицей и, как следствие, удаленный от столичных дворцов. Но он не столько работал, сколько болтал. За недолгие дни, проведенные с ним над цветочными клумбами, молодая женщина узнала все о своем будущем. Да-да, господин Ламберти утверждал, что предвидит многие события: восшествие княгини на престол, жизнь до глубокой старости, множество внуков, которых она успеет понянчить... Екатерине подобные «прогнозы», даже если они были сделаны из примитивного угодничества, согревали душу, она улыбалась, а старик воспринимал эту улыбку как усмешку и сердился: «Спроси у императрицы, я ей тоже царствование предрекал, сбылось ведь все».

Когда в Ораниенбаум из Летнего дворца приехал более молодой, энергичный Анклебер и подменил старину Ламберти, Екатерина обрадовалась:

— И как ты, Антрей, догадался, што мне помош понадобится? Или здесь, фсе садовники — профидцы?

— Если честно, Ваше Высочество, попал сюда случайно. Петр Федорович потребовали дополнительных лошадей. Я помог конюху их перегнать. — Анклебер не стал уточнять, что его попросила о том Татьяна: «Муж стал пить все чаще, как бы не растерял по дороге породистых жеребцов».

Анклебер подтащил ближе к клумбе длинные дроги с шестью деревянными ящиками. В одном находились белые махровые фиалки, в двух других — сиреневые и розовые, остальные были с черенками роз.

— Ваше Высочество, если хотите, чтобы от клумбы шло благоухание, то белые фиалки надобно высаживать ближе к краю. Светлые цветы — самые душистые.

— Разфе аромат сависит от цвета, а не от фита?

— И от вида тоже. Но, например, сравните две розы одного сорта: одну молочную, другую — алую. Если их сорвать, да приблизить к лицу, запах будет почти одинаков. А на расстоянии... Вы можете пройти мимо целой клумбы красных роз и едва ощутите их пахучесть, белые же покрыты ореолом благовония, который угадывается сажени; за две.

— Никогда не думала, что устройство сада — столь сложная наука.

— Сад, как и книга, — зеркало окружающего мира. Но в этом «зеркале» вы не найдете ничего злого и мрачного, все радует глаз, все преисполнено благими помыслами и располагает к философским размышлениям. Послушайте, экая здесь тишина...

Они оба замолчали. Но, вопреки ожиданиям, вместо всепоглощающей тишины, до слуха донесся задиристый собачий лай и какая-то тарабарщина, вперемешку с немецкими ругательствами. Звуки приближались. Уже через мгновение взору предстал растрепанный и испуганный граф Шварин, удирающий от любимца Ораниенбаумских обитателей Полкана. Шварину было уже почти шестьдесят. Он потучнел, обзавелся брюшком, хотя по-прежнему был весьма проворен. Когда пес подбирался на опасно близкое расстояние, Илья Осипович тыкал ему в морду своей резной тростью и орал:

— Злой! Злой пес! Мать твоя — сучка. Родила она тебя слепым, и света белого ты не видел! Не зри и меня!

— Полкан! Фу! — Анклебер хлопнул себя ладонью по бедру, и псина, оставив графа, послушно заковыляла к ноге садовника, правда, при этом все еще недовольно озиралась и ворчала.

— Петух! Мне срочно надобен петух! — Граф был взволнован и не мог сообразить, к кому лучше обратиться с подобной просьбой: к садовнику или Великой княгине.

— Сачем? — Екатерина решила, что вопрос адресован скорее к ней, Анклебер ведь заведует лишь растительной частью хозяйства, да и то не здешнего.

— С живого петуха нужно срезать гребень и мелко натереть, затем приложить к месту укуса, — собеседники пострадавшего поморщились. А Илья Осипович, в качестве объяснения, указал на разодранные кюлоты; и вздущуюся под дырой царапину:

— Тертый петушиный гребень — самое надежное средство от бешенства.

— Бог с вами! Какое бешенство? Полкан совершенно здоров! — вмешался садовник, собака с благодарностью лизнула руку своего защитника.

— Почему же он на людей бросается?

— Не надо было ему палкой в морду тыкать, граф!

— Гаф! — подтвердил пес.

Екатерина решила перевести разговор на иную тему:

— Что фы такое кричали, Илья Осипович?

— А что я кричал?

— Что-то, про «слово пса и его мать»...

— А! Это старинное заклинание против собачьих укусов. Меня ему еще дед обучил.

Екатерина хмыкнула и поджала губки:

— И как, помокает?

— В детстве помогало!

-..?

— У моего деда злющий пес был. А я по молодости повадился таскать у него кости. Просто так, на спор с соседскими ребятишками. И по началу всегда проигрывал. Уж и так к этой бестии подходил, и эдак, и с тыла подкрадывался, и сбоку, а все равно он меня чуял и к миске не пускал. Самое большое — удалось однажды до кости шишком; дотронуться. Только пес меня за этот палец тотчас и тянул. Вот, видите, до сих пор щербатый, — и Шварин вытянул вперед кисть руки, на указательном пальце и впрямь виднелась некая выемка, отчего он выглядел таким же тощим, как мизинец, и даже шел вровень с ним, потому как последний был не в меру длинен, — Дед тогда своего любимца не пощадил, всыпал ему сорок сороков розог, а меня обучил заклинанию. «Не бойся, — говорит, — он тебя больше не тронет.» И действительно, с тех пор, пес, словно дохлый, — не шелохнется, хоть весь харч заberi и на его глазах съешь.

— Так мошет, на бедного пса роски так потейстфовали, а не заклинание?

— На других-то ребят он продолжал рычать. Что ж, разве глупое животное понимает, что из-за меня его били?

— Вообще-то собаки — животные как раз не глупые, а очень даже смышленные, — возразил Анклебер, но Шварин обжег его аспидским взглядом. Мол, вечно этот остолоп суется не в свое дело. Однако вслух своих суждений не выказал:

— Да бросьте вы! Какой мозг в такой-то узколобой черепушке? — граф наклонился к Полкану и хотел постучать тому по голове. Пес зарычал, — Ну, что я говорил! Одна злость на уме. Эх, елки точеные! Ладно, побегу-ка домой, рану и в самом деле обработать надо, если уж не петушиным гребнем, то хотя бы травяным настоем. Разрешите откланяться?

Х Х Х Х Х

Екатерина, Анклебер и Полкан некоторое время безмолвно смотрели вслед Илье Осиповичу.

— Интересно, что это граф фо тфорце делал? — прервала молчание Великая княгиня, — Супруг мой в поле с холштинцами...

— Может, к кому из дворцовых приходил?

— Не того полета он птица, чтобы опускаца до физитов к притфорным.

— Тогда, просто по саду прогуливался?

— Опять не получаеца. Полкан до захода солнца предпочитает отлешифаться на прохладном полу дфорца, под лестницей. И с полчаса назад я фидела пса именно там. Должно быть, фо тфорце на него и наткнулся Шфарин.

— Станный человек, этот граф. Знаете, Ваше Высочество, я ведь не первый раз наблюдаю его войну с собаками. Помнится как-то, на моих глазах, левретка одной рыжеволосой особы укусила Илью Осиповича за мягкую часть ноги, с боку, чуть повыше колена и пониже того места, которое я не решаюсь назвать в присутствии вашей светлости. Впрочем, тогда граф вовсе не был графом, ходил без своей обыкновенной тросточки, да и звали его иначе: Августом Шварцем.

— О-очень пикантные подробности. И за што собачка осерчала на Илью-Афгуста?

— За то, что, решившись обнять хозяйку, тот неловко повернулся и пнул ногой лежбище животного, плетеную корзину.

— Что щ, с точки зрения собаки, причина фполне уфашительная. В корзине, гофоришь, собачка сидела, в дорошной?

— Так точно. Мы ведь вместе добирались из саксонского Мерзебурга в Петербург, попали в один дормез;.

— Так ты из Мерзебурга? Знаешь, толжно быть, и я жила неподалеку, в Анхальт-Цербсте?! Стало пыть, мы с тобой почти земляки! — Анклебер почтительно склонил голову, что одновременно означало и «да, знаю», и «горжусь подобным соседством». — Что ж ты столь чисто по-русски гофоришь? Да и Шфарин тоже...

— Благодарствую за комплимент. Так давненько уж тут живем. Мы со Шварцем уехали из Саксонии еще до вашего рождения, в 1721-ом году. Мне было тогда всего семь лет от роду. А Илье Осиповичу примерно около двадцати. И, наверное, он не догадывается, что нынешний придворный садовник — тот самый конопатый мальчуган Генрих, которому он пророчил райскую жизнь в северной России.

— Как же тебя, еще софсем кроху не побоялись фзять с собой в толгое путешествие родители? Неушто нельзя было остафить на попечение какого-нибудь тятюшки, до поры до фремени?

— Дядьки у меня не было, и тетки тоже. Да и родители, вместе с младшей сестрой, за пару месяцев до означенного путешествия сгорели на пожаре... Я спасся, потому что успел сигануть в окно со второго этажа, когда пламя охватило дом. Несколько дней шатался по улицам, просил милостыню. Меня пожалел некий натуралист Буксбаум, взял к себе учеником. Хотя, какой из меня натуралист в таком-то младом возрасте, просто пожалел меня этот человек. Вскоре Буксбаума пригласили в Россию, в Петербург, возделывать аптекарский сад при Медицинской коллегии. Я ударился в ножки: «Не бросай, — говорю, — возьми с собой, пропаду здесь один». И он взял.

— Толжно быть у тебя корошая память, раз запомнил попутчика ф лицо!

— Сей попутчик показался мне странным. Всю дорогу Август молчал, уткнулся в некую книгу. Я любопытствовал, что он читает. Оказалось, новый труд Фридриха Христиана Вебера, ганноверского посланника при дворе Петра I, с бодрым названием «Преображенная Россия». «В этой книге, малыш, говорится о том, что есть в холодном Петербурге благословенное место. Называется оно «Адмиралтейским островом», там для иностранцев — сущий рай. Запомни это», — сказал Шварц, заметив мой интерес.

В Риге мы сделали остановку на целые сутки, разместились в гостинице. Август тотчас скинул дорожный плащ и переделся в франтовый двубортный кафтан, сменил шейный платок, тщательно причесал волосы на голове и пригладил черные усы фиксауаром;. Когда он появился в местном буфете, девицы, разносившие еду по столикам, едва не пролили горячие супы на головы трапезничающих.

Там же, в гостинице, за ужином, мы познакомились с очаровательной парой: часовщик и его молоденькая дочка. Девица была писаной красавицей, даже опекун мой, и по профессии, и по натуре, чистый «ботаник», начал вокруг нее увиваться. Правда, «ухаживания» его были своеобразными: он смотрел на прекрасное личико, почти не мигая, и, не поворачивая голову к окну, безошибочно перечислял виды деревьев, что росли в саду.

Екатерина Алексеевна подивилась:

— Как это так, голофу не поворачивал, а фиты перечислял?»

— А тут хитрость небольшая, у благодетеля моего отменная память была: один раз взор бросил, запомнил, а потом уже просто перечисляй! Еще Буксбаум во время прогулки показывал ей целебные травы и рекомендовал их от подагры, ушных свищей и прочих напастей.

— Для молотенькой тамочки фесьма полесно, — съехидничала Ее Высочество. — Целофать ее натопно было, а не паснями кормить. Он ее целофал?

— Разумеется, нет. Отец девушки всюду был рядом. Впрочем, Буксбаум и без него ничего бы фривольного себе не позволил. Он был человеком не от мира сего. За всю свою недолгую жизнь, он умер в тридцать шесть лет, так ни разу и не женился. А прекрасным полем интересовался так же как красивыми цветами: «с целью изучения феномена совершенства», — это, кстати, его собственные слова.

— А что же Шфарин, то бишь Шфарц? Разве не сумел отпить юную прелестницу у «ботаника»?

— Даже не пытался.

— Не мошет быть!? Он исфестный ловелас!

— В том-то и дело! Буксбаум был ненамного старше Шварца. Развеять дорожную скуку в беседе с молоденькой девушкой и ее отцом было бы занятием вполне логичным и пристойным для людей их положения и возраста. Мой покровитель именно так и поступил, а вот Шварц, вконец позеленев от скуки, наутро, за завтраком, подсел за столик к некой особе намного его старше, лет тридцати пяти. Во внешности ее не было ничего особого, примечательного, разве что множество огненных кудряшек на голове. Уж не знаю, чем она очаровала будущего графа, или он ее очаровал, но через день дама оказалась в нашем дормезе, вместе с любимой собачкой, которая и покусала беднягу Августа.

— И что, Шфарц снофа бормотал саклинание?

— Если и бормотал, то про себя. Он дернулся, схватился за укушенное место и постарался улыбнуться, получилось весьма натянуто. А хозяйка левретки тут же переставила корзину ко мне на колени, предложив поиграть с животинкой. Таким образом, все пассажиры оказались «при деле»: Буксбаум наблюдал, как меняется растительность за окном, я гладил по голове рыжую левретку, а Шварц — ее рыжую хозяйку...

— А дочь часофщика штош?

— Она ехала другим экипажем, и не в столицу... Больше я ее не видел, Буксбаум, кажется, тоже...

— Занятную историю ты пофетал! — за разговорами Екатерина и Анклебер не заметили, как утыкали вскопанную землю цветами: в центре поместили розы, затем сделали круг фиолетовых фиалок, следом — розовых, а с краю, чтобы лучше пахло, посадили белые. Садовник умел не только болтать, но и споро работать. Разумеется, Великая княгиня, сильно от него отставала, да и спина все еще побаливала. Впрочем, от нее и не требовалось большой резвости, не великокняжеское это занятие — в грязи ковыряться. Слушала благодарно — и на том спасибо.

Железный мамонт и нос картошкой

Москва, март 2000-го года.

Примчавшаяся в «Останкино» «Скорая» констатировала: отек Квинке, следствие аллергической реакции. Разбухли все слизистые, горло сузилось, язык расширился. Еще пара минут, и Верочка умерла бы от удушья. А так... поспешно уложили на носилки, увезли в реанимацию.

У Верочки была аллергия на арахис. Редкий вид заболевания. Это все знали. Даже пышнощекая буфетчица Люся следила за тем, чтобы девушка ненароком не прикупила булочку с опасными для нее орешками. Знал о Верочкиной аллергии и тот, кто подсунул лакомство, пропитанное арахисовым маслом и прослоенное шоколадно-арахисовой пастой, в обертку из-под малинового рулета. Часть выпечки, которую гример не успела доесть, лежала тут же, на столике. И не нужно быть специалистом, чтобы понять — начинка в нем отнюдь не малиновая. Почему это сама Верочка не заметила?

Версию о самоубийстве отменили сразу: потерпевшая, в силу профессии, трепетно относилась к эстетике лица, и чужого, и собственного. Она не могла допустить, чтобы в последний свой час утонченные черты вздулись до безобразия.

Стали думать дальше. «Откуда этот злополучный рулет вообще взялся?» А взялся он от администратора Ольги Лобенко, всегда подкармливавшей сотрудников, вынужденных по долгу службы оставаться «у станка». Но подозревать добросовестную трудолюбивую и незлобивую Ольгу в том, что она хотела умертвить лучшую подругу, было неловко. Да и мотив как-то не прорисовывался...

Остановились на нейтральном, никого не угнетающем варианте: произошел «несчастный случай», — банальная ошибка завода-производителя. Постановили: в милицию не сообщать. По крайней мере, до того момента, пока потерпевшая Вера Петровна Малышева придет в себя...

Х Х Х Х Х

И все-таки коллеги посматривали на Лобенко косо. Практически все находили теперь время дойти до кафешки. От «сухого пайка», краснея, отказывались. Но даже в буфете, у Люси, сотрудники пережевывали свои пиццы да котлетки слишком придирчиво, памятуя о том, что злосчастный рулет, по словам администратора, был приобретен именно здесь.

На фамильноносном лобике Ольги пропечаталась продольная канавка, взборожденная тяжким бременем разворачивающихся вокруг криминальных событий. В эти дни в ее дневнике появилась очередная запись:

«15 марта 2000 года.

Запугивание — единственный подвид интеллектуальной деятельности, доступный глупцу. Видимо, этот «фанатик» не так уж умен, раз пытается всякими изощренными способами нагнать на меня страх. Я уверена: покушение на Верочку — его рук дело! «Охотник за стариной» полагает, что я либо уже имею информацию, где находится изумруд, либо могу эту информацию добыть. Размечтался, глупенький! Шиш ему, а не камень! Я, конечно, трусиха. Но страх, накапливаясь внутри меня, имеет обыкновение переходить не в состояние повиновения, а в безудержную злость, до иступления, до полной потери инстинкта самосохранения. Одно плохо: из-за меня теперь страдают другие.

Неужели Верочка тоже думает, что это я хотела ее отравить? Врачи говорят, жизнь

девушки находится вне опасности, но пока к ней никого не пускают. Бедная! Ей еще повезло! А ведь, приди я в примерку минут на пять позже, ехать бы мне завтра не на встречу с потерпевшими по делу «фанатика», а на похороны. Так что, Верочка, считай, заново родилась!»

Х Х Х Х Х

— Считай, заново родился! — эту фразу, еще вчера собственноручно вдолбленную в дневник, Ольга услышала над своей головой в вагоне метро. Ее произнес некий белобрысый парень, прильнувший к своему собеседнику, словно утонченный представитель секс-меньшинств. А что делать? Столичный общественный транспорт располагает к просторному общению только после девяти вечера. Сейчас же на часах — двенадцать ноль семь — полуденный пик. Утренний, рабочий наплыв уже схлынул, но проснулась интеллигенция, свободные художники, тусовавшиеся вчера до рассвета. В богемной Москве таких очень много.

У этого вот «заново рожденного» было два варианта: либо всем телом припасть к знакомому другу, либо к незнакомой барышне. Второе, безусловно, милее. Но кто гарантирует, что неподалеку, отодвинутый пассажирским потоком, не притаился барышник кавалер? Что он не вынырнет из толпы, и не двинет в челюсть?

Однако юноша совершенно напрасно лишал себя нечаянного удовольствия, никакого кавалера-заступника у Ольги Лобенко не наблюдалось, по крайней мере, ближе Нижнего Тагила.

Витька Соловьев и впрямь звонил и вызывался «порубить» всех обидчиков, когда узнал об ограблении. (Его все же пригласили в Нижнетагильскую прокуратуру и тщательным образом запротоколировали показания.) Но Ольга ответила, что пока неизвестно, кого «рубить», и что тот окажет ей большую услугу, если новость о происшествии не распространится в среде их общих знакомых, в особенности, не дойдет до ушей ее родителей. Витька пообещал, и, видимо, пока держал слово, родители вели себя смирно: не ринулись в Москву «спасать бедную девочку» и звонили с обыденной периодичностью.

И пока одинокая, беззащитная Лобенко томилась в ожидании более подходящего, чем Соловьев, рыцаря, все ее нарочные и нечаянные обидчики могли расхаживать с совершенно невредимыми физиономиями.

— Оборачиваюсь, а он на меня с дубиной! Бью его! Под столом нахожу автомат, хватаю и в бега, — «рожденный заново» верещал прямо Ольге в ухо. И девушка уже почувствовала в нем «родственную душу», угодившую в некую криминальную передрыгу почище, чем у нее самой. Она представила, как этот симпатичный паренек, от которого пахнет дорогим парфюмом, выйдет с ней на одной остановке. Окажется, что он тоже направляется на Петровку. И вначале он подумает, что она за ним следит, а потом, когда они благополучно минуют проходную со строгим охранником, он оглянется и улыбнется, и поймет, что никакая она не шпионка, что она тоже в МУР, по делу, срочно, что это судьба свела их вместе. А она расскажет ему про свои беды и про «фанатика», который, она это чувствует, все время где-то рядом. И «рожденный заново» загородит ее от внешнего мира своей могучей спиной, обнимет накаченной рукой, той самой, которая так мастерски расправилась со злодеем, и обязательно придумает что-то такое, что поможет поймать вора... Паренек тем временем задел мужественной рукой Ольгину макушку и, не обратив на это совершенно никакого внимания, продолжил:

— И тут из-за угла, выскакивает железный мамонт, — Вначале Лобенко показалось, что

она ослышалась. «Разве «железные мамонты» существуют?» Но юноша снова заговорил про диковинного робота-зверя. И тут Ольга догадалась: «Это же он о компьютерной игре!» Она громко рассмеялась. Парень оглянулся. У несостоявшегося рыцаря оказался смешной нос картошкой.

Рассказ вмиг утратил для девушки свою привлекательность, и даже в запахе туалетной воды неожиданно проявилась приторно-сладковатая цветочная нотка. Фантазия Лобенко резко дала по тормозам, развернулась и покатила в совершенно ином направлении. Теперь она представляла, как была бы счастлива, если бы все, что случилось с ней за последние недели, тоже оказалось виртуальной игрой, если бы «фанатика» можно было убрать из ее жизни одним «кликом» мышки.

Ольга вышла на станции «Охотный ряд», а «заново рожденный» борец с «железными мамонтами» поехал дальше. Лобенко долго читала указатели, потом поднялась на поверхность, отодвинув тяжелую дверь, просочилась на улицу и медленно направилась в сторону «Большого театра», и дальше на Петровку. Она не торопилась. До встречи оставалось еще целых полчаса.

Х Х Х Х Х

На встречу должно было приехать уже не трое, а пятеро потерпевших. Добавились москвичи, супруги Чижовы.

Как раз за двое суток до покушения на Верочку, квартиру Чижовых ограбили. Та же схема: дверь открыли своим ключом. Есть свидетель — консьерж. Заметив двух молодых парней («студенческий возраст, у одного большое родимое пятно на левой щеке, у другого слегка кривоватый нос...»), тот, конечно, поинтересовался, куда они направляются. Узнав, что в сорок восьмую квартиру, консьерж сообщил, что ни Марии Алексеевны, ни Станислава Евсеевича, ни даже их сына Сережки, нет дома.

— Конечно, нет! Хозяева квартиры в нашем магазине современный «домашний кинотеатр» подбирают, — паренек подергал за нашивку известной торговой фирмы на своей оранжевой спецовке. — А нам велено отгрузить старую технику. На фирме ее оценят, и стоимость новой на эту сумму будет уменьшена. Вот договор на изъятие и перевозку, — рабочий протянул консьержу какую-то бумажку.

— «Кинотеатр», — говорите? В жилом-то доме? Что, и зрителей пускать станут? Неужто мне придется билеты проверять?

Рабочие рассмеялись:

— Дедуль, «домашний кинотеатр» — это комплект оборудования для просмотра фильмов со стереозвуком. Например, если бандит стоит справа, а жертва слева, вот как мы с вами, то зрителю, — и он кивнул в сторону своего напарника, — звук выстрела будет слышен из правого динамика, а крики жертвы — из левого.

Дед не унимался:

— Куда ж ваша фирма старье денет?

— Либо в комиссионном магазине выставит, либо на запчасти разберет, а то и вовсе на завод по переработке сырья отправит, — смотря какое старье...

— Понимаю! Новая форма обслуживания?

— Отстали от жизни, дедушка! Этой «форме» уже лет пять. И вы нас лучше не задерживайте, а то от хозяев сорок восьмой квартиры нагоняй получите. Вы же знаете, они люди серьезные.

Консьерж знал, поэтому задерживать не стал. Он даже помог, подержал тяжелую

подъездную дверь, пока в «Газель» поочередно сгружали «старье»: телевизор с плоским экраном на пятьдесят один дюйм, видеоманитофон, усилитель, музыкальный центр, пять колонок и декодер для приема спутниковых каналов. Последней вынесли переносную магнитолау.

— А эту штуку они тоже менять будут? Вроде, Сережка ее мне обещал отдать, а то тоскливо в тишине дежурить, — старик несколько погрузтел.

— Ничего не знаем. Велено доставить.

Напарник же добавил:

— Вы не волнуйтесь, бабушка, напомните Сережке об обещании, они люди богатые, не то, что магнитолау, новый переносной телевизор вам подарят!

«Какие внимательные и добрые молодые люди, даром что работяги», — подумал консьерж и не стал запоминать номер «Газели»...

Поначалу, супруги Чижовы даже не заметили, что помимо техники пропала еще одна вещь. Пришли на прием к следователю, стали вычислять, кто из знакомых знал о богатой оснащённости квартиры и имел доступ к ключам. Ни одной подозрительной кандидатуры не вспомнили. Тогда следователь, наслышанный о подобном загадочном проникновении в квартиры «фанатиком», возьми да и спроси, практически в шутку, с ухмылочкой:

— А изумруда два на полтора сантиметра у вас случайно в квартире не было?

Супруги растерянно переглянулись:

— Нет, изумруда не было, — и ушли домой. А через два часа перезвонили следователю:

— Мы насчет изумруда... Его у нас с мужем, правда, не было. Но он был в перстне у моей бабушки. И об этом она писала в своем дневнике. Вот дневник-то как раз и пропал. Извините, тетрадку эту мы хранили в дальнем углу ящика, в письменном столе, все остальные бумаги на месте, сложены аккуратно, так что мы только после вашего сегодняшнего вопроса решили все тщательно проверить и обнаружили пропажу...

Х Х Х Х Х

Светлана Артемьевна и пенсионер Старков явились на Петровку первыми. Валентин Николаевич оказался ухоженным старичком с мраморным цветом лица, какой бывает у праздных любителей сауны и приверженцев чересчур здорового питания. Ничуть не стесненный обстоятельством похищения трости из красного дерева, Старков сидел, опираясь на не менее прекрасное произведение цвета слоновой кости, иссеченное китайскими иероглифами. Зажав палку между коленями, он указывал двумя мизинцами на границы некоего отрезка и пояснял:

— Это восточный аналог нашей поговорки «Тише едешь, дальше будешь», дословно звучит так: «Дорога в десять тысяч ли начинается с одного маленького шага».

Светлана Артемьевна сверлила старичка испытующим черным взглядом, что на самом деле (Ольга, наконец, в этом разобралась) означало не суровость, а всего лишь искренний интерес. Подоспевшую Лобенко она представила лаконично:

— Моя хорошая знакомая — Оленька, человек с восточной душой и европейским характером. К сожалению, ее квартиру тоже ограбили.

— Что у вас украли, голуба! — поинтересовался Старков.

— Кое-какие украшения, вместе с перстнем, который, оказывается, был старинным...

— Ах-ах-ах! Эта потеря похожа на любовную разлуку. Ты начинаешь понимать, насколько Он дорог, только после того, как Он покидает тебя... — Старков говорил пафосно, но искренне. И Ольга, и Светлана Артемьевна это почувствовали.

— Но вы-то, наверное, тоже расстроились, хотя и знали, чем обладаете...

— Не совсем так. — Старков воздел палец к небу и помахал им. — Видите ли, Оленька, в некоторой степени мы с вами собратья по несчастью. Вы, наверное, догадались, я коллекционирую интересные палочки, — Валентин Николаевич приподнял трость цвета слоновой кости над полом, — И, если следовать тому же сравнению с амурными делами, то у меня целый гарем «любовниц». Нет, не то, чтобы я не дорожу каждой из них в отдельности... Понимаете, здесь скорее проявляется не жалость утраты, а некая досада... Ведь «фанатик», — разрешите, я теперь тоже буду его так называть, — обернулся он к Светлане Артемьевне, та кивнула, — «заказал» именно трость из красного дерева с рукояткой в виде головы орла, остальные, более старые и более ценные, не тронул. О чем это говорит?

— О том, что он в тростях, как свинья в апельсинах, — подметила Ольга.

— «Свиньями в апельсинах», голуба, были исполнители, позарившиеся на жалкую пачку казначейских билетов, — он снова замахал указательным пальцем. — Но заказчик знал, что хотел получить. Ему почему-то понадобилась именно эта палочка. Для меня она была «одна из», а для него — «единственная». Значит, я — специалист по антиквариату — что-то в ней проглядел, что-то о ней не узнал. Вот теперь часами пропадаю в архивах, библиотеках, встречаюсь с искусствоведами: пытаюсь понять, что за загадка таилась в моей трости...

Супруги Чижовы, Свистунов и Отводов пришли практически одновременно. Едва успели всех друг другу представить, подоспел и Городец.

Давать слово решили по порядку, начиная с жертвы самого первого ограбления:

— Трость XVIII века я приобрел на аукционе в Петербурге восемь лет назад, — сообщил Старков. Расспрашивать, откуда у прежнего владельца антикварная вещь, в наших кругах не принято. Времена были не самые удачные, кто-то с последней семейной реликвией расставался, кто-то начинал заниматься перекупкой, чтобы прокормить детей... Проверили только, чтобы трость не числилась украденной. В каталоге было отмечено, что некогда она принадлежала фавориту Елизаветинского двора графу Шварину. Вот и все, что знаю.

Подошла очередь худощавого и немного сутулого Николая Городца. Он встал, огляделся, вспомнил, что Старков говорил сидя, снова сел. Достал носовой в синюю полоску платок и высморкался. Супруги Чижовы синхронно скривили ротыки.

— Крест я получил от отца, Ивана Арсеньевича Городца. Батяня, хоть и воспитывался в детдоме, все же утверждал, что эту вещицу, зашитую в игрушку, успела ему передать родная матушка. Звали ее Дарьей. Якобы неведомая мне баба Дарья зашила крест в игрушку. Больше мне ничего не известно. Даже, почему отец в детдом попал, что с бабкой стало, — не знаю. Что крест собой ценность представлял — впервые услышал от следователя, соответственно и взболтнуть, по пьянке, гм-м, об его дороговизне никому не мог... Извините, в поезде продуло, — Городец снова достал платок и снова высморкался. Глаза Чижовой увлажнились, она повернулась к мужу и стала что-то торопливо наговаривать на ухо, тот кивал головой.

Ольга Лобенко повторила все, что прежде рассказывала о перстне Светлане Артемьевне, а майор Свистунов добавил, что известно также о поиске преступником некоего изумруда, который прежде, скорее всего, был вставлен в перстень о двенадцати зубчиках в форме трилистника вместо аквамарина. Городец продолжал сморкаться, Чижовы поглядывали на него и ерзали на стуле. Наконец, настала и их очередь. Дородная Мария

Алексеевна поднялась павой и с достоинством произнесла:

— Можно, я вначале не совсем по делу, — пальцами поправила локоны у виска, — О личном... — Все дружно закивали, — Вы меня, конечно, извините, Николай... Иванович — Городец вжал голову в плечи: что еще хочет сообщить ему эта напыщенная столичная штучка?

— Вы, Николай Иванович... как бы это выговорить... В общем... Короче...

На выручку оробевшей супруге пришел Станислав Евсеевич:

— Вы — брат моей жены, кхе-кхе, не родной, конечно, где-то в четвертом колене, нужно посчитать поточней.

— Мне придется очень подробно пересказать один эпизод из похищенного дневника, — Мария Алексеевна справилась с охватившим ее волнением и говорила уже довольно ровно и внятно. — Наши с вами бабушки, Николай, были двоюродными сестрами, обе жили в родном для госпожи Лобенко Нижнем Тагиле и дружили, лен не делен. Все шло у них ровно и гладко вплоть до 1937-го года, пока за Дарьей Никитичной и Арсением Потаповичем, вашими, Николай, бабушкой и дедушкой, не приехал «Черный воронок». Из тюрьмы ни он, ни она не вышли, и что с ними стало — действительно никто не знает. Моя же бабушка, Евдокия Алексеевна, подробно описала вышеупомянутое событие в своем дневнике, равно как приключившееся в то же время несчастье с ее дочерью Светланой, моей мамой. На следующий после ареста день Евдокия забрала пятилетнего сына двоюродной сестры к себе. Но через неделю ей объявили, что Ивана отправят в другой город, в детдом, чтобы он окончательно забыл о своих родителях — врагах народа. Женщина поплакала, поумоляла представителей власти не делать этого, но ничего поправить не смогла. Собрала немногочисленные пожитки племянника и, дав ему в руки тряпичного медвежонка, велела беречь игрушку. Паренек и сам помнил, что мать зашила в косолапого некую семейную реликвию.

— Крест?

— Крест, Николай, крест! Хотя в бабушкином дневнике он всегда упоминался лишь как «реликвия», я помню его подробное описание по рассказам своей матери: медный оклад, несколько разномастных самоцветов и один зеленый нефрит в центре. Этот нефрит был очень похож, по цвету и по размеру, на изумруд из серебряного перстня бабушки Дуси... И перстень, и тем более крест, всегда были спрятаны от посторонних глаз, сами понимаете, атеистическо-коммунистические времена, богатые безделушки не в чести, тем паче, религиозные атрибуты...

Но беда не приходит одна. Потеряв любимую сестру и племянника, Евдокия Алексеевна едва не рассталась с дочерью Светланой. Утром, сразу после того, как Ивана забрали в детдом, Светлана, как обычно, пошла в школу. Как правило, с уроков ее забирала Евдокия. Но в этот раз явился некий мужчина. Учителя, знавшие обо всех перипетиях, приключившихся с семейством накануне, уже ничему не удивились. А девочка объяснила, что знает «дяденьку», он как-то приходил к ним домой. Девочку спокойно отпустили.

— Это оказался «стукач», — со знанием дела предположил Старков.

— Может быть, и «стукач». Дневник об этом умалчивает. Во всяком случае, во время первого посещения, о котором упомянула Света, он представился «любителем истории», сотрудником столичного музея, пишущим научную работу о старинных украшениях. Его напоили чаем, но ни о каком перстне и, уж тем более, кресте ему не рассказали.

Из школы «любитель истории» увез Свету в заброшенный домик в лесу. Девочка

следовала за ним покорно, ей объяснили, что там ее спрячут вместе с троюродным братиком, которого, на самом деле, ни в какой детдом не отправили. Но братика в домике не оказалось, тут уж и восьмилетняя девочка сумела понять — ее похитили.

Евдокия получила записку с требованием обменять имеющийся у нее перстень с изумрудом на дочку. Пока размышляла, заявлять ли в милицию, или выполнить требования шантажиста, ей сообщили, что дочку нашли на обочине дороги, она доставлена в больницу с воспалением легких.

— Сбежала девчушка-то? — порадовалась Светлана Артемьевна.

— Как только бандит вышел отправить вторую записку, с указанием места и времени встречи, выскочила в окно.

— Что ж он не подумал, что пленница может дать деру? — возмутился Отводов.

— Так зима была. Похититель предусмотрительно забрал ее верхнюю одежду и обувь. А девчонка сиганула прямо в школьной форме да шерстяных носках.

— Да уж, покойная теща, Царство ей небесное, очень гордилась этим поступком и до последних своих дней «потчевала» рассказом о смелом побеге всех, кому хватало терпения ее слушать, — Мария Алексеевна бросила на мужа суровый взгляд и тот моментально умолк, она же продолжила:

— Мама стала выбираться из леса к дороге. Через сорок минут, проведенных на двадцатиградусном морозе, вышла к обочине...

— Ох, дела! Сорок минут на двадцатиградусном морозе, в одном платье и носках?! — запричитала Светлана Артемьевна.

— Ее спасли две вещи. Первое, она все время бежала, не останавливалась. Второе, в подобравшей ее телеге ехала педиатр из города. При враче были теплые вещи, медикаменты и спирт, которым она растерла Свете промерзшие ноги. Похоже, Оля, это была твоя бабушка...

— Евдокия Алексеевна подарила ей перстень, — подтвердила Лобенко.

— Баба Дуся и в дневнике об этом написала, мол, «судьба перстня — помогать в несчастье, и чтобы невзгоды не имели возвратной силы, с ним нужно вовремя и легко расставаться».

— Но почему же ни я, ни мама не помним о том, что перстень был с изумрудом. Куда же камень подевался?

— Не знаю. В дневнике про это ни слова.

— «Любителя истории», разумеется, не нашли? — поинтересовался Свистунов.

— Разумеется. Больше в Нижнем Тагиле его никто не видел.

— Не сомневаюсь, что «фанатик» имеет к нему непосредственное отношение, — подытожила Светлана Артемьевна, поправляя на плечах цветастый Павловопосадский платок.

— Я тоже не сомневаюсь, — поддержал бабушку внук. — Раз он украл и крест, и дневник, значит, как и мы, склонился к мысли, что изумруд был заменен аквамаринном как раз в злосчастном тридцать седьмом.

— Однако он был осведомленнее всех нас. Ведь найти крест ему не составило труда. Смеем предположить, что он был в курсе местонахождения моего дяди Ивана, — Марии Алексеевне стало неловко от мысли, что чужой человек отыскал ее брата, а ни она, ни ее мать, ни бабушка этого сделать не смогли.

— Думаю, он и был причастен к переезду мальчугана в детдом чужого города, — гнул

свою линию Старков, — и хуже всего то, что последняя ниточка, за которую можно было бы зацепиться — дневник — теперь в руках у этого бандюги. Я, как человек, подолгу работавший с архивами, не сомневаюсь, что в дневнике была некая информация, указывающая на замену камня, пусть не прямая, пусть зашифрованная...

Свистунов возразил:

— Если замену совершила бабушка Марии Алексеевны, а не Ольги Лобенко.

— Я звонила маме, про кражу ей пока ничего не сказала, но расспросила про перстень. Под невинным предлогом. Мол, мне кажется, что бабушка говорила, будто некогда вместо аквамарина изумруд стоял... Она категорически это отрицает, утверждает, что ничего подобного от своей матери никогда не слышала.

Свистунов, встал, расправил плечи:

— Что ж, позволю себе подвести некий итог сегодняшней встречи. К счастью, она оправдала наши надежды. Многие «загадки» раскрыты. Осталось два невыясненных, но самых важных для следствия вопроса: где изумруд; и какое отношение к делу имеет деревянная трость господина Старкова. И здесь нам, опять-таки понадобится ваша помощь. Прояснением ситуации с подменой камня я бы попросил заняться Ольгу Лобенко и чету Чижовых. Первая пусть подробнее переговорит с родителями. Вторые — постараются припомнить новые подробности из дневника. Вы, Валентин Николаевич, надеюсь, продолжите штудировать Питерские архивы. Если понадобится, мы обеспечим вам доступ и в Московские...

— Конечно, понадобится, с превеликим удовольствием! — обрадовался Старков.

— Вот и славно. Вам, Николай Иванович, а также вашей кухне, так что ли это родство правильно называется, я обещаю по своим каналам разузнать, что стало с репрессированными бабушкой и дедушкой. На сегодня все. Всем спасибо!

Народ расходился группами. Отводов отправился вместе со Свистуновым к нему в кабинет, им еще предстояло поделиться своими впечатлениями от встречи. Чижовы увезли сморкающегося Городца на собственной машине, в гости («У нас есть замечательный липовый мед!»). Ольга спустилась на улицу вместе со Светланой Артемьевной и Старковым. Однако вскоре троица распалась: Старков поймал такси (предлагал подвести и дам, но те отказались). Лобенко со старушкой уже подходили к метро, когда у Ольги зазвонил мобильный:

— Ну что, душегубка, не желаешь пообщаться со своей жертвой? — Ольга моментально узнала голос, хотя он и был нарочито изменен.

— Верочка! Как ты?

— Больной скорее жив, нежели мертв! Меня перевели в общую палату. Приезжай срочно! Есть что обсудить!

— Бегу! — Ольга отключила трубку и шагнула в подземку. Они со Светланой Артемьевной сели на разные ветки, Лобенко так и не поняла, всерьез назвала ее подруга «душегубкой» или пошутила...

Шкатулка с секретом

Ораниенбаум, 1758-ой год.

1758-ой год был назван в Петербурге годом «банановой диеты». Анклебер-таки добился своего, в оранжереях возле Летнего дворца на высоких зеленых стволах с большими листьями зажелтели крючковатые плоды. Первую гроздь Андрей положил на стол Ее императорского Величества как раз к праздничному рождественскому обеду. Затем бананы подавались к императорскому столу почти повседневно. И, уж тем более, без них не обходился ни один праздник.

17 июля в Ораниенбауме состоялся грандиозный бал, специально к нему из столицы Анклебер лично доставил целый воз бананов. Екатерина Алексеевна заявила, что «желает вдосталь насытить своих гостей заморским фруктом». А придворный повар приготовил из сладкой мякоти великолепный десерт: вместе со своими помощниками, обходя поочередно все столы, он посыпал разрезанные пополам плоды сахаром, поливал их ромом и тут же поджигал. Когда огонь стихал, банан оказывался погруженным в липкую пряную подливку.

— Ну-ка, ну-ка, что за диковина? — вопрошал сизоносый жирный господин в темно-зеленом кафтане с красными обшлагами и оторочкой, — Ну-ка-с, на дыбу его, шельмеца! — он попал зубцами вилки в половинку банана лишь со второго раза, надкусил. — О! Недурственно! Весьма недурственно! Ик!

— Чудеса, поистине чудеса творит наша наука, — отозвался другой гость, с проседью на висках, в василькового цвета мундире. — Нынче мы кусочек дальней горячей страны в свои сады перемещаем, а завтра, глядишь, сами далеко окажемся...

— В смысле-ик, завоюем новые земли-ик, как при батюшке Петре Алексеевиче-ик? — «сизоносому» банан в жженом сиропе пошел, кажется, не совсем на пользу.

— Да при чем тут земли, и паче оных войны? Может быть мы небеса завоюем?

— В птиц, хе-хе-ик, превратимся, летать начнем?

— Ну, зачем же в птиц. Не обязательно летать.

— Что ж тогда?

«Васильковый мундир» замешкался, видно, сам не ожидал от себя такой словесной прыти:

— Э-э-э, может быть, мы тучи научимся останавливать!

— Ну, бананы-ик, оно вкусно-ик, новые земли — выгодно-ик, а тучи-то нам зачем?

— Чтобы дождь в ином месте пролился. Вот какой ливень днем был! Вы желали бы, чтобы он сейчас состоялся?

— Упаси Боже!

— И я не желал бы. А паче всех, наверное, не желала бы Екатерина Алексеевна, как хозяйка бала. Вот она и наказала бы своему какому-нибудь Зоншенку: «Останови-ка, голубчик, тучу, дабы она еще над морем пролилась! Там все одно сыро».

— Чем же он остановил бы-ик?

— А чем солдат останавливают? Ядром из пушки! Туча устрашится, встанет, и тут же промочится! — «васильковый мундир», крайне довольный собственными умозаключениями, отправил в рот кусок политого жженкой банана, поднял опустевшую вилку над головой. — Наука!

Сидящие за столом оживились. Почтенный лысеющий господин в лиловом сюртуке

тоже решил блеснуть просвещенностью:

— Кстати, о науке и о единении человека с животным миром... В Швеции нашлся чудак, фамилия у него такая, русская, не то полоса, не то рубеж... Так вот этот Полосатов утверждает, будто бы человек и обезьяна — дальние сродственники. Будто бы все люди раньше были обезьянами.

За столом — приглушенный хохоток.

— По всей ви-ик-димости, именно потому нам столь приятственны бананы-ик, — процедил «сизоносый».

Опять хохот.

— Ну, может быть, чернь и имеет родственные связи с обезьянами, но человек благородный? Позвольте усомниться! — важно замотал головой «васильковый мундир».

Собравшиеся за столом никак не успели отреагировать на замечание подвыпившего соседа, со стороны аллеи послышалось тактичное покашливание, все разом повернули голову. В шаге от компании стоял высокий белокурый мужчина в коричневом сюртуке. Это был Андрей Анклебер, и он явно все слышал. Завидев обращенные на него взоры, смутился. Но быстро справился с сиим замешательством и счел нужным пояснить внезапно возникший интерес к дискуссии:

— Смею заметить, если я правильно Вас понял, речь идет об известном шведском натуралисте Карле Линнее...

— Точно, Линеев, так его звали!

— Так вот, господин Линней весьма уважаемый человек, составил классификацию всего растительного мира.

— Это как?

— Ну, скажем, заявил, что роза — дальняя сродственница шиповника. И оказался абсолютно прав. Так что я склонен верить этому ученому. Коли он утверждает, что и между людьми да обезьянами существует некое когнатство, знать, так оно и есть.

— А мы склонны верить вам, господин Анклебер, нынче в Санкт-Петербурге вы для нас самый авторитетный ботаник. Присаживайтесь, за нашим столом как раз имеется свободное место, — он отодвинул пустующее кресло, — Скажите, а как вы полагаете, появится на нашем небосклоне предсказанная Галеевым комета, али нет? — в манерах лысеющего господина присутствовало явное пристрастие к переименованию иностранных фамилий на русский манер.

— Господин Галлей, Царство ему небесное, подсчитал, что аккурат в рождественский пост пролетит. И, если он окажется прав, это станет величайшим открытием в астрономии. Ведь сие будет означать, что некоторые хвостатые звезды вовсе не падают с небес, и даже не просто пролетают мимо, а следуют по одному и тому же определенному, замкнутому пути.

— А беды, которые кометы несут на хвосте, тоже будут повторяться циклом? — снова встрял в разговор «васильковый мундир».

— Помилуйте, какие «беды», мы же с вами люди грамотные, неужто будем полагаться на всякие суеверия? — но окружающие испуганно зашикали на садовника. То, что мог говорить баловень императорского двора, другим, зачастую, возбранялось даже слушать. Ведь всем было известно, кто самый суеверный человек в государстве. Да и комета над ним, этим человеком, уже однажды пролетала.

Х Х Х Х Х

Почти два года назад, 2 октября 1756 года Елизавета Петровна увидела на небе

отчетливую светлую точку с горящим хвостом. «Это знак, скоро и я упаду со своего трона, как эта комета падает сейчас с неба», — подумала мнительная императрица и, вцепившись в икону, забормотала какие-то молитвы. Через три недели с ней случился приступ. Она осела в обмороке, лицо помертвело, из груди вырывались хрипы. Государыню долго не могли привести в чувства. Несколько месяцев она провела в постели. Приступы повторялись один за другим, почти ежемесячно. Болело все: голова, грудь, живот, ноги... Одни полагали, что с императрицей случился апоплексический удар, другие ссылались на воду в животе (заболевание, считавшееся явным предвестником смерти), третьи говорили о быстро разраставшейся опухоли во чреве.

Больше ей не суждено было щеголять в модных платьях с узкой талией. Шнуровка корсета доставляла ей нестерпимые муки. Императрица приказала сшить себе несколько балахонов, в них и появлялась на люди.

Кто займет трон? Сей вопрос стал самым обсуждаемым в околдворцовых кругах. Понятно, по закону бы, Петр. Но слишком многим этот вариант не нравился.

Те, кто мог хоть как-то повлиять на итог борьбы за корону, строили свои планы и козни. Графы братья Шуваловы, например, собрали тридцатитысячное войско, с тем, чтобы вызволить из темницы заточенного там Ивана VI. Тому удалось поцарствовать, не вылезая из пеленок: в три месяца от роду он стал императором, разумеется, при регентах, — в год и три месяца его с трона свергли и заточили в крепость. Теперь Иван подросток, достиг мужеской зрелости. Одного не учли заговорщики: юноша вырос в тюрьме и не получил ни должного образования, ни опыта, дабы править Россией. Впрочем, возможно, именно на это и рассчитывали братья-графы, полагая, что им, как главным сподвижникам, при дележке «пирога власти» достанется самый лакомый «кусочек».

Испуганный планами Шуваловых, Петр прибежал к жене. Он всегда спрашивал ее совета в сложных ситуациях... И Екатерина его волнение уняла. Она ровным спокойным голосом, с точностью до каждого часа, описала все свои действия в случае смерти императрицы. Вначале она заберет Павла и поместит его под надежную охрану. Потом известит пятерых подкупленных ею гвардейских офицеров о том, что ей нужна помощь. И те явятся, прихватив с собой солдат... Тем временем она вызовет коменданта дворцовой охраны и, поставив его перед фактом смерти государыни, заставит присягнуть на верность Петру...

Простодушного Петра отнюдь не насторожила хладнокровная продуманность плана. Да и Екатерина не хитрила. Хотя она и понимала, что все упомянутые люди верны именно ей, а не ее супругу, Великой княгине все же пока не хватало дерзости строить прожекты относительно собственного воцарения. Она полагала, что поначалу будет «править» Россией посредством бесхребетного и недалёковидного, почти всегда пьяного, муженька, управляя им как куклой в ярмарочном балагане. «Если уж он просит у меня совета даже в том, как украсить спальню к приходу его очередной дыхательницы, разве он сможет управлять государством без моей помощи?»

Х Х Х Х Х

Дабы упрочить преданность сторонников и обезоружить противников, в Ораниенбаумском саду (том самом, который три года назад Великая княгиня начала возводить собственными руками) был затеян грандиозный бал.

Конечно, официально это гулянье Екатерина Алексеевна устраивала под благовидным предлогом «разогнать сплин у своего муженька». Петр в последнее время пребывал в

некотором унынии. То ли его удручала третий год тянущаяся война между Россией и Пруссией (причем его любимая Пруссия с некоторых пор все чаще сносила поражения, а в январе 1758 года была взята и ее столица — город Кенигсберг), то ли наметились какие-то раздоры с любовницей — графиней Елизаветой Воронцовой? Так или иначе, Екатерина Алексеевна заявила, что желает развеселить супруга, и разослала кучу приглашений в Петербург и Кронштадт.

Она ухнула на пирушку пятнадцать тысяч рублей. Это была колоссальная сумма, особенно, если учесть что на весь год для личных нужд ей выделялось из казны всего тридцать тысяч.

Широкие столы были расставлены прямо вдоль большой липовой аллеи. Едва разнесли первое блюдо, вдалеке поднялся занавес, и из-за него выкатилась огромная колесница. Тяжеленная. Мужики сколачивали ее из дерева две недели. Спланировал сие сооружение сам Ораниенбаумский архитектор Ринальди. На колеснице помещались шестьдесят человек музыкантов и певцов. Вокруг отплясывали еще несколько десятков танцоров и танцовщиц. Чтобы перемещать повозку потребовалось двадцать быков. А чтобы быки не выглядели слишком мрачными, им на шеи, да на рога напялили цветочные венки.

Когда колесница поравнялась со столами, в небе над ней выплыл месяц. Все решили, что предусмотрительная хозяйка распланировала даже это явление природного светила. Тем не менее, тьма не спешила опускаться на землю. В эту пору в Ораниенбауме заканчиваются Белые ночи. Небо лишь успело слегка посереть, тени стали мрачнее, да предметы туманнее. Никаких особых хлопот это не принесло. Разве что, кое-кто из гостей, перепутав, вместо маринованных помидоров отведал красный перец, но не более того.

После второй очереди блюд, забили в котлообразные литавры. Откуда ни возьмись, выскочил скоморох, с бубенцами на четырехконечном колпаке: щеки нарумянены, на носу черные рисованные конопушки. Погудел в дудку и ну кричать:

— Люди добрые, гости желанные!

К палаткам спешите, подарки получите!

Девицы-красавицы, кому что нравится?

С краю поляны действительно стояли две палатки, стилизованные под маленькие домики, с появлением скомороха створки окон в палатках откинулись, занавесочки распахнулись. В одном окошке появилась бородатая голова дворника Федора, в другом — круглое личико Татьяны.

Анклебер, пользуясь благоволением Великой княгини, взял с собой на праздник жену придворного конюха. И, чтобы женщина чувствовала себя увереннее среди знатных дам да их кавалеров, подарил ей маленькую шляпку «Бержер», последний крик моды: блин из тонкой соломки с загибающимися кверху краями, в центре — полусфера из голубых и розовых цветочков. Снизу, ровно под тульей, — маленький жесткий ободок, от него идут две голубые атласные ленты (шляпка крепится на самой макушке, чтобы не спадала, ленты завязываются под косой в бант).

Даже сама Екатерина Алексеевна, когда столкнулась с женой конюха в саду, окинула ее фасонистый головной убор завистливым взглядом. А может быть, это Татьяне только показалось? Одно точно, Великая княгиня поручила ей ответственный случай: презентовать самые хрупкие изделия — фарфоровые статуэтки: розовощеких ангелочков, белокурых Лелей, да собачек с кошечками... И Татьяна считает, что шляпка в этом доверии сыграла не последнюю роль.

Завидев первых гостей, направляющихся к палатке, Татьяна запустила руку в плетенку и вытащила одну из статуэток наугад. Попался пятнистый котенок с розовым бантиком на шее. Подняла его над головой, повертела, так, чтобы заиграли реснички из сусального золота... Да пожадничала, этакую финтифлюшку да ее бы Прохору, вот мальчуган порадовался бы! Татьяна скорехонько припрятала котеночка в карман фартука. Метнула глазками, не видал ли кто?

Федору досталась раздача разномастных подарков. Он разложил на «подоконнике» по экземпляру от всего имеющегося в наличии: гребешок для волос, брошь, веер, португую, перчатки из гаруса;... «Нехай сами выбирают, кому что любо!»

По замыслу Екатерины, все эти безделицы должны были оставить добрую память о празднике у каждого, кто на нем присутствовал. Приглашенные на бал и вправду радовались гостинцам, будто дети малые. Гофмейстерина Анна Никитична Нарышкина еще днем наказала Федору отложить для нее кораллового цвета шелковый бант. Теперь же, получив заветный презент, тотчас пришила его к лифу.

Очень пожилая дама с седыми кудряшками и скрипучим голосом, оную под руки вели двое слуг, отвесила Татьяне комплимент, поинтересовавшись, нельзя ли вместо фарфоровой статуэтки забрать очаровательную соломенную шляпку с ее головы. Жена конюха зарделась. На минуту задумалась, что ответить? «Великая княгиня наказывала быть со всеми любезною... Э! Будь что будет! Пушай от двора отлучают, пушай розгами бьют! Не отдам шляпку. Жалко!» Но отказывать почтенной госпоже не пришлось. Та, с хрипотцой хихикнув, переменяла желание:

— Ну, а коли не шляпку, отыщи мне, душенька, девицу, такую же молодую да красивую, как и ты, — Татьяна снова покраснела, но, недолго порывшись в плетенке, достала из нее фарфоровую пастушку.

Параллельно с седой старухой, щедрой на комплименты, граф Шварин взял у Федора белые перчатки, и тут же передарил их почтенной женщине. Оказалось, они хорошо знают друг друга.

— Благодарю Вас, Илья Осипович! Мне теперь без перчаток никак не обойтись, — она сделала знак слугам удалиться, ухватилась за запястье графа, граф — за свою деревянную трость, оба не спеша пошли в сторону пейзажной части парка. — Времена, когда моя оголенная ручка могла вскружить голову мужчине, закончились почтай лет сорок назад. Теперь уж ее надобно прикрывать материей...

— Ваша ручка будет сводить меня с ума до скончания века. — Граф приложился губами к морщинистой коже. А дама вдруг остановилась взором на дальних кустах и дернула Шварина за кружевной рукав:

— Смотрите, сама императрица к нам пожаловала! — Следует отметить, не смотря на возраст, зрение почтенной леди оставалось превосходным.

В кустах виднелся черный силуэт кареты. Когда глаза свыклись с темнотой, стало заметно императорский вензель на дверце. Окошко зашторено, но краешек занавески все же отодвинут. Значит, наблюдает...

— Может быть, стоит засвидетельствовать Елизавете Петровне свое почтение? — спросил совета у старушечки Илья Осипович.

— Зачем? Императрица для нас — прожитый день. Глядеть надобно вперед, а не назад!

— Но... Все-таки... императрица, пока...

— Ненадолго! Вы, граф, лучше бы поболее пеклись о нашем предмете. Надеюсь, вы не

запамятовали, ради чего приехали в Россию?

— Я помню, баронесса...

— Уже почитай тридцать лет помните, и ничего не предпринимаете!

— Ничего не получается предпринять!

— Так надобно действовать отчаяннее! Скажите, граф, Вы заметили, в каком платье сегодня Екатерина Алексеевна?

— В голубом... А что?

— А то, что к голубому более подходят сапфиры, нежели изумруды! Понимаете, к чему я клоню? Ладно, лучше расскажите, как там поживает наш хромоножка, на свободу не рвется?

— Куда там! Тих, безволен! Ест мало. Не шумит.хлопот с ним никаких...

Далее разговор ускользнул от любопытных ушей Татьяны, во-первых, граф с почтенной баронессой отошли слишком далеко; во-вторых, все ее внимание поглотила неожиданная весть: сама императрица зрит ее сейчас в прелестной шляпке «Бержер». А уж Ее Величество толк в моде знает! Но тут к палатке подошли очередные просители подарков, жена конюха нагнулась за ними к плетенке, а когда распрямилась, кареты среди кустов уже не было.

Х Х Х Х Х

После бананового десерта было решено совершить небольшой променаж, оценить планировку сада.

Архитектор Антонио Ринальди, немолодой человек с большим покатым лбом и спадающими на спину черными кудряшками, принявший эстафету обустройства территории после самой Екатерины Алексеевны, с удовольствием рассказывал о своих достижениях:

— Липовая аллея, идущая строго на юг от каменной залы — это центральная ось. Коли желаете — рубеж между порядком и хаосом. Видите, справа — ровные дорожки, круглые клумбы, подстриженные кустарники? Это французская часть парка, регулярная, геометрически выстроенная. А слева от аллеи — пейзажный парк в аглицком стиле: буйно ветвящиеся деревья, трава, цветы, которые росли здесь и донныне... Кажется, будто рукой человека ничего и не тронуто...

— Я слышала, в Европе регулярные парки ныне не в моде... — сложив веер, произнесла молодая особа в платье из тафты цвета стрекозиных крыльев с тройным слоем кружев по краю рукавов и «Эшель»; на корсаже.

— Совершенно верно, — глаза Ринальди всегда изливали восторг, но тут они просто обожгли даму искрами восхищения. — Однако в России к ним привыкли. И я пустился на эксперимент. Впервые в истории соединил на смежных территориях два противоположных по принципу обустройства парка, — в окружавшей архитектора толпе послышался гул, означавший, что слушатели осознали и по достоинству оценили его великий замысел, — Скажите, моя прелесть, вы любите кататься на санках? — Ринальди обратился с вопросом к особе с «Эшель».

— Зимой? Обожаю!

— И, поскольку вам не чужды европейские моды, вы, должно быть, уже наслышаны о «катальных горках»?

— О, да!

— Идемте! Я покажу вам, где запланировал построить такую же! Это будет изящный трехъярусный павильон, предназначенный для приемов, с крыши оно, по волнообразным скатам можно будет съезжать на самую землю...

Екатерина подослала фрейлин послушать, о чем толкуют гуляющие гости. Фрейлины вернулись с лестной для Великой княгини новостью. Бал понравился всем без исключения. Приглашенные любовались подарками, нахваливали угощения и говорили, что вспоминать об этом вечере будут еще очень долго.

Что ж, теперь можно ненадолго передохнуть. Надобно отметить, чувствовала себя Екатерина Алексеевна не важно. После полудня супруга наследника вместе с гофмейстериней Анной Никитичной Нарышкиной решила проверить, все ли готово к предстоящему торжеству. Сели в кабриолет, подкатили к Нижним домам, рядом с которыми шло приготовление декораций. Нарышкина ловко соскочила с подножки, когда же за ней последовала Великая княгиня, лошадь дернулась, и повозку накренило, княгиня упала оземь. Нарышкина бросилась к ней, ухватила под белы ручки. Княгиня же только расхохоталась, отряхнула юбку, сделала вид, будто ей ничуть не больно, однако внутри сильно струхнула: «Как бы вместо веселья не случилось беды. Как бы не выкинуть ребеночка». Великая княгиня снова была беременна.

Теперь же, по прошествии нескольких часов с момента падения, в животе явно что-то ворочалось и покалывало. О плохом думать не хотелось. И Великая княгиня приняла для себя безвредное объяснение: малыш начал шевелиться. Однако шнуровку корсета надо бы ослабить, да и ушибленную ногу не мешало бы размять. Взяв в спутницы все ту же Нарышкину, Екатерина не спеша направилась ко дворцу.

— На днях снова стук копыт слышала... Приезжал кто? — Анна Никитична повела истонченной черной бровкой и, не сдержавшись, прыскнула от смеха. Рассмеялась и ее собеседница.

— То должно быть черт тебе примерещился! Мысли дурные в голофе носишь, вот и не спица по ночам, чудица фсякая околесица, — Великая княгиня старалась говорить спокойно, но запунцовевшие щеки выдали ее внутреннюю ажитацию. Обе они понимали, на чей ночной визит намекала гофмейстерина...

Польский посланник Станислав Понятовский был новым пристрастием Екатерины. Полная противоположность своего предшественника — Сергея Салтыкова: блондин, сдержан и учтив. Ценил в Екатерине не только ее внешние качества, но и ум. С ним можно было советоваться, от него можно было ожидать сочувствия. Правда, Станислав был на три года моложе своей возлюбленной, и мало искушен в делах амурных, но Великой княгине теперь это даже нравилось...

Станислав частенько навещал Екатерину в Ораниенбауме. Как-то раз, когда он под утро покидал великокняжеские палаты, его схватил пикет кавалерии и препроводил в покои Петра Федоровича.

— Что вас привело во дворец? Коварные планы? Злой умысел? Может быть, при вас имеются даже пистолеты? — наследник был настроен решительно. После допроса Понятовского отпустили. Но боле наведываться в заветные чертоги он не решался.

Екатерина Алексеевна потомилась недолго, да и (чего не сделаешь ради любви), пошла на переговоры с любовницей мужа. На одном из приемов она шепнула на ухо Елизавете Воронцовой:

— Фам так легко было бы сделать фсех нас счастливыми.

Та вмиг поняла, что имелось в виду. В тот же день польский посланник предстал перед наследником российского престола.

— Не безумец ли ты, что до сих пор не доверился мне! Думаешь, я стал бы ревновать? Я

записываю во враги только тех, кто желает мне смерти. Ежели ты к ним не относишься — будешь мне другом. Ну а теперь, коли мы друзья, стоит позвать еще кое-кого, — и он вытащил из личных покоев Екатерину, не дав ей опомниться и надеть под распашной капот; чулки и юбку. Ткнул пальцем в Понятовского:

— Вот он. Надеюсь, теперь мною довольны!

В августейшей семье ненадолго наступил мир. Станислав стал приезжать в Ораниенбаум почти ежедневно, поздно вечером. По потайной лестнице поднимался в комнату Великой княгини. Там они ужинали вчетвером, вместе с Петром Федоровичем и Елизаветой Воронцовой. После трапезы наследник вставал из-за стола, утирался салфеткой:

— Теперь, дети мои, я вам боле не нужен, — брал свою любовницу за руку и удалялся.

X X X X X

Сегодня на бал Понятовский приехать не смог. Екатерина по нему скучала. Петр резвился с любовницей. А хозяйка праздника чувствовала себя одинокой. Всю дорогу от накрытых яствами столов до дворца вспоминала встречи со Станиславом. Нарышкина в это время без умолку болтала. Про то, как промокла во время минувшего ливня, про шутки своего деверя, известного балагура Льва Нарышкина, про влюбленности графа Шварина:

— Вы видели, как он обхаживал седовласую баронессу Оксендорф?

— Ну и что?

— Говорят, ей уже восемьдесят. И она ужасная зануда.

— Мошет быть, это всего-нафсего дань фешливости?

— Ага, конечно, дань... Да он вечно таскается не за теми юбками, которые могут быть ради него приподняты...

— Анна Никитишна!

— Что я такого неприличного сказала? — округлила та глазки. — Это все знают! Вы что позабыли, как он возле Елизаветы Петровны кружил? Проходу ей не давал! Если та замышляла путешествие, отправлялся следом. Присутствовал на всех без исключения придворных балах и даже предлагал свою помощь в столь прозаичном деле, как сбор поклажи при переезде.

— Почему же, помню. Я тогда только приехала в Петербург. И таже жалела Илью Осиповича, решиф, что тот безответно флюблен в императрицу.

— Видимо, граф Шварин, почувствовал ваше к нему расположение, потому что лет шесть назад его пыл к Ее Величеству внезапно остыл и переметнулся на вас, Ваше Высочество. Ну, вы подумайте: стареющий и небогатый граф-скрипушник; и молодая красавица, супруга наследника престола. Неужели он на что-то рассчитывал?

— Не знаю, но поначалу меня это таже забафляло...

— Да и нас таже. Двор пришел в некоторое оживление, распространяя анекдоты про вашего нового воздыхателя...

Нарышкина с Екатериной тем временем вошли во дворец, поднялись по лестнице наверх, открыли дверь, ведущую в покои Великой княгини...

В углу, за ломберным столиком, сидел граф Шварин, крутил в руках шкатулку Великой княгини, заостренным ногтем мизинца пытался поддеть ее крышку.

— Здравия желаю! — с престарелым графом едва родимчик не приключился. Он выронил шкатулку из рук, и вытянулся по стойке смирно.

— Илья Осипович! Что это фы здесь делаете? — возмутилась Екатерина.

— Помяни черта, и он тотчас появится, — шепнула Нарышкина на ухо спутнице. Та в

ответ кивнула.

— Помилуйте, Ваше Высочество... Я разглядывал... маркетри;! — Шварин поднял шкатулку с пола.

— Фы, Илья Осипович, так и не соизволили отфетить на мой фопрос. Зачем фы вообще яфились в мои покои? — когда Екатерина злилась, акцент проявлялся весьма сильно.

— Я вас искал! Вас нету. А тут шкатулка. Такая красивая...

— И зачем же фы меня искали?

Шварин мялся, и говорил явно первое, что пришло в голову:

— Совет. Мне нужен был совет...

— Какой?

— У меня... в доме... прислуга. Вздумала воровать. Как отучить прислугу от воровства?

Враль в преклонных годах выглядит весьма нелепо. А в том, что Шварин врал и говорил сейчас первое, что пришло в голову, никто из присутствующих не сомневался.

— Мне кажется, воровать здесь вознамерился кто-то другой! — Нарышкина выхватила шкатулку у Шварина и поставила на столик.

Граф сообразил, что выкручиваться бесполезно, нужно делать ноги и как можно быстрее.

— Что-то мне нехорошо. Воздух здесь... Спертый... Я лучше на природу, в сад...

Он вылетел из комнаты, словно угорелый кот. Забыл прислоненную к креслу трость. Вернулся, взял ее, опять бросился к дверям, споткнулся, тут же вскочил на ноги, опять побежал...

Дамы первым делом оглядели шкатулку. Цела ли?

К счастью, открыть, кроме самой Екатерины, ее никто бы не смог, замок был достаточно хитрым. И даже не один замок. Вначале нужно было надавить на правый угол красноватого ромбика, того, что расположен по самому центру опоясывающего орнамента. Только давить нужно ни в коем случае не ногтем, даже таким заостренным, какой был на мизинце у Ильи Осиповича, а тонкой булавкой. Откидывались крышка и передняя панель. Таким образом, обнажалась внутренняя коробочка, верх которой состоял из открытых ячеек со всякими дешевыми висюльками. Более дорогие украшения были спрятаны в выдвижные ящички.

Ящички имели миниатюрные железные капельки — ручки, дергать за которые, впрочем, было совершенно бесполезно. Они отпирались опять-таки нажатием, на пружинку, спрятанную под атласной подкладкой на тыльной стороне крышки.

Практически ежедневно, проделывая нудную процедуру извлечения украшений из их хранилища, Великая княгиня недоумевала, зачем нужны столь сложные меры безопасности в охраняемом дворце? Теперь поняла: осмотрительность не бывает излишней.

— Это мне урок, — заявила Екатерина, — фпредь не буду оставлять шкатулку на фидном месте. И Шфарина боле принимать не стану. Зачем ему понадопились мои украшения? Хотел перепродать, потарить этой старой баронессе Оксендорф? Фзять на память или, не дай Бог, для форожбы?

— Для ворожбы?! Упаси господи! — дамы испуганно перекрестились, Нарышкина схватила из вазы с фруктами спелый желтый банан. — Только ворожбы нам не хватало! От злости даже есть захотелось!

— Еще хорошо не унес фесь ларец целиком!

— Побоялся, в карман-то его не спрячешь, — рассуждала Анна Никитична, дожевывая сахарную мякоть.

Супруга наследника престола в мыслях воздала хвалу мастеру, которому пришла в голову замысловатая идея с ключами-пружинками. И подумала о том, что в последнее время ее душа стала очень сильно походить на ту самую шкатулку с потайными ячейками. Только она одна знала, где и что в них лежит, и как они открываются.

Жизнь: сладкая и горькая

Москва, март 2000-го года.

— Древние римляне называли «банан» «фруктом мудрого человека», — с пионерским задором вещала голова с экрана, покачивая двумя легкомысленными хвостиками. Ольга заглянула в больничный телехолл в поисках Верочки, в палате той не оказалось. — Сегодня урожай бананов во всем мире — второй по величине, он уступает по весу лишь апельсинам, — говорящую голову затмил собой крупный оранжевый фрукт с пористой коркой, — и опережает виноград, — на экране появилась иссиня-черная гроздь.

Вера Малышева была действительно здесь. Сидела в углу, в большом кожаном кресле, подобрав под себя ноги, что-то вязала.

— Привет! Вот тебе практически весь пьедестал почета, только помыть надо, — Лобенко плюхнула на колени подруге полупрозрачный пакет с только что упомянутыми телеведущей апельсинами, бананами и виноградом. Впрочем, там были еще и яблоки.

— Только фрукты? А мой любимый малиновый рулет, с начинкой из арахиса?

Ольга выжидала паузу. Нужно было срочно соображать, как действовать дальше. Если Верочка шутит, значит, и ей можно посмеяться. Хуже, если та говорит серьезно. Тогда придется оправдываться. Но каким образом? Разумного объяснения происшедшей подмене лакомства у Лобенко до сих пор не было. Пауза затягивалась.

— Рекорд по поеданию бананов на скорость принадлежит доктору Рональду Алкана из Калифорнийского университета. Он съел 17 бананов за 2 минуты. А в феврале 1946 года в Англии погибла девочка, съев всего четыре банана из первой партии, привезенной в страну после войны, — для полноты образа голове в телевизоре, точнее, ее шее, явно не хватало алого пионерского галстука.

— Наверное, у английской девочки тоже аллергия была. На бананы, — Лобенко указала рукой на экран, сама же не сводила глаз с подруги, следила за реакцией.

— Или под кожу впрыснули яд... — Ольге показалось, что Верочка все же не шутит...

— Вер, я, правда, купила рулет в буфете и принесла его тебе, не распечатывая.

— «Ошибка завода-производителя», — так, кажется, решило большинство?

«Пионерка» в телевизоре продолжала тараторить, словно на уроке ботаники:

— Мы привыкли называть бананы фруктами, но, на самом деле, — это ягода. А банановое растение — крупнейшее из растений, не имеющих твердого ствола. Его размеры могут превосходить по высоте четырехэтажное здание.

— Давай выйдем, — кивнула в сторону двери Верочка, — Поговорить надо.

«Мужики после этого обычно бьют морду» — подумала Ольга и поплелась к выходу вслед за подругой.

— Ладно, расслабься, я тоже могла бы прежде, чем откусывать, посмотреть, что там такое, — жертва аллергии, наконец, сменила гнев на милость.

У Ольги словно Джомолунгма с плеч свалилась:

— Да уж! Или хотя бы понюхать...

— Нет, понюхать не могла. У меня уже три дня как нос был забит. Вдохнула нечаянно пудру, когда гримировала Кокошкина, — вот слизистая и воспалилась.

— Какого Кокошкина?

— Ну, этого, из «Русского поля».

— Как обычно, началась аллергия. Конечно, не такая ужасная как от арахиса, ну, что-то типа насморка. Помнишь, я еще всюду с платочком ходила.

— А! Теперь понятно, почему ты не почувствовала запах арахисовой пасты. Но цвет! Малиновая начинка должна быть розовой, а там была шоколадно-ореховая...

— Разве не знаешь, за работой я только цвета грима различаю. Это как в комбинированном кино: то, что важно — выделено яркими красками, остальное — полутона. К тому же, я была такая голодная, — некогда мне было его, рулет, рассматривать!

— Знаешь, мы, на всякий случай, остатки рулета и упаковку завернули в отдельный целлофановый пакет и положили в холодильник.

— Чтобы я после выхода из больницы доела?

— Нет! Вдруг ты в милицию надумаешь заявлять. Отпечатки пальцев там, и все такое...

— Не буду я в милицию заявлять. Я уже и врачам объяснила, что сама нечаянно выпечку перепутала.

— И все же, если предположить, что тебя кто-то пытался отравить...

— Тогда этот кто-то — либо ты, либо Саша Вуд?

— Я-то знаю, что не травила! А почему Вуд?

— Потому что он один оставался в гримерке, пока я бегала за новыми спонжами в хозблок.

— Может быть, кто-то как раз в это время и заходил...

— Ага, подменил рулет на глазах у Вуда...

По длинному больничному коридору два медбрата протащили громающую, пустую железную каталку, рядом бежала сестричка со сложенной простыней в руках. Парни завезли каталку в отделение реанимации. Девушка осталась стоять снаружи. Увидев Лобенко с Малышевой, подошла:

— Вы не могли бы на несколько минут удалиться?

Ольга просьбе удивилась, а Вера — ничуть. Пояснила шепотом:

— Опять кто-то коньки отбросил, сейчас в морг повезут, а нас прогоняют, потому что не хотят нам психику травмировать. Пойдем, здесь такое часто случается...

В палате у Верочки было четыре кровати. Две из них пустовали. Соседка у окна, кажется, спала.

— Вер, а Вуд может на тебя за что-то сердиться? — тихо спросила Ольга.

— Ну, разве, за правду?

— За какую?

— Что, если будет и дальше так много пить, — вышибут его с передачи, к едрене фене, да и с телевидения вообще. Мне ведь все его синяки под глазами видны. Но за откровенные слова все равно не убивают, правда?

— За слова — редко, а вот за дела... Его сняли. И «Ларец» закрывают. Ты еще не знаешь?

Верочкино лицо вытянулось:

— Не-е-ет...

— Я хотела тебе об этом рассказать, как раз, в тот день.

— А что же с нами будет?

— Большинство станет работать над новым проектом.

— А меньшинство?

— К меньшинству, насколько я знаю, пока относится только экс-ведущий.

— Так, может, у Сашки крыша от горя, да с перепоя поехала? Лобенко в ответ только пожала плечами. У окна заворочалась и закричала соседка.

— Пойдем в телехолл, я там свое вязание забыла.

Медсестры «на страже» в коридоре уже не было, значит, покойника увезли. Девушки проскользнули в дверь «комнаты отдыха» — так было на ней написано.

— Отчего отдыхать-то? Можно подумать, в палатах больные трудятся в поте лица, — заметила Малышева.

В телевизоре все еще вещала голова «пионерки»:

— В бананах содержится больше витамина бэ шесть, чем в других фруктах и ягодах. Известно, что этот витамин несет ответственность за хорошее настроение. Ешьте бананы и будьте счастливы!

X X X X X

«23 марта 2000 года.

У меня началась сладкая жизнь!

Нет, не в смысле «приятная». «Фанатика» пока не поймали. И я по-прежнему боюсь ходить по улицам, и мне по-прежнему кажется, будто кто-то за мной постоянно наблюдает.

Верочка отказалась заводить уголовное дело по факту ее отравления. Может быть, она приняла бы другое решение, если бы я рассказала ей, в какие передраги угодила. Но мне запретил Отводов. Он подозревает всех, с кем я знакома.

«Теоретически, даже Малышеву можно записать в «охотники за стариной», — сказал он. Ну не бред ли? Согласно его фантазиям, Верочка могла разыграть собственное отравление... Но даже, если это покушение с Екатерининским перстнем никак не связано, и даже, если это вообще никакое не покушение, а несчастный случай, — все равно «фанатик» крутится поблизости. Где уверенность, что Верочка, посвященная в подробности дела, будет держать язык за зубами? Так рассуждает Отводов, а я обещала его слушаться.

Что-то внутри меня беспрестанно шепчет: «Верочку пытались отравить, чтобы запугать меня». Кажется, это называется интуицией. Только домыслы в криминальное досье не подошьешь. Придется собирать факты.

Главным моим аргументом должно стать доказательство того, что малиновый и арахисовый рулеты приготовлены на разных предприятиях. План действий следующий:

1. Выкрасть из холодильника в Останкино остатки злосчастливого лакомства.
2. Отправиться по адресу, указанному на упаковке и узнать, выпускает ли фабрика похожее изделие, но с арахисовой начинкой.
3. Если пункт 2 даст отрицательный результат, подтвердить его, обойдя кондитерские отделы крупных магазинов в поисках рулета с арахисом, идентичного отведенному Верочкой.

Первые два пункта я уже выполнила. Причем, даже не пришлось красть полусъеденный рулет. С разрешения Верочки он вместе с упаковкой был выброшен в корзину с мусором, откуда, улучив момент, я его и забрала.

В фирменном магазине предприятия-изготовителя арахисовое лакомство нашлось, но это был прямоугольный бисквит с ореховой крошкой.

На третьем пункте я застряла.

Как было просто раньше, когда все товары в гастрономах прямо на глазах у покупателей заворачивались в одинаковую грязно-серую бумагу! В нашу пору (не даром Гридасовский

«Картопак» процветает) упаковка приобрела размах модельного бизнеса. Слава богу, кое-кто предпочитает выходить в свет в прозрачной «одежде», — эти рулеты я разглядела прямо у кондитерских прилавков, не тратя на них ни копейки. Часть ассортимента отменяла «по габаритам», остальные пришлось скупать.

Несколько дней подряд у меня были исключительно сладкие завтраки и ужины. (Обедаю я на работе.) Вначале поглощала лакомства в одиночку, потом стала приглашать на чай Светлану Артемьевну. В конце концов, только разрывала пакеты, осматривала рулет, и относила его в отделение к капитану Отводову. Доблестные стражи порядка ели их сами, угощали потерпевших, и, иногда, задержанных, в награду за примерное поведение. А искомый рулет все не попадался.

Во время одного из чаепитий состоялся интересный спор со Светланой Артемьевной. И все про ее любимую Екатерину. Бабуля посмеялась над моей затеей отыскать производителя рулета. Напомнила мне о правиле «Плыть по течению и созерцать». На что я ей возразила:

— Если бы Екатерина Алексеевна все время только «плыла» по течению, закончилась бы ее жизнь где-нибудь в монастыре, а то и вовсе в «ридне Германщине» под крылышком у какого-нибудь наместного принца, чьи владения можно было бы обойти пешком. Только благодаря форсированию событий Великая княжна взошла на трон.

— Зablуждаешься, Оленька! — возразила Светлана Артемьевна. — Екатерине Алексеевне не форсировала события, а умело манипулировала предоставленными судьбой в ее распоряжение обстоятельствами.

Мудро, однако! В последнее время я все чаще думаю о разнице в значении слов «форсирование» и «манипуляция».

Лобенко поставила точку и выключила компьютер. Теперь — в душ. Через два с половиной часа, свежа и весела, она должна будет блистать на презентации «Картопака» в Международном центре торговли на Красной Пресне, том самом, перед которым завис на одной ноге устремленный в будущее греческий бог Гермес. Гридасов раздал приглашенные только «избранным». Ольге это польстило.

Нужно еще выяснить, влезет ли она в любимый вечерний наряд: трикотажный комбинезон с глубоким вырезом на спине. Все-таки следственный эксперимент с рулетами прибавил несколько лишних сантиметров на талии.

Распарила лицо и тело под горячими струями, растерла вокруг шеи капельку ароматного масла, чуть-чуть подвела глаза и губы, добавила румянец на щеки... В комбинезон влезла! Довольная собой она вышла из подъезда.

Сосед выгуливал собаку. В свете фонаря целовалась парочка... Чего-то привычного не хватало Ольгиному глазу.

«Может быть, дерево какое спилили? Или подмели асфальт?» — подумала девушка. Залаяла собака, хозяин натянул поводок, но никто на собаку не заворчал... Нет, недостаток испытывало не только зрение, но и слух. «Ах, вот оно что! Возле двери, на лавочке, не было завсегда, ворчуна Лаврона...» Не заболел ли? У кого бы поинтересоваться? Но девушка по-прежнему не знала ни номера его телефона, ни квартиры... «Ладно, спрошу как-нибудь у соседки, может, она в курсе!» — и зашагала в сторону дороги ловить такси.

Х Х Х Х Х

— Встречаются Путин и Кучма. Путин: «Эх, что ни говори, а Украина стала для нас отрезанный ломоть сала...» Кучма расвирепел: «Ах, так!? Тогда вы для нас — отрезанный... отрезанный...» Путин пришел на выручку замешавшемуся коллеге: «Ну,

например, газопровод! Хотите?

О чем можно говорить в приличном, но малознакомом тебе обществе? О погоде? — Примитивно! О премьерах, о книгах? — Сегодня уже слишком чванливо! Если «приличное общество» собралось на презентации, то можно высказать свое мнение о предмете торжества. Но на сей раз презентовали продукцию новой линии по выработке пластика. Да, о бутылках да коробках особо не потолкуешь!

Ситуацию спасло то, что буквально через два дня страну ожидали, как выразился один из гостей, «очередные выпоры». Все, не сговариваясь, решили судачить о политике. Ну, и, слава Богу! А чтобы не было совсем скучно, серьезные дебаты время от времени перемежали анекдотами. Этот вот господин в сером пиджаке и синем в ромбик галстук, казалось, знает их немерено:

— Путин после официального визита в одну из европейских стран, возвращается на родину. В самолете заснул, проснулся уже после посадки: «Ничего не понимаю, где мы?» Ему отвечают: «В России». «Не узнал, богатой будет!»

Среди тех, кто толпился на фуршете в одном из залов Международного центра торговли, Ольга насчитала всего с десятков знакомых. Пятеро из них — были из руководства родного канала, — птицы столь высокого полета, что Лобенко позволила себе лишь поздороваться с ними. Были еще директор, и два редактора «Волшебного ларца», но все трое со своими половинками. В их компанию Ольга тоже не вписывалась.

Томно побродив между столиками с конусообразным бокалом шампанского в руке, девушка, наконец, причалила к группе разномастных балагуров. Совершенно очевидно среди них не было супружеских пар. Хотя, помимо Ольги, стояли еще две девицы, весьма демократично одетые в джинсы. Анализируя собственную наблюдательность, и, дабы внутренне раскрепоститься, Ольга сочинила очередную «умняшку»: «Женщина, выходя с кавалером в свет, старается выглядеть ослепительно. Тогда, лишенный зрения, благоверный попросту не сможет глазеть на других девиц».

Было в компашке и четверо мужчин. Один безучастно прислонился к колонне, увитой гирляндой из воздушных шариков. Как вы думаете, какой расцветки? Конечно же, желтой и красной, — фирменных цветов «Картопака». Остальные были включены в оживленную беседу.

— А что, такого красавчика не стыдно показать по ящику, — девица в фиолетовом свитере дырчатой вязки решила развить «пропутинскую» тему. — Я думаю, за нынешнего ИО большинство женщин проголосует, исключительно из внешней к нему симпатии.

— Путин победит, и с большим отрывом. Ну, а что, он мужик умный, деловитый, и, как показали последние месяцы, слово умеет держать! Но я лично буду голосовать за Явлинского, надо поддержать демократическую интеллигенцию, чтобы нос не вешали. И всю семью сагитировал также проголосовать, — свою точку зрения высказал мужчина постарше, в черном костюме, с пиджаком нараспашку. Кажется, пиджак уже не застегивался на его отвисшем пивном брюшке.

— Хотите анекдот? — тут же воспрял духом «синий в ромбик галстук», ответа не последовало; впрочем, и так было ясно, что хотят. — Встретились Явлинский с Зюгановым: «Когда я беру такси, — говорит первый, — я обязательно даю водителю солидные чаевые и говорю ему: "Голосуйте за демократов!" «А я, — моментально парирует второй, — когда беру такси, то расплачиваюсь строго по счетчику, а на прощанье говорю водителю: "Не забудь, обязательно проголосуй за демократов!"

— Зюганов к нам сегодня приезжал! — не дождавшись, пока стихнет хохот, встряла девчушка в кофейной по цвету блузке.

— А «к вам» это куда? — поинтересовалась Ольга Лобенко.

— На «Эхо Москвы» — с достоинством ответила «кофейноблузочная», и пояснила, — Беседовал с Венедиктовым в прямом эфире. Так вот, Зюганов утверждает, что Явлинский наберет не больше четырех процентов голосов, а они с Путиным выйдут во второй тур... — окружающие пыркнули от смеха.

— Если каждый «из сострадания» будет голосовать за явно провальных кандидатов, то, может быть, и в самом деле придется на второй тур идти, — «синий в ромбик галстук» подпустил шпильку в адрес «незастегивающегося пиджака». — Коммунисты, уж не сомневайтесь, все как один проявят солидарность, они никому из жалости свои голоса не отдадут.

— А по-моему, кто больше денег в предвыборную кампанию вложит, тот и победит. Пиар — великая штука! Так ведь? — подмигнула девица в фиолетовом свитере.

Ольга отошла к одному из накрытых столов, взяла блюдо, положила на него тарталетку с каким-то салатом, несколько оливок и медальон из мяса неизвестного животного. Когда вернулась в былую компашку, там уже ожесточенно критиковали прессу и «черный пиар». «Кофейноблузочная» с «Эха Москвы» пыталась держать оборону:

— Мы ведь не какая-нибудь желтая газетенка, — солидный, любимый многими канал. Да у нас на честную рекламу — очередь!

— Это даже я могу подтвердить! — перед глазами собравшихся предстал Генрих Ильич Гридасов. В черном смокинге, с красной «бабочкой» под оттопыренным белоснежным воротничком:

— Ольга Валерьевна! Представьте, пожалуйста, меня своим друзьям!

— Да, мы, собственно, сами только что познакомились. Точнее даже и не успели познакомиться. Просто стояли и разговаривали. Впрочем, есть повод исправить положение. Дамы и господа, это Генрих Ильич Гридасов, креативный директор «Картопака»...

Затем Ольга представилась сама, остальные тоже назвали фамилии, имена и место работы. Все оказались сотрудниками среднего звена различных компаний: заказчиков, поставщиков... Девушка с «Эхо Москвы» была простым рекламистом. Лощеный карьерист Гридасов произвел на них давящее впечатление. Балагуры стусевались. Полемика расстроилась. К счастью, заиграла музыка. И Гридасов предложил Ольге перейти в танцевальный зал...

На быстрые туры Генрих Ильич оказался неспособным. Пару медленных они протоптались на месте. Потом Гридасов снова увел Лобенко на фуршет, прямо «в президиум», то есть к столику, возле которого восстояло начальство:

— Михаил Тихонович, я обещал познакомить вас с надеждой нашего будущего телеканала? Вот эта дама. Ольга Валерьевна Лобенко, актриса по специальности, прекрасно знает всю «кухню» телеэфира, буквально фонтанирует новыми идеями, — затем повернулся уже к Ольге, — Михаил Тихонович Тещин, генеральный директор «Картопака», — Тещин сделал скромный кивок, блеснув золотой оправой очков. Потом посмотрел на Гридасова, наклонился глубже, взял и поцеловал Ольгину руку, сверкнув уже не только очковой оправой, но и брильянтом в платиновой заколке для галстука.

Лобенко почувствовала, как у нее зарделось правое ухо. Дабы сей казус никто не заметил, девушка повернулась к присутствующим левым боком. Спешно засочиняла

«умняшку»: «Нет ничего конфузнее, чем видеть, как большой начальник делает то, что, по вашему мнению, он никогда бы не сделал». Но тут у Ольги загорелось еще и левое ухо: к столику приближались Генеральный продюсер ее канала — Александр Алексеевич Кетов, один из тех «мэтров», с которым всего полчаса назад она не посмела заговорить и, легок на помине, председатель партии «Русское поле» Анатолий Георгиевич Кокошкин.

Оба поздоровались и с Тещиным, и с Гридасовым за руку. Генрих Ильич повернулся к Лобенко.

— Разрешите представить...

«Еще одну «умняшку» мне сейчас не осилить, — подумала Ольга, — придется дышать по счету: один, два — вдох, три, четыре... десять — выдох.» Голова закружилась. Может, здесь не хватало кислорода, может, выпила слишком много шампанского? Беседа тем временем шла по заведенному порядку:

— Возлагаем большие надежды...

— За кого вы будете голосовать?

— Как вы полагаете, состоится ли второй тур?

Только анекдоты травили обезличенные, чтобы ничьих симпатий не обидеть. Вот, вроде этого:

— Сын приходит к отцу и говорит: «Папа! Правда, что настоящие сказки начинаются со слов: "Жили-были старик со старухой..."»

— Нет, сынок. Настоящие сказки начинаются со слов: "Если вы проголосуете за меня на выборах..." Смеялся даже Кокошкин.

Голова не переставала кружиться вплоть до самого конца вечеринки. Гридасов не отходил от девушки ни на шаг. Вызвался проводить ее до дома. Ольга не соглашалась. Он настоял. В гардеробе собственноручно возложил пальто на хрупкие девичьи плечи. Вышли.

В центре клумбы — все тот же зависший на одной ноге Гермес. Ночной воздух слегка прояснил мозги, и Ольге даже удалось сфокусировать зрение на змеях, опутавших кадуцей греческого божества.

«Кадуцей — посох Гермеса, — вспомнила она курс по древнегреческой мифологии. — Он обладает силой примирять противников. Гермес решил его испытать и поместил меж двух борющихся змей, те вмиг успокоились и обвили его.»

Подали начищенное авто Гридасова. Креативный директор распахнул перед дамой правую дверцу, перенял ключи у шофера и сам сел за руль. Объехали памятник, свернули в сторону ворот. Бежевые кожаные сидения, в салоне пахнет персиками, из динамиков льется чья-то бархатная серенада, за окнами расплываются ночные огни, — голова снова кружилась.

Х Х Х Х Х

Ольга сидела в кабинете следователя, рыдала и пускала слюну в стакан с валерьянкой, который держал перед ней капитан Отводов. Она тщетно пыталась заставить себя выпить лекарство, челюсти, словно свело судорогой, зубы стучали по стеклу. Конвульсивно подрагивали и плечи, прикрытые черным смокингом, одолженным у Гридасова; из-под шелкового отворота виднелся разодранный лиф комбинезона.

Сам Гридасов сидел поодаль, за потрепанным коричневым столом, запустив руки в разлохматившуюся бороду. Белая рубашка запачкана, манжет на одном из рукавов оторван.

— Успокойся, успокойся прежде! — Отводов отставил стакан и обратился уже к Гридасову:

— Может быть, вы расскажете, что произошло?

— Мы с Ольгой Валерьевной возвращались с корпоративной вечеринки.

— Вы вместе работаете? — спросил капитан, как показалось Генриху Ильичу, несколько зло, даже кудряшки на макушке встопорщились.

— Да, то есть нет, то есть почти... Видите ли, наша фирма спонсирует передачу, которой занимается Ольга Валерьевна.

— Так вечеринка же была корпоративной, по вашим словам.

— Виноват, ошибся! Скорее, межкорпоративной. Мы презентовали новую продукцию.

Впрочем, позвольте, разве это к делу относится?

— Это уж мне решать, что относится, а что нет, — по усилившемуся Ольгиному завыванию капитан понял, что, видимо, слишком сильно наехал на Гридасова.

— Я провожал Ольгу Валерьевну домой. Довез до подъезда. Мы попрощались...

Отводов представил себе сцену прощания так, как это обычно бывает подлунной ночью, и его передернуло.

— Ольга Валерьевна зашла в подъезд, я вернулся к машине. Замешкался, решил переложить кое-какие вещи с заднего сидения в багажник. И тут услышал крик. Бросился к двери, а она заперта. Домофон стоит. Начал набирать все подряд кнопки... Наконец, в какой-то квартире ответили, открыли дверь... Ольга Валерьевна лежала возле почтовых ящиков, на полу, одежда порвана, какой-то верзила придавил ее своим телом. Я подошел к нему сзади, дал в челюсть. Завязалась драка... Потом он убежал...

— Понятно. Значит, попытка изнасилования?

Гридасов в ответ ничего не сказал, лишь одновременно пожал плечами и кивнул головой. Наверное, сии жесты означали: версия капитана в целом принимается, хотя кое-какие сомнения у Генриха Ильича все же остались.

— Какое изнасилование! Какое, к черту, изнасилование! — Лобенко, наконец, смогла разомкнуть челюсти. — Этот амбал изумруд от меня требовал!

— Какой изумруд? — встряхнулся Гридасов.

— Да, изумруд! Вы, Генрих Ильич, думаете, ему честь моя девичья была нужна? А он камушек хотел заполучить нехилый! Вам ведь тоже от меня что-то нужно! Да-да! А вы, что ж, прям такой бескорыстный? Вы ведь не просто так за мной увивались! Или, скажете, неземная любовь с вами вдруг приключилась!?

Что «приключилось» с креативным директором «Картопака» — осталось неизвестным. А вот с Ольгой приключилась истерика.

Отводов удалил Гридасова, отослал его домой. Обмотал руку полотенцем, пропихнул девушке между зубами и влил в горло разведенную водой валерьянку. Ольга закашлялась, но успокоительное проглотила.

По правде говоря, унять Лобенко капитан смог бы и не выдворяя свидетеля. Но, еще секунда, и Ольга вылила бы на него всю информацию, наработанную по делу о Екатерининском перстне. А, как вы помните, капитан был весьма подозрителен, и кто таков этот Гридасов, ему еще предстояло разобраться...

Х Х Х Х Х

Ольга проснулась на диванчике у Светланы Артемьевны. Ватное одеяло тычется в нос. Цветастое белье пахнет лавандой. Села. Скинула ноги на пол. «Боже! В эту ночную рубашку можно было завернуть весь личный состав местного отделения милиции, во главе с капитаном Отводовым. Встала. Подтянула спереди подол, сзади отвис шлейф. Потопала на

кухню, хозяйка-то, наверное, там.

Лобенко хорошо помнит, что произошло накануне, как ее спас Гридасов, как плакала, как капитан напоил ее валерьянкой, и как она сразу после этого начала успокаиваться... Но едва Отводов намекнул, мол, ночь на дворе, пора по домам, — на Ольгу снова накатила истерика: «Не вернусь в этот подъезд!» — и опять в слезы.

Пришлось доставить ее к общей знакомой. Ольга помнит так же, как та согрела ее чаем, как они разговаривали. Ольга полулежала на высоких подушках, на диване, а старушка сидела на стуле. Потом Ольга заснула.

На кухне Светлана Артемьевна месила тесто:

— Доброе утро! Умывайся скорей и присоединяйся, у нас сегодня гости будут, надо плюшек испечь.

— Доброе утро! А кто?

— Валентин Николаевич! Он снова в Москве. Приехал поработать в архивах. Обещал кое-что рассказать, — и с заигрывающей улыбкой добавила, — Может, Ираклий Всеволодович заскочит?

— Это ваш поклонник?

Светлана Артемьевна, аж тесто мять перестала, выстрелила в девушку черными глазами, тыльной, относительно чистой, стороной ладоней уперлась в плотные бока:

— Скорее уж «ваш», Оленька, поклонник! Ты что не удосужилась выучить имя-отчество своего следователя?

Ольга вспыхнула:

— Мне на работу нужно...

— Ох, дела! Капитана что ли испугалась?

— Я вчера в отделении такую истерику закатила!

— Ну и что? Женские слезы вызывают у мужчин лишь умиление.

— А распухший красный нос и размазанная тушь что у них вызывают?

— Встреча со спонсором, как бишь его, Юрасов?

— Гридасов.

— Вот-вот. А встреча на работе с Гридасовым, который видел тебя в той же красе, не смущает? Или ты в Отоводова влюбилась? И вообще, на часы-то смотрела?

— Нет... Ой, уже почти двенадцать! Я же на съемку опоздала!

— Ох, дела! Незаменяемая что ли совсем? Никуда твоя работа не убежит. Гридасов обо всем договорился. Он вначале тебе на квартиру названивал, потом на выключенный мобильный, в конце-концов до капитана Отводова дозвонился. Сам предложил дать тебе отгул.

— Про изумруд объяснений требовал?

— Кто он такой, чтобы требовать объяснений от следователя? Все вопросы, думаю, он для тебя припас. Так что готовься. Если Ираклий Всеволодович все же сможет уделить нам сегодня несколько минут, мы спросим у него совета, что говорить этому... спонсору. Ну, а теперь, не теряй времени, умывайся, переодевайся и за дело.

— Ой, я вдруг только сейчас сообразила, у вас ведь диван в квартире один, без кровати. Вы сами-то спали?

— Здрости! Спыхватилась! А у меня чудесный подарочек есть, от полковника Цветкова. Из Англии привез. Надувной матрац, вот такой в высоту, прям, как настоящая кровать — и бабуля чиркнула ребром ладони по ноге, чуть выше колена, потом той же ладонью ткнула в

сторону пола. — Здесь, на кухне, и спала.

— Какой кошмар! Мало того, что истерику в милиции устроила, без спросу к вам явилась, так еще согнала хозяйку на какой-то надувной матрац!

— Во-первых, не оскорбляй подарок полковника. На нем удобнее спать, чем на пуховой перине! И надувается автоматически, при помощи электронасоса. Во-вторых, ты ко мне не без спроса явилась. Ираклий Всеволодович прежде, чем тебя привести, звонил, разрешения спрашивал. Вопросы исчерпаны, мадмуазель?

— Ага.

— Тогда — марш умываться!

Ольга уже было развернулась, чтобы идти в ванну, но вдруг вспомнила:

— Светлана Артемьевна, во что переодеваться-то? Мой комбинезон испачкан и разодран.

— Да постирала я твой комбинезон, еще ночью. А утром зашила. Только в нем все равно гостей принимать не гоже, разве что до дома добежать. Вот сейчас тесто замесим, подниматься поставим и сходим к тебе за чем-нибудь попримочней.

Х Х Х Х Х

В последние дни полковник Цветков ощущал себя руководителем отряда «красных следопытов». Были такие в его далеком детстве: рылись в библиотеках, ходили в походы по местам боевой славы, — искали связь между прошлым и настоящим. Глядишь, после их упорного труда на ранее безымянной могиле появлялась фамилия, а в школьном музее — фото с автографом или личная вещица героического земляка.

Правда, тогда следопыты были сплошь юными. В отряде же у Алексея Степановича абсолютно все совершеннолетние, а двое — аж пенсионного возраста. И поиск их направлен отнюдь не на храбрых воинов Красной Армии... Но сути дела это не меняло. Полковник относился к следопытской деятельности своих подопечных с легкой иронией. И все-таки не исключал возможности, что нет-нет, да и прояснится с их помощью важное имечко, составитя фоторобот подозреваемого. Но более всего полковник надеялся, что помощники-энтузиасты выведут его на след искомого изумруда...

Немногие официальные попытки расследования зашли в тупик. Самарские коллеги, было, взялись за выяснение вопроса: как «фанатик» вышел на исполнителя Фадеева. В логике им не откажешь: ведь не по ночным же улицам он бродил в надежде наткнуться на какого-нибудь грабителя?! Просчитали самый приемлемый вариант. Фадеев немногочисленные драгоценности, которые попадались ему до креста, относил одному и тому же ювелиру. Схватили ювелира, приперли к стенке. И прямо в лобешник: так, мол, и так, колись, кому рекомендовал грабителя? Они бы его еще чистосердечное признание написать попросили.

Ювелир же прекрасно понимает, раз про заказчика спрашивают, значит, его пока не поймали, а тогда и доказательств наводке нет. Прикинулся простаком, бил себя кулаком в грудь:

— Да я даже не предполагал, что мне приносят краденые драгоценности! Да я бы тогда первым делом к вам, в милицию! Я честный человек, в прошлом коммунист... Что думал о Фадееве? Что ему бабушка наследство оставила. Никому о нем не рассказывал, никакого заказчика в глаза не видел, — вот и весь разговор.

Штаб фронта следопытской деятельности размещался в кабинете майора Свистунова. Итоги наглядно отражались в «уголке оперативной информации». На гладкую белую доску

кислотным розовым маркером были выписаны фамилии всех «членов бригады», потерпевших по делу «фанатика» и их родственников. От фамилии к фамилии шли стрелочки с объяснением связей между этими людьми в прошлом или настоящем. Магнитными кругляшками по периметру к доске крепились листочки: список участников аукциона, на котором Старков приобрел трость, и ее прежних владельцев (знакомых фамилий «следопыты» в списке не обнаружили); перепечатанная легенда о Екатерининском перстне и крыжовенном варенье (со слов Светланы Артемьевны); выдержки из дневника Евдокии Алексеевны (Чижова практически ежедневно звонила и цитировала по памяти очередной важный с ее точки зрения эпизод). Конечно, цитировала не дословно, приблизительно, передавая лишь самую суть, многие фамилии или факты приходилось потом уточнять по официальным каналам:

«Узнала, что арест Даши и Арсения (примечание: бабушки и дедушки Городца, двоюродной сестры автора дневника) стал отголоском дела по разоблачению «Троцкистской банды Марьясина» (прим. — директора Уралвагонзавода, обвиняемого в причастности к покушению на Орджоникидзе). Его арестовали в декабре 1936-го. Следом, в феврале 37-го, взяли и первого секретаря Нижнетагильского горкома Окуджава. Окуджава и Марьясин по приговору НКВД расстреляны. Дальше стали «разоблачать» всех, кто с ними общался. Добрались и до преподавателей горнометаллургического техникума, в котором работал Николай. (Прим. — казнили только учителя химии Хлопотова, остальные попали в лагеря)

...

Арестовывали целыми семьями, всех совершеннолетних. Может, и до меня еще доберутся. Детишек увозили из города в детдома да интернаты. Из всех, кого я знаю, повезло лишь сынишке Шалвы Окуджава, двенадцатилетнему Булату. Его забрала родная тетка, в Москву. Говорят, теперь учится в какой-то арбатской школе...»

«Снова навевалась Клара Васильевна (прим. — бабушка Ольги Лобенко). Посмотрела мою дочку. Сказала, что та уже совсем поправилась. Спросила у меня совета, как лучше сохранить мой подарок (прим. — скорее всего, речь идет о перстне). Потом побалаясничали по-бабски, выпили «клюковки», обменялись рецептами, как варенье варить. Август начался — самая ягодная пора... Повеселели, затаили «На сопках Маньчжурии».

Почему именно «На сопках...»? Потому что сегодня... (Был там какой-то пограничный конфликт. По радио передавали. Примечание следственной группы: японские войска нарушили советскую границу возле озера Хасан, то есть границу с той самой, Маньчжоу-Го, до японской оккупации бывшей китайской Маньчжурией...) Конечно, скверный повод для песни, как бы войны не случилось...»

Полковник теперь все чаще приходил в кабинет к майору. Скрестив руки за спиной, всматривался во все эти записи да листочки. В который раз повторял известную поговорку «не было бы счастья, да несчастье помогло», это он про Булата Окуджава, ведь не известно стал бы мальчуган великим бардом или нет, если бы остался тогда поживать при папеньке-секретаре в Нижнем Тагиле. Иногда Цветков что-нибудь спрашивал, типа:

— А что, Ольга Лобенко успела переговорить с матерью?

— Съездила к ней на выходные. Мать ничего нового для следствия не заявила. Лобенко попросила ее сообщать о всех подозрительных встречах и новых знакомствах, которые у нее будут.

— Хорошо-хорошо...

Этими словами, как правило, Алексей Степанович завершал свой визит. Иногда он

подбрасывал новое поручение для «отряда следопытов». Например, просил Старкова узнать, или хотя бы предположить, откуда привезен изумруд для Екатерининского перстня.

Цветкову понравилась настойчивая инициатива Ольги в поиске производителя рулета с арахисовой начинкой. Хотя формальных оснований для проведения дактилоскопической экспертизы не было, он все же планировал забрать у девушки блестящую обертку и, используя личные связи, проверить ее на предмет отпечатков.

По законам сплоченного коллектива, бригада помогала не только следствию, но и друг другу. Чижовы держали Городца в своей квартире пять дней, пока тот ни поправился. Отпаивали горячим чаем с медом, по часам заставляли полоскать горло травяным отваром. Вызвали платного врача, оформили больничный, чтобы на работе проблем не возникло. За это время подоспела для них важная и давно ожидаемая весть, к сожалению, неутешительная. Свистунов, испросив разрешение просмотреть архивы Лубянки, выяснил, что бабушка Николая, Дарья Никитична, скончалась в лагере от чахотки. А дед, Арсений Потапович, в 1943-ем был взят в штрафбат и с войны не вернулся, «пропал без вести».

Х Х Х Х Х

Старков, как обычно, был ухожен и подтянут. Он явился в полосатом вельветовом костюме в крупный рубчик, трость на сей раз была черная:

— И совсем не старая, всего лишь конец XIX века, — пояснил он. — Когда-то она предназначалась для прогулок на дальние расстояния, так как имела два секрета: под крышкой рукоятки помещался компас, а внутри основания — стеклянная колбочка, в которую обыкновенно заливали любимый напиток, так сказать, для согрева, коли забредешь далеко, да прозябнешь.

Старков принес с собой орхидеи, шоколад «Мерси», и бутылочку «Асти-Мартини».

— По какому случаю пируем? — поинтересовалась у гостя Светлана Артемьевна.

— Есть повод, есть повод! Не все сразу, *ma chere*;...

— Ждать ли нам капитана Отводова или садиться за стол? — Светлана Артемьевна потянулась к телефонной трубке:

— Будьте добры Ираклия Всеволодовича... — на том конце провода ответили что-то жутковатое, потому что бабушка скривила губы и выкатила зрачки, — Ох, дела!

— Что такое? — поинтересовалась Ольга, она уже успела переодеться в свитер и юбку, и даже была немного подкрашена.

— Мне ответили супер-кратко: «Он на трупе».

Лобенко и Старков захохотали, и, потом, одновременно смутились: убийство — скверный повод для смеха.

— Думаю, это надолго. Давайте к столу, не будем его ждать, — предложил Старков.

— Валентин Николаевич, а на меня вчера напали! — Лобенко порадовалась спокойствию в собственном голосе.

— Что вы говорите! — Старков глубоко вздохнул. — Это как-то связано с искомым украшением?

— Напрямую. Напавший на меня амбал требовал изумруд.

— Ох! Ох! Ох! — он взглянул на нее с заботой и беспокойством. — Вы целы, не пострадали?

— Кабы не этот спонсор Юрасов, — Светлана Артемьевна зазвенела выставяемыми на стол чашками да блюдами.

— Не Юрасов, а Гридасов, — поправила ее Ольга.

— Ну да, Гридасов... Не мужчина — орел! Дал этому верзиле в челюсть, тот и удрал, — жаркий кипяток и заварка зажурчали, попеременно полились в посуду. Гости взяли в руки по плюшке.

— Оленька, у вас появился личный спонсор? — Старков надкусил сдобу.

— Не у меня, у нашей программы, — Ольга подробно рассказала, кто таков ее спаситель и почему он оказался вчера рядом с ее подъездом, ну, а если точнее, то о том, как она оказалась в его машине.

— Должно быть, этот «спаситель» имеет недюжинное телосложение. Тот, кто на вас напал, разве не попытался дать Гридасову сдачи?

— Не помню! Я тогда вне себя была, да и в подъезде было темновато.

Раздалась трель дверного звонка. Светлана Артемьевна заторопилась отпираться. А Лобенко со Старковым продолжали беседовать:

— Странно, странно...

— Что странно, Валентин Николаевич?

— Что ж этот бандюга ожидал вас внизу, не проще ли было на четвертом этаже, на лестничной клетке подловить?

— Вот и я об этом всю ночь продумал, — на кухне показался капитан Отводов. Светлана Артемьевна достала еще одну чайную пару. — На лестничной клетке прижал бы, заставил впустить себя в квартиру, а там — пытай, сколько хочешь! — Отводов, прежде чем надкусывать, зачем-то понюхал плюшку. Вскинул глаза на Лобенко, а та уж по новой реветь собралась, наморщила лобик... «Видимо, я слишком цинично рассуждаю», — усовестился следователь и добавил немного лирики:

— У меня аж в ушах запищало, когда представил, каким кошмаром могло обернуться вчерашнее происшествие, — Ольге стало легче, надвигавшиеся на глаза слезы, она втянула обратно.

— Не говорите, Ираклий Всеволодович! — Светлана Артемьевна подвинула капитану тарелку с сыром и ветчиной. — Мы вот тоже все утро восхваляем смелость господина Гридасова. Как хорошо, что он рядом оказался, да не оплошал, явился на выручку.

Отводов начал жевать и остановился. В упор посмотрел на старушку, хлопнул себя по коленке:

— Ну, скажите на милость! Что за благородная личность?! Ни с того, ни с сего приударил за Ольгой. Вызвался ее провожать, та отпиралась. Так ведь? — капитан обернулся к Лобенко, та подтвердила кивком головы. — И все-таки он настоял. Расставшись у подъезда, Гридасов мог быстренько сесть в машину и уехать. Однако замешкался... Ну, просто «бетман» какой-то, «Зорро», вылезший из картонной коробки...

— Почему из картонной коробки? — удивилась Светлана Артемьевна.

— Потому что фирма, на которой он работает, называется «Картопак» и занимается упаковкой, — пояснила вчерашняя потерпевшая.

— Ох, дела! — вздохнула Светлана Артемьевна. Кажется, она так и не разобрала иронии и злорадства в голосе у следователя. — Вы ешьте, ешьте! — спохватилась она и вытащила из холодильника еще ветчины, стала подрезать новые ломтики. — Мы ведь думали, вы не скоро придете. Звонили к вам на работу. Там сказали, что вы — «на трупе»...

— Ага! Алкаш один окочурился. Три дня пролежал, никто про него не вспомнил. В твоём, между прочим, Ольга, подъезде. Только, что там расследовать, литр паленой выдул... Кстати, а почему у вас бутылочка «Мартини-Асти» не открытая стоит?

Старков вытаращил глаза:

— Так не под ваши же байки про нападение в подъезде, да про лежалые трупы вкушать сей божественный напиток! Вот сейчас расскажу одну весьма светскую историю, под ее финал игристое и пригубим.

И Старков начал рассказ о том, что удалось ему откопать в библиотеках да исторических архивах...

«Крест, доставшийся Николаю Городцу от матушки, перстень, похищенный у госпожи Лобенко и украденная у меня резная трость из красного дерева — суть звенья одной цепи. И в трость, и в серебряный овал с зубчиками-трилистниками в разные времена был оправлен один и тот же камень. Как не трудно догадаться, — изумруд размером с крыжовенную ягоду.

Этот самый изумруд впервые дал о себя знать в Арабском халифате, еще в тринадцатом веке. Ученый и торговец драгоценностями Ахмед Тейфаши обнаружил, что камень обладает магическими свойствами, перед ним, словно замороженные, столбенеют змеи, он умиряет не только ползающих тварей, но и воинственно настроенных против владельца людей, и даже демонов хвори.

Так все выглядело на самом деле или только почудилось Тейфаши, а может и вовсе, как ныне бы сказали, было рекламной акцией, — какая теперь разница. Слух о чудодейственном камне разлетелся быстро. Чтобы не спутать сей примечательный смарагд с остальными, торговец выцарапал на единственной нижней грани маленькую змейку. По сути, напоминающую точку с закорючкой.

Через почти четыре века отшлифованный изумрудный кабошон попал в руки бежавшего в Османскую империю шведского короля Карла XII. Карл увидел внизу небольшую царапину. Думал, дефект. Оказалось — метка. Он-то и повелел лучшим мастерам выпилить из дерева красной породы трость с рукояткой в виде головы орла. Кабошон вставили аккуратно на шею птице, приладили меж искусно выточенных перьев.

Поверженный король не оставлял надежду на возрождение своего бывшего величия и верил, что трость с магическим камнем поможет ему покорить новые и прежние, оставленные уже, страны.

В 1713 году светлейший князь и правая рука Петра I Александр Данилович Меншиков завладел в Шведской Померании городом Штеттином, а заодно и тростью своего противника, державшего оборону генерала Штейнбока, ставленника Карла XII.

Так и изумруд, и легендарная палочка попали в Россию. Меншиков после смерти Петра Великого угодил в опалу, его имущество было распродано. Тростью завладел граф Шварин. Да вот беда, камень, ее украшавший, исчез.

Лишь в 1748-ом он объявился снова. Елизавета Петровна попросила придворного брильянтика Позье его огранить и вставить в оправу. Дальше, уже перстень, был дарован Екатерине Алексеевне, ставшей впоследствии Великой императрицей Екатериной II.

История креста не менее древняя. Был выкован в Печерском монастыре в середине XV века. О чем свидетельствуют запись в монастырских анналах и имеющаяся с обратной стороны гравировка. Гравировка, разумеется, сделана на старо-славянском, от чего Николай Городец ни строчки не разобрал.

А во времена любимой Светланой Артемьевной Екатерины Великой он был дарован монастырскому воспитаннику, за которого некая родовитая и богатая особа вносила в бюджет заведения очень приличные суммы. И вот, что важно, воспитанник этот впоследствии частенько появлялся в обществе уже изрядно постаревшего графа Шварина,

прежнего владельца моей трости.

Таким образом, други мои, — заключил Валентин Николаевич. — Получается, что «Фанатик», или как мы его еще называем «Охотник за стариной» распрекрасно знал всю эту «родословную» украденных им вещиц. И не без основания полагал, что одна из реликвий может привести к искомому изумруду Тейфаши...

ЧАСТЬ 2. ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Санкт-Петербург, январь 1762-го года.

Брильянтик Еремей Петрович Позье давненько не попадал в столь деликатное положение. Новая императрица Екатерина Алексеевна вызывала его к себе (дело касалось похорон Елизаветы Петровны), а Его Величество, император Петр III, строго настроен запретил ювелиру брать от жены заказы.

Как поступить? Ослушаться императора или императрицу? Если первое — погубить собственную будущность, если второе — нанести обиду супруге нынешнего правителя. Да и, как это будет по-русски, «осердить»? О, нет, «осквернить» память о покойнице. Хотя Позье и жил в этой стране свыше тридцати лет, на русском языке говорил все же не очень хорошо, некогда ему было практиковаться, большую часть времени проводил наедине с безмолвными камнями, металлами да инструментами. Только жена время от времени нарушала тишину в доме:

— Вот, оказывается, об чем Ксения-то голосила, — как бы сама с собой разговаривала она, помесивая деревянной ложкой квашню для оладок.

— Какой Кфений? — Еремею Петровичу было не до женских историй.

— Не Кфений, а Ксения, блаженная! Пять лет назад у ней муж в горячке помер, Андрей Петров, певчий из придворного хора, может, слышал? Она с тех пор вроде как чудаковатая стала. Весь свой скарб раздала. Облачилась в мужнину одежду и требует, чтоб ее величали не Ксенией Григорьевной, а Андреем Федоровичем. Бродит дни и ночи неприкаянная. Бает странно. Вот, к примеру: «Поди на кладбище, на Охру, там твой муж жену хоронит.» Это она девице Голубевой. Девица изумилась, но на кладбище пошла. И нашла там вдовца в обмороке, на свежихоньком холмике. Помогла мужику в себя-то прийти, и вскоре они свадебку сыграли.

— Что ты кофоришь! — это была шаблонная фраза брильянтика, подходившая на все случаи, ею он усыплял бдительность жены. Супружница-то мнит, будто он слушает, а на самом деле он камень шлифует, либо думу думает, как теперь. А жена знай себе тараторит:

— Истинный крест! Про то весь город говорит, как ты не слышал? Или вот аще был: Параскеве Антоновой, с которой Ксения дружна и которой прежде свой дом подарила, говорит: «Ты тут сидишь, да чулки штопаешь и не знаешь, что тебе Бог сына послал! Беги на Васильевский!» А там — брюхатая баба под лошадь угодила, тут же на улице разрешилась от бремени мальчиком, и скончалась. Параскева кроху себе забрала.

Брильянтик рассвирепел:

— Та што ты, папа пестолкофый, со сфоими паснями лесешь! У меня «гроссэ» проблем!

— Так я потому и вспомнила про Ксению, — перетрусив от мужниного гнева, супруга вдвое быстрее заколотила ложкой по стенкам миски. — Она, аккурат 24-го числа голосила возле церкви святого Матфея: «Пеките блины, пеките блины! Скоро вся Россия будет печь блины!» Это она намекала на поминальное блюдо, на кончину государыни...

Х Х Х Х Х

Государыня императрица Елизавета Петровна скончалась аккурат на рождество, 25 декабря 1761 года.

Накануне призвала к себе великокняжескую чету. Слова давались ей с трудом. Мускулы лица уже почти не двигались, застыли, как на каменном монументе:

— Не ссориться. Живите в мире и любви...

И вдруг застывшая маска поплыла, начала таять, императрица нашла в себе силы улыбнуться:

— Павлушу берегите. Позаботьтесь о нем, — вновь посерьезнела. — Петр, пушай тебя на трон объявляют не гвардейские полки, в сем обыкновении видимо древнее варварство. Для нынешней России гораздо почтеннее признание в Сенате. Я даже торжественную речь для тебя выдумала, найдешь в кабинете, среди бумаг...

Еще она говорила об уважении к подданным, о снискании любви у народа, о мудром руководстве империей...

Петр слушал, покорно кивал. Но, едва Елизавета Петровна испустила дух, сделал все в точности до наоборот.

Он приказал приготовить для себя новые покои, «и чтобы покои сии находились в отдалении от спальни Екатерины», зато для фаворитки Елизаветы Воронцовой сыскал комнатку поближе.

В первую же ночь после кончины императрицы наследник послал курьеров во все войска и приказал остановить военные действия. А ведь Прусская армия была уже фактически загнана в угол, ей не оставалось ничего иного, кроме как сложить оружие и просить у России и союзников мира.

Петр даже вернул назад недавно захваченный город Кольберг. Бывших в плену прусских солдат пригласили на пиры, одарили сувенирами и отпустили домой. Королю же Фридриху он направил личное письмо с нежнейшими заверениями в дружбе и словами восхищения.

В русской армии началась реформа с приставкой «п». Назначили нового главнокомандующего. Хотя тот и мало разбирался в военной стратегии, зато подвергал подчиненных строгой муштре (по-новомодному, «дисциплине») и умел обучить «п» русскому строевому шагу. Под неведомую, ранее заграничную, команду «Марш!» (вместо привычного «Ступай!») пехота шествовала по плацу. На смену зеленым мундирам пришли куцые синие куртки вражеского образца.

Как и положено, тело почившей императрицы было выставлено для прощания в течение шести недель. Народ мог свободно прийти и поклониться своей государыне.

Чаще других к гробу приходила Екатерина Алексеевна. Часами стояла на коленях, плакала, молилась. Она носила траурное платье, голову покрывал черный капор. Петр тоже появлялся в печальной зале, хотя и редко. Отпускал колкости в адрес духовных лиц, перешептывался с придворными дамами, гримасничал...

В своих апартаментах он почти ежедневно устраивал застолья со спектаклями. На этих сборищах в приказном порядке запрещалось показываться в траурной одежде.

Новый император окружил себя новыми фаворитами, в основном молодыми и, к сожалению, нечестными, имеющими дурной нрав людьми. Они разжигали его ненависть к Екатерине. И молодой император распалился в своей вражде до такой степени, что уже не скрывал это чувство прилюдно. Не упускал случая доставить жене неприятность, оскорбить, или лишить невинной радости. Позье он запретил брать от нее заказы на ювелирные украшения, а садовнику — подавать на стол ее любимые фрукты.

Х Х Х Х Х

Долгие годы Еремей Петрович верой и правдой, а также своими умелыми руками служил российскому престолу. Первые ювелирные работы делал еще для Анны Иоанновны. В прежние времена важные особы доверяли ему не только свои ценности, но и свои секреты.

А иной раз просили похлопотать перед каким-либо авторитетным лицом, зная, что золотых дел мастер имеет на него влияние.

Где теперь его бывшие покровители? Фактический руководитель прежнего правительства Петр Шувалов отошел в мир иной буквально через несколько дней после своей государыни. Его брат Александр, возглавляющий Тайную канцелярию, как доложили люди сведущие, вот-вот окажется не у дел. Конечно, боле других о Позье пекся их кузен Иван Шувалов, по-прежнему остававшийся куратором Московского университета и покровителем просвещенности, но и тот в последнее время в государственные дела не лез, все чаще поговаривал о возможном путешествии, видно, не сладко ему жилось в теперешней России.

Новые власть имущие, в купе с наследником, да его любовницей, и раньше-то не всегда расплачивались за вещицы, взятые у брильянтика, а теперь и подавно не станут: «Ты, Позье, должен быть счастлив уж оттого, что столь важные особы обратились к твоим услугам».

Ладно бы только работа... Но ведь золото, камни, — все это стоит денег. И эти деньги Еремею Петровичу зачастую приходилось выкладывать из собственного кармана.

Единственный человек при новом дворе, с которым брильянтику было приятно иметь дело, — Екатерина Алексеевна. Всегда соизмеряет собственные желания с доходами. Всегда обходительна и скромна... И как раз с ней ему и запретили общаться.

Рассказав все подробности о блаженной Ксении, жена в конце-концов дала Позье вполне разумный совет:

— Пойди к императору. Чему быть, того не миновать. Пущай он либо сам тебе поручение даст, либо разрешит с императрицей повидаться.

Пошел, и слава богу! Петр Федорович самоустранился:

— Надобно что-то сделать для прощания с усопшей? Этим торжеством занимается моя супруга, к ней и ступайте.

Екатерина Алексеевна приняла ювелира в своих покоях:

— А, это фы Посье? Проходите.

— Фаше Феличество, не буду скрывать, дабы иметь сей переховор, мне потребовалось фысочайший соизволение от фаш супруг. Давеча он налошил сапрет на прием сакасоф от фас.

Императрица в ответ только ухмыльнулась:

— Я пы хотела посмотреть на Петра, как он сам стал пы распорятца похоронами.

— Я састал его фо фремя некого балагансфа.

— Балагурстфа?

— Та-та, балагарсфа. Подлинно, покойница не саслужила глумлений над ее сфетлой память...

— Царстфо ей непесное! — Екатерина перекрестилась. На пальце сверкнул зеленый изумруд, хотя ношение украшений в траурные дни считалось недопустимым. Перехватив взгляд брильянтика, женщина поторопилась объяснить. А, дабы бывший швейцарец все верно истолковал, перешла на сподручный для него французский:

— Знаю, что не положено. Но не могу удержать себя. Этот перстень — мой талисман, без него все не так, все из рук валится, одни несчастья преследуют.

— Знакомое украшение.

— Это ведь ваша работа, Еремей Петрович? Скажите, какие такие заговоры вы над сим

кольцом произносили?

— Никаких не произносил. Но камень вставил необыкновенный. Мне его передала Елизавета Петровна, попросила оформить. Уж не знаю, откуда достался ей изумруд. Но на нижней части я обнаружил крошечную метку — малюсенькую змейку.

Екатерина поднесла палец с перстнем к самым глазам, завертела им, пыталась разглядеть...

— Не трудитесь, Ваше Величество! Эту метку я скрыл под оправой, дабы иные знатоки не зарились.

— Чем же она примечательна?

— О змейке я читал в древней арабской книге. Ее выцарапал на камне некий торговец и исследователь качеств драгоценных камней Тейфаши. Так вот ученый уверяет, что изумруд этот обладает многими магическими свойствами. Обеспечивает своему владельцу успех в делах, помогает предвидеть завтрашний день. Не даром он вам столь полюбился. Да и оправа тоже не простая. Если обратили внимание, зажимы выполнены в виде двенадцати крошечных трилистников. Трилистник — символ удачи, число двенадцать — символ завершенности, целостности и достижения поставленных целей. Ведь у нас 12 месяцев в году, 12 зодиев, 12 апостолов в Евангелие... Великие дела ждут вас, Ваше Величество с сиим перстнем! Только, скажу по секрету, есть в российском государстве еще один охотник до вашего талисмана.

Екатерина удивленно наморщила лобик:

— Кто же он?

— Граф Шварин. Уж не знаю, как он проведал, что Елизавета Петровна отдала мне камень оправить, только примчался в тот же день. Умолял, на коленях ползал: продай! Я ему: «Что ж императрице-то скажу?» А он: «Подмени. Она все одно не приметит!» Она-то, может, и не заметила бы. Только Позье свое дело знает и честью своей не торгует. Мне потому почет и уважение, что я никогда никого не обманул...

Но Екатерина хвастовство брильянтика не слушала. Все, доселе существовавшие в отрыве друг от друга куски картины, вдруг сложились в ее голове в единое видение. «Так вот отчего граф вначале за Елизаветой ухаживал, а потом, аккуратно, когда перстень поменял владелицу, на меня саму переметнулся! И к шкатулке, видать, не ради чистого интереса пробирался...»

— Еремей Петрович, а как вы думаете, зачем Шварину мое кольцо?

— Думаю, он с ним мир завоевать хочет. Хе-хе-хе. Обладать изумрудом со змейкой, слышал, и раньше многие властолюбцы желали. Однако у камня свой секрет: он помогает лишь тем, кому в дар достался. Одержимым людям, тем, кто силой его отымет, только несчастья принесет. Человеку кажется, что он камнем владеет, а на самом деле камень владеет им. И, придет час, изумруд сам укажет, в чьи руки пожелает быть переданным.

— Mein Gott! — императрица неожиданно перекинулась с французского на немецкий. А потом, видимо, от непреходящего потрясения, на русский. — Боше мой! И мне придеца с кольцом расстаца?

Позье отвечал ей неизменно, по-французски:

— Не беспокойтесь, это может произойти не скоро. А когда произойдет, вы о своем подарке жалеть не станете, просто почувствуете: пора. И отдадите со спокойным сердцем. Вам кольцо к тому времени великую службу сослужит...

— Спасибо, утешил, дружочек. Полегчало, — спохватилась, что слишком фамильярно

заговорила со золотых дел мастером, поправились. — Теперь давайте о деле потолкуем. Скажите, а вы и впрямь могли бы подменить изумруд так, что императрица не заметила бы?

— Смог бы, но не стал, потому как мне уважение и честь дороже всяких...

Екатерина вновь перебила:

— Отрадно слышать. Тогда у меня для вас срочный заказ. Вскорости тело почившей государыни перенесут из дворца в Казанский собор. К этой церемонии надобно сделать новую корону. В старой нет и половины каменье, — такую зазорно возлагать на голову покойницы, — вздохнула, — Много на Руси охотников до чужого добра. Посадите за работу как можно больше человек и принесите мне сей заказ, как только он будет исполнен.

X X X X X

Заказ был исполнен через несколько дней.

Ровно в шесть часов, как приказала императрица, Еремей Петрович стоял в парадной зале возле скорбного одра. Помещение освещали тысячи свечей. Архиереи и священники читали над усопшей молитвы. Поодаль, всхлипывали статс-дамы и фрейлины.

Позье приблизился к катафалку, встал на колени. Елизавета Петровна лежала на возвышении, в серебристом платье с кружевами. (Помнится, она очень любила наряды, всю казну на них истратила, после смерти в ее гардеробе обнаружили пятнадцать тысяч различных платьев.) Но теперь эти роскошные одежды казались чуждыми ее существу. В бездыханном теле и надменных чертах виделось полное безразличие ко всему мирскому.

Не смотря на холодное время года, тело Елизаветы Петровны слишком быстро разлагалось, и Позье потребовалось большое мужество, дабы приложиться к руке почившей императрицы.

Двери распахнулись. В зале появилась Екатерина Алексеевна, за ней — паж, несший корону, ту самую, что была заказана ювелиру. Императрица поднялась по ступенькам одра к самому гробу, встала у изголовья и попыталась надеть украшение на распухшую голову Елизаветы Петровны. Ничего не получилось. Тогда она сделала знак брильянтщику. Тот достал загодя приготовленные щипчики. Конструкция короны имела некоторую хитрость. Еремей Петрович предугадал возможные трудности и бордюр украшения сделал таковым, чтобы его легко можно было расширить, ослабив пару имеющихся внутри винтиков.

Была в этом украшении и еще одна уловка, которую, впрочем, не заметил никто из присутствующих. По обоюдному уговору государыни и мастера вместо драгоценных камней в золотой остов были вкраплены разноцветные стразы, — старые-то, утерянные, брильянты поди сыщи, а на новые в казне денег не осталось.

Наконец корона заняла положенное ей место. Екатерина Алексеевна еще некоторое время постояла над покойной, поправила ей волосы, обрамлявшие шею кружева. Потом опустилась на колени, в молитве. Среди фрейлин послышался шепоток. Позье уловил краем уха, что те с восхищением говорили о стойкости и скрупулезности, с которой супруга престолонаследника соблюдала все положения ритуала. Еще промелькнула фраза, смысл которой он пока не уловил.

— В тягости-то какво сей смрад вынести...

— Злоречия то.

— Есть примета, я не заблуждаюсь...

— Ну, а коли не заблуждаешься, так и помалкивай.

X X X X X

В день похорон Елизаветы Петровны у нового императора было необыкновенно

хорошее настроение. Петр нашел-таки себе развлечение даже на сем скорбном мероприятии. Новоявленный правитель нарочно отставал от катафалка саженой на тридцать, а потом, будто спохватившись, пускался догонять. На нем была надета черная епанча, хвост которой несли старшие камергеры во главе с графом Шереметевым. Тучные, в возрасте, камергеры не поспевали, хвост вырывался у них из рук и красиво развевался по ветру. Эту забаву Петр повторял несколько раз. В конце концов, пришлось остановить процессию, дожидаться, покуда подтянутся остальные и только потом возобновить шествие.

К Екатерине прибежал капитан гвардии, князь Михаил Дашков, муж ее подруги и соименницы, Екатерины Дашковой. (Та, кстати, была родной сестрой любовницы Петра Елизаветы Воронцовой, но не разделяла симпатий последней...) Капитан сказал:

— Ты боле русская, нежели он! Повели, мы тебя возведем на престол!

Екатерина не согласилась:

— Вздор! Твое намерение — несосрелая вещь.

На самом деле слукавила. Это она сама пока не созрела для решительных действий. Куда ж грузной бабе драться за трон?! Выражение «в тягости», недопонятое Позье, означало очередную беременность Екатерины. Ребенок был от гвардейца Измайловского полка Григория Орлова, бабника и героя трактирных потасовок. Но государыне этот балагур был люб, да и ценен. У Орлова имелось четыре брата, все отменные воины. В безвыходной ситуации можно было положиться на их помощь. А при нынешнем состоянии вещей «безвыходной ситуации» следовало ожидать в любую минуту.

Став императрицей, она не желала рисковать, выставляя напоказ будущее материнство. Маленькая дочурка Анна, рожденная от Понятовского в 1758-ом, умерла в возрасте нескольких месяцев. Пока что Павел, признанный и воспитанный почившей правительницей, оставался очевидным преемником короны. Однако его положение было шатко. Во-первых, нового наследника могла родить государю и Елизавета Воронцова. Во-вторых, Петру, вырвавшемуся из-под теткиного гнета, не терпелось расторгнуть ненавистный брак, не хватало лишь хорошего повода. И пригульный младенец стал бы лучшим из возможных. Такой «повод» сделал бы развод оправданным и перед придворной знатью, и в глазах толпы. Как бы предвкушая развитие событий, Петр «забыл» упомянуть о сыне в своем первом манифесте, касаемом престолонаследия.

В срочном порядке в Россию из Гамбурга вызвали графа Салтыкова. Император лично говорил с ним:

— Сознайся, что моя жена родила от тебя. Тогда я смогу отстранить Екатерину и женюсь на Елизавете.

Петр заикнулся на идее развода. Заодно с собственной он наметил разрушить и еще некоторые придворные семьи. Новые же свадьбы (их насчиталось двенадцать) предполагалось сыграть в один день. Для торжества заказали двенадцать роскошных кроватей...

План побега

Если брильянтик Позье испросил у Петра Федоровича разрешения сделать заказ для его супруги, то Андрей Анклебер и спрашивать не стал. Просто, как и прежде, доставлял в покои Екатерины Алексеевны экзотические плоды. Более того, к ставшим уже привычными апельсинам да бананам, прибавились еще и финики, — результат очередных оранжерейных экспериментов.

Дел у садовника было нынешней зимой невпроворот. Помимо обычных обязанностей да натуралистических опытов, в скорбные дни на Анклебера и помощников легла непростая задача растительного убранства траурной залы. Нужно было наплести гирлянды из еловых веток, позаботиться о благовониях... К тому же, еще в конце осени сговорились с Татьяной осуществить-таки побег в Пруссию. Точнее, бежать теперь придется им троим: Анклеберу, жене конюха и семилетнему Прохору. Надобно все тщательно подготовить, а он в Ораниенбаум не ездил уж более двух месяцев. Даже с рождением свою кралю не поздравил.

Татьяна за последние годы сильно потолстела. Издали ее фигура была похожа на перевязанную посередине пуховую подушку: сдобный бюст, перетянутый передником стан, и навесистые бедра. Щеки надуты, будто на кого сердится, а на щеках — естественный (безо всякой свеколки), от одной только полнокровности, алый румянец.

Признаться, ее образ уж давненько не сбивал сердце садовника с ровного ритма. Удерживали мужчину подле этой женщины лишь чувство долга да жалость — верные истребители любви.

Семейство Осипа теперь жило в Ораниенбаумской резиденции безвылазно. Осипа из служителей конюшенной конторы разжаловали за пьянство. Однако оставили при дворе, чтобы следил за чистотой в стойлах. При этом строго-настрого запретили появляться при лошадях нетрезвым.

— Животные извинного; запаха страсть как не любят, однажды уж брыкнули его копытом, сломали два ребра, теперь кособочится, — поясняла Анклеберу Татьяна.

Иностранец бы после такового происшествия, образумился, бросил бы питье, но Осип — русский мужик, — он бросил работу. Ну и, сообразно, уважения да достатка в семье поубавилось, ежели не сказать хлеще, вовсе не стало.

Насулившийся муж не требовал ни еды, ни порядка в доме. Прохор играл с ребятишками... Чем заняться нестарой женщине?

Все больше часов она проводила с дворником Федором. Тот, конечно, был старше Андрейки лет на десять, а ее самой и вовсе на два с полтиной десятка, да и от бороды пахло тухлятиной, зато должность завидная. В его распоряжении ключи от всех ворот, от всех каморок да кладовок...

Таскалась ли Татьяна с Федором по этим каморкам, — то осталось Анклеберу неизвестно. Зато она много докладывала садовнику о своих думах. Любила жена бывшего конюха сидеть на лавочке и предаваться игре мыслей, воображать, как они с Андрейкой убегут в Саксонскую Тюрингию.

Садовник рассказывал, что там чистые хвойные леса. Идешь меж деревьев, землю будто кто граблями вычистил, ни соринки, ни листика. Осыпавшаяся и поблекшая хвоя под ногами — словно коричневый песочек. Потому как у европейцев — даже в лесу порядок.

А еще ей грезилось, что все жители в той стороне сплошь едят тюрю. Сидят в ряд за

длинными дубовыми столами и хлебают деревянными ложками из глиняных мисок. Только тюрю у них, должно быть, не обыкновенная, саксонская. Какая именно, Татьяна не знала, но уж точно не такая безвкусая, как в России: хлебные корки, покрошенные в подсоленную воду. Но потом Андрейка растолковал несмышленной бабе, что слово «Тюрингия» произошло не от русского «тюрю», а от народности — тюрингов. И что в немецком языке есть слово «Тюр», то бишь дверь. И картинка в Танюшкиной голове враз поменялась. Теперь побег ей представлялся так — глухая стена, в ней тяжелая, дубовая, с чугунным засовом, дверь, Андрейка засов отодвигает, енту дверь распахивает:

— Милости прошу, моя фрау.

А за дверью — песочек, как на берегу Финского залива. А из песочка елки растут, и конца и края им не видать.

Что берут с собой в бега? Ну, в смысле, когда нужно споро уносить ноги? Лучше, конечно, вообще ничего. Так убегать легче. Сдобное тело Татьяны и без поклажи груз немалый.

В то же время: дорога дальняя, никто не знает, какие трудности, какие передряги предстоит вынести. Неплохо было бы взять еды, да сменного белья. Прохор может унести всего ничего. Как бы его самого тащить не пришлось.

Ах, как хотелось Татьяне сбежать с Андрейкой в эту самую Саксонскую Тюрингию. Однако, чего шибко желаешь, обыкновенно то и не случается, — это она по себе знала, потому и не верила своему счастью.

Вот ведь как время все с ног на голову поставило. Раньше Андрейка умолял Татьяну тайно с ним скрыться. Теперь же она его уговаривает, а тот еще и кочевряжится.

— У меня, — говорит, — натуралистические опыты здесь не завершены...

Ну и что, что опыты? Неужто в песочке под елками их окончить нельзя? Пришлось подтвердить Анклеберу давнишние догадки. Прохор — его сын, не конюха. Прежде Андрейка ее дознаньями замучил, больно уж совпадало: Осипа вызвали за голштинскими жеребцами, его почитай месяц не было, тогда-то они и сошлись впервые, а через девять месяцев — ребеночек. Но Татьяна глаза прятала:

— Бывает, дети раньше сроку рождаются, сама не знаю.

Врала! Знала она, все знала. Осип-то в ту пору на жену кузнеца зарился, про свою супружницу начисто забыл... Но Татьяна, не будь душой, коль скоро тягость свою уразумела, соблазнила-таки супруга. Весть эту, для Анклебера ой как отрадную, хитрая баба про запас берегла, как козырную карту. Только теперь выложила...

За мечтаньями Анклебер и застал Татьяну. Только она не на лавочке сидела (февраль на дворе, этак и околеть недолго), а соскребала деревянной лопатой наледь с дорожки. Лицо постное, подбородок опущен, щеки отвисли. Но увидела садовника — разулыбалась, бросилась на шею... Андрейка ее отстранил, взревновал: что это она дворнику помогает? Впрочем, сие было наруку предприятию: «Уговорить бы Федора пособить побегу, пуцай отопрет ночью дальние, южные ворота, которыми никто не пользуется».

Анклебер привез из Петербурга игрушку для Прохора. А Татьяне — ничего. Но женщина все одно обрадовалась, больно уж красивая была вещица — «Ноев ковчег» — вырезанный из дерева домик. В домике выпилены тридцать зарешеченных окошек в три яруса (прямо по Библии) и одна большая, открывающаяся дверь. Стоит сие сооружение на плоской подставке с загнутыми краями, — вроде как, в большой лодке. И на воду спускать можно. Андрей сам пробовал. Но главное изящество находилось внутри. Коли распахнуть дверцу, из домика

можно было извлечь наружу несколько раскрашенных человеческих фигурок (Ноеву семью) и вырезанные из плоского бруса силуэты животных, «каждой твари по паре». Ну, допустим не «каждой», всего-то около пятнадцати. Но, ежели всех их выставить на плоской крыше, — получалось внушительно.

«Ноев ковчег» за великую услугу (новомодные в Европе клубни «земляного яблока» потэтэс, которыми Анклебер для пробы засадил цветочную клумбу в императорском саду) доставил из Баварии некий вельможа. Такой же ковчег преподнес и самому императорскому сыну. Во какая честь Прохору — забавиться одними игрушками с наследником!

— Сына-то позови, я ему вручу подарок! — садовник поставил ковчег на лавку. Татьяна пригнулась, разглядывая диковину:

— Да он где-то в парке, ледяную крепость вместе с дворцовыми мальчишками возводит. Рассказывал, они, шельмецы, задумали построить в точности такую, как потешный Петерштадт, — передразнивают нового государя.

— И все двенадцать углов повторят?

— Боле того, они пошагово вымерили все длины. Пять шагов за один идет. Только, в котором месте ребята резвятся, то мне неведомо. Парк большой, поди их сыщи!

Врет Татьяна, или нет, — Анклебер не знал. Черт их разберет этих баб, может, и впрямь не следит за мальчишкой, а может, не желает, чтоб он ко мне раньше времени привыкал...

— Ладно, давай об деле потолкуем.

Татьяна оживилась:

— Скорей бы уж! Измаялась я, Осип лютует.

Оба присели на лавку. Вьюжило. Анклебер поднял воротник полушубка. Окинул взором одежду собеседницы:

— Не зябко?

Татьяне стало совестно за свой вид: драный сермяжный зипун;, уж и вычинки не стоит. Хорошо еще валенки без заплат. Начала оправдываться:

— Не-а, не зябко! Я нарочно что поплоче надела, наледь сгребать. А снизу — там аще душегрея на меху.

— Татьян, коли бежать задумала, так бежать надобно срочно. На днях Петр Федорович распустил тайную канцелярию. В стране неразбериха. В этаким ералаше и затеряться легче... Скажи-ка, что у тебя с Федором?

— Что у меня с дворником может быть? Двое от скуки томимся, вот и сошлись, балясничаем. Он ко мне жалостлив.

— Словами утешает, али ласками? — Анклебер насуплил брови. Татьяна фыркнула:

— Кабы ласками, удирать бы не пришлось.

— Променяла б меня на бородача?

— Не об тебе, да не об нем речь. Ежели б я с Федором любововно сошлась, был бы у меня ныне не токмо Прохор, а куча детишек. Ораву за собой не потянешь, и здесь не бросишь. А так, один у меня сынок. С пьяного Осипа спрос невелик. И ты охладел ко мне, Андрейка! Нелюба я тебе стала? — последние слова Татьяна произнесла нарочито писклявым голоском, очи долу, хлюпнула носиком, — вроде как всплакнула. На самом же деле из-под ресниц косится на садовника, — проверяет реакцию. Задумка сего спектакля была такова: подробным разъяснением убедить Анклебера в собственной ему верности, опосля уличить одного в нечуткости, разжалобить, для пробуждения чувств.

Задумка возымела действие. Анклебер обнял женщину за плечи, приголубил:

— Ну-ну-ну, скоро навек вместе будем. Сможешь в эту субботу уговорить Прохора, чтоб отпер южные ворота? Я туда телегу подгоню.

У Татьяны от радости аж дух перехватило:

— Смогу!

— Я сговорился с одним пруссаком, из пленных. Поедешь как его новая жена. — Такого оборота женщина не ждала, но перечить садовнику не осмелилась:

— Куда поеду?

— В Росбах. То Саксонский город, отбитый три года назад у франко-австрийцев войсками Фридриха. Оттуда до моего родного Мерзебурга три шага.

— А Прохор?

— И Прохор с тобой.

— А ты?

— Позже. Сперва позаметаю здесь следы. Осипа к ночи твоего побега надобно крепко спoitь. Наутро дать добавки и так с недельку подержать в беспамятстве. Попробуем на пару с Федором его стеречь. Как думаешь, выйдет?

— И дольше выйдет. Ты же знаешь, Осип к тебе благоволит, ты столько раз его выручал. А после того происшествия, когда понесшую под ним лошадь остановил, так и вовсе мнит, будто ты его ангел-хранитель.

— Тебя не ревнует?

— Да олух он, где ж ему до ревности додуматься?! Я у него как-то справилась: «Что это садовник к нам повадился? Прохора, да и меня, подарками без конца снабжает... Может корысть кою таит?» Так тот меня едва ухватом не треснул. «Не трожь, — говорит, — Андрейку! Радуйся, дура, что он, из уважения ко мне, всю семью опекает, — а потом шепотом добавил. — Видала, как у него цветы да травки растут? Чую, помечен сей человек Божьей милостью!»

Татьяна расхохоталась. За привязанностью мужа к любовнику она видела лишь беспросветное тупоумие первого. Зато Анклебер знал, что снискал сию симпатию исключительно собственным старанием, да смекалкой.

— Покудова Осип за ворот заливаает, вы успеете далеко уехать. Там и я попытаю счастья, может, новый государь сам меня отпустит, — бежать не придется. Его Величество к ботанике равнодушен.

— Как же мы проберемся чрез посты?

— Император распорядился освобожденных пруссаков не досматривать. К тому ж, мы поддельную грамотку изготовим.

— А этот пруссак руки распускать не станет?

— Потерпишь!

Татьяна отстранилась, вытаращила глаза. В зрачках метнулись колючие искорки. Анклебер ее снова обнял:

— Не ярись!

— А ну как увезет меня твой поверенный не в сей Росбабах...

— Росбах.

— Ну да, не в Росбах а к черту на рога. Прости, господи! -

Татьяна перекрестилась.

— Не увезет. За ним должок имеется. Он знает, найду его и у черта, из-под земли достану.

По круглой Татьяниной щеке скатилась слеза, не от притворства, и не от мороза, — от счастья. Все-то Андрейка предусмотрел, видать, и вправду вскорости наступит ее освобождение. Она вытащила из ковчега двугорбого верблюда, провела пальчиком у него по спине:

— Куда ж ковчег девать? Жаль кинуть тут.

— Возьми с собой, сия игрушка ценится в Европах. Сережки прихвати, которые я дарил, жемчужную нитку, — все, что можно обменять на продукты и деньги. Мало что приключится. С пруссака за твое угнетенье я конечно, три шкуры сдеру, но лишь когда сам до вас доберусь, а покудова тебе в одиночку выкручиваться придется.

Х Х Х Х Х

Нет, конечно, садовник не доверил бы собственного сына сомнительному прусскому воину. За недели, которые Арнольд (так звали выпущенного пленника) пировал в Санкт-Петербурге, Анклебер успел узнать о нем многое.

Познакомились они при занятнейших обстоятельствах.

Метелистым утром, к оранжереям Летнего дворца, в оных дни напролет, а то и ночи, проводил Анклебер, подали карету на полозьях, запряженную четверкой лошадей (упряжь, полагавшаяся главному садовнику по рангу).

Садовнику нравилось работать здесь зимой: тихо, безмятежно. И императорская семья и челядь — в Зимнем. Только вот все время приходилось контролировать истопника. То, шельмец, загуляет и чуть не заморозит хрупкие растения, то, после выговора, от усердия, столько дров в топку накидает, что Андрею часами приходится ходить от форточки к форточке: чуть приоткрыл, жар выпустил и к следующей. Уж про то, чтобы безалаберный мужик его жилую комнатку прогревал — и думать забыл, не до себя, когда многолетние труды враз погибнуть могут.

Каморку на первом этаже одной из построек, неподалеку от оранжерей, садовник так и оставил за собой. Рябина возле окна разрослась, окрепла, и теперь каждую осень и весну приходилось спиливать на ней ветки, чтобы не долбили на ветру хрупкое стекло. В комнатке можно было передохнуть, Анклебер держал там несколько нужных ему книг, смену белья, и, на всякий пожарный, парадные, шитые серебром, сюртук с камзолом.

Сегодня был тот самый, «пожарный» случай. Анклебер, зашел, ежась от холода, переоделся. На голову нахлобучил ненавистный парик с взметнувшимися по бокам «крыльями голубя»; Сел в экипаж.

Известный в столице ботаник намеревался нанести официальный визит графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, президенту императорской Петербургской академии наук, командиру Измайловского полка и, одновременно, гетману Малороссии.

Кирилл Григорьевич находился сейчас не в лучших чувствах: прекрасно понимал, чудесному превращению из простого казака-пастуха в графа он обязан исключительно благосклонности покойной императрицы, внявшей заботливым речам своего любимца, старшего из братьев Разумовских, Алексея (говорят, между ними был заключен тайный брак). Специально для деверя Елизавета Петровна восстановила гетманское звание, упраздненное после предательства Мазепы. И вот теперь положение обоих Разумовских пошатнулось. Петр повсюду вводит свои порядки. При дворе поговаривали о намечавшемся назначении гетманом Украины Гудовича.

И все же никому иному Андрей Анклебер не мог сейчас довериться.

Сани покинули границы пустынного в это время года Летнего сада, пересекли канал,

влились в пока еще не многочисленный поток на широкой Миллионной.

Андрей в окошко рассматривал трехэтажные каменные хоромы, вытянувшиеся в шеренгу, словно голштинцы на параде. Улица лишь недавно стала выглядеть столь богато. Во времена Петра I здесь жались друг к другу небольшие деревянные домишки чужеземцев. И потому называлась она не Миллионной, а Немецкой.

Отсюда начинался Адмиралтейский остров. «Суший рай для иностранцев», — вспомнил садовник слова из книжки ганноверского посланника, цитированные некогда будущим графом Швариним. Теперь-то он понимал, что вызывало восторг автора: государь Петр Алексеевич держал всех переселенцев на особом положении. Жаловал им титулы, приблизил к себе не только положением в обществе, но и местом жительства. Вон он, Зимней дворец, — рукой подать.

Государева милость коснулась и его, Андрея, бывшего Генриха. Много добра он успел увидеть и от самого Петра, и от его последователей... По чести, Анклебер не желал покидать эту огромную страну. Несколько детских лет, проведенных в Саксонской Тюрингии, не принесли ему ничего кроме бед и страданий. В России же он обрел свое дело, дом, получил уважение, почет.

С другой стороны, ему уже сорок семь, и иное счастье, кроме как с пышногрудой Татьяной, вряд ли удастся сыскать. А уж радость каждодневно зреть подле себя сына Прохора и вовсе сводит все сомненья нанет. Ведь в России их соединение невозможно.

Таким образом, вопрос об отъезде Анклебер посчитал для себя решенным. Оставалось только утвердиться во мнении насчет способа перемещения: тайного или явного. За ответом он и направлялся к графу Разумовскому.

«Надобно завести разговор отдаленно, — размышлял Анклебер. — Вначале справиться о мнении Кирилла Григорьевича насчет будущности при новом государе. Потом намекнуть, а я, мол, подустал, хотел бы передохнуть, побывать на родине...» И, коли Президент Академии наук будет благосклонен, то садовник передаст под его патронирование свои почти уж завершённые эксперименты, имеющие стратегическое значение для России: там уж дело одного только времени, никак не знаний.

Вот только под какой «подливой» заговорить о Татьяне? Ведь не просто так Анклебер намеревался довериться именно Разумовскому. Гетман Малороссии, коли проникся бы соучастием, да возымел интерес, в силах был бы беспрепятственно проводить женщину и сына до самой Речи Посполитой.

За думами карета миновала обновленный Зимний дворец, свернула на Невскую перспективу.

Анклебер заколотил кулаком по алому бархату каретной обивки. Экипаж остановился.

— Чего надобно? Не прибыли еще, барин! — гаркнул кучер.

— Послушай, браток, давай-ка, мы сделаем кружок через Адмиралтейскую, мне кое-что обмозговать надобно.

Кучер покорно кивнул:

— Мое дело подневольное, как прикажете!

Карета свернула на набережную Мойки, проехала затейливый фасад Строгановских палат, усадьбу Разумовского и следующий дом, придворного поставщика Штегельмана, новый поворот, поравнялась с ажурной загородью владения графа Шварина.

Вдруг садовник увидел, как со стороны сада по решетке карабкается некий русоволосый мужичок. Одет для февраля месяца он был странновато: шелковая рубаха и та не застегнута,

грудь нараспашку, белые кюлоты, да армейские сапоги. Ни дать, ни взять герой-любовник, удирающий от ревнивого мужа. Только граф не женат... С кем же у несчастного было свидание?

Может, вор? Но воры раздетыми на дело не ходят, да и промышляют обыкновенно по ночам, в самую темень... Не успел Андрей найти разумное объяснение сему казусу, русоволосый крепкими руками ухватился за верх ограды и перемахнул через нее, опустился на землю аккуратно рядом с экипажем. Увидел в окне наблюдавшего за ним садовника и рухнул на колени. Сам пальцем в сторону Шваринского дома тычет, да кланяется, кланяется без устали — стало быть, укрыть от погони просит.

Графа Шварина садовник недолюбливал издавна, потому оказал беглецу свое покровительство. Пустил его в карету и велел пригнуться пониже. Экипаж двинул дальше. Поравнялся с воротами. И тут еще один бегун. Теперь уж Илья Осипович собственной персоной. Тоже не одет, прямо в шлафроке и тапочках. За ним двое мужиков, видать, из прислуги. Выскочили, завертели башками:

— Что тарачитесь, губошлепы! Я и то быстрее вас поспел! Ну-ка, один — тудысь, другой — тудысь (показал в разные стороны), бегом марш!

«Ишь, ты! Новомодную прусскую команду «марш» выучил!» — отметил про себя Андрей. А Шварин, не долго думая, метнулся к карете. Анклебер дал знак русоволосому, чтобы тот пригнулся еще ниже. Сам же приоткрыл дверцу и высунулся по пояс:

— Случилось что, Илья Осипович?

— Долго излагать. Скажите лучше, любезнейший, не выдали вы тут сиганувшего чрез забор полураздетого пруссака?

«Вот оно что, пруссак! Потому и знаками вместо слов изъяснялся!» А вслух добавил:

— Видал. Как не видать! Он сразу чрез дорогу кинулся, и побежал далее, вдоль улицы.

Граф даже не поблагодарил садовника, заорал вдогонку одному из слуг:

— Эй, Степан! Степан, елки точеные! По другой стороне беги, да поспешай, уйдет ведь шельмец! Коль не догонишь Арнольда, — высеку! — а сам вернулся за ворота и побрел к дому.

— Так вас Арнольдом зовут? — спросил Анклебер по-немецки у спасенного им беглеца, когда карета отъехала от графского особняка подалее.

— Да. Спасибо, что не выдали! Я ничего предосудительного не совершил, смею вас заверить! Наоборот, граф пытался втянуть меня в весьма неприятную авантюру. Еще раз спасибо! Не решаюсь боле досаждать своим присутствием. Прикажите кучеру остановиться, я сойду...

— Куда это вы собрались в таком виде? Если не околеете в одной-то рубашке, то уж точно угодите в руки графских соглядатаев. Вот лучше возьмите, прикройтесь покуда, — вытащил из-под себя медвежью шкуру, снова заколотил по обшивке. Кучер тут же откликнулся:

— Чего изволите?

— Гони-ка, братец, на Садовую, к дому.

X X X X X

План попросить пруссака вывезти из России Татьяну с Прохором созрел в голове Анклебера моментально. «Я его от Шваринского гнета спас, пушай теперь добром на добро отвечает!»

Анклебер поселил Арнольда в своем жилище, в комнате для гостей. Садовник вел

аскетический образ жизни, так что мог не опасаться, что пруссака кто-либо обнаружит. Впрочем, если и обнаружит — не страшно. При нынешнем государе пособничество бывшим противникам не только не возбраняется, но даже приветствуется. Главное, чтобы граф Шварин сюда носа не сунул. А это уж вряд ли. Они с Ильей Осиповичем друг друга на дух не переносят.

Арнольд Беккер провел в особняке Анклебера на Садовой аккурат две недели. Съел пяти жареных гусей с черносливом, восемь копченых свиных ножек, запеченного барана, остатки солонины с чесноком и все припасы белужьей икры. Ежедневно он требовал от повара Марфы свежих расстегаев да калачей. Запивал все это пивом да вином из погреба (всего два бочонка). Во хмелю разбил китайскую вазу (подарок покойного Буксбаума), челюсть (управляющему Мануэлю) и сердце (девке Глафире)... К концу своего пребывания прусак уморил не только челядь, но и самого хозяина, рассказами об умопомешательстве Шварина.

По его словам Илья Осипович возомнил себя неким меркурианцем. («Презанятнейшее название!»), человеком, наделенным божественным знаком:

— Мизинец! У него мизинец длиннющий и крепкий, что сучок. И острый, зараза! Он меня им под ребра как тыкнет, аж слезы из глаз, — Беккер уже не впервые рассказывал эту историю в доме своего спасителя, и каждый раз на этом самом месте принимался задирать подол рубахи, обнажая иссиние-бледный свой торс и маловолосистую грудь.

Обнаружив там синяк, прислуга начинала жалеть пруссака, и гостю сходили с рук многие шалости. Но с хозяином этот номер не прошел. Во-первых, Анклебер выслушал историю едва ли не последним в доме, синяк к тому времени успел поблекнуть. Во-вторых, даже если бы и остался, — во дворце Андрей не такие следы от ран да побоев видывал. Слава Богу, уж стольким важным особам служил! А они, порой, дико лютуют.

— Вот здесь! Вот здесь полоска лиловая была, — тараторил Беккер.

Но Анклебер только рассмеялся:

— Так что ж, господин Шварин мизинец вместо стилета держит?

— Видать так! Длиннющий он у него, говорю ж! Нижняя фаланга пальца обыкновенная, а две верхние резко вытягиваются вверх... А теперь, внимание! О-ля-ля! — Беккер выставил спрятанный дотоле за спину кулак с оттопыренным мизинцем, раскрыл ладонь, и стало видно, что его мизинец тоже вытянут, идет аккурат вровень с безымянным.

Анклебер присмотрелся, сравнил с собственным, — ничего особенного. Что же касается длины, — не дотягивает и до верхнего сустава своего соседа.

— Так вот, граф Шварин утверждает, будто бы это особый знак, указующий на избранность его владельца. Будто бы у всех его предшественников мизинец также длинен и остер. Илья Осипович стал «избранным» по наследству. Но поскольку собственных детей у него не имеется, то преемника себе приходится выискивать, так сказать, на стороне, по этому самому, так сказать, признаку. Ну, по мизинцу, то бишь! Вот он меня, хе-хе, и выбрал!

Садовник даже придвинулся ближе к прусаку, понюхать, не перебрал ли. Пить тот, конечно, был горазд, но сейчас, кажется, ни брагой, ни вином, ни виноградной водкой от Арнольда не разило.

— И свиток мне показал. Да! Пергаментный, поделенный на две части: в левой сверху нарисован месяц рожками вверх, в правой — крест, а у вершины его — круг. Шварин пояснил, что знаки: полумесяц, круг и крест, — ежели соединить их, расположив сверху вниз, составят символ планеты Меркурий, — и это действительно было так, чему Анклебер несколько удивился. — В обеих половинках шел список, вначале — сплошь какие-то

арабские фамилии, потом немецкие. Шварин развернул свиток не до конца. Сказал, мол, кое-чего мне знать пока не положено. Но, коли я поведу себя благоразумно, то вскоре передо мной раскроют не только сию грамотку, но и многие иные тайны. Видите, от каких почестей отказался, сбежав, — Арнольд хихикнул.

— Что ж так? — поинтересовался Анклебер.

— Да бред все это, рассказы сумасшедшего. Самое абсурдное, что Илья Осипович, не заполучив моего добровольного согласия, начал принуждать меня к пособничеству. Заставлял производить некие алхимические опыты с ртутью, учить заклинания... Зачем-то собирався привести меня на прием во дворец, и весьма желал, чтобы я понравился новой императрице.

— А чем занимаются меркурианцы? Или граф пока в дела вас не посвящал?

— Почему же. Кое-что успел рассказать. Дело «избранных» — погоня за каким-то таинственным магическим изумрудом, дающим власть над людьми, и споспешествующим в волхвовании;. Их, меркурианцев, всего двое на один промежуток времени, плюс два ученика, сменяющих учителя после смерти. Вот меня в ученики-то Шварин и прочил, — и Арнольда окончательно понесло на некую, с точки зрения Анклебера, околесицу. — А еще у графа какой-то дикий зверь в подполе живет.

— Ой ли? Что за зверь?

— Не знаю, не видывал. Но он туда каждый день еду велел сносить. Похлебку в миске, хлеб. Может, обезьян какой заморский?

Андрей поспешил сменить тему и вообще отделаться от прусака, а то боязно станет ему женщину с сыном перепоручать.

Х Х Х Х Х

Садовник тоже поначалу решил, что Илья Осипович лишился рассудка. И в общем-то не обратил бы на рассказ постояльца должного внимания, если бы не Татьяна. В тот вечер, когда они сговорились совершить побег, она предложила садовнику заглянуть в его будущее, погадать по руке:

— У нас тут табор стоял, цыганка одна обучила...

В гадание Анклебер, конечно, не верил. Но ладошку свою женщине протянул, чтоб не обижать.

— Видишь вот эту бороздку? Это твоя жизнь, долгая и извилистая. Но все повороты в ней вторятся еще одной дорожкой, примыкает она к твоей жизни где-то в середине и потом уже тянется до самого конца. А судьба твоя — женщина с длиной белой косой... — и Татьяна зарделась. Анклеберу стало скучно, так и думал, — все гадание белокурая бестия сведет к тому, что он не должен ее бросать до конца жизни...

Татьяна тем временем говорила что-то о его пальцах:

— Наладонный перст — самый главный. А на небе для нас самое главное что?

— Солнце.

— Солнце — то бишь Аполлон, — Татьяна приподняла голову, посмотрела на собеседника горделиво («Пушай знает, и мы не лыком шиты, тоже можем в науках разбираться, да мудреные слова баять»). И добавила:

— Бог света такой был в ветхие времена. Если бы ноготь этого самого большого перста был у тебя овальный — стал бы ты музыкантом али актером; квадратный — совсем не умел бы лгать... Но у тебя он какой-то невнятный, неровный, — а в жизни это означает размеренность, основательность и надежность.

Далее последовал рассказ про шишок, потом про четвертый... Татьяна ни разу не сбилась, все названия, все приметы точно перечислила. Дошел черед до мизинца:

— За мизинец отвечает Ермис; по латыни Меркуриус...

Андрей аж подскочил от неожиданности: «Меркурианцы, избранные, отличительная черта — особая форма мизинца». А Татьяна решила, что он ее образованности, да знанию мифологических имен подивился. С особой торжественностью в голосе продолжала:

— Ноготь мизинца у тебя квадратный, — умен ты, Андрейка, о чем я тебе завсегда и толкую.

Но Андрейка ее уже не слушал. От скуки не осталось и следа, теперь его распирало любопытство:

— Скажи, а на что указывает заостренный мизинец?

— На тягу к колдовству, ворожбе и всяческим чудесам.

— А длинный?

— Это смотря отчего он длинный. Ежели, как у тебя, чуть вытянут нижний сустав, так то любовь к наукам доказует. А ежели вытянут за счет средней части, — способность к торговле, за счет верхней — хитрость.

Х Х Х Х Х

На следующее же утро ненавистный парик «крылья голубя» снова был нахлобучен на умную голову садовника. (А то, что она была умной, подтверждал, как теперь выяснилось, и ноготь мизинца.) Четверка лошадей, пуская из ноздрей пар, везла Анклебера на Васильевский остров к библиотеке Императорской Академии наук, открытой еще батюшкой Петром I.

Анклебер просидел за книгами шесть часов. Дважды выходил на крыльцо, вдохнуть свежего воздуха. Четырежды, почесывая лоб, сдвигал парик на затылок, один раз таким манером даже обронил его на пол. В остальное время шгудировал исторические тома да астральные альманахи. К вечеру в его голове вырисовалась картина:

Меркурий — бродячая звезда, планида, совершающая, подобно Земле, движение вокруг Солнца. Названа по имени бога Меркурия. В астрологии он покровительствует двум зодиям: близнецам и деве. Меркурию соответствуют день недели — среда, число — 4, металл — ртуть, вкус — вяжущий, цвет — желтый, камень («Ай, да «бредни» Шварина!») — изумруд...

В принципе, Меркурий — тот же самый бог, что и Гермес. Или, как на русский манер назвала его Татьяна, Ермис. Только первый из римской мифологии, а второй из греческой.

Ну, что можно было сказать про Гермеса (Меркурия)? Он прямо-таки родился плутом. Еще возлежа в своей колыбели, украл трезубец у Посейдона (Нептуна), стрелы у Купидона (Амура), пояс у Афродит (Венеры). Как ему это удалось — вопрос мифический. Ну, удалось, видать, как-то, не садовнику ж древние мифы переписывать. На то они и мифы, чтоб к правде отношение имели косоватое.

Опять-таки именно из своей люльки Гермес (Меркурий) обратил внимание на стадо коров, которое пас неподалеку сребролукий Аполлон. Младенец освободился от пеленок и пополз к пастбищу. Но тут на пути ему попала черепаха. Мальчуган содрал с черепахи костистый щит, вырезал из него лиру, натянул струны и вернулся в люльку, — припрятать инструмент.

Вторая попытка путешествия за коровами оказалась более удачной. Гермес дополз-таки до стада и стащил пятнадцать телочек и бычков. Дабы не отпечаталось следов, он привязал к

ногам скотины тростник и ветки. Дабы его не выдал видевший все старик-виноградарь, — подкупил его. Но не просто подкупил. Через некоторое время вернулся, изменил внешность и проверил, держит ли старик уговор. И, когда выяснил, что за еще больший подкуп виноградарь готов выдать Гермеса, — превратил старика в скалу...

Казалось бы, все предусмотрел хитрющий малец: даже в собственную пещеру ввел скотину не передом, а задом, нечто животные не входили, а покидали сию обитель. Ан, нет! Только он воротился в колыбель, завернулся в пеленки и заснул сном младенца, — Апполон тут как тут:

— Отдай, — говорит, — моих коров!

Гермес вылупил глазки:

— Каких коров? Не брал, не видал! Не разумею об чем молвишь!

Спор разрешил батюшка Зевс, и разрешил не в пользу собственного дитяти. Но Гермес и не мыслил сдаваться. Он предложил обменять скот на сделанную из панциря черепахи лютню. Апполон согласился. Покудова тот примерялся к игре, малютка поспел сладить другой струмент, пастуший рожок. Рожок он выменял у того же Аполлона на кадуцей (золотой жезл, обвитый двумя змеями, наделенный магической силою напускать и сгонять с людей сон).

Как видно из мифов, Гермес-Меркурий был тем еще пройдохой: нечестен, лукав, склонен к жульничеству, татьбе; в то же время по отношению к себе требует собачей преданности; чуть что не так — неистово карает. В середине осмнадцатого века за воровство запороли бы до полусмерти, да еще срамное клеймо на щеке выжгли, да порохом многожды притерли, — чтоб до скончания дней ничем не вытравить. А его, вишь, в боги возвели! Решили, раз дар менялы имеется, пушай за торговлю и воровство ответственует.

Нет, он, конечно, и добрые, бескорыстные дела совершал. Например, открыл Одиссею тайну волшебной травы и тем самым спас от колдовства Кирки, превратившей всех спутников Одиссея в свиней. Амфиону он подарил лиру, и с ее помощью герой построил стены города Фивы...

Но Анклебер на приглядные факты особого внимания не обратил. Возможно потому, что испытывал неприязнь к самому Шварину, и во всей этой истории с таинственными избранниками-меркурианцами искал не совсем чистую подоплеку.

В альманахе, описывающем жизнь и деятельность бога торговли, шла маленькая оговорка. Мол, после завоевания Персии Александром Македонским, когда в Азии и Египте поселились греки, Гермеса уподобили египетскому обожествленному царю Тоту, «писцу богов» сопровождавшему души умерших в потусторонний мир. И, якобы перу этого Тота-Гермеса принадлежит великая книга, содержащая в себе суть тайного учения, наследия цивилизации погибшей Атлантиды.

Точнее будет сказать, труд сей принадлежит не «перу», а «резцу», ибо текст был высечен на нескольких каменных табличках, скрепленных золотыми кольцами. И сама книга, названная «*Tabula Smaragdina*» то есть «Изумрудная скрижаль», стала «библией для мистиков». Каждый искал в ее мудреных словах «открытие» для себя: алхимики — рецепт получения золота, философы — формулу духовного просветления, правители — ключ к власти над миром. Гермеса нарекли «Триждывеличайшим», покровителем науки, магии и гадания, а все оккультные учения именуются с тех пор герметическими.

«Дело меркурианцев — погоня за каким-то таинственным магическим изумрудом, дающим власть над людьми, и споспешествующим в волхвовании,» — слова Беккера эхом

отдались в голове Анклебера.

Изумрудная скрижаль

Москва, май 2000-го года.

— Скажите, Валентин Николаевич, а камень из Екатерининского перстня мог быть частицей древней «Изумрудной скрижали»?

Они собрались втроем. Теперь — в гостиничном номере Старкова. Он приехал в Москву специально, чтобы поведать о новых, добытых им в архивах да библиотеках, сведениях. В частности, он только что рассказал про неких «избранников-меркурианцев». Что-то типа маленькой секты, состоявшей всего из двух человек.

Меркурианцы были известны еще со средних веков, но наибольшее число упоминаний о них относится именно к XVIII–XIX-ому столетиям, где избранники были приписаны к ответвлению масонства.

Их вожденная цель — изумруд Тейфаши. При этом сам камень заполучить практически никогда не представлялось возможным. И не по причине тщательного смотра. Просто само собой так выходило, то кто-то помешает, то что-то произойдет... А уж ежели отняли изумруд силой — берегись! Кровищи не избежать!

Основная работа меркурианцев заключалась в том, чтобы следовать за «смарагдом» и его владельцем из страны в страну, время от времени его видеть, счастье — ежели удастся прикоснуться...

Но это до поры, до времени... А точнее, до наступившего 2000-го года, упоминаемого в документах «годом с тремя нулями» или «годом нерожденного ребенка», имелось ввиду, что прошлое тысячелетие уже как бы закончилось, цифра его поменялась, но по календарному ходу новая эра еще не наступила.

Почему Валентин Николаевич решил, что в оправу похищенного у Ольги перстня некогда был вставлен именно тот самый изумруд Тейфаши? Потому что в одной из обнаруженных им рукописей, касаемых волшебного смарагда, содержалось упоминание о графе Шварине...

— Мог ли изумруд из Екатерининского перстня быть частицей древней «Изумрудной скрижали»? — опомнился задумавшийся о чем-то своем старичок. — Теоретически — мог. Если скрижаль действительно была изумрудной.

— Но ведь она так называется, — удивилась Ольга.

— Называется. Но это еще ничего не значит. Траву тоже называют изумрудной, и что? Возможно, дело в колере, возможно, в символике — аллегория вечной жизни, нетленности. В данном конкретном случае это могло означать важность текста для всех времен и народов.

— В исторических хрониках сведения насчет материала тоже разнятся, — добавила старушка. Она ходила по номеру и никак не могла надивиться. Этакое хоромы: отдельная спальня, гостиная под старину, — все чинно, чисто, как в музее, — вот ведь как располагаются некоторые пенсионеры, — пусть это и временное их пристанище...

Когда был жив покойный муж и они перемещались с одного гарнизона в другой, тоже доводилось ночевать в гостиницах, иногда и не по дню, не по неделе, — месяцами, да с дитем. Так разве ж там такие удобства были?! Впрочем, со своей вездесущей шалью, на сей раз, дымчато-синей, вязаной, с кистями, Светлана Артемьевна прекрасно вписывалась в интерьер. Она подошла к зеркалу и еще раз в этом убедилась.

Однако самолюбование, воспоминания, да и, что греха таить, несколько завистливые

мысли, не отвлекали бабулю от темы беседы:

— По одной из версий это действительно был изумруд, по другой, довольно фантастичной, — неизвестная субстанция, неуничтожимая, сверхпрочная, — плод алхимической трансмутации. Но это древние могли так полагать. А на самом деле это был какой-нибудь вполне земной, только мало изученный, минерал.

— Совершенно верно, — поддержал сверстницу Валентин Николаевич. Жадеит, например.

— Кстати, по третьей версии труд Гермеса Триждывеличайшего вообще выцарапан на золоте.

— Так или иначе, Оленька. Но до истины мы уже никогда не сможем докопаться, потому что сами таблички не сохранились. До нас дошел только текст, да и то, не факт, что достоверный, и уж совершенно маловероятно, что полный и качественно переведенный. Основной его постулат: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы свершить чудо одного-единственного». То есть наш мир рассматривается как нечто целое, хотя и состоящее из различных ипостасей и половинок. Просто все они отражаются друг в друге как в зеркале, пусть с искажениями, пусть с помехами. Однако, убери одно — не будет и другого.

Ольга только хлопала глазками, да поправляла на носу очки. Ей было одновременно и любопытно, и приятно (таких умных и мудрых друзей себе завела), и боязно. Разве ж думала она, что угодит под дозор не просто бандюги, не просто любителя старины, а самого, что ни есть, сектанта, шпиона с многовековой предысторией.

— Но, думаю, нам содержание «Скрижали» не пригодится, — робко предположила она. Валентин Николаевич оперся на трость, встал, подошел к окну:

— В общем-то, да! Нам стоит принять во внимание совершенно иное, то, что именно сейчас эти самые меркурианцы активизировались, именно сейчас пришло их время отобрать изумруд, согласно легенде, «без последствий», то бишь, не рискуя получить за то кару свыше...

Старков отодвинул штору, посмотрел вниз, будто «фанатик-меркурианец» должен был именно в этот момент стоять под окном. Потом перевел взор на цвета слоновой кости телефон с большой массивной трубкой, покоящейся на блестящих металлических развилках-рычагах.

— Может, шампанского заказать, клубники со сливками, или еще чего? — осведомился он у дам, смутив их тем самым окончательно.

— Валентин Николаевич, давайте без фанатизма, клубники будет вполне достаточно, и лучше сами спустимся в бар, — предложила Светлана Артемьевна с напускным видом завсегдатая фешенебельных отелей...

Х Х Х Х Х

Генрих Ильич Гридасов после происшествия в подъезде Ольгиного дома, выставившего его в самом, что ни есть, геройском свете, стал по-свойски названивать капитану Отводову, интересоваться продвижением дела, и даже слегка пенять на нерадивость органов. Мол, жизнь девушки, его личной знакомой, и ценного, практически незаменимого на отечественном телевидении работника находится в опасности, а наши доблестная милиция и в ус не дует. Доводы, дескать, делом Ольги теперь занимаются исключительно люди с Петровки, не действовали. Да, Ираклий и сам понимал, что они, доводы, слабоваты. Ведь щемили сердце юного сыщика переживания за свою подопечную, с которой так кстати свела его

прозорливая судьба и так некстати собиралась развести.

Капитан имя Гридасова уже слышать не мог и даже начинал почему-то икать, как только Ольга его упоминала. А упоминать было из-за чего. Генрих Ильич теперь регулярно провожал свою ставленницу и не до дома, даже не до подъезда, — до квартиры.

— Надежнее и для меня спокойнее, — пояснял он.

Кроме того, еженедельно названивал Ольге еще один рыцарь — бывший одноклассник Соловьев.

Самое обидное, что все они имели полное право продолжать свои «приставания» (а иначе как «приставаниями») Отводов охарактеризовать вышеупомянутые действия не мог) и после переезда девушки на новую, снятую поближе к Останкино, квартиру. В то время как для нашего «мастера натиска» (как окрестила его Светлана Артемьевна после восьмимартовского несостоявшегося обыска) это была уже совершенно «чужая» территория. Посему их общение практически прекратилось.

К счастью, прошла всего пара недель «разлуки», в последней декаде мая Ираклия Всеволодовича, по рекомендации Свистунова, пригласили на Петровку...

— Вы же понимаете, дело связано с древними вещицами, реликвиями, представляющими государственную ценность, — говорил полковник Цветков. — Преступник, этот «фанатик», или, как утверждает господин Старков, «избранник-меркурианец», кажется, в растерянности. Кажется, он уже собрал у себя все известные ему предметы, а ответа на свой вопрос так и не нашел... Тем сложнее, запутаннее ситуация. К тому же, сейчас начинается период отпусков, людей у нас не хватает... В общем, Ираклий Всеволодович, мы хотели бы обратиться к вашему руководству, и попросить, чтобы вас перенаправили к нам в отдел, на подмогу, так сказать...

Конечно, Отводов обрадовался. Как он мог не обрадоваться?! Работа в уголовном розыске была для него желаннее манны небесной.

— Если сможете раскрыть дело, то возьмем в штат, на испытательный срок, — важно добавил Алексей Степанович.

Отлично! Есть повод позвонить Ольге! Теперь капитан мог смелее вторгаться в ее жизнь. И он решил не откладывать, начал с пристрастного расспроса о ее «сладких розысках».

— Боже, как рада вас слышать! — Кажется, оживленность голоса девушки была неподдельной. — Интересно, как продвигаются дела с поиском арахисового рулета? Пока не важно. А вы заскочили бы, а то с момента, как помогали мне вещи перетаскивать, больше и не заглядывали!

И то верно! Капитан примчался в тот же вечер. Сегодня Гридасову была дана отставка. С горделивым видом и прогнутой спиной Ираклий вел Ольгу от самого телецентра до ее нового дома. Вел пешком, ибо вечер был теплый и приятный.

— Оля, а вы не пробовали искать по территориальному признаку?

— Как это «по территориальному?» Вокруг Останкино, что ли? Да уж, конечно, все обыскала!

— Нет, не вокруг Останкино. А, например, рядом с домом Малышевой, Вуда, или... — он замешкался, прекрасно понимая, что не сможет произнести следующую фамилию абсолютно нейтрально, — возле дома господина Гридасова.

— Опять вы за свое! — мимо них промчался паренек в бандане на скейте, резко повернул, и покатил в обратную сторону. — Не может Верочка инсценировать собственное

отравление.

И капитан даже обрадовался, что Ольга акцентировала внимание на первой фамилии, а не на последней. «Может быть, не заметила, ревности-то в голосе?»

— Ну, хорошо, пусть Верочка ни при чем? А Вуд, или этот креативщик?

— Саше Вуду я тоже верю. Хотя... — хорошо, что начинало темнеть, Лобенко слегка покраснела, ей было неловко за свои действия. — В его районе я кондитерские отделы все же прочешу, в ближайшее же время. Возле дома Гридасова — тоже.

Теперь Отводов справился с недавним волнением и мог вполне нейтрально заводить разговор относительно своих подозрений насчет креативного директора «Картопака»:

— Скажите, а Генрих Ильич не донимает вас расспросами по поводу изумруда.

— Да нет, как-то оставил эту затею. По первости, помните, после нападения в подъезде, — Ольга еще раз покраснела. — Я ведь тогда, у вас в кабинете, проговорила, мол, амбалы изумрудом интересовались...

— Ну да, да, конечно, помню, — Ираклий снова запустил пятерню в кудряшки, стало быть, увлекся уже не только дамой, но и разговором.

— Так вот тогда он переспрашивал, что за изумруд, да почему преступники должны были предположить, что он у меня... Но это я вам уже рассказывала...

Отводов кивнул:

— Да, сказали, что понятия не имеете, какой изумруд...

— Он и успокоился. Больше про камень ни слова.

— А о чем же вы с ним говорите, пока он вас до дома провожает? — капитан зевнул, чтобы придать выражению лица безразличный и даже немного скучающий вид.

— Во-первых, не каждый-то день и провожает. Все-таки он большой начальник, а я всего-навсего его подчиненная. Во-вторых, мы ведь с ним не пешком идем, как с вами, он меня, на своей-то «Ауди», за две минуты доставляет, — ах как больно кольнуло это «как с вами» самолюбие капитана. — В третьих, чаще всего в эти недолгие минуты мы обсуждаем рабочие моменты. Ну, или он спрашивает меня о моем детстве, о родителях...

— А вы, а вы что же? — в голосе следователя снова мелькнула невольная воздержанность.

— А я, — Лобенко с удивлением посмотрела ему в глаза, — как вы, да майор Свистунов меня научили: про первую любовь, про мамины блинчики и ни слова про перстень.

Отводов с облегчением выдохнул. «Молодец!»

Позже, уже у нее дома, разговор про Гридасова был продолжен.

— Он к вам сюда не заходит? — как бы между прочим поинтересовался гость, сделав вид, что вопрос абсолютно тактичен.

Лобенко едва сдерживала улыбку:

— Нет. Понимаете, мне неловко. Все же он очень богатый человек, а у меня здесь все так примитивно, как, впрочем, обыкновенно бывает на съемных квартирах.

«Получи фашист гранату!» — подумала девушка, нарезаая кружочками еще одну «жертву» бесплодных поисков, — рулет производства Воронежской фабрики «Сладкая идея», чудом затесавшийся в столичные магазины.

X X X X X

«20 мая 2000-го года.

Ах, сколько энергии, сколько драйва появляется у дамы, если ею начинают интересоваться мужчины.

Всего несколько месяцев назад я была совершенно одинока. Ходила в аптеку и покупала

настойку женьшеня, чтобы хоть как-то взбадривать себя в течение долгого дня, — и все одно не помогало, все время клонило в сон.

И вот у меня завелось сразу три кавалера. Сейчас третий час ночи, а я не могу заснуть. Щеки горят, и внутри все трепещет от какого-то радостного предчувствия. Даже нет, пожалуй, не радостного, а торжественного. Будто бы вот-вот откроется дверь и войдет президент страны, или влетит летающая тарелка...

Бред... Бред... Бред... Вот что значит позднее время, спать не могу, но и мозг уже совершенно не работает. В голове проносится какой-то сплошной поток мыслей, абсолютно не оригинальный, с тупой констатацией фактов, без идей, без красотостей.

Эх, сейчас бы «умняшку» забацать! Да где ее взять?!

Капитан сидел у меня недолго. Но именно в эти полчаса нашего с ним чаевничания умудрился позвонить Витька Соловьев. В результате, — и с Витькой говорила скомкано, и Отводов погрустнел, словно снежная баба на мартовском солнышке.

То, что ко мне не ровно дышит большая шишка «Картопака», а теперь еще и Генеральный директор вновь образуемого развлекательного канала, на котором мне же предстоит работать, — замечают многие в Останкино.

Саша Вуд стал со мной менее откровенен и начал меня избегать. Впрочем, разве можно говорить о том, что человек тебя избегает, если вы уже не работаете вместе? Он просто не находит поводов для продолжения общения.

Верочка, слава Богу, не чурается, только подкалывает:

— С тобой, Лобенко, ссориться теперь нельзя, если малиновым рулетом не отравишь, так начальство против настроишь...

Если Малышева шутит, значит, зла уж точно не держит... Это очень-очень хорошо.

Однако, кто же из них, троих, мне дороже? «Кто более матери-истории ценен?» Ухаживания Гридасова приятны, взвешены, почтенны и почетны. Внимание Соловьева тешит самолюбие, Отводов — интересен. Нет, пожалуй, ни одному из них я пока не могу отдать лавры победителя...

Бред... Бред... Полусонный бред... Завтра утром проснусь, перечитаю на свежую голову и сотру все написанное в чертовой бабушке!»

Нечаянное свидание

Июнь 2000-го года.

— Представляешь, они даже полы в общем коридорчике не моют. Мне не тяжело, слава Богу, он у нас не огромный. Но дело же в принципе! — Матильда, бывшая соседка Ольги Лобенко по снимаемой квартире, была дамой весьма необычной. Впрочем, как и все женщины с редкими именами. Тапочек не носила в принципе, по квартире перемещалась исключительно на каблуках (бедные соседи снизу!) На голове — тщательно напружиненные кудряшки. Яркий макияж, всегда освежала цвет лица тональным кремом и румянами.

Она жила одна, но и одинокой женщину назвать было нельзя. У нее постоянно имелся какой-нибудь поклонник, и, чаще всего, сразу несколько. В ее кавалерах в разное время побывали бизнесмены, генерал КГБ, парочка актеров из театра, и даже колдун. Они были абсолютно разными. Объединяло их только одно: все они — люди значительные, либо по своему финансовому положению, либо по социальному.

— Оленька! У мужчины должны быть деньги! Ну как иначе! Дело не в корыстолюбии. Просто мужчина без материального достатка выглядит плюгавенько...

— Как-как?

— Плюгавенько. Неужели никогда такое слово не слышала? — она сделала ход. Они играли в шашки. Матильда не любила посиделки за чаем или, тем более едой. Она придерживалась строгой диеты, блюла фигуру и с близкими гостями особо не церемонилась. Впрочем, она всегда предупреждала: «Если захотите перекусить — в две секунды организую.»

Зато Матильда любила играть в шашки. Ольге это занятие тоже понравилось. Нельзя сказать, чтобы она частенько позволяла себе подобное проведение досуга, на то не было времени. Но периодически, когда снимала соседнюю квартиру, все же забегала подвигать черные и белые кругляшки по разграфленной на квадраты досочке.

— Нет, просто недопоняла. В смысле, жалко, что ли, выглядит? — ход сделала Ольга.

— Ну да, мужественность в мужике просыпается, только когда он в состоянии немного посорить купюрами да монетами, — ее черная шашка перепрыгнула через белую, Матильда довольно потерла руки.

— Ты что! — завопила Лобенко. — Я же у тебя сейчас три шашки съем!

— Ой, и правда! Ну, что ж теперь делать, не идти же на попятную! Это будет не честно, — Матильда сделала ход за девушку, сама переставила ее белую «дамку» и откинула в сторону три свои черные шашки.

— Это потому, что ты пытаешься одновременно и умные мысли высказывать и играть.

— Но ты же тоже и играешь, и разговариваешь.

— Нет, я, когда вдумчиво говорю, останавливаюсь, — Ольга улыбнулась.

На Матильде был коротенький розовый пеньюар в черный горошек. От нее сладко пахло парфюмом.

— Пойми ты! Женщина — это праздничный торт в жизни мужчины. И чем он изысканнее, тем дороже стоит. И если у кого нет денег, стало быть придется дожидаться, пока у торта закончится срок годности и его выбросят. Ты не хочешь ждать, пока твои кавалеры подберут тебя на помойке?!

Ольга хотела было согласиться с бывшей соседкой, мол, конечно, не хочу. Но, видимо ее

ответ не был важен, потому как Матильда не стала слушать, продолжала верещать тоненьким голоском:

— И потом, вообще не нужно ждать! Если не можешь выбрать из троих одного, значит нужно завести четвертого и пятого. Мужчины, которые находят тебя сами — это вообще не вариант. Это мы должны находить мужчин... Ну, и делать так, чтобы они пребывали в полной уверенности, будто роман начался по их инициативе, и исключительно из-за их огромного желания и проявления настойчивости.

— А-а...

— А то, что у каждого из них будет по сопернику, или по два, три, четыре соперника, — отлично! Тот, кто в конце концов возымеет честь надеть золотое колечко на твой безымянный пальчик, — Матильда красноречиво посмотрела на руку, — будет ощущать себя настоящим победителем!

— Да, зато остальные окажутся поверженными и брошенными.

— А тебе не должно быть дела до остальных. Ничего. Извлекут уроки, получают опыт, в следующий раз будут расторопнее, увереннее в себе. Знаешь, сколько мужчин стали успешными бизнесменами только потому, что на определенном этапе им пришлось расстаться с любимой женщиной из-за отсутствия денег?

Игра тем временем подходила к концу. На единственную уцелевшую черную шашку Матильды были нацелены аж пять Ольгиных белых. Лобенко сделала ход и шашка оказалась зажатой со всех сторон.

— Все! Сдаюсь, сдаюсь! Я не Юлий Цезарь. Одновременно делать два дела не умею. Выбирай, что дальше: продолжаем игру или разговор?

— Разговор-разговор лучше. А то знаешь, мне действительно посоветоваться не с кем. Светлана Артемьевна заняла жесткую позицию. Ей больше по душе Ираклий. Верочка твердит только одно: «Кто сердцу боле люб, с тем и оставайся.» Так в том-то и загвоздочка, что оба любви одинаково. Соловьев, правда, в основном по воспоминаниям, я ведь с ним теперь редко общаюсь. Гридасов, еще меньше, но зато сколько завистливых взглядов...

Матильда шумно спихнула шашки в коробку, которая всего несколько секунд назад была их игровой доской.

— Вот и выбирай Гридасова! А лучше, повторюсь, заведи еще парочку!

Ольга расхохоталась.

— Точно тебе говорю! Перебирай, пока в сердце не кольнет. Пока не поймешь: мой, точно мой, иных мнений быть не может...

— Где я их, этих дополнительных, возьму, с неба, что ли свалятся?

— Лучший вариант — найди на работе. — Матильда убрала коробку с шашками в комод.

— Да я там уже всех знаю. Никто не волнует.

— Значит, нужно ходить по тем местам, где появляются состоятельные мужчины. По дорогим магазинам, желательно таким, в которые можно добраться исключительно на личном автотранспорте, по ночным клубам и казино.

Ольга снова рассмеялась:

— Мне только в казино и не хватало пойти!

— А что? — оскорбилась Матильда. — Я ведь хожу. Там собирается очень приличное общество, и очень много богатеньких одиноких потенциальных женишков. У них никого нет, брать проститутку — ниже их достоинства. Чем еще занять себя вечером и ночью, если

тоскливо? Вот они идут поиграть, поазартничать...

Лобенко испугалась, что обидела собеседницу своей насмешкой:

— Я же сейчас в новом проекте участвую. Если я еще по ночам стану пропадать в казино... Спать-то когда?

— Знаешь, что я тебе скажу! Значит, не так уж сильно ты и загружена на работе, коли находишь время размышлять на любовные темы. Была бы настоящая запарка, так не только не сидела бы сейчас у меня, не нашла бы времени бисквиты свои собирать!

— Не бисквиты, — рулетки! — поправила Ольга.

— Один хрен! Я все равно их не ем.

— Только и рулетки я уже не ищу. Представляешь, мы на днях с Ираклием набрали-таки на то, что нужно. И знаешь, где?

— Ну, — вытаращила глаза Матильда.

— В кулинарии возле дома Саши Вуда.

— Вот это да! Так он, получается, и есть тот самый фанатик?

— Я считаю, что это чистое совпадение. А капитан подозревает всех. Правда, говорит, что доказать мы все равно ничего не сможем. Пока просил ничего из рук Вуда не принимать, в смысле съестного, и обедать вместе не ходить.

— Все-таки трогательный он у тебя, этот следователь...

— И ревнивый! Уж к Сашке-то? Был бы симпатичен, давно бы роман завела, не стала бы дожидаться, пока турнут с работы.

— Ревнует, значит любит...

— Тоже верно! — Ольга подошла к висевшему на стене зеркалу. — Слушай, а может быть, мне заменить очки на контактные линзы?

— Ну-ка, сними! — девушка послушно сдернула окуляры с переносицы. — Нет! Не стоит! Иначе потребуются каждодневный яркий макияж. А ты его делать сможешь?

Ольга продолжала рассматривать себя в зеркало, уже ближе и пристальнее:

— Не пробовала. Может, и смогу.

— С твоей-то, как ты говоришь «непомерной занятостью». А очки тебя не портят. Наоборот, мило очерчивают твои очаровательные глазки. Я бы заказала еще одни, в оправе поостроже. Ты ведь у нас теперь начальница.

— Что ты, какая начальница! Еще никакие должности не распределены. Гридасов пока только одни обещания раздает.

Лобенко уже и не помнит, когда в последний раз вот так болтала с соседкой, что называется, «за жизнь». С Матильдой болтать «за жизнь» было приятно. Она производила впечатление успешной и счастливой женщины. Почему бы не перенять у такой уроки бытия?! Впрочем, никакую иную тему она поддержать и не смогла бы.

— А что делать, если мужчина вдруг начинает спиваться? — неожиданно спросила Ольга.

— Бросать!

— Тебя послушать, чуть что не так, — сразу бросать.

— Ну не переделывать же их. Это когда у тебя дети будут, ты их будешь воспитывать и перевоспитывать, а взрослого человека не так-то легко под себя слепить... Впрочем, я знаю случаи, когда люди, совершенно разные, со временем становились очень похожими друг на друга, перенимали привычки. Даже внешне больше напоминали брата с сестрой, нежели мужа с женой.

— А я знаю массу обратных примеров. Сходились — ну просто близнецы. А через несколько лет — инопланетяне, причем, из разных галактик.

— И такое бывает. Люди не могут не меняться. Если они не растут, — значит, деградируют. Существа, настроенные друг на друга как камертоны, развиваются в одном направлении. А ежели каждый сам за себя, так и не обижайтесь потом, что тропки разминулись...

— Из твоей логики исходить, — так и пить нужно вместе начинать...

— Пить нельзя начинать вообще. — И Матильда полезла в бар. — У меня Бейлиз есть. Будешь?

Ольга оценила комичность ситуации:

— Буду!

Матильда извлекла темно-коричневую бутылку с ликером и два серебряных стопарика.

— Из алкашей своей смертью умирают только те, кто смог остановиться...

— Вовремя смог остановиться, — поправила Ольга.

— Точно и вовремя, — это тогда, когда впервые утром пожалел о том, что вчера напился... Если из этого уроков не вынес и пришлось пожалеть во второй раз, — значит, яд «зеленого змия» уже попал в твои вены.

Хозяйка наполнила стопарики. Один отдала гостю. Свой приподняла в руке:

— За то, чтобы нас сия участь миновала! — Лобенко кивнула. Они чокнулись и выпили.

— А ты почему спрашиваешь, уж не из кавалеров ли кто пристрастился? Не у Соловьева ли голова кругом пошла от разлуки с тобой?

— Нет-нет, что ты! Просто мои новые соседи... Каждую ночь пьяные разборки доносятся. Я с ними еще плохо знакома. Знаю, что живут вместе давно. Двое детей, уже взрослых. Им бы сейчас о себе подумать, съездить куда отдохнуть. Разнообразить как-то свою жизнь. А вместо этого у них каждый вечер одно и тоже проведение досуга: у него в обнимку с бутылкой белого, у нее в причитаниях: «Ваня, ну не надо больше, ну остановись, ну зачем же ты пьешь?!»

Матильда снова разлила ликер. Снова чокнулись и выпили, уже просто так, без тоста.

— Не бросит мужа, так и будет причитать, пока благоверного цирроз не скрючит, либо инфаркт-инсульт не схватит. Только потом уже поздно начинать жизнь заново, старая станет, убитая горем, — некрасивая.

Ольга немного захмелела.

— А, может, ей повезет, раньше коньки отбросит.

— Смотри-ка, ты уже стала почти такой же циничной, как и я!

— Не, ну в самом деле, выпьет паленой, как Лаврон...

Собеседница помотала вытянутым указательным пальцем из стороны в сторону:

— А вот насчет Лаврона — не факт. Как бы ни было это убийством.

— Да какое убийство, Матильдочка?! Мне же Отводов все подробности дела изложил.

— А вот собутыльники его говорят, что бедолага все последние дни твердил про какой-то заговор и про угрозы в свой адрес...

— Нашла, кого слушать, — собутыльников.

— И я так подумала. А на днях дворничиха поведала, что видела в день смерти Лаврона черную тонированную иномарку. Остановилась возле нашего подъезда, водитель вышел и о чем-то говорил с Лавроном. Может, спрашивал чего? Только у алкоголика был растерянный и испуганный вид...

Х Х Х Х Х

Торговка выделялась среди прочих своим внешним видом. Она была одета под какую-нибудь немку времен двух-трех вековой давности. Коричневое платье до пят. Подпоясана тряпкой из серой мешковины и на голове белый чепец, с двумя расходящимися в стороны треугольными крылышками на затылке. Лицо у торговки было круглое, щекастое, румянец явно искусственный, глаза густо подведены.

— Выбирайте камешки! — обратилась она к Лобенко. Смотрите, какая красотища. Вам, к вашим-то глазкам, аквамарин подойдет.

Ольга хотела было убежать. Сама не поймет, почему зашла в этот уголок Измайловского вернисажа, камни покупать она совершенно не собиралась. Но на слове «Аквамарин», разумеется, застыла, обернулась, пристальнее начала всматриваться в глаза бойкой продавщицы. «Знакомым» ей показалось не только название...

«Ну, точно, Танька! Та самая Танька Смирнова, ее одноклассница, с которой Витька Соловьев целовался в раздевалке...»

Танька, разумеется, девушку не признала. И хорошо, ибо не прошло и минуты, Ольга все еще размышляла, обнаружить их давнишнее знакомство или нет, как на тропинке меж прилавков появился Витька Соловьев собственной персоной. К счастью, на своих бывших соучениц он не смотрел. А смотрел на собственные руки, в которых нес несколько, судя по всему, весьма горячих пирожков. Он то и дело перехватывал их то одной пятерней, то другой, подувая со всей мочи на освободившиеся пальцы.

Ольга поспешила смыться...

— Девушка, девушка, куда же вы? — орала вдогонку Танька, принявшая Ольгино недолгое замешательство за проявленный к товару интерес.

— Девушка, посмотрите на мой ассортимент.

— Посмотрите, у меня все есть! У меня хозяйка Медной горы в компаньонах ходит! — вторили прочие торгаши, полагая, что Ольга просто не нашла нужное у предыдущего прилавка...

Координатор совета по планированию деятельности нового развлекательного канала Ольга Лобенко (так помпезно теперь называлась ее должность) забрела на Измайловский вернисаж не от праздной скуки, и не по личной надобности. В Измайлово ее привели рабочие нужды.

Это была новая стратегия Гридасова:

— Вначале мы просто фонтанируем пропозиции, от балды, не задумываясь над бюджетом, штатом, аудиторией... Только название и тема передачи. Название и тема...

Одна Лобенко сформировала десятка два предложений. Начиная со «Школы обольстительниц», заканчивая «Исторической викториной».

Ольга справедливо рассудила, что хозяйственных советов и всевозможных рецептов счастья да здоровья на телеканалах хоть отбавляй. Книжек да ток-шоу с мудрыми жизненными наставлениями по подбору вторых половинок — тоже. А вот посмотреть бы воочию, как эти самые рецепты в жизнь претворяются...

Вот Матильда, например, о чем ее ни спроси, тут же подскажет как поступить. А если ей самой предложить к мужчинам не приглядываться, а принохиваться с закрытыми глазами (она это рекомендует вполне серьезно), оценить будущие семейные качества человека исключительно по содержимому верхнего ящика письменного стола, или вообразить совместную ночь по двум-трем па медленного танца...

Возможно, легкая на подъем и играющая по жизни Матильда со всеми этими заданиями запросто справилась бы... Но вот Ольга никак не могла, и потому к практике пока не приступала. А ежели все доступно показать, да растолковать в передаче, — очень премило выйдет. Многим будет интересно, не только дамочкам «на выданье».

Тот же самый подход и с исторической викториной. Что мы знаем о нашем прошлом? Да ничего. В лучшем случае что-то из курса школьной программы, из фильмов да книг, которые часто перевирают факты на потребу публике. А вынести все в студию, в игровой-то форме, да с комментариями ученых людей...

Когда свежие мысли перестали приходить в Ольгину блондинистую головку, она начала их «нагуливать». Шла в магазины, на улицы, спускалась в метро: присматривалась, что люди покупают, рассматривают, читают. Сделала вывод: ширпотреб сегодня мало кого интересует. В моде — индивидуальность. Народ желает носить, есть, впечатляться чем-то особенным, отражающим его, конкретного Человека внутренние потребности и сущность.

Одну из предложенных программ она решила посвятить Художникам. Не тем, что малюют портреты и прочие картинки. Точнее, не только тем, а людям необычным, удивляющим своим рукоделием.

Вчера была на Арбате и Крымском валу, сегодня прикатила в Измайлово. Взяла телефончик (на всякий случай, если потом передачку утвердят, чтоб не искать) у девчущки, что моделировала вязаную одежду: кофточки в розочках, юбки с пейзажами по диагонали, жакеты с полами замысловатой конфигурации, шапочки всех мастей. Второй телефончик списала у парнишки, производившим и продававшим чайную и кофейную посуду угловатых форм.

После нечаянного свидания с Танькой и Витькой все в ее голове перемешалось, размышлять, да подыскивать героев для возможной передачи не было никакого энтузиазма. «Мозг представлял собой один большой муравейник, разворошенный сорванцом-мальчишкой.»

Это ботаник Витька Соловьев — сорванец-мальчишка? Усмехнулась собственной «умняшке» девушка.

— Пирожки! Кому горячие пирожки! С мясом, капустой, картошкой, грибами, — бабулька тащила меж рядов остов от детской коляски, на который был установлен металлический ящик-контейнер, от него кислото пахло печеной сдобой.

Генератор идей госпожа Лобенко только тут поняла, как зверски проголодалась.

«Интересно, а Соловьев, каких себе и своей крале набрал?» — подумала она. И поняла, что ревнует. Она купила пирожок с картошкой, уселась на пустой ящик и начала анализировать собственные чувства.

«Неужели я все еще к нему не равнодушна?! Так, стоп. Ревность, она, конечно, тень любви. Но в мире чувств часто так бывает, что предмета уж нет, а его отображаемый силуэт все еще видится... Нужно представить, испытала бы я такое же потрясение, если бы встретила с дамочкой не Соловьева, а Гридасова или Отводова? Пожалуй, нет. Но, с другой стороны, мало ли с кем те могут проводить время. А Таньку все ж считали первой Витькиной любовью. Ну-ка, а ежели бы я не просто их встретила, а они, например, целовались?!» — и у Ольги на душе стало еще более пакостно.

Не принес облегчения и звонок подруге-Верочке:

— Собственница ты, Лобенко! Он к тебе сколько клеился? А ты: не могу, некогда, не сейчас... Он же взрослый мужик, — понимать надо!

— Вер, я вот теперь думаю, а не мог он меня обокрасть. Что-то никак не идет из головы, что мне Танька аквамарин предлагала.

— Ага! Обокрасть тебя, чтобы продать камень на Измайловском вернисаже? А оправу Екатерининскую куда? Туда же? Толкнуть за три копейки?

Ольга уже давным-давно, с разрешения Отводова, обсуждала кражу и поиски фанатика со своей подругой. Кажется, наш доблестный капитан, наконец, уверовал в ее «честность и порядочность».

— В тебе просто говорит...

— Ревность, — дополнила подруга.

— Нет, даже не ревность, а уязвленное самолюбие. А мне кажется, к краже все же причастен Саша Вуд. Ты бы знала, в каком виде он сегодня в Останкино приходил.

— Опять пьяный?

— Ни в одном глазу!

Хотя пирожок уже был съеден, Ольга все еще сидела на пустом ящике. Мимо снова проковыляла старушка, подтаскивая за собой контейнер на колесиках. Ольга сделала знак, чтобы бабуля задержалась, и купила еще один пирожок, с капустой.

— Не может быть! — Съехидничала она. Контейнер прекрасно сохранял тепло. Выпечка все еще обжигала руки, только теперь у Лобенко не было возможности перехватить горячую сдобу, вторая рука была занята мобильником. Немного поразмышляв, девушка зажала трубку между ухом и плечом...

— Он пришел мало того, что трезвый, как стеклышко, так еще и при полном параде.

— Что ты имеешь ввиду? — Ольга подула на обожженные пальцы, вспомнила, как тоже самое делал Виктор и внутри снова все закипидарило. — Он всегда элегантно одевался.

— Ну, рубашка от «Гуччи» да галифе из дермы, — это все же не смокинг...

— А при чем тут смокинг? — Ольга, наконец, надкусила и старалась говорить максимально внятно.

— Так Вуд-то в смокинге явился, пошел на прием к Гридасову. А на пальце — перстень.

Ольга замерла:

— С аквамарином?

— Не-а, с каким-то черным, блестящим камнем... Но сам факт того, что наш щеголь, оказывается, любит себя украшать необычными вещами...

— Ну, и что с того?

— Может, и ничего. Только ты капитанишке-то своему о сем факте упомяни.

— Ладно. Упомяну. Ты мне лучше вот что скажи: толк-то от приема у Гридасова был?

— Кажется, нет. Если бы был, Сашка заскочил бы на обратном пути похвастаться...

— Эх, жаль!

Перемена власти

Санкт-Петербург, 1764 год.

Утро 8 сентября 1764 года началось как обычно. Императрица Екатерина Алексеевна встала рано, в шесть часов. В это время во дворце спала даже прислуга. Только белая борзая собака, пригревшаяся в ногах почивающей государыни, вскочила на свои лапы и пару раз приветственно тьякнула, махнув для убедительности мохнатым хвостом.

— Подожди, подожди, вот принесут кофию с сахаром та гренками, дам и тебе полакомица.

Екатерина самостоятельно влезла в серо-голубое домашнее платье, как смогла его зашнуровала. Зажгла свечи, растопила камин.

В соседней комнате на консольном столике находился приготовленный с вечера кувшин с водой, — умылась. Встряхнув пятерней, обдала брызгами левреткину мордашку, та недовольно фыркнула.

Теперь за дело. Императрица подошла к черному лаковому шкафчику-кабинету, распахнула расписные позолоченные дверки, откинула доску для письма. Села.

С самого своего восшествия на престол ей хотелось возобновить ведение дневниковых записей. Прежние мемуары пришлось изничтожить в 50-х годах. Тогда она просто испугалась, — вдруг кто обнаружит, да доложит Елизавете.

После переворота 1762 года страх, как чувство, покинул ее навсегда. Теперь и мемуары можно было бы заново переписать. Но многие даты и воспоминания стерлись из памяти. Впрочем, то беда небольшая. Остались же хроники, записи, которые можно было держать открыто, в них обозначены лишь момент и наименования событий. Заглянешь туда, и многое припоминается само собой. А ежели не припоминается, так можно «пособить», пролистать адрес-календари, камер-фурьерские журналы. В них все придворные происшествия, как на ладошке.

Вот для обрисовки дней, когда она вошла на трон, писарские «шпаргалы» были не надобны. Она все зрела в своей главе, будто въяве. Прямо сейчас могла бы измарать листок-другой-третий...

Но ее письму мешала и иная напасть — никак не хватало времени. Дела государственные. Не терпят отлагательств.

Максимум, что она может себе позволить, перебрать в мыслях те события. Еще раз саму себя уверить, что иного выхода не было. И поступила она так, как единственно было возможно...

Х Х Х Х Х

10 февраля 1762 года.

Восьмиконечная звезда с надписью в центре «За любовь и отечество» жгла руки, словно раскаленная головня. Белая муаровая лента с крестом переливалась, играла. От злости лицо императрицы покрылось такими же белыми, словно «обмороженными», пятнами. Слыханное ли дело — наградить любовницу орденом Святой Екатерины. До сих пор подобной чести удостоивались лишь царицы, великие княжны и жены наследников престола, либо придворные дамы, сослужившие государству величайшую службу. В День своего рождения Петр заставил жену вручить сей памятный знак Елизавете Воронцовой. У нее-то какие заслуги перед отечеством?! Кувыркание в постели с императором?! Вот так

оплеуха! Это предвестие! Дурное предвестие!

Ну, ладно-ладно! Екатерина пыталась себя успокоить. Сама не без греха. Вон и пузо уже совсем большое, утягивается с превеликим трудом. Эх, мне бы удержаться на императрицыном месте до родов. А там возьму реванш. Уж и все к тому готово.

Роды начались ровно через два месяца после упомянутого события. Придворным объявили, будто государыня подвернула ногу и потому не может выходить. В тайну посвятили двоих: личную камеристку и камердинера Василия Григорьевича Шкурина. Когда начались схватки, Екатерина взмолилась:

— Придумайте же что-нибудь, уталите от покоев Петра и всю его челядь! Ежели они услышат крики, — конец и мне, и фам.

И Шкурин пошел на отчаянный шаг. Зная, как Петр Федорович любит глазеть на пожары, он... поджег собственный дом. Следует отметить, что получилось сие у камердинера мастерски, ибо в прошлом ему доводилось служить истопником.

Петр, только завидел полымя, бросился к карете, Воронцова и слуги за ним...

Младенца, мальчика, нареченного Алексеем, тот же Василий Григорьевич завернул в собственную шубу и отнес к родственнице. Видно, на роду у Екатерины было написано, расставаться с детьми сразу после их появления на свет. Впрочем, теперь сей факт мало ее тяготил.

Через десять дней, в свой собственный день рождения, она уже нашла силы появиться на люди. Приглашенные во дворец подметили ее необыкновенную свежесть, стройность и благородность фигуры. Еще что-то новое появилось в горделивом взгляде. Дипломаты окрестили это «тайными намерениями».

О «тайных намерениях» догадывались многие, многие их одобряли. Сорок офицеров, во главе с возлюбленным императрицы Григорием Орловым и его братьями, да десять тысяч гвардейцев готовы были в любой момент встать на защиту новой государыни. Все они ждали только приказа. Екатерина все еще не решалась. Нужен был толчок, повод.

Терпение государыни исчерпалось окончательно 9 июня. Когда, праздную ратификацию мирного договора с Пруссией, Петр III поднял тост за членов императорской семьи. Обычное дело, ежели бы государь сел за стол подле своей жены, а не подле любовницы. И ежели бы Петр сдержанно воспринял вполне уместное в этой ситуации напоминание Екатерины Алексеевны, мол, «члены императорской семьи — это император, императрица и наследник». Но он взъярился, прилюдно обозвал ее дурой, сказал, что считает своей семьей лишь самого себя, да двух своих дядек. А вечером приказал заточить Екатерину в Шлиссельбургскую крепость. Отговорил «член семьи», родной дядька Георгий. Не потому, что любил Екатерину, а потому, что понимал: арест произойдет и народный бунт неизбежен.

Сторонники Екатерины тоже это понимали. И несостоявшееся событие развернули выгодной для дела стороной. А именно, распространили слух, будто императрицу все же отправили в заточение. Солдаты вскипели: «Неужто и впредь будем сидеть без дела! Пора браться за оружие!»

Возможно, для окончательного поднятия боевого духа следовало бы подождать денек-другой. Да случилось непредвиденное.

27 июня один из солдат, не в силах доле томиться в неведении, подошел к своему начальнику, капитану Пассеку, и по-простецки спросил:

— Государыню-то в крепости держат, али как?

— С императрицей пока все в порядке. На то имею точные сведения, из первых рук! —

похвастался капитан и подмигнул.

Но дотошный солдат не успокоился. Он пошел к другому начальнику:

— Государыню-то нашу в тюрьму заточили, аль нет? Вот капитан Пассек говорит, что с ней все путем и что выступать пока рано...

Ему и в голову не могло прийти, что начальник окажется не то что, «не в курсе» готовящегося бунта, но, более того, преданным действующему императору. Пассека схватили. Если бы его начали пытаться — планам Екатерины наступил бы конец. Действовать нужно было незамедлительно.

Рано утром 28 июня Алексей Орлов с известием об аресте капитана Пассека ворвался в покои Екатерины в Петергофе. Через несколько минут они уже мчались в карете по направлению к Петербургу.

Прохладный воздух, туман за окном. Француз-парикмахер Мишель, которого они подобрали по пути, пытается на ходу соорудить ей прическу. (Екатерина выехала из Петергофа прямо в ночном кружевном чепчике.) Карету подбрасывает на ухабах да кочках. В кожу то и дело вонзаются острые шпильки, гребень рвет волосы.

— Нет, это нефозможно! Косударыня не мочь такой кошмар носить! Нобле облиз!; Таже, если она направляться в Сибирь! — вопит парикмахер. Екатерина смотрит на него с ужасом! И тут выясняется, что парикмахер не разобрался, решил, что Петр распорядился конвоировать негодную супругу в ссылку, — потому все происходит в этакой спешке, на ходу и в сопровождении офицеров.

— Так ты что, безропотно согласился следовать за мной в изгнание, когда мы тебя пригласили в карету? — изумилась императрица.

— Ну, конечно!

— С этакими подданными, я точно взойду на трон! — все развеселились. Однако, веселье длилось не долго...

После тридцати верст одна из кобыл, выбившись из сил, упала. Карета резко остановилась, императрица, пытаясь удержаться, зацепилась перстнем об атласную обивку. Несколько крохотных зубчиков в виде трилистника разжались, и большой изумруд покотился куда-то под сидение. Искали все вместе: парикмахер, офицер, переодетый лакеем и стоявший на запятках, Екатерина. Забыв про придворный этикет и правила приличия, ползали на коленях, тыркались друг в друга, то головой, то мягкой частью. Орлов в это время пытался поднять на ноги лошадь. Предприятие завершилось успехом. И камень нашли, кое-как вставили обратно в оправу. И савраска пошла дальше, правда, гнать с прежней силой ее уж было невозможно.

Охватившая сердце Екатерины тревога никак не уходила. Изумруд она считала своим талисманом. То, что он вывалился, — не знак ли? А падение лошади? Тоже знак? Быть может, отдать приказание развернуться? Покориться воле мужа? Крепость так крепость. Унижение так унижение...

«Нет! Это не знаки, это просто недочет. Нужно было загодя подумать о перекладных. Я не смею останавливаться на полдороги. Рухнут лошади — пойду пешком! Да и перстень у меня уж не раз цеплялся за ткань. Когда события улягутся, прикажу Позье потуже закрепить вставку в кольце».

К счастью, им встретился крестьянин на телеге. Лошадей поменяли. А ближе к столице поменяли и крытую карету, на коляску без верха.

Уже в семь часов утра коляска остановилась перед казармой Измайловского полка. Ее

встречают барабанной дробью и радостными возгласами. Полковий священник благословляет Екатерину на правление. Командир полка Кирилл Разумовский, преклонив колени, провозглашает единственной и полновластной государыней Всея Руси, от имени солдат произносит клятву верности. Офицеры целуют подол ее платья.

Разумеется, церемония встречи не была спонтанной. Ее подготовил Григорий Орлов, пообещав, между прочим, помимо возвращения к прежним армейским порядкам, еще и традиционно ценной в солдатских кругах водки.

В Семеновский полк следуют уже целой процессией. Впереди, с высоко поднятым крестом — священник. Следом — императрица на коляске. Справа и слева, верхом на жеребцах, Григорий Орлов и Кирилл Разумовский. За ними — ликующая толпа. Именно в этот момент Екатерина почувствовала, что страх отступил. Она больше не имеет право бояться. Столько людей рискнули жизнью ради нее! «Если не получится затеянное — уж лучше умереть первой.» Как поступит Петр с ее сторонниками?

Елизавета Петровна в 1754 году приостановила исполнение приговоров о смертной казни, заменила их «политической смертью», ссылкой в Сибирь. Этот указ действовал и до сих пор. Исключение составляли лишь отдельные, тягчайшие случаи. Но государственный переворот, скорее всего, именно к таким, «тягчайшим», и отнесут. Она лишь на секунду представила голову любимого на деревянной плахе, еще живую, с огромными, немигающими глазами...

«Я клянусь, что никогда не увижу этого!» — Екатерина не ведала, но Григорию Орлову приходили на ум те же мысли, и он уже успел договориться с приятелем, в случае поражения, они убили бы друг друга из пистолета...

Возможно, именно решимость и отсутствие страха, помогли при встрече с очередным полком, Преображенским. Там служит капитаном Семен Воронцов, родной брат любовницы Петра. Разумеется, ему была невыгодной смена власти. Он приказывает солдатам оставаться верными присяге и выступает с ними против бунтовщиков. Неподалеку от церкви Казанской Божьей Матери две ватаги встречаются. Одна (сторонники Екатерины, под предводительством Орлова) — беспорядочная, практически невооруженная. Другая (под предводительством Воронцова) — хоть и меньшая по численности, зато организованная, колонной и при полной амуниции... Капитан отдает приказ — и ружья сняты с ремней, второй — глаза солдат сквозь прицел смотрят на недавних сотоварищей. Екатерина затаила дыхание. Что будет дальше?

Вдруг кто-то крикнул:

— Ура! Да здравствует императрица!

Даже непонятно, с чьей стороны раздались крики. Обе ватаги ринулись друг к другу с объятьями.

Победное шествие по городу. Торжественное появление перед горожанами на балконе Зимнего дворца с Павлом на руках. (Толпа возликовала, мальчик испугался, прильнул к матери, — лепое зрелище, ну просто Мадонна с младенцем!) Обнародован «Манифест о восшествии на престол». Новая самодержица принимает иностранных послов, петербургскую знать и простой люд... (В этот день любой мог приблизиться к своей императрице.)

Ближе к вечеру она надевает зеленый, с красной подбивкой мундир офицера. По ступенькам парадной лестницы дворца спускается к своим войскам. Начальство и рядовые стоят навытяжку. Многие из них уже сменили ненавистную голштинскую форму на

прежнюю русскую, такую же, как у их владычицы. Подводят белого жеребца. Она лихо вскакивает в седло. Ветер развеивает каштановые волосы. Шпага наголо. На пальце блестит серебряный перстень с большим изумрудом. Сопровождаемая сторонниками, она выезжает из Петербурга с тем, чтобы оповестить мужа и весь мир о своем триумфе.

Х Х Х Х Х

29 июня Петр Федорович собрался праздновать свои именины. Из Ораниенбаума, где жил в это время, вместе с Воронцовой и иной челядью поехал в Петергоф, как он полагал, в гости к Екатерине.

Ей потом рассказывали. Петр воспринял опустевшие хоромы как шутку, розыгрыш, игру в прятки. Когда осознал истину — впал в отчаяние. Метался по комнатам, пил, рыдал, падал в обморок, отдавал беспорядочные указы:

— Поезжайте в Петербург вместо меня. Остановите их! Или нет, соберите остатки голштинцев в Ораниенбауме, приведите сюда и потом отправляйтесь уж вместе.

Солдат привели. Петр... поблагодарил их за службу и сказал, что в услугах таких более не нуждается.

Он сдался безропотно. Слово в слово собственноручно переписал предложенный ему текст «Отречения от престола». Вместе с Воронцовой ползал на коленях перед вернувшейся в Петергоф, теперь уже единовластной, императрицей. Признал, что обходился с ней прежде несправедливо.

Он был жалок и в своих записках, передаваемых бывшей жене из Ропши, куда его отправили под конвоем:

«Надеюсь на ваше великодушие, что не оставите без пропитания...»

«Прошу Ваше Величество приказать офицерам не сидеть в моей комнате, когда я справляю нужду. Ибо оно становится невозможным.»

Все они подписывались «Верный слуга, Петр».

Екатерина зачем-то сохранила все эти листочки, испещренные тщательно выводимыми буквами, будто Петр боялся, что за неразборчивостью почерка его теперешняя преданность жене останется незамеченной. Быть может, ей хотелось сохранить доказательства отмщения за собственные унижения?

Екатерина понимала, от поругания до агрессии один шаг. Петр опасен, пока он жив. Но и казнить свергнутого правителя не менее опасно. До сих пор главными ее козырями были справедливость, преданность русскому народу, да милость к обиженным. Переворот удалось совершить не пролив ни единой капли крови... Убийство прежнего правителя этот светлый облик «спасительницы» явно бы омрачило.

Орловы самолично сделали то, о чем она так и не осмелилась распорядиться. Но об этом конкретном инциденте Екатерина Алексеевна вспоминать не любила.

Х Х Х Х Х

Покуда Екатерина Алексеевна предавалась реминисценциям, проснулась бывшая в услужении девица-камчадалка;. Принесла поднос: дымящийся кофейник, молочник с густыми сливками, сахарницу, да тарелку горячих гренок. Кофе государыня любила крепкий. На пять чашек воды шел целый Фунт; перемолотых бобов. Как только напиток переливался в сервировочный серебряный кофейник (натертый до блеска, как в зеркало глядеться можно), лакеи добавляли в гущу еще воды и снова варили, уже для себя, более того, за ними еще и истопники доваривали, — всем хватало. А вот первую партию, ту, что отправлялась в высочайшие покои, пробовать мало кто рисковал. Как-то Екатерина Алексеевна поделилась

напитком со своим секретарем, так с ним сильное сердцебиение приключилось.

Императрица отломил кусочек гренки, подула на него — бросила собаке:

— Получай. Государыня свое слово зафсегда держит.

Вытащила папку с бумагами по делу Василия Мировича. Вот они, новые кровавые пятна на репутации...

И на кой ляд Мирович решился на это? Слава Орловых, чтоль, покоя не дает? Верно в народе говорят: «Некошная; сила и горами качает, а людьми, что вениками метет».

Нет, должно быть, то наследственная жила в нем взыграла. Дед Василия, Федор Мирович, предал в свое время батюшку Петра I. Вместе с Мазепой перешел на сторону Карла XII. А после поражения шведского короля укрылся в Речи Посполитой, кинув в Малороссии на произвол судьбы всю свою семью: жену да двух малых детишек. Все его имущество было конфисковано.

Василий неоднократно писал императрице, просил государыню вернуть ему дедовы имения, но в просьбах было отказано. И тогда он решил «отмстить».

Екатерина взяла в руки докладную записку коменданта Шлиссельбургской крепости Бенедиктова, датированную 5 июня 1764 года: «Сего числа, пополуночи во втором часу, стоящий в крепости в недельном карауле Смоленского пехотного полку подпоручик Василий Яковлев, сын Мирович, приказал своим солдатам заряжать ружья пулями. Когда я услышал стук, вышел из квартиры своей и спросил для чего сие происходит, Мирович ударил меня прикладом в голову. Пробил до кости черепа, крича солдатам: «Это злодей. Он содержал в крепости здешней государя Иоанна Антоновича. Возьмите его! Мы должны умереть за государя!»

Гарнизонная команда действовала согласно предписанию (составленному еще Петром III): в случае попытки освобождения, — пленника умертвить, бунтовщиков арестовать.

Императрица совершала поездку по Курляндии, была в Риге, когда ей доложили о происшествии. Все. Законных наследников на Российский трон больше не осталось.

Екатерине было по-человечески жаль этого юношу. В два месяца от роду стал царем. В годик — свергнут и отправлен в ссылку. В шестнадцать переведен в тюрьму под строжайший арест. Он, наверное, даже не знает, зачем мир поделен на мужиков да баб.

Теперь ей смешно вспоминать, но всего два года назад она хотела пойти за Иванушку замуж. Идея, разумеется, пришла в ее голову не самостоятельно. В народе повелись такие толки. И вызваны они были душевным к ней расположением. Мол, ну и что, что немка, а она сейчас царевича, внука Ивана V, из заточения высвободит, да под венец с собой поведет. И будет при троне законный наследник.

В августе 1762-го года она навестила «безымянного колодника» в Шлиссельбурге. Спертый воздух одиночной камеры. Стены с обвалившейся штукатуркою. Зарешеченное окошко размером с лаз в собачьей конуре, да и то такое грязное, что свет сквозь него не пробивается. В углу — исхудалый, в рубище, молодой мужчина. Неровная рыжая борода, глазища злые, затравленные. Ему не сказали, кем является визитерша. Она попыталась поинтересоваться его здоровьем да нуждами. Но Иоанн произнес нечто невнятное и бессвязное. Государыня разобрала только одно слово: «набрзгу». То есть «на заре». А что «на заре»? То ли не спится ему? То ли жалуется, что давно восхода солнца не видал?

Желание выходить замуж вмиг отпало. Переводить узника куда-либо из тюрьмы — тоже. Боле того, она даже не стала отменять указ Петра об убиении Иоанна в случае внезапного бунта. «Сам Ивашка полоумен, на власть посягать не станет, но многие

пожелали б его беспомощность употребить своекорыстно!»

Она продолжала задумчиво перебирать бумаги: вот манифест о воцарении Иоанна VI на трон, присяга и повеления, и (более поздние) объяснения и показания, — все писаны рукой Мировича.

А вот уже документы расследования. Сенат полагает, надобно казнить мерзавца, а Синод против, мол, духовные лица подписать смертный приговор не могут, хотя и признают, что Мирович достоин одного наказания. Третьи вообще ратуют за продолжение пыток, до сих пор он не сдал ни одного своего сообщника или наусителя. Екатерина пишет резолюцию: «приступить к сентенции;». И сама для себя вслух добавляет:

— Нечего воду цедить! Царевича не пожалели, а бунтовщику, что ж, лета продлим? На плаху его! И принародно! Мне уж терять нечего, а иным устрашение будет.

Екатерина отложила бумаги. Лево́й рукой зачерпнула понюшку, приложила к носу. Прочихалась. Подмигнула нарисованному на крышке табакерки Петру I. Взяла свежий листок «Санкт-Петербургских ведомостей». Тут же наткнулась на заинтересовавший ее материал:

«В императорском саду старший садовник Анклебер посеял на больших полосках пшеницу и рожь на пробу искусства своего в размножении разного сева. Сие так ему удалось, что почти всякое зерно возшло многочисленными колосами наподобие кустов. В одном из оных из единого посеянного зерна вышло 2375 зерен. В другом кусте насчитано 47 спелых колосьев да 12 неспелых, из коих один колос состоял из 62 зерен, а всех в целом в кусту 2523 зерна весом 10,5 золотника;».

Слышала императрица, будто в чистоту опытов садовника верят не все. Считают, что тут чародейство примешано. Так Андрей аж об заклад с ними бился. На все свое движимое и недвижимое имущество, «для лучшего уверения, что сие производится без всякой хитрости и подлогу». Говорят, только после столь громкого заявления злословы-то и поумолкли. Струхнули выставлять на кон свое богатство.

Екатерина Алексеевна верила садовнику изначально, потому как собственными глазами наблюдала за его экспериментами.

А хитрость у Анклебера все ж была, хоть и не чародейная. Делянку, само собой, не каждую под всходы приспособливал, какую именно, то уж осталось для императрицы неизвестно. Но, главное, он семена-то в землю не рукой и не мотыгой, а каблуками загонял. Встанет на пятки, крутанется, и дальше шажок делает. Размеренность шага, да заданная глубина, — вот и все его ухищрения. Сапоги у Андрея юфтевые, добротнo пошитые. Износил их, должно быть, на своих-то грядках не меньше дюжины... (Ведала бы она, за какую такую выручку ее предшественница Елизавета Петровна велела пошить для садовника эти самые юфтевые сапоги!)

Императрица же знала о другой услуге: статья в «Ведомостях» вышла благодаря стараниям академика Михайло Васильевича Ломоносова. А внимание Ломоносова на практические исследования садовника обратила она сама. Посему не могла не погордиться добрым делом.

«Это ж какая великая польза для отчизны выйдет, ежели мы будем с одной десятины во много раз больший урожай против нынешнего иметь!? Да к тому же, Анклебер заверяет, что и на посевные у него уходит в три раза меньше семян, опять-таки экономия пшеницы да ржи.»

Екатерина Алексеевна погрузилась в размышления о государственной выгоде и вдруг

услышала за окном истошное кудахтанье. Выглянула. Вот он, садовник, легок на помине. Стоит, прислонившись к стволу дерева. Руки на груди сложил, на лице ухмылка. А вокруг него какая-то раскрасневшаяся толстуха гоняется за ополоумевшей курицей, пытается ее поймать. Глазища выпучены у обеих: и у бабы, и у птицы. Того и гляди рухнут оземь: одна с заморенья, а другая с перепугу. Но Андрей-то хорош, нет, чтоб помочь...

Императрица велела девице-камчадалке позвать к себе садовника.

— Вызывали, Ваше Величество? — Андрей склонился в изящном поклоне.

— Что там происходит?

— Да вот, Ваше Величество, поваренок наш, Прохор, выпросил для своей матери курицу, а та вырвалась и убежать...

— Что же ты усмехаешься? Коли бетной женщины тебе не жалко, так несчастной птахе посочувствовал бы.

— Зачем же ее жалеть? Курица — птица, которую непременно съедают, либо после ее смерти, либо еще до рождения. Этой вот повезло, на свете пожила. Что же касается женщины... Я ей помощь предлагал — отказалась.

— Плохо, фидать, предлагал!

Садовник не стал перечить государыне. Ей ведь не объяснишь, что в последние полтора года Татьяна не то что помощь принимать, слышать об Анклебере не желает. В саду встретит — отворачивается. Что возьмешь с глупой бабы: вбила в башку, будто Бог ее покарал за прелюбодеяние, да за то, что от законного мужа бежать собиралась...

Государыня позвонила в колоколец.

— У поваренка такая бедная семья, таже кур своих нет?

— Нет, матушка. С тех пор, как муж этой женщины, бывший служитель конюшенной конторы, спился, очень бедно живут.

Явился камердинер.

— Послушай-ка, колубчик. Не сочти за труд приказать на кухне, штобы жене нашего бывшего конюха... Как бишь ее зовут?

— Татьяной, — подсказала Анклебер.

— Татьяне. Отныне каждое скоромное утро фыдавали по курице, да не живой, а общипанной да потрошеной...

Камердинер согласно кивнул, откланялся и удалился. Ушел и Анклебер.

X X X X X

Императрицын указ был исполнен незамедлительно. Татьяна высочайшей милости так обрадовалась, что одарила Анклебера беседою, покуда вышеописанную курицу-беглянку резали и потрошили для нее на кухне.

— Пряма при тебе сказала, Андрейка?

— Точно так! Выдавайте, говорит, Татьяне каждое утро в мясоед по курице до скончания ейного века.

— Какого века, куриного!

— Твоего, дурашка!

— Ой, батюшки! А, может, я еще долго-то проживу...

— Не волнуйся! Хоть сто лет! У государыни кур хватит!

Татьяна залилась тем смехом, который когда-то покорила сердце Андрея. Анклеберу захотелось ее поцеловать. Но нагнуться и приобнять женщину садовник не успел, та отстранилась, вмиг посуровела. И снова стали видны на ней и посеревшие от седины волосы,

и морщины вокруг глаз.

Х Х Х Х Х

Разительные перемены в облике произошли с Татьяной в ту злоторную ночь, когда она с Прохором собралась бежать в Росбах. Шутка ли, прямо при ней, да при мальчишке, бедного пруссака восемь раз пырнули ножом. А она, как помешанная, сидела и считала, — двинуться не могла. Только лицо сына к своей груди прижимала, чтобы ничего не видел.

Дело было так. В назначенный час она, в одну руку взяв узел с пожитками, другой захватив покрепче ладошку ребенка, вышла к отпертым Федором южным воротам Ораниенбаумского дворца. Там уж, как условились, в санях поджидал ее Арнольд. Анклебер выдал ему несколько шкур, да шубы для всех троих ездовых, чтоб не замерзли. Кони тронулись с места. Полозья крикнули, оторвались от ночной дорожной наледи и покатали вдоль ограды. Выехали на дорогу, что шла параллельно береговой линии Финского залива, двинулись на юг, в сторону, противоположную и Ораниенбауму, и Санкт-Петербургу. Но успели удалиться всего-навсего верст на пять...

Вначале Татьяна услышала хряск сломавшейся ветки, потом хрустающие по насту шажки, опосля увидела приближающийся к саням, силуэт: два темных овала — большой (туловище, до пят покрытое тулупом) и маленький (голова со сдвинутой на затылок шапкой-колпаком). Силуэт странно припадал вправо. Потом Татьяна поняла, — прихрамывает. Ни слова не говоря, незнакомец взобрался на козлы, от нижнего большого овала отделилась прямая линия руки, сверкнуло лезвие. Раз... Два... Три... ... Восемь. На Татьяну и Прохора силуэт даже не посмотрел. (Она бы обязательно различила в кромешной тьме белки глаз, будь те повернуты в ее сторону.) Убийца соскочил с козел и также, прихрамывая, двинул обратно, в лес.

Татьяна не помнит, сколько сидела без движения, очнулась оттого, что Прохор пытался высвободить голову:

— Мам! Я замерз. Мам, пусти!

Пареньку было семь с половиной. И откуда в нем взялась мужицкая сила? Не в смысле «телесная могучесть», но разуменье и духовная воля. Выпростался от объятий. Взял коня под уздцы, отвел его в сторону, привязал к дереву. А отерплюю Татьяну за рукав потащил обратно в Ораниенбаум.

Анклебер к полудню явился в нижние дома навестить бывшего конюхаа, поднести тому пойла, пока не протрезвел. Подозрений бояться не было нужды, Андрей по опыту знал, Осип в таком состоянии, не то что отсутствия жены не заметит, но и не запомнит, кто к нему приходил да добавки давал.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стояли сын с любовницей. (По расчетам, они должны были уже находиться на полпути к Курляндии.) Прохор подвел мать к лавке, усадил. Выбившиеся из-под платка ресницы и волосы Татьяны были покрыты инеем. Но, даже когда обморозь отошла, живая «позолота» к ним так и не вернулась.

— Дядя Андрей, нашего кучера убили. Мужик какой-то вылез из леса и с ножом на него. Хоть мамка и отвернула мне лицо, я по тени на снегу видал.

— А с вами что? — Анклебер подскочил, начал ощупывать ребенка.

— Не-а! Нас не тронул. Но мне страшно было. Мертвака я бы все равно один с саней не скинул. И с ним ехать не отважился. Привязал лошадь к дереву, в кустах, возле дороги. А сами — пешим шагом...

— Молодец, молодец, Прохорушка! — садовник захватил пацана обеими руками,

прижал к себе. И так сердце его защемило! «Вон, сын как быстро растет, уже по-мужицки решения принимает, мать из леса вывел. А меня все «дядькой» кличет! Думал, еще несколько месяцев потерплю и будем все вместе...»

Кружку с сивухой, оную для Осипа приготовил, почти насильно влил в рот Татьяне. Через полчаса та заснула, так и не проронив ни слова.

А когда проснулась, приключилась новая напасть. Протрезвевший Осип пошел к кузнецу и пропал.

Его нашли в лесу. Тело обморожено. Ноги перебиты. Кузнец уверяет. Что он здесь ни при чем. А Татьяна прямо так и сказала:

— Не надо докапываться до виновных. На все воля Божья. Осип за пьянство наказан. Я — за грехи. Теперь вместе век коротать будем. Он без меня не выживет.

Но Андрей все же опросил и остальную дворню, может, кто видел, что с бывшим конюхом-то приключилось? Никто, ничего. Лишь подмастерье у того же кузнеца утверждал, что вокруг их избы вился какой-то хромоножка. И верно, рядом с местом, где нашли Осипа тянулся необычный след: рядом с вдавленной в землю ступней шла почитай ровно отчерченная полоса.

«Опять хромой!» — резануло что-то внутри Анклебера, не один ли и тотже, зашиб, чтоб избавиться, покалечил, чтоб припугнуть... Но догадки свои он никому не выказал. Все одно никто не станет заниматься делом об увечии спившегося конюха, да и убийством пленного, пусть и бывшего, — тоже.

Татьяне предложил нанять сиделку, докторов, деньги предложил и продукты. Та отказалась наотрез.

Единственное, что позволила — перевезти ее с мужем да сыном на окраину Петербурга, в маленький домик, который своему бывшему подчиненному даровал начальник императорской конюшни. Если бы женщина узнала, кто «сподвиг» на сей добрый шаг начальника, наверное, и на домик не согласилась бы.

Х Х Х Х Х

Когда Прохору исполнилось девять лет, его удалось пристроить в ученики к придворному повару. Толк с мальчугана был покудова небольшой. Смотрел, пробовал, мог что-нибудь истолочь или замешать... Но именно в таком возрасте и нужно приобщаться к ремеслу, ежели желаешь достичь в нем хоть каких высот. А тем паче, коли намерен работать на самого главного в стране человека, — императрицу.

Сын частенько приносил в дом что-нибудь съестное. На том и существовали. Татьяна уж и не помнит, когда обновки видала, — донашивала старье, дареное, еще до попытки побега, Анклебером. Да и к чему ей были обновки-то, ежели она из дома не выходила?!

Осип, хоть и был прикован к постели, пить не переставал. Попробуй, не налей — свалится с лавки, на руках будет ползать по комнате да мебель крушить. Попадется мелкий предмет — запустит им в жену, а то и в сына. Слава Богу, Прохор все реже появлялся в хате.

Подарок государыни пришелся как нельзя кстати. Женщина наслаждалась разными блюдами: курицей тушеной, с черносливом и с яблоками, под луковым соусом, под сметанным, приготовленной на пару, по-купечески и по-боярски, в тесте и даже в пиве (точнее в мужниной сивухе, но тоже вкусно)... И Осип кушал, жаль только в пьяном угаре не мог оценить жениных разносолов.

Съедалось не все, часть хозяйка обменивала на другие продукты, тушила впрок. Хотя, понимала, «впрок» она и так обеспечена, одним императрицыным волеизъявлением.

Практикум по обольщению

Москва, июнь 2000-го года.

Насчет причастности Соловьева к краже Ольга немного успокоилась после разговора с Отводовым. Ираклий Всеволодович, даром, что конкурент Виктору по делам амурным, пояснил, что «фанатик», он же «охотник за стариной», не для того долго этот перстень выслеживал, чтобы потом своей подружке для продажи отдать. Другое дело, если на них каким-то боком крупный клиент вышел... Только тогда получается что кража перстня не связана с другими преступлениями: похищениями креста и дневника... Так что, скорее всего, это простое совпадение.

— Вы, Оленька, лучше, ежели кавалер ваш объявится, — капитан сделал особый акцент на слове «кавалер», и даже, как показалось Ольге, несколько усмехнулся, — порасспрашивайте его об этой однокласснице, давно ли камнями занялась? Что после школы делала? Закончила ли какой институт?

— Училась-то как раз в Горно-металлургическом, — пояснила девушка, потому как ответ уже знала.

— Вот-вот. А вы не заметили, на прилавке какие камни лежали, самородки, или уже ограненные... Были ли поделки из самоцветов, ювелирные украшения?

— Украшений не было, — твердо указала Лобенко и сама подивилась своей же наблюдательности. В голове все роилось, а картинка с товаром и сейчас стояла перед глазами, словно сфотографированная. — Но камни почти все ограненные, разных размеров.

— Вы мне, на всякий случай, опишите, где они стоят, как выглядят. Завтра съезжу на вернисаж, лично проверю ассортимент. Если обнаружу что-либо подозрительное, обязательно перезвоню.

Но не перезвонил, стало быть, ничего тревожного не углядел. Витька же объявился на третий после нечаянной встречи в Измайлово день. Лобенко уж и ждать перестала.

— Привет! А я в Москве. По делу, — тут же сознался он.

— По какому такому делу? — Ольге казалось, волнение в голосе выдает ее. Выждала небольшую паузу и как бы уточнила. — Детишек подопечных, что ли, на экскурсию привез?

— Ты Таньку Смирнову помнишь?

— Помню, — она выдохнула с облегчением. Теперь можно было не скрывать ни удивления, ни трепета в голосе. Соловьев ведь не идиот, понимает, что об их школьном романе было известно всем.

— Ее отец занимается скупкой и огранкой драгоценный камней и самоцветов.

— Каких-каких камней? — переспросила Лобенко.

— Драгоценных и самоцветов... Ну, не изумрудов, не боись! И не ревнуй! Ревность очень древнее и дикое чувство.

— Вот еще! С чего мне ревновать?! — вспыхнула собеседница и вот тут-то уж точно выдала свое волнение.

Разговор длился недолго. Виктор сказал, что отец Татьяны сейчас болен. Что на лечение нужны деньги. И они решили собрать в доме все камни, что остались, и поехать продавать их в Москву. А поскольку папаша сам сопровождать дочку не смог, по старой памяти, попросил бывшего одноклассника...

Ольге даже не пришлось задавать никаких вопросов. Словоохотливый и соскучившийся

по бесплатным звонкам любимой, Виктор объяснил все очень подробно. Оказалось, что помимо огранки, Смирнов-старший занимается еще резьбой. Делает статуэтки и подсвечники из самоцветов, в духе немецких бюргеров XVII–XVIII веков, — отсюда и странный наряд продавщицы... Подсвечники разошлись очень быстро, поэтому Ольга их на прилавке не видела.

Витька предложил встретиться. Правила приличия требовали пригласить и Таньку Смирнову, но Ольга колебалась.

— Давайте где-нибудь в центре. Мне сегодня в Останкино не надо. На Петровке, например, в кофейне. Напротив МУРа.

— Ну и адресочки у тебя, Лобенко! — Соловьев еще не знал о «дружбе» своей бывшей одноклассницы со следователем, потому «дикое и древнее чувство» в нем пока не кипело.

«Ежели заявится со своей первой любовью, то я под каким-нибудь предлогом вытащу с работы Отводова,» — смекнула Лобенко.

— А что, заодно Таньке центр покажем, — и осеклась, звучало как-то по-снобистски: типа, мы, москвичи, приглашаем гостей столицы на пешеходную прогулку внутри бульварного кольца...

— Эй, Оль, ты че! С какой Танькой? Или ты хочешь, чтобы у нас «свидание втроем» состоялось?

Лобенко желала было съехидствовать, мол, а ты предпочитаешь назначать randevu нам по очереди? Но промолчала. И призадумалась...

«Он неприкрыто назвал встречу «свиданием», не означает ли это, что парень рассчитывает на нечто большее, нежели просто чаепитие и просто беседа?! Хорошо еще не заявил, что желает у меня остановиться на все время пребывания в Москве, — и, про себя же, добавила. — С Танькой...» — рассмеялась, — представила, как они втроем жили бы в ее маленькой однокомнатной съемной квартирке: раскладушка на кухне, матрас на полу... Или двоим пришлось бы спать вместе, на диване. Интересно, кому это, двоим?»

Размышления прервал все тот же голос в трубке:

— Давай лучше на закрытый каток, в Ледовый дворец сходим. Что-то я по зиме соскучился.

Это было совершенно неожиданный для Ольги поворот. Когда-то, в школьной юности, она действительно неплохо каталась на коньках. И Витька должен был это помнить.

Если бы он знал, что этот вид спорта девочка осилила исключительно ради него! Он вечерами играл с мальчишками в хоккей, а она скучала. Вот и нашла повод на совершенно «законных» основаниях маячить у него перед глазами... Вначале, держась за стенки сколоченной из фанерных щитков коробки, училась просто стоять на ногах, потом шаг за шагом перемещаться по периметру, а уже через месяц лихо подрезала пацанов, и однажды даже заменила простудившегося игрока...

Но теперь... Она не вставала на коньки больше десяти лет. Как это будет выглядеть?

X X X X X

Так бывает, если долго не видишь старинного приятеля. Вспоминаешь о нем только хорошее, какие-то неяркие черты стираются из памяти, на их месте прорисовываются иные. Но все это не является реальностью. Все это твоя собственная иллюзия. Этот человек, точнее, его образ, существует исключительно в твоей голове. И поскольку мысли, как правило, идеальнее действительности, то и образ рисуется более романтичным, красивым и благородным, нежели его прототип. Соответственно, возникновение объекта в реале

разочаровывает...

Ольга Лобенко готовилась в который раз наступить на одни и те же грабли. Она ждала появления прежнего Соловьева, самого умного и самого красивого из ее прежнего круга общения. Но теперь-то ее круг сменился.

Нет, внешне он не стал хуже. Несколько возмужал, окреп, даже по сравнению с их предыдущей встречей. Ведет себя увереннее и раскованнее. Галантен.

Ольге не подошли коньки, которые она взяла в окошке проката, — он сбегал, поменял, помог зашнуровать.

Мышцы довольно быстро вспомнили все, чем когда-то владели. Всего пара кружков вдоль бортика и снова скорость захватывает дух, снова прохладный ветерок массирует щеки. Только теперь некого, да и нельзя подрезать, а Витькина рука держит не клюшку, а ее, Ольгину, руку, нежно так, за локоток...

— Так, так, не надо слишком быстро, Оль, иначе я за тобой не поспею.

— Не лести. Ты-то, небось, на наш старый добрый «Локомотив» ежесезонно ходишь.

— Хожу. Теперь уже вместе со своими учениками.

Он улыбнулся. Немного грустно.

— Знаешь, Оль, это очень-очень уныло, когда тебе еще нет и тридцати, ты еще в душе мальчишка, а тебя называют по имени-отчеству.

— А мне было бы приятно.

— Приятно только первый месяц. Потом уныло. К тому же зарплата соответствует родительской пенсии, — это печально вдвойне.

Динамики где-то вверху вначале проскрипели, потом пропищали, потом прохрипели, проклокотали, будто прокашлялись, и полилась музыка. Точнее, песня:

«Поле, поле, поле

Свежий ветер пролетел.

В поле свежий ветер,

Я давно его хотел.»

Лобенко стало немного противно. Ну, что это за мужик, который бесконечно жалуется на жизнь?! Денег не хватает, так смени работу, или халтуру найди. Всем известно, что учителя репетиторством жалованье добирают. Впрочем, он-то — ботаник. Ну кто станет у ботаника уроки брать. Из нескольких выпусков максимум один человек пойдет в жизнь по натуралистической тропе.

Нет, не соответствовал новый Соловьев Соловьеву прежнему, спортивному пацану. Гордости школьной команды, победителю юниорских соревнований. Да и просто пареньку, который каждый день приходил на занятия в свежих выглаженных и открахмаленных бабушкой белых рубашках.

Ольга брезгливо покосилась на его свитер, под мышками — катышки, как у бесхозной болонки, на локте петля поползла... «Нет, не комильфо!»

«Я сегодня не такой

Как вчера.

Я голодный, но

Весёлый и злой.

Мне-то нечего

Сегодня терять.

Потеряет нынче

Кто-то другой,» — надрывался Газманов из динамиков.

X X X X X

С тех пор как следствие перестало нуждаться, в пребывании Светланы Артемьевны неподалеку от Ольги, старушка вернулась домой, в свою двухкомнатную квартиру... Но там ей не очень нравилось. Все привычно, все знакомо, — скучотища. Да, бабулька и в самом деле была какой-то нетипичной... Обычно, с годами приходит желание остепениться, наладить что-то постоянное, ощутить стабильность, а ей не хватало приключений.

Наша неугомонная Мисс Марпл стояла возле окна и смотрела, как бережно, стараясь не проронить ни капли и разделить все поровну, разливали в ее новом-старом дворе водку алкаши. Вспомнила рассказ Ольги о том, что Лаврона, возможно, отправили на тот свет не по несчастной случайности... Они вместе собирались доложить об этом капитану Отводову. Да все как-то забывали.

Светлана Артемьевна прошла на кухню. Раздвинула створки своего старого резного буфета и достала бутылку «Русской».

X X X X X

«Посмотрите ему в глаза. Долго, секунд пятнадцать. На последних секундах слегка улыбнитесь.»

Ольга впиалась глазами в сидевшего на скамейке мужичонку. Мысленно просчитав до десяти, постаралась приподнять вверх уголки губ и продолжила счет.

«Затем сразу развернитесь и уходите. Он должен пожалеть, что не заговорил с вами. Однако через некоторое время снова пройдите мимо, как бы случайно.»

Легко написать «как бы случайно». Пожалуй, этот пункт подходит для знакомства в магазине, или на выставке. А во дворе... Что значит ходить по двору «как бы случайно»? Это же не музей!

Ольга добросовестно прочла книжку, которую ей дала Матильда. Книжка называлась «Как найти мужчину твоей мечты». Если честно, девушка не видела в этом чтении ни особого толку, ни нужды, но перед напором бывшей соседки устоять не смогла.

Это был второй этап практикума по привлечению к себе особей мужеского полу. Первый, отвечать призывному взору мужчин, Ольга освоила благодаря вынужденному наблюдению за окружающими. Теперь ей предстояло самой научиться привлекать внимание понравившегося ей кавалера.

Но начать решила отнюдь не с «прекрасного принца». Взяла пониже. Попросила у Верочки каштанового цвета парик, сделала несвойственный ей, очень яркий, макияж, и изменила-таки цвет глаз на ярко-зеленый при помощи одетых впервые в жизни контактных линз. («Взгляд всегда должен быть открытым, общение должно происходить глаза в глаза!») Посмотрелась в зеркало. Нет, парик сидит не совсем естественно. Повязала сверху бежевую косынку. В таком виде она пришла во двор, еще недавно бывший ее собственным. В тот двор, где некогда «дежурил» на лавочке алкоголик Лаврон. Собственно, с продолжателями его пьяно-сторожевого дела она и собиралась сейчас познакомиться.

Мужичков было трое. К счастью, раньше ни с одним из них она не беседовала, так что признали бы ее вряд ли. Один, самый молодой, очень даже ничего. Голубые глаза. Пепельные волосы. Не мыты неделю, но все равно вьются... Такого бы в баньку часа на два, оттуда вышел бы молодцем-красавцем. Цвет лица землистый, — печень уже сжег. Да, это поправить не так просто, как банькой. Время нужно, диета, лекарства, и, главное, полная завязка...

Ольга поняла, что рассуждает об алкаше, как о потенциальном женихе и развеселилась. Улыбка стала более искренней. И бухарик ее заметил.

Так, теперь, согласно инструкции, нужно уходить. Лобенко резко развернулась. «Стоп! И что потом, возвратиться? Повод же нужен! Повод... Повод... Повод... Ну! Давай же, придумывай, скорее! Бутылка!? Бутылка для выпивохи — всегда повод к знакомству. Точно! Дойду вот до той палатки... Нет, лучше до ближайшего супермаркета, чтобы не отравить никого. И вернусь, призывно держа ее в руках. Сами пристанут! Уверена!»

Ольга Лобенко так и поступила. Зачем, спросите вы, приличной девушке с высшим образованием понадобилось идти на контакт с синюшными поддавальщиками? Да уж, конечно, не затем, чтобы связать свою судьбу с одним из них. Просто решила не полагаться на рассказы соседки Матильды, и доблестную милицию попусту не беспокоить. Самой расспросить, что такого наговорил Лаврон перед своей смертью, что собутыльники решили, будто кокнули его в пылу бандитских разборок...

В супермаркете давали бесплатные пакеты. Но Ольга отказалась. Маленькую бутылку минералки сунула в карман. А поллитровку, родимую, обняла, будто всю жизнь с ней коротала, и направилась к заветной скамейке. Еще издали заметила: «троица» за время ее отсутствия пополнилась еще одним сотоварищем. Некая крупная фигура в длинном балахоне подняла стакан и, не чокаясь, опрокинула внутрь. Разлили еще. Здоровяк на сей раз закашлялся, отвернулся, наклонился и... незаметненько слил содержимое...

«Вот шельмец!» — подумала Ольга.

Когда до компании оставалось шагов тридцать, девушка повнимательнее пригляделась к «новичку» и глазам своим не поверила. Это был не мужик, а женщина, преклонного возраста. Это была... Светлана Артемьевна.

— Ну, земля ему пухом! — снова подняли стаканы, снова не чокнулись. Теперь уже бабуля вытащила из пакетика, стоявшего на скамейке, четвертинку соленого огурца и с хрустом надкусила.

— Так какая, мамаш, говоришь, месячина ноне? — спросил тот, что постарше, обросший бородой и с запекшейся ссадиной над бровью.

— Третья, милок, третья. Сегодня ж 23-е число. Так?

— Так! Ой, жаль мужика! Безотказный был!

— Верно! — это подтвердил средний по возрасту, с красным носом и такими же красными, словно обожженными, щеками.

— Я, бывало, и снег попрошу его на клумбу натаскать. И землю перекопать — никогда не отказывал. Ну, за бутылочку, конечно... Я страсть как цветы люблю. Клумба перед нашим подъездом — самая красивая во дворе. Не видели?

— Не! Какой там, мы все больше сидим, а не ходим!

«Понятно, сидите бухаете, где вам клумбочками-то интересоваться,» — подумала Лобенко.

— А что же у вас там, в вашем доме, своих помощников не водится?

— Ту! — бабуля махнула рукой, — Какой там. Одни лоботрясы. А Лаврон, он совестливый был, исполнительный. Сделает все честь по чести и лишнего не спросит. Царство ему небесное! — она перекрестилась, и алкоголики, кто как умел, тоже. Молоденький и голубоглазенький, тот, что приглянулся Лобенко, сделал все наоборот, наложил на себя знамение не с права налево, а с лева направо. Но, кажется, никто кроме девушки это не заметил.

Ольга успела прослушать диалог, пока проходила мимо. То, что Светлана Артемьевна забрела в свой бывший двор с той же целью, что и она сама, узнать подробности о смерти подъездного сторожа, — поняла сразу. Оценила и «повод». «Надо же, вспомнила про месячину смерти! Молодец! А еще говорят, к старости память слабеет. Нет, «старость», это вообще не про нашу «мисс Марпл». Вон как водку хлещет, половину сливает, конечно, незаметненько, но все равно молодцом!»

Еще мгновение Ольга прикидывала, нужно ли ей вступать в завязавшийся разговор. Решила, что не нужно. Прошла мимо. «Избранник» даже головы в ее сторону не повернул. Вот и верь потом всяким ученым книжкам! Впрочем, в выданной Матильдой «инструкции» была оговорка, «прием может не сработать, если сердце мужчины занято». У этого мужчины сердце, безусловно, было занято. И девушка это знала с самого начала. Он ведь алкоголик. А у алкоголика может быть только одна любовь — к бутылке.

Ольга сделала еще несколько шагов, а потом свернула, вроде как к подъезду, на самом деле спряталась за угол и стала подслушивать дальше...

— А что следователь-то говорит? — подступала бабушка к сути своего визита. — Отравился наш Лаврушенька, али как?

— Следователь-то говорит, что отравился. Только сказки все это! Тут большие деньги замешаны! Как же, будет с бандюгами милиция связываться! Сами, небось, бояться! — тот, что был средних лет потер свой красный нос, и нос стал еще более ярким, практически алым.

— При чем здесь деньги да бандиты! — Светлана Артемьевна расширила свои черные глазищи, — изумление получилось убедительным.

Из подъезда вышла женщина с черным карликовым пуделем на руках. Осуждающе посмотрела на собравшихся. Спустила собачку на землю. Пуделек посеменил за угол и наткнулся на Ольгу. «Засада раскрыта. Пора выходить из тени,» — решила она.

Тут-то и пригодилась припрятанная в кармане минералка, помочила в ней пальцы и слегка подпортила макияж вокруг глаз. Плеснула в ладошку, потом на щеки... Сделала решительный шаг вперед:

— Ы-ы-ы! — она лихо размазывала влагу по лицу. — Паршивец! Ублюдок! — подошла к скамейке и жестом показала, что просит собравшихся подвинуться... Те оторопели.

— Подвиньтесь!

Подвинулись.

— Стакан есть?

— Нет.

Светлана Артемьевна тряхнула головой, будто пыталась протрезветь. «Признала, но не совсем, — догадалась девушка. — решила, что мерещится.»

— А, не надо стакана, я и из горла сегодня могу! — лихо крутанула пробку и отхлебнула горькой. По телу тут же прошла теплая волна.

— Вот ты, бабуль, меня, как женщина женщину, поймешь! — Ольга пристально посмотрела в глаза своей великовозрастной подруги и подмигнула. До той, наконец, дошло, что это никакой не глюк, а загримированная Ольга Лобенко собственной персоной. — Я в поликлинике работаю, медсестрой. Сутки через трое дежурю, от звонка до звонка. А сегодня пораньше с работы отпустили. Явилась домой — а он, подлец, соседку лапает! — Ольга спохватилась, что говорит об измене «его» слишком спокойно и, сморщившись, добавила несколько вдохновенных всхлипов. — Ы-ы! Ы-ы-ы!

Светлана Артемьевна сочувственно закивала головой:

— Ой, понимаю! Я своего деда, когда тот еще молодой был, тоже однажды поймала.

— И что?

— А ничего! Сквородой огрела. А потом сама же первую помощь оказала.

Мужики заржали. Они уже были совсем хорошие, пили-то честно, ничего не сливая. Да и не первая это была у них пол-литра за сегодняшний день.

— А ты откуда, из этого подъезда, что ль? Что-то мы тебя не припомним. Может, красавца твоего знаем? — поинтересовался молоденький. — Хочешь, отомстим?

Лобенко перепугалась. Она не понимала, как собирается «мстить» этот голубоглазенький: морду бить, или «рога» с Ольгой наставлять? Первое делать некому, а второе — абсолютно ни к чему. Интересно, а он помнит еще, как я на него смотрела?

— Не-е! Я не здесь живу, вон за тем домом. Я как эту курву увидала, — дверью хлопнула и бежать. Возле магазина опомнилась. Думаю, надо как-то... забыться. Зашла, купила. — Девушка указала на бутыль. — Ы-ы-ы! — вспомнила она про необходимость всхлипнуть и снова глотнула прямо из горлышка.

— Ну ладно! Ладно! Не реви! И закусывай! — старушка подвинула ближе к Ольге пакетик с огурцами. — Мы тут, между прочим, о деле говорили.

— И по делу собрались, — добавил голубоглазенький с нарочитой серьезностью. — Сегодня три месяца, как нашего дружбана кокнули.

— Как дружбана звали, — Ольга шмыгнула носом, будто втянула в себя наворачивающиеся слезы.

— Лаврон.

— Помянем Лаврона, — девушка опять отхлебнула.

— Да закусывай, закусывай, ты! — всерьез забеспокоилась Светлана Артемьевна. Лобенко отправила в рот четвертинку соленого огурчика.

— Это было еще зимой, — начал старший из алкоголиков.

— Да, нет! Весна уже начиналась. Я помню, что машина эта окатила нас с Лавроном водой из лужи, когда уезжала, — возразил средний.

— Ну, не важно, то ли оттепель во время зимы, то ли ранняя весна. Снег еще лежал. В этот день в этом вот подъезде кого-то ограбили. Милиция приезжала.

Ольга со Светланой Артемьевной переглянулись. Черный пуделек подбежал, понюхал их пакетик с солеными огурцами.

— Джек, Фу! — закричала на него хозяйка. И одарила собравшихся очередным недобрым взглядом.

— Лаврон пил-пил, но память-то не пропил, — продолжал мужик с запекшейся ссадиной. — Цифры номера запомнил. Цифры были «крутые», ну, то есть, очень простые. Типа сто или двести... И буквы в слово какое-то складывались, типа «гав» или «тяв». Но у меня все равно вся эта математика из башки через пять секунд выскочила. А Лаврушечка припомнил. Потом. В подъезд курьерша шла, бесплатные газеты разносила. Мы попросили одну, селедочку нужно было на чем-то порезать. И вот аккурат под пятном, расплывшемся вокруг отделенной рыбьей головы, обнаружили мужика. Ну, в смысле, фотографию мужика. Скандал какой-то вышел. Вроде как охрана этого деятеля журналистку побила... Деятель, понятное дело, от комментариев отказывался, лицо руками прикрывал. Его щелкнули, когда он уже в машину садился...

— Этот, что ли, деятель тогда в наш двор заезжал? — не выдержала долгого рассказа

Светлана Артемьевна.

— А я почему знаю, этот или не этот...

— Так к чему тогда рассказываешь?

— А машина точно эта была! Я ж говорю, Лаврон номера запомнил. И мы решили с мужика на бутылку денег содрать. По пьяни, конечно, решили. На трезвую голову такое бы не пришло. Лаврон, голова светлая, фамилию, должность подсмотрел, откопал где-то телефон. Позвонили. Секретарша, естественно, спрашивает, что нам надо. А мы: «Передайте, что это с такой-то улицы, с такого-то дома, и что у нас конфиденциальная информация для вашего босса.» С минуту в трубке что-то потрещало, а потом соединили.

— Не уж-то! — старушка от удивления хлопнула себя по коленке.

— У Лаврона язык заплетался, он, когда пьяный был, всегда слова путал. «Я, — говорит, — знаю, что маша ваша в нашем дворе делала.» Представляете, «маша ваша», — и он захохотал и тоже стукнул бабушку по коленке.

— Ну, а деятель-то что?

— Что-что! Не пойму, говорит, об чем речь. А Лаврон «об обрамлении», — снова захохотал. — Прикинь, «об обрамлении». На том конце переспрашивают, «о каком обрамлении»? Он поправился. О краже, говорит. И в ответ — тишина. Через паузу: «Все равно не можем вас понять!» И повесили трубку. А потом появился человек и стал угрожать: если кому про машину с таким-то номером взболтнешь, — уберем.

— Так, может, деятель, к кому в гости заезжал? — предположила Ольга Лобенко. Изображать рыдания необходимость уже отпала, и ее голос стал для Светланы Артемьевны совершенно узнаваем.

— Щас! Такие важные персоны да в гости, в наш-то дом! Из машины тогда выходил шофер только. Но и он не на чай прошествовал. Быстро вбежал в подъезд. Домофон открыл своим магнитным ключом. Обратно выскочил через минуту. В руках нес кепку. Такую четырехугольную, типа маленькой ушанки, но с козырьком. И мех такой коротенький. Не знаю, как он называется, на лошадиную шкуру похож.

— Нерпа, — помогла Лобенко. Алкаш посмотрел на нее с почтением.

— Ну, наверное, я не в курсе. И цвет у меха странненький. Такой зеленоватый, грязный...

— Болотный?

— Чево?

— Болотный, спрашиваю, цвет?

— Ну, наверное, болотный. А слева от козырька желтое пятнышко, словно проплешина. На крыльце этот молодец с кепкой-ушанкой в руке остановился. Вытащил из кармана связку ключей. Дернулся было назад, но передумал, — прыг в машину и смылся.

— Спешил?

— Я ж говорю, стартанул так, что нас водой из лужи окатил.

«Русская», которую принесла с собой Светлана Артемьевна, закончилась и порядком окосевшие мужики с вождением воззрились на бутылку, что была в руках у Ольги. Девушка не стала жмотничать. Разлила остатки поровну, не забыв оставить и кое-что на доньшке, для себя.

Бабуля смотрела на девушку с уже нескрываемым осуждением. Вначале у той поблескивали глазки, потом заплетался язык. А теперь уж она и сидела как-то неустойчиво. «Пора разговор сворачивать,» — решила старушка. И перешла к самой сути вопроса:

— И все равно. Машина была во дворе в один день, дружка вашего отравили в другой...
Какая связь?

— А такая, в день отравления эта машина снова во дворе появлялась, и водила выходил, с Лавроном разговаривал, — вмешался голубоглазенький.

— Мало ли о чем они говорили.

— Вот в этом-то и главная загвоздочка, — повел плечами обмороженный. — Лаврон потом хвастался, что отступную ему спиртным заплатили. Но с нами той бутылью не поделился, говорил, больно хорошая.

— Так в милицию нужно пойти, рассказать, как оно все было, — справедливо рассудила бабуля.

— Кто нас там будет слушать, в милиции? К тому же, говорю ведь, у Лаврона память была ого-го-го! А у меня так, пшик один, — нос среднего возраста пьянчужки окончательно посинел. — Ну помню, что «иномарка» была, ну черная, ну с простым номером.

— А фамилию, фамилию фирмача не запомнил?

— Где там! Я ею даже не интересовался.

Ольга в этот момент как-то странно прильнула к стене дома, прикрыла глаза, а ноги сами собой поехали куда-то вперед. Светлана Артемьевна схватила девушку в охапку:

— Ну, кажется, нам пора.

— Эх бедняжку с нервов-то развезло! Да пусть дамочка проспится, мы ей целую скамейку уступим, — старший выразил общее мнение, и алкаши с готовностью приподняли свои пятые точки. Видимо, им понравилось женское общество и расставаться с компаньонками не хотелось.

У Ольги безвольно висели руки и голова болталась где-то на уровне груди. Светлана Артемьевна поправила одну руку так, чтобы она оказалась у нее на шее.

— Идем, идем, горемычная! Ко мне домой идем! Тебе сейчас к себе нельзя!

Ольга на секунду открыла глаза. И Светлане Артемьевне показалось, что та удивилась, не спятила ли бабуля, помнит ли она, что съехала из этого двора.

— Бабуль! Давай-ка мы поможем тебе барышню донести! — предложил младшенький из алкоголиков. И девушка вдруг очнулась. Открыла глаза и испуганно замотала головой:

— Не-е-е не надо! Я сама могу и даже силилась сделать несколько некрепких шажков.

— Не беспокойся, милоч! Мы неспеша как-нибудь доковыляем! — отказалась от помощи и Светлана Артемьевна.

Троица провожала сплетенные фигуры бабушки и девушки помутневшим взглядом, пока те не скрылись за обросшим кустами забором детского садика...

Ольга действительно старалась подволакивать за собой непослушные ноги. А потом и вовсе выпрямилась, да зашагала почти ровно. Светлана Артемьевна аж руками всплеснула:

— Ну и артистка!

— А сами-то сами! Думаете, я не видела, как вы водку из стакана в клумбу сливали. Если бы наши компаньоны это безобразие углядели, вас бы на клочки порвали! Этакое расточительное варварство!

— Куда идем? Съемной-то квартиры у меня здесь теперь нет!

— В метро, конечно. Только я есть хочу. Давайте в какую-нибудь кафешку по пути заскочим.

Так и сделали. Умяв блюдо с горкой «Цезаря», Ольга окончательно «протрезвела»:

— Фуражка, ну, то есть, та самая четырехугольная кепка-ушанка, что шофер политика

из подъезда выносил — Саша Вуда. Он всегда в такой ходил. Можно, конечно, предположить, что это всего лишь совпадение. Но, думаю, шофер приходил, чтобы замести улику. Видимо, Вуд головной убор в моей квартире во время кражи оставил.

— Тогда становится понятно и то, почему вор дверь открытой бросил, хотя у него ведь дубликат ключа был.

— Ну да! Получается, что Вуд дверь-то закрывал. А вот шофер, в спешке, забыл. Помните, наши с вами собутыльнички говорили, он из подъезда вышел, достал из кармана какие-то ключи, дернулся было назад, но передумал.

— Только откуда у Вуда водитель на посылках? — Ольга окончательно запарилась. — Ой, Светлана Артемьевна! Сниму я уже весь этот маскарад!

Она стащила косынку и парик, взъерошила пятерней собственные белые волосы.

Дар императрицы

Санкт-Петербург, 1765-ый год.

Прошло полгода. Каждое воскресенье Татьяна ходила в церковь, била челом о каменный пол — вымаливала доброй государыне долгие лета во здравии. Дома благодетельницу поминала едва ли не ежечасно. А то, иногда вообразит, будто Екатерина к ней в гости пожаловала, сидит в углу, на скамейке, — так и на жизнь ей жаловалась, на горькую бабскую долю, на пьяного мужа, да на безденежье. И стало ей казаться, что они с Екатериной Алексеевной давным-давно в дружбе состоят.

Задумала она по-приятельски передать «другине» баночку крыжовенного варенья. Благо отменно его готовила. Был у нее один секрет, как сохранить ягоды целыми, не разварившимися: она каждую крыжовинку сбоку надрезала, тогда кожура при кипении не лопалась. А чтобы цвет не «выгорал», оставался ярко-зеленым, варенье нужно было как можно быстрее снять с огня и остудить. Для тонкого аромату в сахарный сироп бросались несколько листиков вишни.

Проخور говорил, что нет ничего вкуснее мамкиного крыжовенного варенья. Но отнести сей презент на императорскую поварню и попросить кого-либо из старших передать Катерине Алексеевне отказался, застенялся, видимо. Татьяна надула было губки, а потом, махнула рукой:

— Была — не была! Попрошусь пройти к сыну, а там уж как-нибудь исхитрюсь баночку государыне подсунуть.

Что руководило женщиной в этот момент? Не понятно! Потом она скажет, то был рок, судьба. Анклебер, когда узнает, рассудит приземленнее: «Скучно стало бабе, захотелось развеяться, посмотреть на царские хоромы, оторваться от своей нищенской повседневности.»

Она неделю готовилась к визиту. Пришлось надставлять по бокам любимое голубое платье, в которое уж больше пяти лет не могла влезть. Весна в этом году выдалась жаркая. Накидка, к счастью, не понадобилась.

Х Х Х Х Х

22 мая 1765 года.

Стражник на посту был незнакомый, видно, недавно заступивший на службу. Он окинул Татьяну пристальным и недоверчивым взглядом. Рассказ про сына-поваренка и про великую нужду видеть его выслушал, но пройти к кухне не дал. Велел подождать возле сторожевой будки.

И то правда, вид женщины внушал подозренье. Мало того, что платье изношенно, так еще и с лица бледна. (Это она от страху-то.) Бает, что к сыну пришла, а у самой на уме явно какая-то каверза припасена. Да и, ежели б к сыну, что ж тогда с южной, ближней к государыневым хоромам, стороны явилась, а не со стороны сада?

Татьяна пристроилась в тенечке. Поставила рядом плетеную корзинку (баночку варенья в ней она прикрыла тряпицей) и, дабы нутро от трясуности утихомирить, стала рассматривать дворец, да площадь пред ним. Сосчитала белоснежные колонны на розовом фоне парадной части, — восемь шгук, меж ними, соответственно, семь арок. Похожей колоннадой украшены каждый из четырех флигелей. Бывало, Татьяна с мужем жили при дворце, но так долго и так пристально она его еще ни разу не рассматривала, времени не

было, да и заботы водились иные...

Площадь пустынна и раскалена от лучей солнца. Не то, что людей, сухого листика, сломанной ветки на ней не узреть — все выметают. Видать, дворник здесь порадетельней нашего Федора будет!

Подкатила роскошная красного дерева карета, запряженная четверкой лошадей. Стражник вытянулся по струнке. Карета уже успела проехать вперед, когда кучер резко натянул поводья:

— Тпру! Зачем приказали остановить, барин?

Но ответа не последовало. Вместо ответа приоткрылась дверца, на землю ступила нога в белоснежном чулке и лакированной черной туфле, затем показался и сам «барин» в лазоревом сюртуке и шитом серебром камзоле. Вокруг ворота белой муслиновой рубашки задрапирована черная лента «отшельник». На голове — парик с длинным хвостом и треуголка. Татьяна взгляделась в черты лица и ахнула:

— Батюшки! Андрюша, ты, что ль?

— Зачем ты здесь? С чего такая бледная? С Прохором что приключилось? — подскочил Анклебер.

Татьяне стало неловко и за свой наряд, и за глупую идею подарить государыне крыжовенное варенье. Хотела было набрехать, как давеча стражнику, мол, к сыну пришла. Но, с другой стороны, кто, ежели не садовник, доставит подношение императрице. Прохор участвовать отказался, а иных знакомых во дворце у нее теперь нет.

Анклебер выслушал бывшую любовницу не без иронии, но просьбу обещал исполнить. Честно говоря, не дичись его Татьяна последние два года, не чурайся его помощи, он вряд ли пошел бы теперь у ней на поводу.

— Ты ступай, — женщина оглянулась на карету, — то бишь, едь. Я тебя здесь подожду. Хочу знать, примет ли государыня подарок?

Благодетель несколько смешался, в его планы не входило нести варенье незамедлительно. В душе пребывала уверенность, что императрица отчитает «незадачливого посыльного», а в такой приятный, погожий день, как ныне, не хотелось получать взбучку. С другой стороны, лишние мгновенья общения с Татьяной и, если повезет, возможность примирения с ней, — разве это не стоит рядового жученья от Ее Величества? Государыня отходчива, позлится и перестанет.

— Зачем же здесь ожидать? — Андрей вышел чрез ворота, протянул даме руку, повел к карете.

Мимо стражника, по-прежнему стоящего во фрунте, женщина проплыла, затаив дыхание и опустив глаза. «Ну как, все ж осмелится не пущать!» Но уже через долю минуты, поставив ногу на облучок, да так, чтобы из-под платья не проглядывал обшарпанный нос туфли, надменно повела в его сторону голубыми очами. «Знай, у нас при дворе не токмо поварята в заступниках пребывают.»

— К оранжереям, — велел садовник кучеру, потом обернулся к спутнице. — Посмотришь мои новые апартаменты. Ты ведь в них не бывала?

Она робко пристроилась на край обитого бархатом сиденья, украдкой погладила переливчатую обивку боковины.

— Ты откудава такой напыщенный, Андрейка?

— Был на одном собрании.

— В Академии? — Татьяна не понимала чем конкретно занимается сие учреждение, но

садовника частенько туда вызывали, стало быть, чем-то занимается...

— В Академии. Там было много знатных вельмож. Договорились образовать «Вольное экономическое общество».

Женщина испугалась. «Вольное»?! Произвольничать, что ли будут? В разрез государственному указу действовать? Ох! А, может, и того хлеще, бунт затевают?! «Волю давать — добра не видать», — тут же припомнила она частую поговорку пропойцы-мужа.

— Будем поднимать народ на великие свершения. Только то покудова тайна. Смотри, не проболтайся!

«Великие свержения»? Ну, точно, бунт! Татьяна раскраснелась от свалившейся на нее ответственности и от ужаста, что посвящена в государственный заговор. Как он сказал, «много знатных вельмож»? Ну, да! Любой бунт денег стоит. Эти богатеи скинутся и станут, бережно, считая каждую копеечку, спускать свои капиталы на подрывные для россейской государственности предприятия, — потому общество и «экономическое». Ох, матушки, ох, батюшки! Что ж теперь будет-то?

Далее ехали молча. Обогнули дворец с правой стороны, по набережной Фонтанки объехали пристройку большого галерейного зала и придворную церковь. Чрез мост миновали Мойку. Вдоль набережной тянулись аккуратно постриженные по конической форме деревья, будто гигантские сахарные головы. Возле одной из них виднелась одинокая женская фигура в дымчатом платье, с гроздью сирени, приколотой к корсажу. У ног дамы крутилась белая собака.

— Императрица?! Вот так удача! Может быть, прямо сейчас к ней и подойти, лучший момент я вряд ли сыщу, — справедливо рассудил Анклебер. — Повезло тебе, Татьяна, ответ государыни из первых уст услышишь. Только сиди, здесь, не высовывайся! (А про себя добавил: «Даже ежели владычица взъярится».)

Садовник приказал кучеру остановить лошадей. Взял в руки корзинку с вареньем и, глубоко вдохнув, вышел.

Татьяна обомлела. Слова бывшего возлюбленного она растолковала по-своему: «Не высовывайся!» — боится, что я его выдам, вместе с его бунтарским сообществом. А может, наоборот, не молчать, может броситься пред матушкой-заступницей на колени, открыть ей всю правду? Чувство преданности законной правительнице и заочной «другине» теснилось в ее душе с остатками привязанности к любимому мужчине, отцу ее ребенка. «Бунтовщик» тем временем приблизился к Екатерине.

— Ваше Величество! Вас послала сама судьба!

— Што такое? — дуги бровей в удивлении поползли вверх.

— Одна особа, за невнимательность к оной вы меня некогда совершенно справедливо отчитали, и которой вашей щедрой милостью было даровано право получать ежедневный провиант от царского двора, шлет вам поклон, — Анклебер согнулся до земли. — И маленькое подношение, — откинул белую тряпицу, достал банку, покрытую промасленной бумагой. — Да нижайше просит не гневаться на нее и на меня за подобную дерзость.

Без сомненья, момент удачный, — самодержца не то что не разгневалась, но, напротив, просияла:

— Спасибо! Я не менее рада нашей нечаянной фстрече. Не соизволишь ли испить зс мной чаю? Отпусти кучера.

Садовник изумился предложению и на миг задумался, как поступить с Татьяной. Проницательная государыня обратила внимание на сие замешательство, повернула голову в

сторону кареты. Занавеска в окне дернулась. Екатерина Алексеевна просияла еще пуще:

— А где же сама женщина, которая перетает мне презент?

Тут уж и Анклебер запунцовел, от смущения:

— У меня в карете дожидается.

— Приведи же ее сюда. Испьем чаю втроем, — и, дабы объяснить свое панибратство, хитро сощурившись, примолвила. — Я ведь знаю, где ты сейчас был!

Татьяна все слышала. «Нет, не даром я молилась ангелу-хранителю, не оставил он меня в трудную минуту. И государыню не оставил. Императрица в курсе заговора! Но, коли так, почему она ласкова с садовником? Почему не велит его схватить? Али стража далеко, не услышит?» И тут ее прошибло холодным потом: «Батюшки, да Катерина Алексеевна считает меня его сообщницей! А чай пить зовет, потому как мнит, будто варенье — отравлено! Думает, мы в последнюю минуту откажемся его пробовать, чем себя и выдадим.»

Женщина колобком выкатилась из кареты и бухнулась самодержице прямо в ноженьки:

— Не вели казнить, благодетельница! Никакого злого умысла в себе не ношу! Напротив! Ежедневно и всею ночью молюсь о здравии и процветании Вашего Величества!

Императрица расхохоталась до слез.

— Так уж и всею ночью! А почиваешь-то когда, красавица? Ну, вставай, вставай с колен, мне и впрямь поговорить надо, не до аффектов тут...

«Не поверила! — поняла Татьяна и грустно поплелась следом. — Ну, знать, судьба такая! Убегать уж поздно.» Ее уныние прочувствовала белая борзая, подбежала. Заглянула в опущенные глаза и в утешенье лизнула руку.

Анклебер же вел себя на зависть спокойно:

— Если не секрет, откуда Вашей светлости известно о нынешнем собрании?

В ответ лукавое молчание.

— А, понимаю! То, должно быть, граф Григорий Орлов проболтался?

«И Орлов с ними? Поговаривают, Петра-то как раз он свергал. Неужто теперь против своей любви выступит?»

— Расскажи Андрей, кто акромя тебя да Гриши яфился?

— Барон Черкасов, граф Роман Воронцов. Среди людей ученых: философ Теплов, химик Леман, ботаник Фалк...

«Что ж он ей прямо-таки всех и закладывает!»

— Очень важное дело затеяли. Молодцы! Еще батюшка Петр I полагал, што нашу экономию надобно приводить в лучшее состояние, и это будет главное средство к приращению народного благополучия.

Последнюю фразу Татьяна от волнения не разобрала. Но это и не главное. «Катерина Алексеевна, должно быть, просто время вольнит, пока до дворца дойдем, где стража, где нас схватят. А коли хвалит Андрейку, так, значит, насмехается».

— Мы уж и план, устав продумали. Недельки через три доработаем окончательно, а там и Вашему Величеству на утверждение представим.

— В Ефропах, а именно, во Франции, потопная практика уж лет пятнадцать как существует. Они себя «энциклопедистами» кличут и фсем миром составляют «Словарь наук, искусств и ремесел». Ужо томов десять собрали. Мне о том Дидро писал, кстати, он сопирательство и затеял. Прежде хотел просто перевести англицкую энциклопедию, но опосля справедливо рассудил, своя-то лучше.

— Я слышал, не все гладко у мыслителя с сиим словарем...

— И не говори! Прафительство шибко противится. Они уж и печать запрещали, и цензуру вводили... Не везде такие добрые косудари, как я здесь, в России... — Екатерина самодовольно поджала губки. Анклебер и Татьяна остановились и почтительно присели, склонив голову. — Но мы пойдем тальше! Мы не токмо книжки писать будем, мы будем насаждать все новое и полезное в кашдом хозяйстве. Когда указом принудим, когда предметной помощью. Почему б тебе, Андрей, не поделица с земледельцами секретом выращивания многоглавых колосьев? Ежели понадобится — мошно закупить и раздать проверенные семена.

— Отчего ж не поделиться — поделюсь.

За разговорами собеседники проследовали обратно, за речку, уже не через мост, а через крытую деревянную галерею, с оной открывался вид на украшенный лепной скульптурой и гербом покойной Елизаветы Петровны парадный фасад дворца. Миновали потешную площадь, партерный цветник с крокосами и фонтаном посередине. Поднялись по ступенькам лестницы.

— Приготовь-ка нам чайку и подай к нему это вот варьенье, — приказала Екатерина подоспевшей девице-камчадалке. Девица взяла борзую за широкий зеленый ошейник с вышитым на нем золотом двуглавым орлом без короны и увела. Собака виновато обернулась в сторону Татьяны, та ей подмигнула, мол, ну что ж, остаюсь здесь без твоей поддержки.

Пока накрывали на стол, в специальной чайной зале, государыня предложила гостям присесть на кушетку.

Татьяна начала понимать: что-то в рассуждениях о новом обществе она истолковала не верно. Вольное-то оно, вольное, и даже, в некотором смысле, крамольное. («Не даром же во Франции подобное силятся обуздать!») Но Катерина Алексеевна почему-то еного общества не боится, и даже обещает взять под личную опеку. И уж, совершенно точно, не собирается немедля их с садовником отправлять в каземат!

Андрей продолжал беседовать с владычицей, а женщина, немного осмелев, принялась разглядывать чудной столик, на который прислуга успела выставить белые фарфоровые чашки, позолоченные изнутри, и с рисованными цветами на боку.

Столик был необычен тем, что на его резной столешнице загодя обозначались места для приборов: восемь маленьких круглых углублений. Еще один круг, поболее, — по центру. А между ними — ну просто кружева, выточенные из дерева, — такая тонкая резьба.

В середину поставили самовар с заварочным чайником на макушке, сливочник и сахарницу. На один из свободных кругляков водрузили большую тарелку на высокой тонкой ножке, с сухими; пирожными, маленькими коричневыми кругляшками с шоколадным бешамелем в дыре посередине. Варенье переложили в три малюсенькие мисочки и определили им места вблизи каждой чайной пары.

Когда уселись за стол, императрица обратилась к Татьяне:

— Тфой муж конюхом у нас был? — та кивнула, память государыни ей потрафила. — Вот скажи-ка, он соломенную подстилку в стойлах один раз использовал или многожды?

— Многожды.

— А как часто ее профетривал?

— Не могу знать, Ваше Величество, — у женщины аж испарина на лбу выступила, не то от горячего чаю, не то от вопросов императрицы.

— Та оно и не важно, — махнула рукой Екатерина Алексеевна. — Потому как никто не мошет сказать, сколько раз профетривать подстилку прафильно, и когда пора менять. А вот

ежели ученые мужи из «Вольного экономического общества» шпалмейстеров на этот счет опросят, та лучшую вариацию просчитают, — солома зазря тратица не будет, и лошади довольны останутся.

Доступный пример навел окончательный порядок в Татьяниной голове. Никакой не бунт намечал Андрейка, да его «знатные вельможи»! Заглотнула побольше воздуха и отважилась-таки спросить:

— А почему общество так называется?

— «Вольное», — ответил Андрей. — Потому как войти в него может каждый.

Жена конюха совсем осмелела:

— И я?

— И ты, коли сможешь привнести какую пользу. А «экономическое» — ибо действия сии должны способствовать экономии в государстве, обогащению, как всей Руси-матушки, так и каждого человека в отдельности.

Екатерина Алексеевна зачерпнула ложечкой большую крыжовенную ягоду в сахарном сиропе:

— М-м! Вкуснотища! Андрей, ты проповал? Фо рту тает! А ягоды, ягоды-то, точнис исумрудины! Кажется, я знаю, какую пользу может привнести Татьяна. Она мошет обучить поваров готовить такое чудное варенье. Если уж не во Всей Руси, так, по крайней мере, на моей поварне. Фозьмете ее в общество?

Садовник улыбнулся:

— Возьмем!

В комнату залетела пчела, стала кружить над тарелкой с пирожными. Андрей отогнал ее накрахмаленной салфеткой. Пчела переметнулась на варенье.

— Прочь отсюда. Этакую фкуснятину мы и сами съедим. Кстати, вам для герба общества жалую свою личную эмблему: пчелы, приносящие в улей мед и надпись... Одно только слофо: «по-лез-ное»!

— Восхитительная идея, спасибо, Ваше Величество!

— Боле того! Дабы ни у кого не было сомненья в государственной опеке вашего начинания, над гербом разрешаю поставить наш императорский двуглавый орел. Выбрали ли фы ныне председательствующего?

— Как же! Выбрали, Григория Орлова!

— О! Так ты ему о нашей беседе ничего не сказыфай, а то обидится, что не с ним первым переговорила.

Императрица встала из-за стола. Сие могло означать только одно: чаепитие окончено. Гости тоже повскакивали со своих мест и уже готовы были откланяться, но Екатерина Алексеевна остановила их движеньем руки:

— Я сейчас фернусь.

И, действительно, через пару минут вернулась. На ее руке сиял серебряный перстень с изумрудом — точь-в-точь крыжовенная ягода. Екатерина тут же сняла кольцо и протянула его Татьяне:

— Восьми! Это мой подарок. Успешный и светлый день сегодня для России. Пушай и тепе этот перстень удачу принесет!

Анклебер и Татьяна спустились с лестницы, идущей в сторону потешной площади. Женщина спохватилась:

— Эх, пирожных так и не попробовали!

— Пойдем в мои апартаменты, велю принести таких же!

— Нет, Андрейка, не могу, прости! Долго дома отсутствовала. Осип, должно быть проснулся и крушить все начал, — женщина любовалась новым подарком от государыни на своем пальце.

У садовника будто льдина на сердце таять начала, по горячей груди полилась тонкой холодной струйкой. Заговорила с ним Татьяна. И не просто заговорила, а ласково. Может, и впрямь теперь отношения наладятся!

— Возишься ты с Осипом, как с малым дитем!

— А как же, он малое дите и есть! Сам рассуди: ходить не может, смыслить уж тоже ничего не смыслит.

— Так найми ему сиделку.

— Не могу, во искупление прежних грехов, я должна выполнить свой долг до конца.

— Не томи! Ты свой долг желаешь исполнить, так и мне позволь. Я ж Прохору — отец. Вон, Екатерина Алексеевна, государыня... Все, кто рядом с нею находился, должны быть счастливы уж от одного этого. Но она своих подданных не забывает: Орлова сделала графом, Понятовского — королем Речи Посполитой. Я хочу, чтоб и ты со мной жила, как царица, ни в чем нужды не знала. А коль не желаешь со мной, так и без меня, но все одно, как царица!

Татьяна подняла глаза вверх и увидала во встречном взоре садовника крайнее отчаяние, сжалилась. Притянула его голову за полы парика, чмокнула в лоб:

— Хорошо! Жди на следующей неделе, в четверг, нас с Прохором в гости. Да пирожные приготовь!

Садовник ополоумел от счастья:

— Как же! Куда же? В апартаменты при оранжереях ждать, али на Садовой?

— На Садовой, — крикнула Татьяна, уже удаляясь.

Екатерина Алексеевна наблюдала за парочкой из окна второго этажа. Вот и наступил момент, она рассталась с любимым перстнем.

«Придет час, изумруд сам укажет, в чьи руки пожелает быть переданным. Не беспокойтесь, это может произойти не скоро. А когда произойдет, вы о своем подарке жалеть не станете, просто почувствуете: пора. И отдадите со спокойным сердцем. Вам кольцо к тому времени великую службу сослужит...» — вспомнились слова брильянтщика Позье.

Точно, так оно и есть. И на сердце легко, и службу ей перстень великую сослужил. А, может, просто повезло? Кто теперь знает! Екатерина видела, как возле круглой клумбы с крокосами ее недавние собеседники остановились, о чем-то поговорили и разошлись в разные стороны, кажется, весьма довольные. В последний момент, покуда те не успели скрыться из виду, она осенила Татьяну и Анклебера крестным знаменем, затем пошла заниматься государственными делами.

Не было бы счастья...

Москва, июль 2000-го года.

Ираклий Отводов был просто взбешен их самовольной выходкой:

— Что за маскарад устроили?! А если бы Лаврон был не алкашом, а головорезом, вы бы и в банду затесались?!

Ольга безотрывно смотрела на белую орясину, которая ходила над ее головой, едва не задевая макушку.

Капитан, чье звание, здесь, на яхте, звучало весьма двусмысленно, объяснил, что она, орясина, имеет конкретное название, но Ольга не запомнила, какая-то производная, не то от слова «грохнуться», не то от слова «свалиться». Предназначалась эта балка для крепления нижнего края паруса.

Они плыли на белоснежной яхте по Клязьменскому водохранилищу. Яхта называлась «Три толстяка», в честь своих трех хозяев, немолодых и довольно упитанных мужчин (судно было куплено вскладчину). Один из них, рыжебородый Жорик, старинный приятель Отводов, как раз сейчас и правил шлюпом. Ираклий с интересом следил, как Жорик отвязывает один канат и привязывает другой, крутит опущенной в воду палкой (вроде бы, она называется кормовым рулем) и ловко, одним махом, подставляет косое полотнище (с красивым названием «Бермудский парус», — это Ольга запомнила) под фронт ветра. Кажется, Ираклий разбирался во всех этих премудростях. Иногда даже подменял друга, когда тот не поспевал.

«Как вы судно назовете, так оно и поплывет...» «Три толстяка» шли медленно, переваливаясь с борта на борт, тяжело перекачиваясь с волны на волну. Каждый пронесшийся мимо водный мотоцикл, повергал его в такое болтание, что, казалось, пассажиры вот-вот будут сметены с бортов, как деревеньки с боков «помилованного» Чудюдо рыбы-кита.

— Осторожно, гик! — закричал рыжебородый рулевой.

Точно, «гик», вот то слово, которым обозначалась нижняя горизонтальная орясина под парусом, ее намерение то и дело долбануть по башке напомнило Ольге другое слово: «гикнуться». Однако девушке надоело без конца пригибаться. Она пересела на самый нос, свесила ножки, и сквозь почерневшие стекла-«хамелеоны» очков стала смотреть, как форштевень рассекает амфиболитовую толщу.

Капитану Отводову не понравилось перемещение спутницы. Чтобы помогать другу в управлении, он был вынужден держаться ближе к корме, а чтобы Ольга его слышала, приходилось теперь довольно громко кричать.

— Я спрашиваю, почему мне ничего не сказали? — надрывался он.

— А я не ваша подчиненная, чтобы вам докладывать, — Ольге достаточно было говорить вполголоса, ветер доносил ее слова до кормы с легкостью.

Справа по борту выделял караколи странный мен на скутере. Поскольку пекло, он совершенно подходяще был одет, в одни плавки и бандану. Но вот лицо... Лобенко даже на некоторое время показалось, что он в маске. На самом деле, на нем были внушительного размера солнцезащитные очки, практически прямо от них начинались черные усы и борода.

«Бедняга, небось, совсем упарился», — подумала девушка. От выкрутасов наездника на скутере «Трех толстяков» болтало, словно при пятибалльном шторме. Но докричаться и

воззвать к порядку и совести любителя крутых поворотов было совершенно невозможно, — рев мотора заглушал самые отчаянные попытки.

Скутер понесся прямо на парусник. Метра за два резко развернулся, на плече управлявшего им мужчины стала заметна татуировка в виде большого черного паука с красными глазищами. А яхта едва не завалилась набок. К тому же зазевавшийся Жорик не успел вовремя поправить парус.

Отводова обдало брызгами, кудряшки на голове взмокли, рубашка прилипла к поджарому телу.

Экий гривуазный «морской волк» из него вышел!

Скутер удалялся, волны стихали... Можно было возобновлять разговор. Тем более, что Ольга Лобенко перестала пялиться на форштевень, и беззастенчиво изучала проступающие сквозь молочную ткань мышцы и ребра, то есть смотрела прямо-таки на нашего капитана, в смысле, следователя. Но обратилась не к нему, а к его другу:

— Жорик, а, чтобы управлять яхтой, нужно сдавать «на права»?

— А как же! — Жорик для пущей понтыры натянул на свой грузный торс тельняшечку, а теперь еще вытащил откуда-то белую фуражку с крабом и трубку. Последнюю, надувая щеки, начал раскуривать.

— Ой! Смотрите! На нас катер едет! — Ольга привстала и ткнула указательным пальчиком на приближающееся судно.

— Обьедет! — Жорик даже голову не повернул.

— А по правилам, мы не должны уступить ему дорогу?

— Мы для него все равно, что стоим. Ветра-то нет! — Рулевой взял трубку в левую руку, изо рта выпустил дымовой обод и многозначительно указал на него одними только глазами, обод поднялся вертикально вверх и незаметно растаял.

— Что ж теперь делать-то?

— Ждать.

— А если ветра вообще не будет.

— Заведем мотор. Но это не комильфо, — Жорик вальяжно възграл бицепсами и прищурил глаза.

«И этот, старый хрыч, что ль, заигрывает?» — подумал Отводов.

Ираклий понимал, продолжать разборки бесполезно. Он смягчил тон и перешел на тему, ради обсуждения которой и была спланирована вся сегодняшняя водная прогулка.

— Так, стало быть, вы со Светланой Артемьевной теперь абсолютно уверены, что наш «фанатик» — это бывший ведущий ток-шоу «Волшебный ларец» Александр Вуд? — спросил он.

— Ну, конечно! Вам нужны еще какие-то доказательства? Его шапку выносили из нашего подъезда в день ограбления. Этот же человек, на этой же машине приезжал к Лаврону в день убийства... Верочка говорит, что именно Саша заходил к ней в примерную в злополучный день, когда был подменен малиновый рулет...

Ольга увлеклась перечислением улики и уже не контролировала собственные жесты. Поправление очков на носу было для нее занятием обычном. Но вот, чтобы в такт ударениям на отдельные, особо значимые, слова, она еще и била ножкой, — капитан видел впервые. Ножка была, разумеется, оголенной, ведь на девушке кроме купальника и парео ничего не было. Мысль об этой особенности (об оголенной ножке) отчего-то повергла Ираклия в смущение.

Отводов запустил пятерню в еще не успевшие просохнуть завитки:

— Как-то больно уж очевидно. А мотивы не проглядываются!

— Да какие вам еще нужны мотивы? Он же «фанатик», это почти одно и то же, что сумасшедший... — горячилась девушка.

Помимо катера их обогнал еще и теплоход, с палубы которого попивающие пиво парни помахали ручкой. А вот и старый знакомый — бородач в бандане на скутере. Точно также понесся напролом, точно также за два метра резко свернул в сторону, только теперь не вправо, а влево. На левом плече татуировки не было, зато на пальце сверкнул перстень с большим черным камнем.

Не успели, отчаянно вцепившиеся в веревочные перила, Ольга с Отводовым сообразить, что, или, точнее, кого им этот перстень напомнил, скутер снова взял направление «на таран». Снова за два метра хотел повернуть, но «наездник» не удержался в седле, свалился в сторону, а его машина по инерции пошла вперед, и врезалась в борт парусной яхты «Три толстяка» аккурат посередине. Ольгу отбросило прямо на устремленный в ее сторону гик. В корпусе судна что-то хрустнуло, скосбочилось. Передняя часть яхты начала наполняться водой и уходить куда-то вниз.

Х Х Х Х Х

Светлана Артемьевна навещала Ольгу в больнице каждый день. А сегодня обещала, что придет еще и приехавший в столицу по делам Валентин Николаевич.

Не успела она покинуть лазарет, как в коридоре послышалось мерное постукивание. Бабуля воздела указательный палец к небу, передразнивая Старкова:

— Не иначе как Сам к нам пожаловал! — обе захохотали.

И точно, дверь распахнулась. Вошел коллекционер с какой-то чересчур, как показалось Лобенко, скромной тростью. Орех и рельефная серебряная манжета под набалдашником. Но даже переспрашивать не стала, понятно — очередной антиквариат...

— Ну-с, голуба моя, как наши успехи в исцелительном направлении?

— Ребра срастаются медленно, но уже могу шевелиться, — Лобенко продемонстрировала медленный практически на одних только локтях, поворот на правый бок, после чего слегка задрала пижамную рубашку. — Вот. Гематома пожелтела и почти не болит.

— Однако дышите вы, прелесть моя, еще весьма поверхностно...

— Да, и кашлять невозможно, — согласилась та.

— Кашлять-то зачем?

— Простудилась, видимо, пока на земле лежала до приезда скорой...

Из катавших на «Трех толстяках» Ольга пострадала больше других. Врезавшийся в яхту скутер, образовал пробоину. Жорик и капитан Отводов прыгнули в воду самостоятельно и бросились на подмогу к Ольге, когда та, вместе с передней частью яхты уже начала уходить под воду.

О том, чтобы ловить лихого наездника — не было и речи. Мужик в очках и бандане, упав со своего мотоцикла, лишь на несколько секунд погрузился с головой в амфиболитовую гладь, вынырнул уже совершенно в ином месте и размашистыми гребками попил в сторону берега. Профессиональный «ход» угадывался невооруженным глазом. Догонять было бесполезно.

Саша Вуд никогда не занимался плаванием. Татуировка паука была у него на плече, черный перстень, как мы уже знаем, — тоже его вещица. Но, чтобы задержать Вуда как

подозреваемого по делу «фанатика», двух последних фактов было не достаточно. Да и оставленный водный мотоцикл оказался угнанным, зарегистрированным на совершенно иного человека.

Тем не менее имидж бывшего популярного ведущего окончательно подпортился. Появилась даже пара публикаций в прессе. Мол, «уволенный за пьянку шоу-мен мстит коллегам из прошлой жизни».

Капитан милиции и его друг, капитан, увы, затонувшего судна вытащили практически бесчувственную Ольгу на берег, уложили ее на песок и, осмотрев, перетянули грудную клетку большим махровым полотенцем.

На Отводове позже были обнаружены ссадины и ушибы, у Жорика, при рентгене, трещина в берцовой кости правой ноги, небольшая. Все они обошлись несколькими днями больничного листа. А вот госпожа Лобенко пребывала на диетических лазаретных харчах уже вторую неделю.

X X X X X

«20 июля, 2000-го года.

Может быть, зря я не рассказала матери, что почти две недели провела в больнице? Желала поберечь ее нервы... А она-то, оказывается, мне также не обо всем доложила.

Около месяца назад в родительской квартире в Нижнем Тагиле раздался странный звонок. Голос был юный, даже явно детский. Паренек представился нью-скаутом. Мама, довольно просвещенный человек, все ж не поняла кто он такой. В газетах-то про скаутов читала, но вот чтобы таковые объявились в ее родимом городе...

Этот потомок пионеров сообщил, что в их школе, точнее, как теперь принято по-новомодному называть, «лицее» создается музейчик старины, и что они обзванивают коренных жителей Нижнего Тагила с одним и тем же вопросом, не завалилось ли у них где в чулане, на антресолях, или чердаке, самовара, прялки, или чугунного на углях утюга.

Мама, добрая душа, тут же вспомнила про наш полузаброшенный деревенский домик. И согласилась отвезти туда лицеиста-энтузиаста. Пусть сам отберет, что ему нужно. Все равно все ржавеет да гниет за ненужностью.

Пионер утащил лоскутное покрывало, подсвечник и проржавевший ухват.

Но мне данный звонок и визит показались весьма подозрительными. Капитан тоже считает, надо бы самой наведаться в Нижний Тагил, и разнюхать обстановочку. Что там за «тимуровцы-следопыты» орудуют..? Правда, Иракий после этих слов как-то быстро погрустнел... Сказал, что голова побаливает, да и проблемы там какие-то у него, сложности... (Ревнует!!!)

В итоге ситуация складывается следующим образом: из больницы меня уже выписали, но на работу я пока не вышла. Использую-ка неожиданно высвобожденное время для поездки, разведая обстановочку на местности...»

X X X X X

У Александра Вуда только-только начала налаживаться личная жизнь. О том, чтобы сойтись с первой женой, не было и речи. Слишком много обид затаили друг на друга. Точнее, она на него.

Зато он познакомился со скромной и молоденькой дамочкой. Звали ее Юлей. Познакомился случайно. И, что самое приятное, она не поняла, что он и есть тот самый известный ведущий...

И то верно, кто ж узнает в скромняге с потухшим взором сияющего шоу-мена в

цилиндре и костюме с люриксом. Верочка действительно наносила ему слишком сильный грим.

И он не стал хвастаться. Сказал, что временно не работает, что раньше работал на телевидении. А теперь в творческом поиске. Она, чтобы не смущать, не спросила, кем. Чувствовала, хочет человек интригу сохранить, так пусть сохраняет.

Пить он перестал совсем. До Юли было трудно. Приходилось себя сдерживать. А, только девушка замаячила на горизонте, как-то само собой получилось: с вечера пить не нужно было, ему с ней и так хорошо. А с утра — тем паче, на опохмел-то не тянуло.

Короче, жизнь налаживалась. И он даже решил отметить свой сорок пятый день рождения. Как принято говорить, с помпой.

— С насосом, что ли? — съязвила Юля. — Кого надувать-то будем?

— Никого, — Ответил Сашка. — Сына с дочкой позову днем, а вечером соберу всех прежних коллег с канала, включая руководство, с кем работал, ну и кто, разумеется, не побрезгует прийти. Квартира большая, поместимся.

Пришли Ольга (из своего криминального любопытства), Верочка (хотя и не хотела), Гридасов, и пара редакторов отжившего «Волшебного ларца». Вечер был в разгаре. Вуд предвкушал счастливую развязку интриги (должен же был кто-то, в тосте, или застольной беседе, упомянуть его прежнюю должность, популярность и любовь зрителей, — предполагалось, что это станет главным сюрпризом для Юлечки)...

Но сюрприз приключился совершенно иной. Ольга пришла на это торжество с конкретной целью. Разнюхать обстановку. Прикинуть, как и за что можно было бы зацепиться, чтобы доказать (или, наоборот, опровергнуть, причастность Вуда к совершенным преступлениям)... Когда все были в большой комнате и щебетали вокруг Юлечки. Все ж интересно было посмотреть на новую пассию мэтра. Лобенко пробралась в кабинет, выдвинула верхний ящик его письменного стола и обомлела. Там лежала потрепанная тетрадка в прозрачной полиэтиленовой обложке, а сверху на ней вишневая кожаная записная книжка с тиснением: кадуцей, перевитый двумя змеями. Ольга тут же связалась по мобильнику с Отводовым.

Капитан и «маски-шоу» не заставили себя ждать. Записная книжка оказалась «той самой» со списком и адресами совершенных преступлений, тетрадка — дневником Евдокии Алексеевны, бабушки Чижовой, а в качестве закладки — в ней покоился старинный медный крест Николая Городца.

Вот такой вот реприманд вместо веселья...

Вуда увели под конвоем, Юлечка рыдала, Ольга ее успокаивала и поглядывала на часы. Рано утром ей нужно было выезжать в Нижний Тагил. Домой подвез, как всегда, Гридасов. Он же проводил на вокзал. Благородная личность...

Земляные яблоки

Санкт-Петербург, май 1765-го года.

Андрей взял домой приготовленный к одобрению в Сенате и типографскому тиснению подлинник «Наставлений о разведении земляных яблок, потэтэс именуемых, и о сбережении их зимою.» В высшем распорядительном месте только за последние два года вопрос о размножении нового овоща рассматривали двадцать два раза. Составитель документа, тезка и соратник по Вольному Экономическому обществу Андрей Болотов, опасался, как бы и ныне не отклонили. Анклебер обещал, что посмотрит и, коль найдет нужным, поправит сей документ. Заодно, будет чем унять егозливость, с которой предстоит ожидать дорогих сердцу гостей.

С самого ранья садовник отправил посыльного в лавку кондитера, за пирожными. Помимо виданных у государыни, под шоколадным бешамелем, тот принес еще фаршипаны, зефиры и сочни. А прислуга испекла слоеные пироги, наварила клюквенного киселя. Однако Татьяна с Прохором приходить не торопились.

Андрей велел смуглянке-Глафире раздувать самовар каждые три часа. Сам засел за бумаги. В «Наставлениях» имелось 16 разделов. Он подробно просматривал все поочередно. Болотов довольно полно изложил в них сведения о сортах, подготовке почвы, густоте и сроках посадки, прополке и окучивании, уборке, хранении, приготовлении блюд... Среди прочего, он писал, что из потэтэс можно производить хлеб, каши, клецки, крахмал, пудру...

Садовник мог дополнить разве одно, что сей овощ пригоден не токмо для людского потребления, но и к корму всякой домашней животины, ежели, конечно, одного произрастить достаточное количество.

С «Наставлений» предлагалось сделать десять тысяч оттисков и раздать народу. Из расчета 100 штук на каждую губернию, при том, на провинцию должно идти в два раза боле оттисков, нежели на город.

Первые «земляные яблоки» привез в Россию еще Петр-батюшка. Но многие не знали, как с ними правильно обходиться. Пытались употреблять в пищу ягоды, оставшиеся после цветов, — отвратный вкус. Клубни же зачастую выкапывали слишком рано, запекали, и потом с них нудило. Малосъедобное, по суждению большинства, растение нарекли «чертовым яблоком» и к столу подавали крайне редко.

Способ принудительно заставлять крестьян сажать эти самые потэтэс и подробно излагать правила приготовления сего блюда уже оправдал себя в Европах. При том французы изловчились и действовали хитростью. Клубни были разосланы лишь знатным вельможам, строго-настрого запрещалось выдавать их крестьянам. К посланию же тайно добавлено: «А коли какой мужик ненароком сопрет чуток плодов, так сделайте вид, что не заметили».

Некоторые наши солдаты во время недавней войны отпробовали «чертово яблоко» в походах через Пруссию и Речь Посполиту, — овощ пришелся по нраву. Так что сторонников нововведения в России-матушке было предостаточно, включая саму императрицу.

Ее Величество зрела в потэтэс великую пользу для государства: «Сей плод хлебу подмога и избавитель русского люда от голодного мора!»

В Москву должны были быть выписаны из Пруссии 57 бочонков с «земляными яблоками». Их раздача станет первым крупным делом вновь образованного Вольного экономического общества.

Покудова ж, из личных своих запасов, садовник выдал девять клубней князю Трубецкому, шестнадцать — графу Апраксину и сорок — генералу Ганнибалу. Оставалось ждать результатов.

«Глядишь, пройдут год-два и потэтэс станет привычным на русском столе, и уж невозможно будет за несколько штук выменять диковенную игрушку — деревянный «Ноев ковчег»... — опять вспомнил он о Татьяне и Прохоре.

Вечерело. Глафира в четвертый раз закончила раздувать самовар. Явилась с улицы с ним в руках, заворчала:

— Ну сколько можно! Кого ж такого важного в гости-то ждем? — лицо ее было красное от жара и от усердия, щеки перепачканы сажей.

— Да! Какая теперь разница, кого ждали! Не будет уж никого! Уноси, Глафира, самовар. Да дайка мне водки с соленым огурцом.

Но женщина и не подумала выполнять просьбу хозяина, перекинула чрез плечо длинную косу:

— А пирожные куда девать?

— Съешь сама, да раздай ребятишкам на улице.

Довольная Глафира утерлась пышным белым рукавом. Тут же подцепила сладкий кругляшек и отправила в рот.

— Водки-то принеси!

— Ага! — опомнилась девка и метнулась из комнаты. — Я мигом.

Нет, Андрей не желал напиться. Наверное, он так до конца и не стал русским, потому что не умел свои печали топить в спирте. Он их только слегка заливал, одной рюмашечкой. Дабы мерзкая и резко пахнувшая жидкость перебила привкус горечи, подкативший к горлу.

Анклебер оброкинул рюмку, растянулся перед камином, прямо на полу, на мохнатой медвежьей шкуре. Положил руки под голову, обнаружил на потолке, в углу, паутину. Закрыв глаза. Потеплело, и внутри, от водки, и снаружи, от каминного жара.

«Завтра же пойду к ней в дом. С Осипом переговорю. Сознаюсь в былых чувствах к егс жене, повинюсь. И дам обет боле Татьяне не докучать. Взамен заручусь согласием на свидания с сыном, на воспитание его. Бывший конюх сам не без греха. Неужто не поймет? Он содержать семью теперь уж не в силах. Правда, мерзавец, должно быть, как всегда пьян и беспамятен... Ну, да ничего! Ушат холодной воды вылью на голову и дождусь, покудова протрезвеет. Все одно не проймет — заявлюсь к Прохору на поварню. Кто посмеет меня остановить? Не безногий же Осип! Мужик я в конце-концов, али кто! У меня тоже свои нравственные основанья имеются!»

Но трезвить Осипа не пришлось, переговоры с ним вести — тоже. На следующий день, его разбудил управляющий Мануэль.

— Барин там Вас спрашивают. Говорят, по срочному делу.

На пороге стояла Татьяна, заплаканная, в черном платке и черном платье. Бросилась садовнику на шею:

— Андрейка, помоги! Осип вчерась преставился! Удар его хватил, горемычного!

X X X X X

Похороны были скромными. Татьяна, Прохор, дворник из Ораниенбаума Федор, да Андрей Анклебер. Скорбное вроде событие, а так благостно на душе: солнышко пригревает, птички на кладбище поют. И над самой могилкою — распутившийся куст сирени.

Поминки были в наскоро прибранном Татьяной доме. Анклебер хотел было прислать в

помощники, стряпать, Глафиру. Но Татьяна отказалась: «Никаких особых разносолов не надобно, а поминальное блюдо я и сама изготовлю. Осип, Царство ему небесное, был умерен почти во всем, ни к чему и нам спектакли разыгрывать».

То, в чем Осип не был умерен, понимали без слов. Но на поминках об этом не говорили. Только Федор нарушил негласный запрет. Опрокинул стопку, закусил сложенным вчетверо клином промасленного блина, прировнял бороду и произнес:

— Покойный ее, горькую, любил. Отмучился, страдалец! Пуцай и на том свете ему кто-нибудь чарку нальет!

Все согласно кивнули. Отчего ж не кивнуть. «Главное, я на это зреть уж не буду!» — подумала Татьяна.

Татьяна носила траур по мужу, как и положено, полгода. Но уже через месяц после похорон привела Прохора в дом Анклебера на Садовой и сказала мальчугану:

— Теперь Андрей будет тебе заместо тяти. Ежели пожелаешь, можешь переехать к нему жить. Отсюда тебе и до дворцовой поварни проще добираться.

— А ты, мам?

— Я тоже к вам переберусь. Но не сейчас, апосля.

Садовник был счастлив. Татьяна сдержала слово, ровно через полгода после смерти мужа переехала к нему. Точнее, уже не к нему одному, а к нему с Прохором. Правда, по-барски жить так и не научилась. В доме носила полонез из индийского ситца, фартук и муслиновый чепец. Время проводила в основном с Глафирой, на кухне... От пирожков да оладий потолстела еще больше. Но кожа ее разгладилась, с лица спал оттенок мученичества и обреченности. Словом, посвежела баба, да похорошела.

Письмо на чердаке

Деревня под Нижним Тагилом, июль 2000-го года.

В заброшенном деревенском доме Ольгиных предков, том самом, в котором когда-то обитала ее родная бабушка, спасшая жизнь матери Марии Алексеевны Чижовой, уже давным-давно царило запустенье. Когда-то эта избушка служила фамильной дачей, потом фамильным хранилищем всяческого барахла. Теперь же являлась попросту семейной заброшенной свалкой.

Ольга около часа продвигалась через большую комнату с печкой. Вот на диване ее любимая кукла Машка, — платиновая блондинка с голубым бантом. Вот пожелтевшие и покоробившиеся от влаги школьные учебники. «Русский язык», 5-ый класс...

«Спишите предложения, вставляя пропущенные окончания:

Летн... ночью под крепк... дубом под звуки грустн... мелодии они, счастлив..., танцевали.»

Боже, как хорошо! Проставленные карандашом буквы изничтожило время, остались лишь неглубокие, врезавшиеся в бумагу линии. В тусклой горнице (окна наполовину заколочены, наполовину запылены) эти следы не разглядеть... Наверное, в современных учебниках таких ровных и спокойных фраз уже не найдешь.

Школьное платье. В чехле. Брошено на рапановое кресло-качалку. Девушка стянула футболку и джинсы. Нырнула в платье. Пахнет пылью и, почему-то коржиками. Теми, что продавались в школьном буфете. Они всегда осыпались на платье, неужели до сих пор сохранился аромат, или это ей только кажется?

Платье оказалось даже несколько свободным. Только талия завышена. Когда она его носила? Классе в девятом? На выпуск, помнится, им уже разрешили одеваться кто во что горазд... Стало быть, подросла с тех пор...

Она, наконец, добралась и до чердака. Именно здесь большую часть времени провел скаут. Девушка уже навела справки. Никакого музейчика старины в названном им лице не открывается. Так что, скорее всего, действительно происки фанатика-меркурианца.

Много пыли — хорошо. Видны свежие следы. Странно, на видном месте лежат уникальные вещи: старый-старый фотоаппарат с носиком-гармошкой, прялка, ажурная ковкая роза. Он к ним даже не притронулся. Зато старый письменный стол весь в пятнах от пальцев. Ну-ка, ну-ка, кажется, он и в ящики залезал...

В ящиках, как и во всем доме, царил хаос. Обломанные карандаши. Один, самый толстый, — химический. По-сухому пишет как обычный «простой». (Почему их называли «простыми»?) А если послушать — ярко-синим, как чернильная ручка. Чернильные ручки здесь тоже были, толстые, словно сердито надутые. Затесалось даже обычное перо, — острый стальной наконечник на красной палочке... Письма, охровые листочки с паутиной серо-голубых клеточек. Некоторые в конвертах, практически на всех — картинка справа: Красная площадь, Юрий Гагарин, забавный зайчонок и надпись: «С Новым годом!» А вот один не наш, в смысле, заграничный, до сих пор с благородным голубым отливом, совершенно не пожелтел. Обратный адрес на обороте, — иероглифы и латинское «China». Неужто из Китая? Не может быть?

Ольга взяла заграничный конверт. Развернула и... обнаружила внутри абсолютно новехонький листок с абсолютно русским текстом:

«Если Вы читаете это письмо, значит, не так уж и глупы. Думаю, Вы — Ольга, а не ее доверчивая мамаша. Что ж, передайте своему дружку следователю, что я все равно иду впереди вас. Вы у меня на хвосте, но скоро и хвост вырвется из ваших рук, зверек убежит ай-ай-ай, с Вашим, Ольга, перстнем! И, очень может быть, изумрудом, который также мог бы быть Вашим.

Ладно-ладно! Все ж я считаю себя интеллектуалом. Мне не интересно, когда противник безоружен. Так уж и быть, сделаю Вам подарочек. Надеюсь, Вы окажетесь более любопытной, нежели госпожа Чижова. Вы ведь любите читать, не так ли?

Фанатик (кажется, так вы меня называете?)»

X X X X X

Не обязательно быть такой умной, как Ольга Лобенко, чтобы понять, речь в подброшенном фанатиком письме шла о дневнике Евдокии Алексеевны.

Графологическая экспертиза показала, что почерк письма и почерк Александра Вуда не совпадают. Но это ничего не меняло. Фанатик мог попросить начертать текст кого угодно, того же горе-пионера...

Все, включая Светлану Артемьевну, капитана Отводова и саму Ольгу чувствовали, что-то в расследовании пошло не так. Безусловно, улики крутились возле Саши Вуда, но уж больно как-то явно.

Пока Лобенко продолжала перебирать вещи на чердаке своей фамильной избушки, да изъясняться с Соловьевым... (Да-да! А вы что ж думали? Что он так просто упустит возможность пообщаться с зазнойбой? Конечно, приставал, конечно, навязывался и проходу не давал, и в деревню вместе ехать хотел... Но Ольга твердо отрезала: «Нет! Мне нужно побыть там одной. Поразмышлять, понаблюдать... Ты мне будешь мешать!» Вот такой решительной она оказалась. Однако от долгих вечерних прогулок по знакомым с детства улицам, да от альковного щебетания в ушко это ее не уберегло.

Еще во время своего приезда в Москву с Танькой Смирновой Витька почувствовал, что-то в их отношениях пошло не так. То ли просто к нему охладела бывшая одноклассница, то ли слишком рьяные соперники на пути встали. Ольга все объясняла свалившимися на ее блондинистую голову делами, по работе, по расследованию... Но у мужиков на соперников чутье, как у собак, — не проведешь.

Так вот, пока у Ольги Лобенко продолжались разборки с ее первой любовью, группа «красных следопытов» была приглашена на экстренный сбор. Благо квартира у Чижовых просторная.

Собственно, из гостей были только Отводов, Свистунов, да Светлана Артемьевна. Городец в доме новоявленных родственничков гостем уже давно не считался, а Валентин Николаевич подъехать не смог. Обещал лишь, в случае необходимости, быть доступным по мобильному телефону.

Мария Алексеевна, как и ее покойная матушка, восседала в массивном кресле, укрывшись пледом, на коленках разложила ту самую тетрадку в полиэтиленовой обертке, изъятую в кабинете у Вуда.

Читать решили не все подряд, а лишь те места, которые были как-то связаны с Китаем. Вот совпадение! Именно они оказались связанными с Ольгиной бабушкой. Светлана Артемьевна старалась слушать особенно внимательно, не только потому, что это могло пригодиться для дела, но и, чтобы потом передать интересные сведения своей молодой подруге.

Олина бабушка, Клара Васильевна Потапова, хотя и работала в обычной детской поликлинике, но на лечение к ней приезжали со всей области. Даже из самого Свердловска, за полторы сотни километров. Да что там из Свердловска! Была у нее одна любимица — китаянка.

Своих детей Клара Васильевна тогда еще не завела. Да и замуж выйти не успела. Только-только закончила медицинский. По имени-отчеству величали исключительно из уважения, а не по возрасту. Двадцать пять лет, — какие там годы!

Откуда, спросите, у недавней вузовки, не прошедшей даже школы собственного материнства, столько навыков по педиатрии?

Дело в том, что прапрабабка Ольги Лобенко слыла на деревне великой знахаркой. Травки всякие собирала, настойки делала, роды принимала. И был у лечухи «нюх» на болезнь. Она и сама не могла объяснить, что именно настораживало ее в начинавшем недомогать человеке. Всякий раз по-разному. То цвет кожи, то прыщик на лице, то даже просто усталый взгляд... И на каждый симптом она свое снадобье находила.

В наше время ее прозвали бы народной целительницей, но в ленинско-сталинские годы всех, кто не укладывался в рамки общепринятых стандартов, причисывали под одну гребенку — враг народа. И сажали. Прапрабабка-знахарка, дабы за решетку не угодить, «легализовала» свою деятельность: переехала из деревни в город, устроилась санитаркой в детскую больницу. На пенсию вышла поздно. И фактически до последних своих дней таскала с собой на работу внучку. Наблюдательная Клара интуитивно переняла практически все бабушкины умелости. Позже, в институте, многим из них нашла вполне научное обоснование.

Так что, не смотря на свой возраст, выпускница медицинского института Клара Васильевна Потапова слыла весьма поднаторелым доктором, многие отзывались о ней с большим почтением.

В дневнике под рассказ про пациентку-китаянку было отведено почти три страницы. Супругам Чижовым эта история раньше примечательной не показалась: подумаешь, заболевшая иностранка! Они о китаянке ни разу во время следствия и не вспомнили. А вот автор дневника и бабушка Ольги Лобенко, судя по всему, придавали знакомству с девочкой особое значение.

Голос Марии Алексеевны зычный, но ровный. Сразу видно, в юные годы наверняка митинговала. Слышно было всем.

«В Москве иностранцев много. Я как-то была в столице. Видела негра. Шел себе по улице, будто здесь родился, никто на него внимания не обращал. Для нашего же городка и желтолицая Сон — большая диковина.»

Сон, на тот момент, когда ее впервые увидела Клара Васильевна, исполнилось пять лет. Была она дочерью репрессированного китайца Ван Ю Мина и русской женщины по имени Тася.

У девочки случился сильный жар, ее трясло и беспрестанно тошнило. Куда идти, ежели даже карточки в детской поликлинике не заведено, жена репрессированного жила в городе нелегально.

Один немолодой доктор посмотрел девочку и поставил диагноз: «нетипичная головная боль». Сказал:

— Гуляйте больше...

А Сон от солнечного света только хуже становилось...

Тогда-то Тасе и порекомендовали Клару Васильевну. «Даром, что молодая, толкова, никому не отказывает и денег не берет.»

Клара Васильевна едва взглянула на зелено-желтое личико девчушки тут же засобирала ее в больницу.

— У дочери вашей менингит, — говорит. — И положение очень серьезное.

В приемном покое провалялись не меньше часа, дежурный врач усомнился в диагнозе. Молоденькая докторша уже практически орала:

— Да ей сыворотку нужно вводить и срочно! Давайте под мою личную ответственность, сама, ежели что, за решетку сяду!

Но сыворотка не помогла. И тогда Клара Васильевна предприняла некий кунштюк, она заставила девочку выпить и не лекарство вовсе, а... краситель, именуемый красным стрептоцидом. Видишь ли, слышала от знакомых из химического столичного НИИ, что препарат со схожей формулой в Германии используют как средство от многих хворей. Что ж, видно, не наврали гниющие капиталисты, и впрямь золотую жилу нарыли. Поправилась-таки Сонюшка...

Ну, и, как водится у добрых докторов, сдружилась она и со своей бывшей пациенткой, и с ее мамашей, а заодно и с Евдокией Алексеевной да Светланой их познакомила.

Великий потоп в Петербурге

Санкт-Петербург, сентябрь 1777 года.

Страшная буря обломала крылья у ангела на шпигеле Петропавловской крепости. Он выглядел убого, а потом и вовсе рухнул наземь. Конечно, рухнул. Без крыльев ведь ангелы не могут держаться на высоте.

Год с тремя семерками принес Российской столице ужасное бедствие. Вся Садовая была завалена ветками от деревьев. Пара лип свалилась прямо на дорогу. Самый центр ветроворота прошел не здесь, рядом, но лучше бы он разрушил дом садовника, а не его детище, не тот островок, который он создавал всю свою сознательную жизнь. Был практически уничтожен Летний сад. Повалены вековые деревья, разрушены фонтаны и статуи, клумбы будто бы кто-то перепахал.

Хорошо, что к сему дню картофель успел разойтись по России-матушке, те экспериментальные грядки, что были у Анклебера в саду, — истреблены. Снесло крышу у оранжереи. А прямо в комнатку Андрея, разбив стекло, ввалилась сломанная рябина, его любимая. Капельками крови, начавшие набирать свою красноту, ягоды раскатились по деревянному настилу.

Два дня лил дождь, и полыхали молнии. Нева вышла из берегов и затопила все вокруг. Сухие участки оставались лишь в Литейной, да Выборгской частях города.

По Невской перспективе народ плыл в шляпках, вылавливая длинными палками «сбежавшие» со дворов да лавок корзины, стулья, сундуки и шкатулки... Многие крупные суда повыбрасывало на берег. А один небольшой купеческий корабль умудрился переместиться чрез каменную набережную, миновать Зимний дворец и теперь, похожий на повергнутое морское чудовище, лежал на боку, прямо-таки на площади. Из трюма, словно из испортого брюха, вывалились внутренности.

Да что там корабли, небогатые деревянные домики плыли подобно судам. Один мастеровой, не имея возможности, покинуть свою хибару, пропутешествовал в ней с одного берега реки на другой, слава Богу не затонул. Чего не скажешь о тысяче менее везучих петербуржцев... Кто-то шел по набережной и был смыт волной, кто-то захлебнулся в собственном погребе, спасая добро...

В девять часов утра 10 сентября 1777 года взбушевавшиеся волны достигли своей максимальной отметки. Ординар был превышен на 10 футов и 7 дюймов. После чего ветер, наконец, стал стихать. Вода спала совсем быстро, уже к двенадцати. Город представил собой ужасное зрелище. В грязной жиже, сбитыми в кучи, валялись трупы, поломанные предметы, поваленные ветки, тряпье, остатки припасов...

Накануне императрица вернулась в Петербург из Царского села. И угодила в самый центр бури. За происходящим она наблюдала прямо из окон Зимнего дворца. Ночью Ее Величеству доложили, что вода подобралась к самым дверям ее спальни. И Екатерина Алексеевна тут же приказала снять постовых с первого этажа, дабы спасти им жизнь.

Когда на следующий день стало известно о многочисленных жертвах, государыня вызвала к себе генерал-полицеймейстера Чичерина, поклонилась тому в пояс:

— Спасибо тебе, Николай Иванович, по милости твоей погибло несколько тысяч моих подданных.

Чичерин не знал, что делать. Мелкие глазки захлопали в круглых очечках. Как быть,

коли сама императрица тебе кланяется?! Уж лучше бы ругалась, да серчала! Разволновался.

— Так то ж не моя вина, то ж буря!

— И что первый раз в нашем городе буря? Давным-давно надобно было изобресть знаки да символы, по которым народ уразумел бы приближающуюся угрозу.

Едва покинул дворец Чичерин, как с ним приключился удар, не успел от него оправиться — угодил в отставку.

Новый полицейместер первым делом занялся изданием "Правил для жителей — что делать в минуту опасности?" Придумали предупреждать о буре или какой другой неприятности пальбой из крепости и сигнальным флагом, а в темноте — еще и «пляшущими» фонарями. При том, чем выше поднимется вода, тем чаще положено было стрелять. Так при ординаре в 6 футов пальба должна раздаваться каждые четверть часа. И при ней горожанам следует покинуть подвалы и нижние этажи домов, — перебраться куда повыше.

Х Х Х Х Х

Тверская губерния, сентябрь 1777-го года.

В то время, как в Летнем саду в Петербурге бушевал ветроворот, а волны Невы заливали булыжные мостовые города, в своем поместье в Тверской губернии умирала старая баронесса Оксендорф.

Она лежала в наглухо зашторенной спальне, на кровати, под багровым бархатным балдахинном. Из белых облаков подушек, перин и одеяла выглядывала маленькая головка. Сморщенная серо-голубая кожица обволакивала череп. Кружевной чепец прикрывал позорище ее последних лет жизни — почти лысую макушку. И, словно насмехаясь над этой ее бедой, напротив, с портрета, смотрела рыжеволосая красавица с зелеными глазами. Непокорные локоны спадали на покатые плечи. Розовый цветок пытался унять выбившуюся прядь у виска.

Баронессе портрет был по нраву. Художник сделал его сразу после ее прибытия в Россию, более полувека назад. Ей было тогда тридцать пять. Но мастер прибавил лести, на его работе Оксендорф смотрелась молоденькой розовощекой девушкой. Долгое время это изображение размещалось над парадной лестницей в Петербургском особняке. Женщина седела и старела. А портрет оставался все таким же молодым. Все чаще она предпочитала картину зеркалу. Она могла часами стоять и смотреть на себя прежнюю.

В пятьдесят пять от ее былой огненности не осталось и следа. В шестьдесят испортилась осанка. Как любила шутить баронесса, теперь она снова росла, только не вверх, а вниз. Стоять напротив картины подолгу становилось трудно. И она приказала перевесить портрет в залу, а напротив поставить кресло.

В семьдесят пять она стала хуже слышать. В восемьдесят на одно ухо оглохла совсем, глаза слезились, а волосы поредели вдвое против прежнего...

Теперь, в девяносто, баронесса уж почти ничего не видела, из поместья не выезжала, а в последние недели и из спальни не выходила... Портрет, перевезенный сюда, поместили напротив кровати...

Оксендорф всегда слыла здравомыслящей женщиной, она прекрасно осознавала, что это пришел ее конец. Потому вслед за перевешенным портретом отдала приказание послать гонца в Москву, где ныне пребывал граф Шварин, и привезти Илью Осиповича к ней незамедлительно.

— Прибыл граф Шварин! Проводить в комнату для гостей? — доложил камердинер,

вытянувшись по струнке. У баронессы в доме всегда соблюдался строжайший порядок. Прислуга была вышколена.

— Нет, пусть войдет ко мне. Немедля! — просипела Оксендорф.

Тут же появился Шварин. В последние месяцы граф проживал где-то за границей. Вернулся буквально пару недель назад. Гонения масонов оставляли мало шансов для деятельности меркурианцев в Москве, а в Петербург дорога ему была давно заказана. Не то, чтобы совсем запрещена, но каждый раз, когда он приближался к российской столице, ему казалось, что в воздухе начинают проскакивать искры личной неприязни Екатерины Алексеевны к нему. Тело его немело, начинало колоть то в подреберье, то в коленку, а кожа чесалась, будто по ней ползали букашки. Илья Осипович старался избегать подобных парестезий.

Одет он был, как всегда, с форсом. На сером атласном камзоле, как фон, лазоревые незабудки. Пуговицы — ромашки. Сверху — новомодный аглицкий кафтан темно-зеленого, почти черного цвета. Обшлага, воротник и линия вдоль борта расшиты шелковыми цветами. Да не просто цветочным узором. Лепестки да листики будто настоящие, аж тычки выделяются. Даже сзади, на фалдах, — тоже подобный натюрморт.

— Такой красотищей-то, поди, и садиться жалко, — Баронесса до последней своей минуты старалась не терять присутствие духа и чувство юмора.

— Ничего-ничего! Доброе сукно все стерпит, — Граф взял стул за спинку и подвинул ближе к кровати больной. Уселся. Дежурная улыбка не помогла скрыть жалости, проступившей на лице.

— Помираю я, — посиневшие губы почти не шевельнулись. — Ты привез свиток?

— Конечно, — баронесса только тут заметила, что через грудь графа, от левого плеча к правому бедру тянулась бечевка, на ней, с боку, висел кожаный цилиндр. Шварин подвинул цилиндр ближе к собеседнице и откинул крышку. Внутри лежала свернутая в трубочку желтая бумага. Оксендорф одобрительно прикрыла глаза.

— Пришло время назвать тебе имя моего преемника, — звуки были какие-то бесплотные, складывающиеся из хрипов и шипения. — Как только я испущу дух, ты должен будешь вписать его. Граф молча кивнул.

— Я помню, — Шварин склонился над баронессой, чтобы она лучше расслышала.

— Это будет Борис Черняков.

— Кто таков, что-то я не разумею...

— Не разумею, балда стоеросовая!

— Уж не сродственник ли Захара и Ивана Чернышевых, оным покровительствовала Екатерина?

— Нет, не сродственник! Я же сказала не Чернышев, а Черняков, — баронесса попыталась хихикнуть, но вместо того глухо закашлялась. Когда кашель унялся, — продолжила. — Твое прозвание какое?

— Илья.

— А фамилия?

— Шварин.

— А от рождения какова фамилия была? — она волновалась, тяжело дышала.

— Шварц... — до Ильи Осиповича начал доходить глубинный смысл вопросов баронессы. Ее следующую реплику он уже предполагал.

— Что будет значить Шварц на русском?

— Черняков, то есть, черный, — граф вспотел, вытер выступающими из-под рукавов кружевами лоб. — Ох, елки точеные! Мой, что ли сродственник?

— Твой сын!

Илья Осипович отшатнулся. Трость с рукояткой в виде головы орла гулко стукнулась о паркет. Какой еще сын? Нет у него никакого сына! У него-то и жены никогда не было! Вот у баронессы был в свое время муж, но умер рано, еще в Пруссии, детей они так и не нажили. Он странно посмотрел на собеседницу, с прищуром одного глаза, как на ребенка, или ненормальную. Бредит старуха!

— От кого у меня может быть сын?

— От меня. — У графа задергался правый глаз. — Знаю, знаю, скажешь, меж нами почти ничего и не было. Конечно, что у тебя могло быть с такой каргой?!

Каким очумелым ни был граф сию минуту, но сообразил, что агонизирующая баронесса напрашивается на комплимент:

— Ох, елки точеные! Вы же знаете, я всегда испытывал к вам нежнейшее чувство, но вы... бессердечная... довольствовались лишь нашими деловыми отношениями.

— Не только. Иначе откуда Бориске взяться...

— Так это...

— Да-да. Тогда, в двадцать первом. Вот на этом портрете я уже три месяца как тяжела.

— А потом вы уехали в Европу...

— Я сказала, что уехала в Европу. А сама — сюда, в губернию, рожать. Ты же знаешь, у меня здесь обрусевшая тетка жила.

Помутневшие и казавшиеся теперь уж не зелеными, а какими-то болотно-оливковыми, глаза старой дамы увлажнились.

— Он воспитывался под Псковом, в Печерском монастыре. Но ты не беспокойся, Борис, хотя и вырос набожным, наши знания тоже перенял. После взросления он поселился во Пскове. Я ему была представлена, как дальняя сродственница его покойной матушки. Купила ему дом и сама часто навещалась туда, в гости. В беседах мы коротали долгие вечера.

— Вот, значит, что означал ваш аскетический образ жизни. А в столичных кругах шли пересуды, будто вы уединились с молодым возлюбленным.

— Это был не полубовник. Это был наш сын.

— Борис спрашивал что-нибудь об отце?

— Конечно. В монастыре ему говорили, что оба его родителя умерли. Но потом, когда мальчик был уже подготовлен мною, когда я ему поведала историю нашей государыни, как пример служения долгу, когда растолковала, что некоторым людям выпадает судьба пренебрегать личными интересами и родственными связями ради общей идеи, ради цели, которой посвятили себя уже многие предшественники... Я попросту объяснила, что ты пока недоступен, что ты тоже очень жаждешь этой встречи, но не имеешь возможности превратить желания в явь.

— Но ведь это неправда! Я не был так уж недоступен! Почему, почему вы не сказали мне о Борисе раньше? — Шварин вскочил, замахал руками, казалось, если бы женщина не была бы столь больна и беспомощна, он набросился бы на нее с тумаками.

— И что бы ты сделал? Провозгласил бы его сыном? Предложил бы нам жить всем вместе? Сколько бы пересудов пошло, мы были бы окружены таким вниманием, что «избранникам» пришлось бы позабыть о своем предназначении на многие десятки лет.

Илья Осипович тяжело опустился обратно в кресло. Он выглядел удрученным, разбитым стариком, от щегольства, с которым он переступил порог всего несколько минут назад, не осталось и следа:

— Что ж теперь? Он знает, кто его мать?

— Баронесса отрицательно покачала головой:

— Ты сообщишь ему о моей смерти. И расскажешь, что я была его матерью. Часть своего имущества я завещала на тебя, часть — на него.

— Зачем мне? Мне уже тоже недолго жить осталось...

— Я разделила только для того, чтобы не привлекать излишнего внимания к одному из вас.

— Да, но теперь, когда мы начнем всюду появляться вместе...

— Подумают, что «дружба» с Борисом — всего лишь добрая память обо мне.

— Вы уверены, что Борис мне поверит?

Старуха заворочалась на постели, попыталась просунуть руку себе под голову, под подушку, но рука отказывалась слушаться.

— Помоги! Там должна лежать маленькая коробочка.

Шварин достал.

— Раскрой!

На белой атласной подушечке покоился медный крест. Довольно большой, украшен самоцветами. В центре — зеленый нефрит размером с ноготь большого пальца. Издали напоминает тот самый изумруд. Вот совпаденщице!

— Что это?

— Крест, не видишь, что ли? Его выковали в Печерском монастыре, там, с обратной стороны, соответствующая гравировка имеется. Уж не знаю, за какие такие заслуги Бориске его подарили, только он в свою очередь попросил меня передарить «своему батюшке». Сентиментальный у нас с вами сыночек вырос, Илья Осипович. Зато этот крест послужит теперь опознавательным знаком. Ежели вы его в день похорон на шею повесите, так и представляться не понадобится.

Граф оперся на трость, положил на руки подбородок:

— Грезить о безызвестном отце, и не ведать, что рядом с ним находится его родная мать. Бедный мальчик! Обретет, наконец, одного родителя и тут же потеряет другого!

Хотя ее скорая кончина и являлась фактом неоспоримым, все же было неприятно, что Илья Осипович говорит о нем как о свершившемся событии. Глазницы заполонила влага. Графиня отвернулась к стене, предательская слеза, обретя силу притяжения, покатилась к виску. Баронесса отвернулась еще боле, промокнув глаз о подушку. «Не до сантиментов, времени осталось совсем мало.»

— Мальчик, ты говоришь, мальчик?! Опомнись! Тебе было чуть за двадцать, когда ты воспылил ко мне неожиданной страстью. Прошло пятьдесят шесть лет! Это уже давным-давно зрелый мужчина.

Шварин опустил глаза.

— Он женат?

— Ничто не свидетельствует о здравомыслии более, нежели к месту задаваемые вопросы. Теперь, я вижу, ты вновь обрел реальное понимание вещей. Женат. У них двое сыновей, семнадцать и пятнадцать лет. И супруга знает о меркурианцах.

— Но, как можно, чужой человек!

— Она не чужой человек. К тому же, ты, должно быть, запомнил, титул выдирщика меркурианцев достался тебе от моего мужа. До этого он несколько десятилетий не выходил за рамки одной семьи. Передавался от родителей к детям, невесткам и зятям... У нас с Георгом не было детей, вот он и нашел тебя. По мизинцу... У Бориса с мизинцем, кстати, тоже все в порядке, такой же остренький и вытянутый. Хотя, ты же понимаешь, эта физическая черта нигде в документах не прописана, это так, для отвода глаз. Чтобы выбор для потомков не казался неправильным или случайным. Ты же сам прекрасно знаешь, традиции сообщества могут меняться. Незыблемы остаются лишь три вещи... Всюду следовать за камнем, в «год нерожденного ребенка» в деле должен остаться только один меркурианец...

— Знаю, знаю... И тесные отношения между избранными вплоть до этого самого года. Вы желаете, чтобы супруга Бориса стала моей преемницей?

Баронесса утвердительно моргнула.

— Иного кандидата ведь ты так и не отыскал.

— Но у нее-то мизинец, небось, короток...

— Не столь длинен, как у твоего сына, но и не короток. Повторяю: традиции могут меняться...

— Что мне теперь делать?

— Первым делом, послать во Псков за Борисом и семьей. Я желаю с ними всеми попрощаться. Но кто я такая, и кто ты — молчи до назначенного часа. А после того не ленись — действуй. Наш Устав не запрещает изъять изумруд раньше крайнего года.

— Да, многие уж пытались, и жизнью поплатились!

— Жизнью поплатились, потому что олухи были. Ты ж не сам действуй, ты Савелия всюду подсылай.

— Он безвольный.

— А ему воля и не нужна! Ты его воля!

Баронесса была измождена долгим и трудным для нее диалогом. Сразу, как только Шварин покинул спальню, она безмятежно заснула.

Черняковы прибыли в поместье через неделю. Оксендорф умерла через день после их приезда, не дожив до своей 91-ой годовщины рождения меньше месяца.

Ещё одно письмо

Москва, август 2000-го года.

Фанатик вступил в активную переписку с Ольгой. Итак, вы уже знаете, что первое письмо девушка обнаружила в конверте с китайским адресом. Второе лежало на ее рабочем столе, когда она вернулась в Останкино.

Кто его принес — неизвестно. Лобенко отсутствовала почти месяц. Тучи людей входили в кабинет и выходили из него, он ведь отнюдь не был ее персональным.

Она сразу заметила торчащий из-под груды папок да журналов белый уголок. Вытащила. Развернула.

«Итак, все дороги ведут в Китай. Ты уже поняла? Нужно искать бывшую девочку Сон. Я нарочно оставил тебе адрес. Ищи!

Почему я взял тебя в компаньоны...»

«Нет, вы слышали, он взял меня в компаньоны! Да как он смеет!!!» — взбеленилась Ольга, но читать продолжила.

«Милая девушка, не надо так нервничать...»

«Мерзавец! Еще и в голову мою умудряется заглядывать...»

Лобенко поправила очки на носу, зыркнула из-под них, — заметил ли кто, ее волнение, не заподозрил ли чего? Двое режиссеров обсуждали сюжет за столиком, новый, пришедший ей на смену администратор, отчаянно стучал по клавиатуре компьютера... «Нет, кажется, все обошлось». Продолжила читать:

«Тебе, должно быть, интересно знать, почему я вступил с тобой в переписку. Или сама догадалась?

Да, увы и ах! Самостоятельно справиться с поиском камня не в силах! Ты ведь тоже заинтересована найти изумруд... Ну, хотя бы для того, чтобы предъявить его своей компаньонке, для нее ведь смарагд — фамильная ценность. Да-да, не удивляйся, я все-все знаю.

Я даже знаю, как пусто и муторно у тебя сейчас на душе. Тебе скоро тридцать, а ощущение такое, будто выпускные классы средней школы. Нужно делать какой-то выбор, нужно постоянно сдавать какие-то экзамены, и так страшно совершить ошибку, ибо чем человек моложе, тем непоправимее она кажется...

Присоединяйся. Мой путь выбрали за меня мои предшественники. Каждый мой шаг предопределен. В моей душе нет ни метаний, ни сомнений... «Покой и воля», — вот что мной движет. Правда, у меня осталось не так много времени. Вот почему я предлагаю тебе сотрудничество.

Присоединяйся! И мы завоюем целый мир!

Твой Фанат»

Когда ушли первые горячность да яростность, девушка стала прикидывать, кто бы мог подбросить эту вторую записку. Как ни крути, а снова получалось, что Саша Вуд. В Останкино вхож, его появление в Ольгином кабинете не вызвало бы ни у кого удивления... Разумеется, он должен был сделать это до своего дня рождения и ареста... А, может быть, и после... Может быть, именно потому он и решил с девушкой сотрудничать, что теперь скован в действиях и самостоятельное расследование продолжать не может...

Да, как же она забыла?! Валентин Николаевич ведь говорил, что их двое, этих самых

соглядатаев-Меркурианцев. Если предположить, что Саша Вуд — главный, визирщик, то должен быть еще и споборник. Или наоборот.

И все-таки как-то очень уж нарочито улики облепили экс-ведущего...

— Оленька! Пойми же, наконец, мы не инструкции его выполняем, у нас просто выхода другого нет! — увещевала Светлана Артемьевна.

В просторной квартире Чижовых «красным следопытам» уже прискучило, и теперь они «обживали» загородный дом приветливых москвичей. И то верно, лето, жара, что ж в душном городе-то томиться?!

— В самом деле, — подтвердил капитан Отводов. — Ты же не собираешься, в случае обнаружения, отдавать ему изумруд? — Он колдовал возле мангала, готовил угли.

— Нет! — замотала головой Лобенко. И в такт этому движению пару раз качнула подвесной диванчик. Вместе с нею проехала взад-вперед и наша мисс Марпл:

— Вот! А перстень, ну, в смысле, оправу с аквамаринном, вернуть хочешь?

Девушка оторопело посмотрела на бабулю. Признаться, с некоторых пор, она уже перестала считать утерянный перстень своим. И даже время от времени благородно помышляла вернуть оный потомку повара двора Ея Величества... То бишь, великодушно преподнести своей великовозрастной подруге, ежели, конечно, перстень отыщут.

У Вуда в квартире его не было. Может, арендовал где ячейку в банке? Но не сознался. Он вообще все отрицал.

— Пока вина экс-ведущего не доказана, мы обязаны исходить из того, что «фанатик» может быть на свободе. Кроме того, у бандита, как предполагается, имелся, или имеется до сих пор, помощник, — Отводов размахивал глянцевым журналом с обнаженным Роном Джереми на обложке, пытался преобразовать чахлый голубоватый дымок в пламя.

Ольга перехватила журнал, а Мария Алексеевна услужливо предложила в качестве опакала свою шляпу. Джереми был абсолютно гол. Хотя, нет, не правда. На нем были цепочка, браслет и два перстня из дутого серебра. На титульном листе срамное место прикрывал черный квадрат. В середине издания квадрата не было. Ольга поочередно показала оба снимка присутствующим дамам и малоумно подчихикнула. Мария Алексеевна покраснела, Светлана Артемьевна возвела брови в дуги.

— Ох, выволокла бы я этого Рона из порноиндустрии за длинный хвост... — сказала старушка, и, только после, встретившись глазами с хозяйкой гостеприимного коттеджа, поправилась. — Я про волосы... про волосы... — снова недобрый взгляд. — ...на голове.

Ольга, наконец, совладала со своими эмоциями и тоже решила вставить слово в обсуждаемую тему:

— Насчет хвоста... Это он под Дали косит. Видите, и усики отрастил, конечно, не с такими загогулинами, как у Мастера, но все же... Впрочем, до Сальвадора пока не дотягивает, — и она перевернула журнал обложкой вверх, указала на квадрат. — Приходится прикрываться примитивным Малевичем...

Ольгину остроумность оценил даже пребывавший все это время крайне серьезным капитан. То есть, он, конечно, сделал вид, что по-прежнему занимался шашлыком, но уж больно как-то нарочито поворачивался спиной к присутствующим.

Дом у Чижовых был добротный. Красного кирпича, двухэтажный, с мансардой. Круглое окошечко в самом верху, под крышей, — библиотека. Выдержана в стиле 19-го века. Покрытый зеленым сукном большой стол, на нем медный канделябр. Вдоль стен — стеллажи под самый потолок.

Там, в библиотеке, и собирались после обеда продолжить чтение бабушкиного дневника.

— Даже странно, что фанатик-меркурианец не наведаясь в этот коттедж, — за приготовлением шашлыка капитану Отводову думалось как-то слишком безуспешно. — Ведь основные документы, книги, в том числе и оставшиеся от Евдокии Алексеевны, хранятся именно здесь. Я не ошибаюсь? — он посмотрел на Марию Алексеевну.

— Не ошибаетесь, Ираклий Всеволодович, не ошибаетесь...

— Вот! Получается, наш «друг по переписке» знал, что «специалистов по старой технике» нужно направлять в городскую квартиру. Кому вы говорили про бабушкин дневник, Мария Алексеевна?

Та аж подскочила:

— Да никому, я сама про него и думать забыла. Кому ж расскажу...

— И все же. Припомните...

— Ну, — она прошла по уложенной плоскими спилами камней тропке к крыльцу, потом резко обернулась. — Одноклассницы знали. Две. Лучшие подруги... — помедлила, шевельнула покатыми плечами. — Так то еще в школьные годы.

— И что, вы со школьной скамьи с ними не виделись?

— От чего ж, встречались. Но лет десять, как след затерялся... Хотя нет, постойте! В прошлом году, Ленку... Ленку Сыроежкину повстречала в театре. Случайно. Сидела на ряду позади меня. С каким-то мужичком... Бородатый, но аккуратненький.

— Кто бородатый и аккуратненький? — хозяин, Станислав Евсеевич, не по загородному одетый, в пиджаке и при галстукe, вернулся с каких-то переговоров. — Кого на дуэль звать, — приобнял супружницу, поцеловал в бисквитную щечку.

— Да кому я нужна, — парировала та. — Это я про встречу с Ленкой Сыроежкиной, помнишь, около года назад, в театре...

— Ту Сыроежкину, что в телевизоре работает?

— Ну да, я ж тебе рассказывала, — и извинительным тоном добавила. — Он у меня по футболу, да боевикам спец. Новости предпочитает по радио в машине, ну и никак не может усвоить, что одна из моих бывших одноклассниц, более того, близких в прошлом подруг, теперь узнаваемое лицо, ведущая утренней программы на одном из периферийных каналов.

Отводов обмер:

— И что, получается, ее каждый мог бы найти через работу, особенно тот, кто, собственно, на телевидении и работает?

Светлана Артемьевна и Ольга, казалось бы, преспокойно нанизывали кусочки мяса на шампуры. Но отсутствие эмоций на лице еще не означало отсутствие внутренней реакции. Они прекрасно понимали, сколь важную ниточку в расследовании только что удалось вычленить капитану. Кажется, в деле о неистовом охотнике за стариной, фанатике-меркурианце, вот-вот распутается очень важная деталь...

— Мог бы найти? — Мария Алексеевна искренне недопонимала излишних вопросов Ираклия Всеволодовича. — Да к ней и в театре все с автографами приставали. Бедняга, вынуждена даже в полумрачном фойе носить солнцезащитные очки.

— И что, очки спасают? — Лобенко всегда умиляла эта притворная каприза «звезд». Ведь, ясно же, не для того они шли в свою публичную профессию, не для того лезли за экраны ящиков, чтобы потом грустить о неприметной серенькой жизни «как все».

— Я же говорю, — не спасают. — Мария Алексеевна наконец догадалась, что в запале,

упустила какой-то косвенный смысл собственного же рассказа, ставший очевидный всем остальным.

— И о чем вы говорили? — задала вопрос Светлана Артемьевна.

— О чем, о чем? О семьях, о детях, о работе, кого из бывших когда в последний раз видели... Стасик, о чем еще?

Но глава семейства воздел пятерни:

— Не-а, меня, Марьюшка, не приплетай. Ты же знаешь, я весь этот ваш бабский треп не люблю. Я сразу, как углядел, что вы языками сцепились, — в буфет и чай гонять...

Отводов ухмыльнулся, тоже мужское занятие! Ладно, если б по сто грамм. Но, видимо, с такой половинкой, как Мария Алексеевна, не забалуешь. Крепкий чай — уже благо!

Супружница тем временем продолжала:

— Ну, говорили, что надо бы встретиться, всем вместе, или вдвоем. Обменялись телефонами. Все это время нас постоянно отвлекали, то просьбой об автографе, то просто нескромными взглядами.

— А про бабушку, про дневник, конечно, ничего? — этот вопрос был очевидным, и задать его мог уже любой из присутствующих. Но озвучил все же, как и подобало по ранжиру, капитан.

— Ничего, — подтвердила Мария Алексеевна, ответ также был очевидным.

— А кто с ней был в театре, что за кавалер?

— Так он тоже смотался, — ухмыльнулся Чижов-старший. — Один я, думаете, такой ушлый, чтоб в буфет свалить.

— Так кавалер тоже в буфет пошел?

— Не знаю, может, и в буфет, я его физиономию не разглядел.

— И больше вы с ней не созванивались и не встречались?

— Созванивались. В феврале, у нас было 25 лет выпуска. Меня приглашали в школу, просили оповестить всех, с кем поддерживаю связь, ну, я и прошерстила записную книжку. Впрочем, «улов» был не велик. Всего пара-тройка фамилий. Из близких в прошлом подруг — одна Сыроежкина. Да и та на вечер, разумеется, не явилась...

— В феврале? — зацепился за дату Отводов.

— То есть как, в феврале, — «фирменно» изогнула брови Светлана Артемьевна.

Совпадение дат никому не показалось случайным. Именно в это время фанатик перешел к активным действиям, именно в этом месяце он готовил ограбление Ольгиной квартиры... А вскоре после ограбил и квартиру Чижовых.

Х Х Х Х Х

Было совершенно очевидно, что след изумруда терялся где-то в послевоенные годы.

Сытая довольная и разморенная красным вином компашка переместилась в легендарную библиотеку. Здесь пахло сосной. И стены были обиты деревом, и стеллажи еще не утратили свой природный аромат. Смоляной душок перебивал даже запах книг, большинство из которых были не такими уж и новыми, точнее, совершенно не новыми и даже антикварными? Прижизненное издание Жуковского в тринадцати томах, пятьдесят один том Большой Советской Энциклопедии, «Манон Леско» Прево 1932-го года, с какой-то, одновременно зацветшей красным и синим, веткой на обложке. Все они должны были накопить на себе немало пыли и источать сладковатый ее аромат, но, увы!

К смоляному душку дерева гармонично прибавился подкопчененький запашок, которым пропитались от мангала волосы и одежда «красных следопытов».

Читать все подряд из дневника опять-таки не было решительно никакого энтузиазма. Посему устроили мозговой штурм.

— По какому принципу «копаем» сегодня? — на правах старшей бросила клич Светлана Артемьевна, поправив на плечах свою очередную шаль.

— Как и прежде, ищем очередной кусок про китайскую девочку Сон, — предложила Ольга.

— Лучше давайте распределим постранично между всеми, и каждый отрапортует о прочитанном. Кому что интересным покажется, тот о том и расскажет, — Станислав Евсеевич по мнению большинства был явным подкаблучником, но на людях не прочь был и покомандовать...

Впрочем, супруга все одно ему возразила, и, признаться, ее мнение оказалось убедительнее:

— Получится игра в испорченный телефон. Один обратит внимание на одно, другой на другое, связь, цепочка между кусками потеряется. Нет уж, наша сила в единстве, — и тут она даже сжала свой мясистый кулачок.

«На митинге в защиту Че Гевары прокотировалась бы», — сочинила моментальную «умняшку» Ольга Лобенко, хотя, ей самой эта острота и не понравилась. Спрашивается, к чему сочиняла? Девушка чувствовала себя сейчас весьма комфортно, с психикой было все тип-топ... Просто так придумала, для тренировки... И тут же последовала ответная реакция, — очередное прояснение, очередная идея:

— Нужно искать пометку.

— Что искать? — переспросил Отводов.

— Пометку.

— Ценная мысль, — одобрила старушка. — Поиск перстня с изумрудом был и для автора дневника и для укравшего тетрадочку фанатика эрфиксом...

— Чем-чем? — переспросил прислонившийся к косяку Чижов-старший.

— Эрфиксом, — повторила Мисс Марпл из отряда «красных следопытов». — Навязчивой идеей. Стало быть, они всенепременно должны были пометить каким-то образом указуемый на него кусок текста.

— Ну, покойная бабулька, царство ей небесное, понятно, могла и пометить. А бандиту-то этому к чему помечать, к чему облегчать работу конкурентам, — Станислав Евсеевич от выпитого вина стал вполне закономерно хмелее, ну и бойче, естественно, и, что отрадно, сообразительнее.

— А к тому, добродушный вы наш хозяин, — Светлану Артемьевну убранство и содержимое библиотеки настроили на высокопарный слог. — Что он уже давно не держит нас, ну, или по крайней мере, нашу прелестницу Оленьку, за конкурентов. Разве позабыли его последнее послание в эпистолярном жанре? Сподвижничество господин предлагает, боится не поспеть к концу года с обнаружением-то изумруда...

Капитан Отводов согласился с бабулей:

— Будь в дневнике что-то окончательно ценное, выводящее непосредственно на искомую реликвию, а не намекающее лишь на ее местонахождение, — дневник бы припрятали более тщательно. И обратно нам в руки не отдали бы даже через обыск и арест Вуда. Оправу, ну, то есть, перстень с аквамаринном, ведь так и не нашли. Фанатик же не прочь, чтобы мы обнаружили ту самую «подсказку», что и он. Одна голова хорошо, а две лучше. Ибо, как известно, головы умеют не только думать, но и болтать.

Ольга посмотрела на Ираклия весьма и весьма уважительно.

Перелистывание пожелклых страниц, пристальное высматривание клякс, закорючек и разноцветных, очевидно, образованных при каких-то дополнительных обстоятельствах, пятен, оказалось занятием куда более увлекательным, нежели чтение вслух.

При этом обсуждались не только характер, происхождение возможной метки, но и ее форма. Вот почти идеально круглое пятно... Не кольцо ли? Не перстень? Нет, не похоже...

Размытые полоска и точка, — словно утративший четкость восклицательный знак. Рядом возлежащий абзац был продекламирован чинно и даже несколько пафосно:

«Дожди. Дожди. Ничего радостного, ничего светлого. Картошку выкапываю из склизкой грязи. Сушить приходится в доме, — больше негде. Да и мало ее, картошки, в этом году. Видать, снова придется на кашах да хлебе зимовать. Зато яблок было много. Варенье наварила, для компота засушила, кадку «мочеников» сделала... Светочка страсть как любит мои «моченики»...»

После получасовых дебатов на темы: «Что может скрываться под кодовым словом «моченики»? И имеют ли дожди отношение к размытому восклицательному знаку?» Постановили:

1) Моченики — действительно моченые яблоки.

2) Да, имеют, видимо, одной из капель этого самого дождя (не важно, залетевшей ли в открытую форточку, или занесенной с улицы) и были размыты в нечаянные полоску с точкой некие буква или знак...

Однако, ближе к концу автобиографичного изложения Евдокии Алексеевны, собравшихся в библиотеке ждал сюрприз.

На полях, будто бы случайно, исключительно из лиричности настроения, был нарисован цветок: пять розовато-оранжевых лепестков собраны в маленький колокольчик. А рядом — рассказ... Про кого бы вы думали? Опять-таки про легендарную Ольгину бабушку, замечательного доктора Клару Васильевну. Как раз тот кусок, который прежде Мария Алексеевна цитировала по памяти, и который был вывешен на доске в кабинете на Петровке. Ей действительно был преподнесен некий «ПОДАРОК». Именно так, в кавычках и большими буквами. И снова рядышком восточная тема. «Пели «На сопках Маньчжурии»... И... (Вот они «игры разума»! Чижова помнила прежде, что говорилось о каком-то варенье, которое варила бабка, но о каком именно?!) Дословный текст:

«... побалаясничали по-бабски, обменивались рецептами всяких варений — август начался, самая ягодная пора...

У меня в огороде крыжовника — не меряно, висят ягоды на ветках, словно большие изумрудины...»

Что это простое совпадение? Могла ли Евдокия Алексеевна знать предысторию камня и рецепт «Королевского» конфитюра? А, может, чисто интуитивно пыталась сравнить его с крыжовенной ягодой?

Однако на смену бурной радости и всеобщему ликованию вскоре пришло вполне адекватное «отрезвление».

— Итак, перстень с изумрудом попал в руки к Олиной бабушке Кларе Васильевне. Теперь мало сомнений остается, что именно он и был тем самым «ПОДАРКОМ». Мы это и без дневника знали, между прочим, — резюмировал Отводов. Но что дальше? Почему у Ольги этот же самый перстень был уже не с изумрудом, а с аквамарином?

В библиотеке стало как-то сумрачно и тихо. Вечер наступил, а окошко маленькое, ни

свечи в канделябрах, ни люстру никто зажечь не удосужился. Теперь уже было поздно. Дальнейшее обсуждение пока не имело смысла.

"Побежденный рассудок"

Санкт-Петербург, сентябрь 1779-го года.

Татьяна с Глафирой поедали сладкие картофельные лепешки с брусничной подливой, приготовленные по рецепту, принесенному Прохором с императорской поварни, и с добавлением, по Татьянинному усмотрению, всяких пряных трав.

— Вот паразит! Гляди, гляди, прямо от миски с лепешками побег! — Глафира взяла кружку и стуча ею по столу погнала хрустатое бурое насекомое с длинными усами.

— Да пришиби, пришиби его совсем! Этой же кружкой и пришиби! — советовала Татьяна.

— Ну его, только грязи на столе наведу, да охота есть отпадет. Всех прусаков все равно не перебьешь. Уж и дом студили, и кипятком бестий обжигали, а им все нипочем! Арнольд, не к ночи будет помянут, — Глафира перекрестилась, — уж на том свете давно, а память о нем, вишь ты, жива!

— Да, может, и не Арнольд-то в дом эту гадость занес?

Таракан тем временем обежал стол по периметру, скрылся под крышкой, и уже через несколько мгновений обнаружился на досчатом полу.

— А то кто ж, коли они аккурат вместе с Арнольдом и объявились! — Глафира ворча полезла под стол. Встала на четвереньки и, продолжая стучать кружкой, проводила таракана до самой печки, за которой оный благополучно скрылся.

— Ну, все же он без пожитков сюда пришел.

— Так от приятелей, видать, потом занес.

До войны с Фридрихом тараканы в России водились исключительно черные. Большие. Блестящие. Считалось, иметь в доме черного таракана — к достатку. Потому некоторые хозяева перевозили с собой с места на место этих паразитов. Впрочем, надоели, — так черных тараканов было довольно просто выселить. Достаточно было зимой уехать из дома на пару-тройку дней, не протопив комнаты и оставив распахнутыми окна и двери... Бурых же собратьев мороз не пробирал.

То, что завезли насекомых именно из Пруссии, ни у кого не вызывало сомнения. Воевавшие солдаты рассказывали, что в тамошних кабаках их полным-полно, и по столам бегают, и в супе плавают, и за ворот лезут, и в котомку...

— Он, Арнольд-то наш ненаглядный, на всех пирушках бывших пленных перебивал. А барин, простофиля, ему свою шубу выделил, вот в ней-то, в шкуре, небось, пара усатых и притаилась... — Глафира продолжала сидеть на полу, словно сторожила таракана, дабы тот не осмелился вновь явиться пред очи трапезничающим дамам. В этой не совсем приглядной позе и застал ее управляющий Мануэль. Посмотрел, крикнул от неожиданности и обратился к Татьяне:

— Извещение для барина. Соизволите передать? — доложил он, впрочем, без особого искательства. Хотя Татьяна и была в доме на положении хозяйки, все ж за таковую ее мало кто принимал.

Андрей обучил и женщину, и сына грамоте. Прохор, которого к этому времени уже перевели из поваренков в шеф-повара, стал разбираться в кулинарных сборниках, да и иные сочинения пролистывал. А вот Татьяна ленилась братья за книги. Дабы подогреть интерес к практике чтения, ушлый садовник разрешил ей вскрывать все послания на его имя, окромя

тех, что велено было передать лично в руки, и на оных стояли государственная печать, печать Вольного экономического общества либо личный вензель императрицы.

Татьяна отерла руки о фартук, уверенным жестом раскрыла конверт с монограммой «И.Е.». Знала, что это не «императрица Екатерина», на сей раз инициалы к государыне никакого отношения не имеют. Вензель Катерины Алексеевны выглядел по-другому: «Е II». И точно, конверт разворачивался в лист, содержащий в себе приглашение за подписью Ивана Елагина, в недавнем прошлом директора императорских театров.

— Должно быть очередную премьеру затевают, — позевывая пояснила Глафира. — Не люблю спектаклей. Бают там странно и поют шибко громко, а еще скачут по сцене, как козлята, только ноги из-под юбок торчат!

Глафира приложила ладонь к груди:

— Срам-то какой!

— И не говори! — отмахнулась та. — А ведь серьезные люди! Андрейка сказывал, что и знатные дамы да кавалеры время от времени в спектаклях танцуют. Вот через год после смерти Елизаветы Петровны, в ознаменование окончания траура, аккурат в масленую неделю, в Москве, Нарышкина и Строганова оделись пастушками и вышли на сцену. И граф Бутурлин тоже пастухом вырядился.

Глафира, слушала собеседницу заворуженно:

— Там что ж, сплошные пастухи да пастушки были?

— Ага! Задумка такая. Юная Весна, ею облачилась графиня Сивере, возвращается на Землю, а пастухи, да пастушки ее приветствуют.

— А как уразуметь, что то не баба, а Весна?

— Так поют о том, — Татьяна расхохоталась. — Только я б все одно не поняла... Поют чаще не по-нашенскому. Андрейка, когда меня на балет водил, постоянно на ушко объяснения нашептывал, что мол, и как...

— Да, барин у нас умный! — Татьяна согласно кивнула.

Глафира перебросила косу с одного плеча на другое и, теребя конец, спросила:

— Так ты и сама видала, как люди по сцене скачут?

— Видала. Балет одного итальянца. Сейчас уж и не вспомню кого, не то Аджомини, не то Анжолитти...

— Ну?

— Что «ну»? «Побежденный рассудок» назывался. — Татьяна явно красовалась. В Ораниенбауме ее почитали за темь, да и Осип всегда говорил: «У бабы волос долог, да ум короток». Глафира — первый человек, внимающий ее речам увлеченно. А когда тебя с разумением слушают, оказывается, так приятно! Татьяна горделиво задрала вверх массивный подбородок. — Тогда почитай всю верхушку Вольного экономического общества на премьеру созвали. Ну, Андрейка, само собой, меня прихватил.

— «Поврежденный рассудок»? О помешанных, что ль?

— Типун тебе на язык! Там одна персона, Миневра, якобы сама императрица. А ты — «о помешанных»...

Глафира принялась часто креститься:

— Прости, господи, душу грешную, да темную, душу непутевую!

— Не «поврежденный рассудок», а «побежденный»! Но ты отчасти права, о больных в пиесе и говорилось. Вообрази, раздвигается красный парчовый занавес, на сцене — декорации... Ну, такие украшения рисованные... Два дворца. Один аккуратный и красивый,

другой — запущенный и полуразвалившийся. В первом живет Гений науки — Эскулап, лекарь по-нашему, во втором — Невежество с Суеверием. Посреди сцены, в рубище, с вымазанным сажей лицом — Химера, чудище. У ейных ног лежат, бездыханны, детишки, — женщина начала помогать рассказу жестами, повела рукой. — Справа тянется прекрасная галерея, — повела другой. — С горизонта надвигается темная туча. Бьет молния, вот те крест, как настоящая!

— Да, ну!

— Истинно! Я у Андрейки спрашивала, как такую ярую струю света сработали? Он улыбается, видать, располагает сведениями, но секрета не выдает.

— А я знаю, как гром можно сделать. Кочергой по жестянке в гулкой комнате дать, так, чтобы эхо раскатистое прошло...

— Ну, гром дело не хитрое. Ухо-то обмануть легче, нежели глаз.

Глафира согласно кивнула:

— А что дальше было?

— Ты не перебивай и услышишь.

— Не буду, не буду, Танечка, только рассказывай.

— Ну, вот. А дальше вышла Рутения.

— А это кто?

— Вот она-то как раз просто баба, как мы с тобой. Рутения боится за себя и за своего сына Альцинда. Вся трясется бедняжка, вдруг и их одолеет недуг?

— Какой недуг?

— Оспа, — во какой, она ж — Химера. Думаешь, детишки возле чудища запросто так оземь валяются? Всех косит беспощадная болезнь!

— Господи, спаси и помоги! — Глафира в очередной раз перекрестилась.

— Тут начинается главная схватка. Гений науки выступает супротив Невежества, — все тоже артисты. Гений науки побеждает, туча отплывает в сторону, — Татьяна двинула руками вправо. — Небо проясняется и из храма Эскулапа чрез дивную галерею является Минерва-императрица, в парчовом одеянии, — Татьяна расправила плечи и лебедем проплыла вокруг стола. — Во какая важная, — сжала правую ладонь в кулак, — А в руке у нее копье. Копьем она протыкает Химеру, — сделала выпад в сторону Глафиры, та аж шарахнулась. — Рушится замок Невежества, — перевернула табуретку. Глафира вжала голову в плечи. — Народ ликует, то бишь все пускаются в веселый пляс, — руки в боки и пошла вперевалочку. — На месте разрушенного дворца вознесся обелиск, на него, явившаяся из тумана, Слава вешает увитый лаврами медальон с изображением Екатерины II и надписью: «Героине, победившей опасность». А на пьедестале: «За спасение рода человеческого. 1768 года, 25 ноября». Публика встает и рукоплещет!

Татьяна, вошедши в азарт захлопала в ладоши, Глафира, вторя ей, тоже.

— За какое такое спасение обелиск? За то, что турецкую войну выиграла?

— Балда! Турецкая война тогда только началась. А императрицу прославляли за прививку от оспы!

— Какую такую прививку?

— Я ж тебе рассказывала! Запомнювала, что ль? Мне Андрейка все подробно изъяснял. На иглу, али острие какое, берется гной из оспенного нарыва и царапается место на теле здорового человека.

Девица сморщила носик:

— Фу! Так заболевает-то здоровый!

— Вот так большинство, поработанное Невежеством, и мнит. А лекари просчитали, что болезнь пройдет стороной. Ну, если и занедужит кто, так совсем чуточку, как будто бы не взаправду.

— Отчего ж не взаправду?

Татьяна замялась:

— Не помню. Андрейка как-то мудро про то говорил, вроде бы в гное не только болезнь содержится, но и та сила, что с ней борется, — вроде так.

— Ишь, ты!

— В Европах кто-то попробовал прививку и жив остался. А в Россее покудова убоялись. А тут эпидемия...

— Епитимия? Батюшка кого наказал?

— Эпидемия — это наказание не от батюшки, а от самого дьявола! Так по-ученому мор зовется, повальная смерть от болезни.

— А-а-а!

— Вот так-то! И императрица наша первая сделала себе прививку и наследника привила. У ней несколько фрейлин заболело, и она положилась на удачу, ибо страсть как оспы чуралась. Из Англии вызвали медика. Гной взяли у крестьянского мальчика.

— Мальчик-то сам жив остался?

— Жив. Катерина Алексеевна ему потом дворянский титул даровала и новую фамилию «Оспенный». И еще объявила, коли кто пожелает последовать ейному отважному примеру, так прививку произведут от ней самой. И в один месяц сто сорок человек явилось.

— Еще бы! Я б тоже не отказалась в собственную-то кровь немного царского гною подмешать...

— И Андрейка тогда от оспы привился и Прохора привил. А я, признаться, струхнула. И до сих пор боюсь, даже после того, как пять лет назад от непривитой оспы французский король помер, и все ломанулись в оспенные дома за спасением, — я все одно не осмелилась.

— Батюшки, как интересно! И ты, Татьяна, еще нос воротишь. «Не люблю спектаклей!» — передразнила Глафира. — Вот бы мне на ентот театр хошь бы одним глазком посмотреть!!! Не терзай душу, читай, куда барина Иван Перфирьич зовет?

Татьяна взяла развернутый конверт в руки:

— И-ме-ю честь при-гла-сить, — цедила она по слогам, — на сеанс б-елой и чер-ной ма-гии без ра-зо-бла-чения. Оный про-водит ги-ш-пан-с-кий (экое трудное слово!) полковник, граф Ка-ли, — в висках застучало от счастливого предчувствия, — ос-тро.

Только месяц назад Глафира рассказывала ей о загадочном графе, владеющем тайной философского камня и творившем всяческие чудеса. А Прохор упомянул, что означенный маг и чародей прибыл в стольный Россейский град и жаждет добиться покровительства от самой императрицы.

— Неужто, Андрейка узрит самого Калиостро! Может, и меня возьмет, надо попросить хорошенько!

У Глафиры аж слезы выступили на глаза, от зависти.

В приглашении были и еще какие-то строки. Поднаторевшая в разборке самых разных извещений, Татьяна знала, что должны быть указаны место и время званого вечера. Сие покудова было не важно, и разбирать буквы далее она не стала. Придет Андрейка — прочтет.

Х Х Х Х Х

После бури 1777-го года, которая практически уничтожила Летний сад, а вместе с ним и многие старания садовника, Анклебер совсем сник. Быстро постарел, стал каким-то другим. Все реже из его уст вылетали былые меткие шутки. Белые с отблеском полуденного солнца кудряшки стали лунно-бледными, а по удлинившемуся из-за залысин лбу пролегли три продольные складки-морщины.

Он по-прежнему ездил на работу, но за новые эксперименты не брался, пригласил к себе учеников и пытался втолковать в их головы все то, чему когда-то научил его ботаник Буксбаум, чему потом научился сам... Рассказывал и про былые эксперименты. Да что толку. Ученики не верили, а показать он не мог...

— Раз в столетье такое бывает, чтоб у года на хвосте три одинаковые цифры выстраивались, — мистические даты, — втолковывала ему Татьяна. — В этот год всяческие катастрофы случаются. Жисть людей переворачивается, с ног на голову встает. Не мудрено, что и у тебя вся твоя предыдущая жисть поломалась. И береза твоя, то бишь, прости, дуру старую, из ума выжившую, рябина, тоже поломалась... А уж как холил ты ее, как лелеял, как любил. Я порой аж ревновала, дуреха, к дереву-то этому.

Подобные причитания Татьяна устраивала частенько, как императрица представления — примерно раз в неделю. У Андрейки от сих завываний на душе еще сквернее делалось. Приходилось и прикрикнуть на бабу, и кулаком по столу стукнуть. «Вообщем, вел себя грубо и странно» — докладывала Татьяна Глафире.

Вот и сегодня Анклебер, вернувшись домой, с точки зрения Татьяны, вел себя противоестественно. Он не только не обрадовался полученному приглашению, но даже обозлился, что ему, ученому мужу, предлагают поглазеть на этакое «мракобесие». Садовник сам слышал, как накануне государыня весьма неодобрительно отзывалась о Калиостро.

— Нигде ему не испытать большей неудачи, нежели в России, — сказала она. И Анклебер был с ней полностью согласен.

Была у садового мастера и личная причина относиться к гишпанцу с подозрением. Вместе с графом Калиостро в Санкт-Петербурге объявился еще один любитель оккультизма, приверженец герметической теории и тоже граф — Илья Осипович Шварин. По неведомой причине, сразу после воцарения Екатерины Алексеевны, он отдалился от императорского двора. Вроде бы незамедлительно отправился в первопрестольную, а потом и за границу и жил-поживал там все прошедшие годы.

У Андрея не было прямых доказательств, и все ж он не сомневался: убийство несчастного пруссака Арнольда во время несостоявшегося побега Татьяны — его рук дело. Кому была надобна смерть бывшего пленника? Только Шварину, неосмотрительно выболтавшему тайные сведения о Меркурианцах, и о своей к ним причастности. И ноги покойному Осипу, должно быть, с его же ведома перебили, чтоб Татьяну припугнуть, да привязать к калеке... Вот только зачем? Чтоб отвлечь внимание от гибели пруссака?

Нынче Татьяна была с Андреем столь льстива и угодлива, что устоять он не смог. Сделала жаркое из телятины с вишней, напекла любимых картофельных зраз, с грибами да капустой, перед сном попарила ему ноги в медном тазу и растерла ступни пихтовой настойкой, — Анклебер согласился отпустить ее на сеанс этой самой «черной и белой магии». Но сказал, что сам туда не пойдет и одну женщину не отпустит (да и не поймет она одна ничего, Калиостро-то, чай, не по-русски говорить будет). Потому в сопровождение дал Прохора, владевшего, в отличие от нее, лентяйки, и немецким, и французским!

В день, когда Татьяна должна была самолично узреть великого мага и чародея, дом садовника оказался в некотором запустении: полы не метены, посуда не мыта, ужин не готовлен. Глафире было не до хозяйства. С самого полудня она сидела с Татьяной в ее комнате, подбирала наряд, сооружала прическу.

Самая большая проблема — выбор между атласным платьем «цвета устрицы» (сама Татьяна ентих устриц, конечно, в глаза не видала, но так сказала модистка), присборенное по бокам и сзади на шнурки, в стиле «полонез». И между шафранножелтым платьем в английском пасторальном стиле с белым бантом на корсаже и белым декоративным фартуком, подобранным полукругом. Остановились на «устрицах».

Волосы зачесали назад пышной куафюрой, слегка припудрили, по затылку пустили кудри, сверху наложили плюмаж из страусиных перьев, крашенных в зеленый цвет. Принялись примерять украшения. Их у Татьяны было не так много. На фоне нитки жемчуга слишком толстыми казались щеки, фиолетовая аметистовая ривьера; омрачала лик. Из приемлемых вариантов: серебряная подвеска в виде распутившегося цветка лотоса и травяного цвета бархотка «Тур ля горж» с бантом, ловко прикрывающая морщинистую складку. Когда Татьяна надела на палец перстень с изумрудом, подаренный императрицей, выбор окончательно пал на бархотку.

Еще пару часов женщина с «охами» и «ахами» рассказывала, как и при каких обстоятельствах были ей подарены все эти украшения, а Глафира тем временем, вздыхая и вздымая от трепета грудь, прикладывала их к собственной шее. А там уж явился Мануэль, доложить, что Прохор подкатил на отцовской карете, — пора ехать к Елагину. Глафира же спохватилась («Барин скоро вернется, а на стол, кроме позавчерашнего супу, подать нечего») и припустила на кухню.

Х Х Х Х Х

Ехали долго. Усадьба Елагина располагалась на отдельном острове в северо-западной части города. Собрание проводилось в ротонде, на восточной стрелке, расположенной между Большой и Средней Невками.

Ротонда была совсем маленькая, незначительный тамбур и зала, где были выставлены в несколько рядов обитые брокателю; с закомуристым виолевым узором кресла, всего-то штук тридцать. Стены обтянуты плотным немецким штофом той же расцветки. Окон много, но все плотно зашгорены.

Прохор, галантно поддерживая за локоток, ввел Татьяну в залу. Там уж сидели люди. С некоторыми он поздоровался. Молодой человек хотел было провести мать поближе к импровизированной сцене, но та шепнула на ушко, что не желала бы оказаться на виду. И они пристроились в уголочке.

Татьяна окинула присутствующих оценивающим взглядом. Нет, ей стесняться нечего, выглядит не хуже других. И с прической угадала. Сооружения из волос на головах у дам были столь внушительны, что всех особ женского полу стоило бы усадить в последний ряд, за ними совершенно ничего не может быть видно. Татьяне же с Прохором повезло. Прямо перед ними маячила черепушка какого-то коротышки. И если бы не традиционный парик с буклями, так его и вовсе не было бы видно из-за спинки кресла. Коротышка был мал, да верток. Он без конца ерзал по гладкой обивке и нашептывал на ухо то соседу справа, то соседу слева:

— Слыхали, граф-то из одержимого Василия Желугина дьявола изгнал! Да-да, прямо на улице, посреди толпы, тому масса свидетелей имеется. А у генерала Бибикова в перстне

увеличил рубин на 11 каратов и изничтожил внутри одного пузырька воздуха! — изумления соседствующих особ, видно, коротышке было недостаточно, он обернулся. Во взгляде молодого мужчины никаких признаков впечатления не обнаружил, переметнул взор на женщину. Встретился с округленными голубыми глазищами Татьяны. Удовлетворенно кивнул.

В дверях появились граф Шварин, заметно постаревший, осунувшийся, с трудом перебирающий ноги. Одной рукой он опирался на орлиную голову, — рукоятку трости, другой — на запястье конопатого юноши.

Они уселись в первом ряду. Тут же в дверях возникла новая парочка: хозяин вечера, Иван Перфильевич (Андрей как-то показывал его, в театре, Татьяна запомнила Елагина по интересной форме лица, у него были как бы двойные щеки, круглые на скулах и овальные снизу, спускающиеся почитай до самой шеи) и прекрасная незнакомка со смуглым лицом. Прежде чем опуститься в кресло, Елагин легким поклоном поприветствовал всех собравшихся и галантнейшим образом усадил даму.

Коротышка зашушукался с соседями, после снова обернулся к Татьяне:

— Видели даму, что привел Елагин?

Татьяна кивнула.

— Это драгоценнейшая супруга господина мага, графиня Лоренца. Мне сказали, по секрету, ей уже семьдесят лет!

— Что вы говорите!

Коротышка закатил глаза и пожал плечами, мол, и сам удивляюсь:

— А графу больше трех тысяч!

Татьяна выдохнула сдержанное:

— О-о-о!

Конечно, ей хотелось завизжать от восторга, захлопать в ладоши, стукнуть Прохора по коленке: «А ты, шалопут, аще сомневался, стоит ли итить!» Но она не могла. Дала Андрею честное слово весь вечер держать ладони сложенными одна на другую (окромя тех моментов, когда все будут хлопать), локти — прижатыми к бокам, и в собрании опричь трех фраз: «Что вы говорите!» «Очень приятно!» и «Совершенно с вами согласна!» — ни слова боле не вымолвить.

— Он был оруженосцем еще при Александре Македонском... А графиню Оксендорф помните? — Татьяна снова кивнула. — Девяносто лет прожила, тоже при помощи мага, разумеется. Она постоянно ездила к нему в Европы, на сеансы... Теперь такое же покровительство чародей оказывает графу Шварину... — коротышка собирался сказать что-то еще, но не успел. Слуги подкрались и погасили свечи в шандалах, развешенных по стенам. Свет померк. Осталась гореть лишь пятипалая жирандоль на круглом столике. Вдруг и ее заслонил тучный силуэт.

Мания и манипулирование

Москва, август 2000-го года.

Гридасов и Старков быстро нашли общий язык. Ольга пригласила коллекционера тросточек в Останкино в качестве эксперта. Необходима была его консультация относительно аксессуаров прошлого столетия. Готовился соответствующий документальный цикл. Лобенко к нему никакого отношения не имела, зато Гридасов, как всегда выступал представителем спонсора, а теперь еще и большим начальником, главой канала, под чьей эгидой планировалось проводить съемки.

«В самом деле, как это я раньше не замечала их схожести. Оба исключительно галантны и вежливы, даже несколько старомодны. Педантично относятся к одежде и внешности вообще, любят лоск. Разборчивы в пристрастиях... К тому же чистюли... Галантные люди как правило чистюли, — вот интересное наблюдение!»

Лобенко сидела в уголочке и старалась не особо прислушиваться к беседе. Зачем грузиться лишней информацией?!

Все последние дни у нее и так голова пухнет. Одолели окаянные мысли, етить их туды-сюды... Мысли были опять-таки маниакальные, от слова «мания». Нет, со страхом преследования она уже распрощалась. И хотя по-всему выходило, что Сашу Вуда просто-напросто подставили, а настоящий бандит по-прежнему расхаживает на свободе, — не век же его бояться...

Страшно, когда раз или два, или периодически, но редко. А тут почти постоянно, — страх, вошедший в привычку, — это уже не страх. И даже безудержная злость, как ответная реакция, тоже себя исчерпала.

Что осталось? Осталась пустота. И какое-то отрешенное созерцание. Очередная «мания» девушки была не панической, а философической. Размышляла она о природе манипулирования.

Вот, на первый взгляд, однокоренные слова: «мания» и «манипулирование». Оба означают определенное воздействие на человеческую психику. В первом случае, ты этому не совсем адекватному воздействию подвергаешь себя сам. Во втором — попадаешь под влияние других.

На самом же деле, эти понятия не имеют между собой ничего общего, потому что происхождение терминов совершенно разное. От греческого «mania» — безумие, страсть, влечение, и от латинского «manipulus» — горсть.

Горсть... Рука, бросившая пядь земли на опущенный в яму гроб, или кучку семян в землю, или принеся вода, чтобы полить одно из этих семян... Почему к слову «горсть» так льнут значения, определяющие суть жизни и смерти?! Почему само это понятие «манипулировать», вытекающее из слова «горсть», — также касается именно сути нашей жизни, и как ее финала, — вечного упокоения?

Вот Екатерина Алексеевна... Что нам известно о ней из истории? Принцесса маленького прусского княжества, волею судеб избранная в жены наследника русского престола. Сам наследник, тоже по какому-то непостижимому року, был выписан теткой из той же Пруссии, чтобы продолжить царствующую династию... (Это надо же было тащиться за тысячи километров, чтобы соединить судьбы, на беду одного и на счастье другой!)

Конечно, будь он, законный наследник, хоть чуть прозорливее, упрямее и смелее, —

царствовал бы не несколько жалких месяцев, а годы, а то и десятилетия... Но прозорливой, упрямой и смелой оказалась жена. А, может, и не жена. Может быть, был при дворе человек, имя которого не вошло в историю, или вошло, но косвенно, который, преследуя какие-то свои цели, благородные, или не очень... Или даже не цели, а просто руководствуясь здравым смыслом и взглядом со стороны, решил помочь молодой Екатерине.

Одного такого человека мы знаем, даже не одного, а двух, — братьев Орловых, Григория и Алексея. Вот интересно, не было бы Орловых, стала бы Екатерина Великой?

Да что там люди?! Взять хоть перстень... Как переплелись вокруг этого маленького колечка с камнем судьбы, моя, Чижовых, Светланы Артемьевны. О том, сколько происшествий из-за него случалось в стародавние времена, можно только догадываться. Чем не манипуляция?

Люди манипулируют предметами, предметы манипулируют людьми. Кто у кого в большей зависимости, — так сразу и не разберешь...

Кажется, моя карьера пошла в рост. Из предложенных мною тем новых передач одна одобрена. Речь идет об исторической викторине, очередного развлекательного и познавательного шоу-действия. Коли утвердят окончательно, — буду как минимум автором и редактором, а как максимум — ведущей...

Кого я должна за это благодарить? Гридасова, воспылавшего ко мне неожиданным интересом? Светлану Артемьевну, на протяжении последних месяцев кормившую меня рассказами из прошлого, словно умелая няня капризного ребенка манной кашей: ложечку за маму, ложечку за папу, за бабушку с дедушкой... Или нет, постойте, если уж быть честной с самой собой. (А быть с самой собой нечестной не имеет решительно никакого смысла...) Получается, что этим офигенным и почти молниеносным карьерным ростом, в первую очередь, я обязана «фанатику», бандиту и маньяку, идущему за мной по следу, всколыхнувшему во мне чувства, эмоции, заставившему меня злиться, паниковать, выплескивать свою энергию, часть которой и сублимировалась в творческие идеи. Так вот о чем говорила мудрая бабуля в самый первый день после ограбления. Вот какие «перстни» или «записки» содержатся в «печальных вещах» «словно в условленных дуплах» и достаются наградой за лишения.

Все время внутреннего монолога Ольга смотрела на мирно беседующих Старкова и Гридасова с выражением интереса на лице. Привычка весьма полезная, отрететированная еще на тягоматных лекциях во ВГИКе, даром, что ли актерское мастерство там проходили?! Для полной убедительности время от времени вставляла:

— Да-да... Конечно... Надо же... Как интересно...

Вот и сейчас произнесла с интонацией, одновременно означающей и согласие, и удивление, и даже некоторое возражение:

— Не может быть...

И попалась!

— То есть, как не может быть? Оленька, разве Ираклий Всеволодович не рассказал вам о предстоящем освобождении вашего бедолаги-коллеги? — Гридасов был удивлен. Старков — удивлен не меньше.

— Саши Вуда? — переспросила Ольга, не столько для уточнения, сколько для того, чтобы оттянуть время и иметь возможность подумать, как выкрутиться из ситуации.

— Ну, да, Сашеньки!

— М-м. Нет... Говорил, конечно. Но... Я ему возражала. Мол, не опасно ли столь явно

давать понять оставшемуся на свободе преступнику, что, человек, которого он тщательным образом «подставлял», теперь вне подозрений. И капитан обещал подумать, обсудить это с руководством. Валентин Николаевич, так вопрос с освобождением, стало быть, решен?

Старичок кивнул. Генеральный директор нового канала почему-то расплылся в улыбке, какой-то, что называется, «раши клюква», буд-то прятал кислятину под толстым слоем сахара.

— Решен, Оленька, а может даже и осуществлен. Ведь вышли на эту треклятую Сыроежкину!

— Какую Сыроежкину? — сахар на устах Генриха Ильича окончательно растаял.

Ольге тоже было отнюдь не весело. Или Ираклий только с ней персонально беседу проводил? Мол, нельзя подробности следствия в Останкино распространять... Опасно, до «фанатика» дойти может... Она попыталась увести разговор в сторону:

— Сыроежкин, Сыроежкин... Ах, да фильм такой был, и есть. «Приключения Электроника». Так вот прототип этого самого робота, как раз фамилию Сыроежкин и носил... Мой любимый с детства сериал. Теперь ведь принято все, что больше двух серий, сериалами называть... И «Гостья из будущего» теперь сериал, и даже мультики...

Закончить фразу девушка не успела. Валентин Николаевич, явно желал довести затронутую им тему до конца:

— Елену Сыроежкину, ведущую утренней программы... Уж извините, Генрих Ильич, запомнил на каком канале, не то «ВзорТВ», не то «НТН»... Неужели не помните? Да вои же, у вас из под груды бумажек, в стопочке, и фотография ее высовывается.

— Это не ее фотография! — Гридасов нервно сравнял листы. — Впрочем, почему ж не помню... Даже имел честь знать лично.

Пока ехали в такси от Останкино до Петровки, Валентин Николаевич даже не думал ни оправдываться, ни извиняться.

— Оленька, точно вам говорю, уж поверьте, моему многомудрому опыту. Что-то здесь не так.

— Да с чего вы взяли, что там было фото Сыроежкиной? Ведь сами сказали, торчал лишь краешек...

— Нос. Нос ее торчал. Он у нее уточкой, смешной такой, вздернутый. Я этот профиль один раз в журнале о телевидении подглядел, — теперь никогда ни с каким другим не спутаю. Кстати та же самая фотография была опубликована.

Ольга сидела на переднем пассажирском сидении. Старков — сзади, опершись на тросточку слоновой кости с высеченными иероглифами, означающими китайскую мудрость... С той самой тростью, с которой приходил на Петровку в самый первый раз, когда и познакомился со Светланой Артемьевной, Ольгой Лобенко, Николаем Городцом и супругами Чижовыми.

— Вот скажите, милая, юная леди, — Ах, как млела Лобенко от его колоритного языка. — К чему господину Гридасову прятать фотографию, не важно, с Сыроежкиной, или без. Разве криминал, держать на столе фото? Стушевался, опять-таки. По всему видно, что-то знает, что-то не досказывает...

— Меня другое удивило, — отчасти новоиспеченный автор-редактор исторической шоу-викторины была со старичком согласна. — То он фотографии непонятно кого стесняется, то сам же сознается, что знаком с Сыроежкиной.

— О! В точку! А знаете, голуба, почему?

— Сконфузился, что ли? — Ольге нравилось подыгрывать и говорить с собеседником на схожем лексиконе.

— Именно! Он в замешательстве! Вначале собирался все отрицать, потом понял, что бесполезно...

Такси тем временем пересекло площадь Рижского вокзала. Дальше водитель умело свернул на Олимпийский и вырулил на Цветной бульвар.

— Вам Петровка где нужна, в начале, у Пассажа, или в конце, ближе к бульварному?

— Нам, дорогуша, нужна именно Петровка, тридцать восемь, — ответил ему Старков. Таксист обернулся и посмотрел на старичка весьма почтительно, тем же благоговейным взглядом окинул и пассажирку справа.

Х Х Х Х Х

Заседание на Петровке проходило в усеченном составе, не было Чижовых и Городца. А жаль, потому что необходимо было продолжить обсуждать Елену Сыроежкину. И меткий взгляд бывшей одноклассницы, вкупе с воспоминаниями школьных лет, очень здорово пригодился бы.

Отводов сегодня выглядел весьма браво. Надетый на него серый в едва различимую крапинку костюм был явно иностранного производства. Кудряшки на голове приглажены. Впрочем, прическа оставалась холеной недолго. При первой же потуге на логическое размышление, запущенная в космы пятерня испортила весь лоск:

— Итак. Что имеем? Самарский грабитель не смог опознать в Саше Вуде заказчика. Это, конечно, не доказывает ни его, Вуда, виновности, ни его непричастности к делу. Но, анализ ответов на детекторе лжи также показал полную некомпетентность экс-ведущего в вопросах по делу о похищении перстня...

— Но таран-то на скутере точно Александр должен был осуществить. Ведь даже его подружка Юля дала показания, что Саша Вуд как раз в тот день поехал купаться на Истринское водохранилище. Один! — возмутилась Светлана Артемьевна.

— То-то и оно, — по легкому оттенку лености в голосе, можно было догадаться, что этот вопрос Отводов задавал сам себе, и не раз, и очень давно. — Именно этот факт и заставил меня усомниться в причастности Вуда к преступлениям. Ну, скажите на милость, зачем говорить любимой женщине, что идешь на водохранилище, если собираешься там накуролесить?

Старков переложил трость из левой руки в правую:

— Эх, молодо-зелено! Опытной, хитрой женщине и не такое расскажешь. Бывают дамочки, что буравчик, так пригвоздит своим зырком, — со слезьми исповедуешься. Ничего за душой не утаишь.

Светлана Артемьевна посмотрела на приятеля с нескрываемым удивлением. Не похоже, чтобы этот знающий себе цену, наторелый в жизненных вопросах мужчина когда-либо, словно загипнотизированный, открывался перед леди, пусть и искусительницей-обаяшкой.

— Так-то оно, так, — продолжал Иракий. — Но тогда стоило бы предупредить Юлю, мол, скажи, что был дома, обеспечить алиби.

— Верно, — кивнула Лобенко. — И предупреждать не понадобилось бы. Юлечка — девочка смышленная. Сама бы поняла, что для личного же счастья на вопросы, типа: «где ваш муж был такого-то числа в такое-то время?» лучше отвечать: «дома, вместе со мной».

Отводов, Светлана Артемьевна и Старков посмотрели на девушку с некоторой немилостью. Это надо так расхрабриться, чтобы в святая святых уголовного розыска

говорить о лжесвидетельствовании. Лобенко недобрый взгляд восприняла адекватно, поспешила перевести разговор:

— Ираклий Всеволодович, а что там с Сыроежкиной...

— Чуть позже, — видно у Отводова в самом деле был в припасе некий важнецкий факт, — Давайте с Сашей Вудом закончим. Я ведь так и не сообщил вам, как и почему с него окончательно решили снять подозрения...

— Мы все во внимании, капитан, — Старков даже коснулся ребром ладони виска, — вроде как козырнул. Его вторая рука в это время опиралась на трость, — картинка вырисовывалась несколько казусная.

— Суть в том, что Вуда признал на Истринском пляже один мой знакомый. Он там отдыхал с семьей. И утверждает, что Александр никуда не отлучался, все время провел наедине с книжкой. Пару раз искупнулся. И все. Ни на мотоцикл не садился, ни бандану не повязывал. Ни, тем паче, бороду на лицо не клеил...

— А татуировка и перстень? — спросила Ольга.

— Про перстень приятель не помнит. А татуировка, разумеется, присутствовала, куда ж она денется?!

— Как-то странно, — сощурился Валентин Николаевич. — Вы не находите, други мои? Один и тот же человек, одновременно в двух местах, хотя и в одном местечке. Стало быть, это два человека и один из них — ненастоящий. И почему вы беретесь утверждать, что этот «ненастоящий» именно на скутере, а не на песочке с книжкой? — он тряхнул головой, сам запутался в собственной болтовне.

— Ну, согласитесь, милейший, борода, очки и бандана скорее походят на «маскарадный костюм»... — ответила за Отводова сообразительная бабуля.

— Верно подмечено, но не в этом дело, — перебил ее капитан. — Этот человек, которого я назвал приятелем, действительно состоит со мной теперь уже в дружеских отношениях. Но когда-то, года два назад, проходил по одному делу свидетелем и весьма-весьма следствию тогда помог. Глаз у него — алмаз. Все детали щучит, все досконально запоминает. И, если уж он сказал, что лежал с экс-ведущим «Волшебного ларца» под одним солнышком, значит, именно так оно и было.

— Еще вопросик, — не унимался дотошный коллекционер тросточек, — Разве, по-вашему, нормально то, что взрослый мужчина, не так давно обзаведшийся прелестной пассией, и, судя по всему, сохранивший к ней пока первое и трепетное чувство влюбленности, едет на пляж в одиночку и проводит там время с книжкой... Ну, в крайнем случае, можно было бы с друзьями...

Старков и Отводов сидели друг напротив друга, каждый с торца огромного письменного стола. Дамы — сбоку, на стульчиках возле стенки. Они то и дело поворачивали голову то направо, когда говорил Валентин Николаевич, то налево, когда говорил Ираклий Всеволодович. Если заснять со стороны, на камеру, — зрители решили бы, что вышеупомянутые особы наблюдают за игрой в пинг-понг.

— Абсолютно ненормально, многоуважаемый Валентин Николаевич! И вы, уверен, не могли допустить мысли, что я не задавал себе тот же самый вопрос.

Ольга со Светланой Артемьевной переметнули взоры в ожидании очередной пасовки. Валентин Николаевич кивнул. Это была его немая передача. Далее снова Отводов:

— Пришлось ехать к этой самой «прелестной пассии» за разъяснениями.

— И что?

— Очень просто. Дамочка долго краснела и мямлила. Потом созналась, что не могла по природе своей позволить в тот день пляжный отдых. А Вуд желал предаться самоанализу, помедитировать на природе...

— Он же книжку читал?!

— Так какую-то, способствующую ковырянию в собственном нутре.

— Bravo, капитан, bravo! Вот что значит своя агентурная сеть, безупречная логика и правильно задаваемые вопросы. Впрочем всех остальных хвалю за интуицию. Мы ведь с самого начала ставили под сомнение виновность экс-ведущего «Волшебного ларца». И подозревали, что улики против него тщательно сфабрикованы.

Партия «настольного тенниса» была исчерпана. Пришла пора обсудить, наконец, ставшую легендарной за последние дни личность госпожи Сыроежкиной. Слово опять взял капитан:

— Я с ней виделся. Официально. Нервничала заметно. Но про свое общение с Марией Алексеевной рассказала все тоже. Встретились случайно, в театре. Переговорили коротко, в фойе. Обменялись телефонами. Потом бывшая одноклассница позвонила, пригласила на вечер встречи выпускников, — Сыроежкина не смогла. Все. Да, еще спрашивал, кто с ней был в тот день в театре. Говорит, что уже не помнит. Обыкновенно, ее приглашает кто-то из поклонников. Ну и она, поскольку современные подмостки очень любит и уважает, соглашается. Получается «и нашим, и вашим». Почитатель телевизионного таланта счастлив, и дамочка дефицитненькую постановку на халяву узрит, — ни денег платить не надо, ни, что гораздо проблематичнее, о билетах договариваться... И еще, я навел справки, Елену Сыроежкину приглашают вести одну из новых программ на новом канале, возглавляемом Гридасовым. Странно, что ни сама Елена, ни Генрих Ильич об этом не сказали. Контракт, скорее всего, гораздо более выгодный, чем был у ведущей до сих пор. Иначе к чему бы соглашаться?! Что за программа — не известно. Вроде бы, театрализованная шоу-викторина. Не твоя ли Ольга, историческая?

От ухоженного причесона не осталось и следа. «Все-таки вредная вещь — привычка», — подумала Светлана Артемьевна.

«Если бы я стала его женой, — первым делом отучила бы засовывать пальцы в волосы, — размышляла Лобенко и про себя же добавила. — Впрочем, если бы он ту же манипуляцию стал проделывать не на своей, а на моей голове, — я бы была не против». Никто из присутствующих не понял, почему девушка так густо покраснела.

Лицедейство и латунный кастет

Санкт-Петербург, сентябрь 1779 года.

Едва потухли одни свечи, тут же самым чудесным образом вспыхнули новые, никто не видел, чтобы слуги подносили к фитилю огонь. Прямо на полу импровизированной сцены маленькие огоньки образовали собой три кабалистических знака: два наложенных друг на друга треугольника, образующих совместно шестиконечную звезду; крест и круг.

— Смотрите! Смотрите! Пламя вспыхнуло от одного только взгляда, — зашептал коротышка. Но соседи неодобрительно на него зашикали.

Силуэт тем временем стал более отчетлив. Это был, несомненно, человек, несомненно, сам маг и волшебник, граф Калиостро, завернутый в лиловый шелковый плащ.

Калиостро скинул с головы капюшон, под ним оказалась белая чалма, усыпанная блестками. Из-под чалмы выглядывал гладкий широкий лоб, черные глаза, круглые дуги смоляных бровей, низко посаженный приплюснутый и, одновременно, как бы оттянутый за кончик вниз, нос, слегка кокетливые, с загнутыми вверх уголками, губы.

— Дамы и господа! Я рад приветствовать вас на магическом сеансе! — после этих слов он с минуту молчал, высверливая собравшихся взглядом. Вначале прошелся по передним рядам, потом добрался и до задних. На секунду задержал взор на Татьяне, у той мурашки пробежали по спине, и ноги непроизвольно дернулись, будто в судороге. На каком языке говорил великий маг, Татьяна так и не уразумела. Прохор тихонько, на самое ушко, переводил:

— Место нашей встречи выбрано не случайно. Сия ротонда расположена на пространстве, где встречаются четыре стихии: воздух, вода, земля и солнце, — четыре начала, создающие наш Единый мир и регулирующие в нем силы добра и зла. Этот остров хранит множество тайн. Здесь зарыт клад, спрятаны рукописи Соломона и саркофаг Гомера.

По зале пробежал шумок восторга. Все воззрились на Елагина, тот, впрочем, не выказал никаких эмоций.

Возможно, кому-то эти заявления и показались абсурдными, но люди сведущие помнили, историю девятилетней давности. В разгар войны с Турцией, в 1770-ом году, офицер Измайловского полка и любитель археологии Сергей Домашнев, на одном из островов Средиземного моря обнаружил гробницу. Разумеется, находку подняли на борт и привезли в Петербург. Домашнев подарил ее графу Александру Строганову. А граф при осмотре пошутил: «Уж не покоится ли тут сам Гомер?»

Саркофаг установили в саду Строгановского имения. С тех пор в Россейской столице в ходу были две притчи. Первая, будто в каменном гробу, возле пруда, на рукотворном холме, возведенном по приказу Александра Сергеевича, и впрямь нашел свое пристанище прах античного пиита. Вторая, что Домашнев привез на корабле не один, а два саркофага, и прах Гомера теперь также находится в Петербурге, но где именно, — великая тайна. Почему бы до кучи не быть здесь и рукописям Соломона? Ну, а уж клад на фоне подобных антиков выглядит даже несколько прозаично. Иными словами, Калиостро поверили.

— Я приоткрыл вам завесу тайны. Как знак, что я вам полностью и всецело доверяю. Но доверяете ли вы мне?

Собравшиеся очаровано смотревшие на кудесника, дружно закивали головами.

— Сегодня вы еще не единожды услышите и узрите то, что поразит ваше воображение.

А для начала давайте прислушаемся к окружающим нас стихиям. Слышите, как плещется вода о мыс?

Головы кивали уже менее активно. Согласие выразалось в затаенном дыхании, с оным сидящие в зале внимали плеску волн.

— Это ветер доносит до нас звуки. Видите его дуновение в трепетании пламени свечи?

И, будто бы по повелению мага, огоньки на полу дружно качнулись вправо, затем влево, пометались из стороны в сторону, и вновь замерли в вертикальном положении.

— Наш мир Един, а все его части, в том числе и люди, связаны друг с другом. В данном случае эта связь передается не только чрез воздух, но и чрез землю. Упритесь ногами в пол, ощущаете легкие содрогания?

Татьяне показалось, будто и впрямь в туфли пошли какие-то едва различимые толчки.

— Закройте глаза. Так ощущения усилятся.

Чудилось, будто она явственно зрит все, что находится под землей: фундамент ротонды, упирающиеся в него корни деревьев, таинственную пещеру, в которой почему-то светло, и оттого возможно разглядеть покрытый паутиной сундук, очевидно, с кладом, а на сундуке — пожелтевший свиток, очевидно, рукопись Соломона. Молнией взор переметнулся сквозь чернь почвы в другой конец острова. Там обозначился сырой и серый четырехугольный камень гробницы Гомера.

Маг тем временем продолжал:

— Для мысли человека нет преград. Она может воспарить в небе, опуститься на дно морское, пройти сквозь охваченный пламенем дом, или сквозь стену. Познание человека беспредельно, как безмерна стихия. И только мы сами его ограничиваем. Наука за последнее столетие сделала много открытий, — но все это лишь частные сведения. Полное, всеобъемлющее представление о жизни можно получить только на Востоке. Я был в Египте...

Татьяне показалось, что она на миг задремала, прямо с открытыми глазами, или, по крайней мере, отрешилась от происходящего. И наблюдала за всем со стороны, или даже свысока.

— Для Единого мира нет прошлого, нет будущего, мир велик и незыблем, — продолжал Калиостро. — Вы, конечно же знаете, что я могу предвидеть будущее. И желаете, чтобы я продемонстрировал сию способность. Что ж, извольте! Только мы усложним задачу. Я приглашаю одного из вас стать моим проводником в лабиринтах времени. Имеются желающие?

Желающих не было. И то верно, просто глазеть на его чудачества да волхвования все ж безопасней, нежели в них участвовать.

— Ну, что ж, тогда, по традиции, я выбираю самую юную и, соответственно, самую чистую душу. Молодой человек, позвольте! — и он указал на конопатого рыжеволосого паренька, что сопровождал Шварина. Паренек подошел к графу.

— Как вас зовут, юное созданье?

— Алексей.

— Встаньте вот сюда, Алексей, в центр огненного круга, — юноша повиновался и перешагнул через свечки. — Скажите, каким вам видится время?

— Никаким, оно ж не стол и не лавка!

— А образно? Ну, ежели, скажем, уподобить время некоему знаку, символу или фигуре?

— Тогда оно — поле без конца и края. Или, нет, лучше черта...

— Вы правы в одном, у времени нет конца и края, но оно отнюдь не поле, и не прямая линия, — он взял со стола маленький черный уголек, поднес его к лицу юноши, тот отстранился. — Не бойтесь, доверьтесь мне.

Калиостро начертил аккуратно на лбу юноши крученую спираль.

— Вот, что такое время. Мы с вами живем вот здесь, — он постучал угольком по самому центру спирали, паренек хихикнул. — Время вращается вокруг нас. Всегда. Оноечно, — провел по периметру самого мелкого круга. — Мы живем вот так, пропускаем чрез себя время минута за минутой. А ведь можно шагнуть и поперек, по оси. Только не каждому это дано. Что ж, Алексей, вы готовы сделать шаг из одного витка времени в другой?

Юноша пожал плечами:

— Готов, — сказал он не совсем утвердительно.

— Сейчас я запишу на этом белом листе бумаги вопрос, ответ на который наш с вами проводник должен будет узреть в межвременном пространстве. Ваши предложения?

— Сколько я проживу на этом свете? — спросила пожилая дама.

— Вмешается ли Россия в войну между Англией и Америкой? — выкрикнул некто из угла.

— Нет-нет! Для начала давайте совершим скачок не столь далеко, всего на один крохотный виточек, едва отделимый от центра, точки под названием «сейчас». Загадаем нечто, что будет возможно испытать немедля.

— Что произойдет в сией зале через четверть часа? — предложил граф Шварин.

— Никто не против? — спросил маг. Все согласились.

Калиостро записал вопрос на белом листке. Тут же скомкал его, бросил на серебряный поднос и лист загорелся (опять-таки, сам собою). Зал замер. В воздухе царила атмосфера восторженного ожидания. Лист корчился все боле и чернел. Когда пламя унялось, чародей размял выжженное руками, указательным пальцем провел по пеплу, затем велел Алексею вытянуть вперед руки ладошками вверх и начертил на них некие чернокнижные знаки. Издали было не видать, какие именно. Пробормотал нечто себе под нос, — даже Прохор не смог разобрать, — и с молодым человеком произошли загадочные перемены. Теперь он смотрел строго прямо пред собой. Его лицо стало каменным, взгляд остекленел, и только свечное пламя играло в зрачках.

— Милый юноша, что вы узрели?

Алексей заговорил каким-то неестественным, совершенно взрослым, мужицким, голосом:

— Взор мой обращен к даме, на оной черный капор и черное платье. Дама мертвенно бледна и не подает признаков жизни. В дверях — некий мужчина в темно-синем сюртуке и ярко-красном камзоле, обшитом по краям плотной золотой лентой, он спешно удирает.

— Убийца?!

— Один из нас убьет княгиню Гарину? — выкрикнули из зала.

В том, что Алексей описал именно ее, не было ни малейшего сомнения, Гарина одна из присутствующих носила траур. Сама княгиня побледнела тотчас, не дожидаясь роковой минуты.

— Ш-ш-ш! — Калиостро приложил палец к устам. — Не спешите делать выводы. Алексей, как выглядит убегающий человек?

Мальчик таким же монотонным голосом продолжил:

— Он в темно-синем сюртуке, надетом на ярко-красный камзол. Камзол отделан

золотым галуном.

Зрители заозирались по сторонам, но так и не нашли человека с приметам.

— Позвольте мне уйти! — взмолилась княгиня Гарина.

Калиостро ответил витиевато:

— Вы вольны уйти из этой залы, или вовсе покинуть сей остров, но это не означает, что вы уйдете от судьбы. Доверьтесь мне, и, может статься, роковая минута превратится в минуточку счастья.

Заявление мага княгиню не убедило, с решительным видом она двинулась к выходу.

— Оставайтесь! — голос мага был уже не столь склоняющий, сколь требующий, — или вы не хотите узнать то, зачем сюда пришли?

Гарина остановилась.

— Я обещаю, вы получите ответ на свой вопрос.

Женщина вернулась в кресло.

— Итак, я возвращаюсь к вам, мой юный друг. Что вы видите сейчас?

— Туман мешает мне видеть. Очертания залы сокрылись в нем, не видать ни стен, ни людей, — никого.

Калиостро обернулся к зрителям:

— Я должен пояснить. Наш Единый мир состоит будто бы из множества миров, существующих в одно и то же время, в одном и том же пространстве. Обычный человек их не зрит. Сия прерогатива дарована лишь избранным. Или же тем, кто временно пребывает в сомнамбулическом состоянии, как этот юноша. Туман — есть переход из одного мира в другой.

— Вижу. Туман рассеивается, — очень вовремя заговорил Алексей. — Но зала полупуста. В ней всего несколько человек. Все они одеты в белые балахоны. Все стоят. Трое — вот здесь, слева от меня, — и он не поворачивая головы, повел рукой, очерчивая место меж собой и магистром. — Остальные — в межрядье.

— Кто стоит подле вас?

— Один среднего роста, со светлым и добрым ликом. Волосы и борода орехового оттенка, выше висков — гладкие, а ниже — вьющиеся, более темные, разделены на прямой пробор.

— Сын божий, Иисус Христос, — пояснил Калиостро.

— Этот человек смотрит на другого, в больших летах, с оголенной головой, без волосовсе. Губы поджаты. Глаза мелкие, круглые, сверлящие.

— Наместник Иудеи Понтий Пилат, — уже почти шепотом, словно боясь помешать видениям Алексея, молвил чародей. Дама во втором ряду вскрикнула. Тут же спохватилась и прикрыла рот одной рукой, другой же закрестилась, не проговаривая, а только шевеля посиневшими от перепуга губами:

— Господи, прости!

Юноша тем временем продолжал:

— На челе у третьего — лавровый венец. У него выдающийся подбородок, на лбу — продольные морщины, внизу щек — глубокие складки.

— Гай Юлий Цезарь. Спасибо, о духи великих, что посетили нас! Соблаговолите ли ныне удостоить нас беседой?

— После. Прежде то, о чем обещал! — голос мальчика снова изменился, но по-прежнему был мужским, по-прежнему взрослым.

— Тогда ответь, проводник, не зришь ли ты кого подле того места, где сидит дама в черном?

— Зрю. Юного отрока, белокурого и белого лицом. На виске — рассеченная рана.

Княгиня Гарина вцепилась в подлокотники кресла и вжалась в спинку так, словно силилась ее продавить.

— Нет ли у отрока иных приметных черт?

— Родинка размером с фасолину на шее...

Зал разом ахнул. А коротышка, который сидел перед Татьяной, вдруг выхватил из-под манжеты кружевной платок и замахал им перед носом. Платок, видать, был надушен, распространился пряный гвоздичный аромат.

Какое тут приличие?! Позабыв про данные Андрею да Прохору обещания, женщина наклонилась к соседу и попросила разъяснить всеобщую ажитацию. Тот, разумеется, обрадовался собственной востребованности. И растолковал, мол, белобрысый отрок — сын Гариной, убиенный месяц тому назад.

Изложить суть «странных обстоятельств» коротышка не успел. Княгиня Гарина взвизгнула, будто кто ущипнул ее за бок, подскочила на своем месте, закатила глаза и обмякла, — лицо бескровно, грудь не вздымается, — ни дать, ни взять покойница. Кто-то поднес к лицу зеркальце и объявил:

— Дышит. Дайте же сюда нюхательной соли!

В общей суматохе никто не обратил внимания на только что вошедшего человека, одетого в темно-синий сюртук и ярко-красный камзол, обшитый по краям плотной золотой лентой.

— Я сейчас принесу воды, — выкрикнул вошедший и опрометью бросился к двери. Тут уж в обморок упала еще парочка особо впечатлительных дам.

Княгиню привели в чувство. Дали ей принесенной мужчиной воды. Сам вновь прибывший с почетом был усажен в единственное пустующее кресло в первом ряду, по правую руку от графа Шварина.

Татьянин мозг окончательно переполнился впечатлениями. Она больше не могла воспринимать окружающую действительность. Впрочем, действительностью происходящее сиим вечером в ротонде Елагинского имени назвать было сложно. Это было чудо, волшебная феерия. Состоялось еще много чего невероятного. Трогательная беседа матери с погибшем сыном. Призрак через проводника доложил о своем загробном житье-бытье.

— Здесь все бело, и цветы диковинны, и нет печали...

— Должно быть, мальчик в раю! — прослезилась мамаша.

А вот имя убийцы отрок назвать отказался:

— Сами поймете, он будет наказан, не людьми, отцом нашим небесным.

Отвечали на вопросы собравшихся и великие духи Христа, Понтия Пилата, да Юлия Цезаря. Обещали, что Россия сохранит морской нейтралитет в англо-американском противостоянии, предрекли новую войну с Турцией за Крым и издание «жалованной грамоты», — дарующей дворянству свободу от податей и телесных наказаний.

По окончании спиритического сеанса Калиостро провел сеанс лекарский. Он спросил, не болит ли у кого в зале голова. Разумеется, таковые нашлись. Тогда он велел им про себя отвечать на задаваемые вопросы, и следовать, опять-таки в воображении, его указаниям:

— Закройте глаза и представьте, что в зале играет музыка. Вообразите вашу боль как некое облако... Какого оно цвета? А размера? Оно может поместиться в ведро? А в кадушку?

В сундук? Ссильтесь и постарайтесь все ж запихнуть ненавистную в некий сосуд, явно для нее тесный... Накройте крышкой и бейте по крышке кулаком, всякий раз, когда боль будет высываться! — кто-то вполне реально долбанул себя по коленке, граф предостерег. — Все действия, повторяю, следует совершать только в своей голове, в воображении. Теперь снова прислушайтесь. Музыка поменялась? Выпустите облако. Оно стало другим, не правда ли? Меньшим? Ручаюсь, что меньшим! И посветлело. Давайте заново прикинем его размер...

Фокус состоял в том, чтобы головную боль, вообразимую в виде облака, беспрестанно запихивать в тесную емкость и утрамбовывать там. С каждым разом она должна была становиться все меньше и меньше, потом и вовсе сойти на нет:

— Вы открываете крышку, а из сосуда появляется лишь маленькая дымка, она немедля рассеивается...

У Татьяны голова не болела, но после магических манипуляций сознание явно прояснилось. Душа клокотала от радости. «Вернусь, буду всем в доме голову лечить, — вот подивятся!»

В конце сеанса Калиостро предложил купить у него эликсир молодости, оным он пользуется на протяжении всей своей жизни, и оный регулярно потребляет его драгоценная супруга. Для пущей убедительности моложавая Лоренца встала и поклонилась. Народ стал расходиться. Оставляя добровольные пожертвования на серебряном подносе, что держал стоявший при выходе лакей. Поскольку все находились под сильным впечатлением, не скупилась. Да и как поскупиться, скандалы вдоль стен были вновь зажжены и гости с нескрываемым интересом разглядывали, кто что кладет. Среди монет лежала и одна ассигнация на 25 рублей. Уж неизвестно, кто ее пожертвовал, один человек или несколько.

Как раз в тот момент, когда Татьяна положила на поднос пару медных рублей, рядом с ней возник граф Шварин, метнул какую-то мелочь в общую кучу, а сам впился глазами в руку женщины:

— Экое чудесное творенье у вас на пальчике. Простите мою нескромность, но я готов биться об заклад, изумруд был увеличен в размере нашим несравненным магистром...

Женщине, разумеется, подобное предположение польстило. Окончательно отринув все давешние обещания помалкивать, она вступила с графом в диалог:

— Неправда ваша. Этот перстень именно с таким камнем мне сама императрица пожаловала.

Проходчик ткнул мать локтем в бок. Но увести не успел, его отвлек тот самый мужчина в темно-синем сюртуке, появление которого в зале было предсказано.

— О, так вы можете попросить господина Калиостро, и камень возрастет еще в несколько раз. Вы ничем не рискуете! Граф делает это совершенно бесплатно! Правда, — Шварин замялся, — желающих много. Но магистр ко мне благоволил, я договорюсь, — и совсем доверительно добавил. — Знаете, он дал согласие погостить пару месяцев в моем Московском имении, ежели бы вы отдали мне сейчас сей перстень... Только представьте, ваш изумруд теперь размером с ягоду, а будет — с яблоко... — глаза «доброхота» горели, казалось, они сами вот-вот взорвутся и вспучатся, если уж не до величины яблока, то по крайней мере до сливы.

Татьяна застыла в нерешительности. С одной стороны, к чему ей такой большой камень, не то что на палец, на шею не наденешь. С другой, все ж, изумруд! И надевать не надобно, можно просто любоваться. Это ж целое состояние!

— Даже в сокровищнице самой Екатерины Алексеевны такого огромного изумруда не

отыщется, — Илья Осипович жаждал подтолкнуть собеседницу к согласию, а вышло наоборот. Обладательница вожделенного перстня вдруг вспомнила, что сей презент ей как раз императрица и поднесла. «Негоже будет, с подарком-то расстаться, да еще взамен оного возыметь камень столь великий, что та же Катерина Алексеевна обзавидуется!» Татьяна по-прежнему относилась к государыне как к своей заочной подруге. Хотя уж много лет не пользовалась ее милостью.

— Нет, уж, простите, не согласна я! Мне не цена камня, а сам перстень дорог.

Шварин извинился за беспокойство и откланялся. Татьяна оглянулась. Гости все разошлись. Прохора тоже не было видно. Решила, что тот дожидается мать в карете, и вышла на воздух.

На улице было темно, холодно и сыро. К Ротонде тянулась совсем узкая дорожка, лошади по ней не могли проехать. До экипажа нужно было немного пройти пешком. Татьяна поежилась, поискала глазами хоть какого, пусть случайного, спутника. И заметила впереди мужчину. Кто это не разобрала, но пустилась вдогонку.

Парик как у всех, с белой косичкой. Припадает на правую ногу. Что-то Татьяна не помнит, чтобы кто-то входил в залу, или выходил из нее, прихрамывая. Однако где-то эта походка ей уже встречалась...

Боже! Да точно так хромал вышедший из леса силуэт, зарезавший пруссака Арнольда, когда она пыталась бежать в Тюрингию. Не успела женщина испугаться, прохожий развернулся. В его руке сверкнуло что-то желтое, металлическое... Больше она ничего не помнила.

Разговор на кухне

Москва, август 2000-го года.

— Уно-уно-уно, ун-моменто! — завывали Фарада с Абдуловым.

«Формула Любви» был одним из самых любимых фильмов у Светланы Артемьевны. На экране Александра Захарова зыркала глазищами по сторонам, изображала «Амор».

Мария Алексеевна и Станислав Евсеевич сидели на полужестком угловом диванчике, запершись на кухне, и смотрели телевизор. Сын Сережка недавно вернулся со студенческой практики и решил устроить дома небольшую «тусню» а ля «Прощай лето, здравствуй ..., новый курс!» В его лексиконе между словами «здравствуй» и «новый» присутствовало еще одно, на жаргоне означавшее «седалище», но родителям оно названо не было.

Дверь скрипнула, на кухню вместе с ритмичными ударами многопудового металла прорвался наследник. Он старался держаться ровно и говорить четко:

— Предки, а вам погулять не надо?

Открыл дверцу холодильника, вытащил еще одну упаковку пива. Ответа так и не последовало.

А что тут ответишь. Предлагала ведь Мария Алексеевна оставить их с мужем в покое и отправиться всем молодым в загородный дом. Но Сережка ни в какую. Говорит, итак собрать всех трудно, за лето отвыкли друг от друга. За пятьдесят километров на электричке никто не потянется. А на машинах... Это тогда кому-то утром не похмеляться, — кто ж на себя такую обузу взвалит?!

Откровенность отпрыска, который в нынешнем странном году с тремя нулями вдруг начал громко заявлять о своем взрослении, поначалу повергла в шок. Супруг с перепуга даже предложил самим уехать на дачу. Но мудрая и властная женушка возразила:

— Нечего прихотям потворствовать! Иначе через пару лет окончательно на голову сядет.

Сговорились даже принять участие во всеобщем веселье. Пивка с молодежью попить, поболтать... «Скосить за корешей», — так или примерно так сказал бы, наверное, Сережка.

Но «косить» расхотелось сразу же, как только первые визитеры переступили порог. Нет-нет, сережек (экая омонимия с прозванием единственного дитяти) в носу да пупках и радужных ирокезов не наблюдалось. Все были скромные, вежливые: здоровались, вытаскивали из пакетов принесенные к столу бутылки да салаты. С удовольствием разглядывали картины на стенах и сами, первые, завели с «предками» беседу о Гумилеве. Именно эта тактичность, да сдержанность и навеяла на Чиловых-старших невероятную скуку. Ушли на кухню, включили телевизор и закрыли дверь. Уж о чем, о чем, а о Гумилеве им говорить со студентами совершенно не хотелось.

— А ты знаешь, Калиостро ведь на самом деле приезжал в Россию. Я на днях Светлане Артемьевне звонила, — сообщила Мария Алексеевна мужу, когда «Формулу любви» прервали на рекламную паузу. — А той, в свою очередь, звонил Валентин Николаевич. Он уже вернулся в Петербург и сразу же, как эксперт, угодил на раскопки. Его вызвали в бывшее имение попечителя императорских театров Елагина, теперь там расположен Центральный парк культуры и отдыха. Живописнейшее место. Остров, высоченные лиственницы.

— Ну, что ты мне рассказываешь, — перебил супруг, — я ж был в этом Це-Пэ-Ка-О. Там офис Попова, что оценкой предприятий занимается.

— А, точно, ты рассказывал про Попова. А историю парка знаешь?

Чижов-старший пожал плечами:

— Откуда ж!

Мария Алксеевна достала из хлебницы сдобу с курагой и начала кромсать огромным ножом.

— Так вот. В начале девятнадцатого века это место выкупил сам император, Александр I, для своей матери, императрицы Марии Федоровны. Старенькая она уже была, трудно выезжать в загородную резиденцию. А на острове, среди природы, находила отдохновение. Именно для нее в 1822 году на восточной стороне был сооружен «Павильон под флагом». Видел его?

— Видел. И даже знаю, что назван он так, потому что при встрече высоких гостей над куполом павильона поднимали Андреевский стяг. А у тебя-то откуда познания?

— Так Светлана Артемьевна хвасталась новой работой своего друга, как всегда с историческими ремарками... — Мария Алксеевна тяжело поднялась с диванчика, подошла к плите, зажгла конфорку и подвинула на нее чайник. — Но до сих пор никто даже не предполагал, что на месте павильона раньше существовало иное строение.

Снова громкая музыка и Сережка, просочившийся в дверь:

— Мам-пап, у нас хавка закончилась, я возьму помидорчиков-огурчиков...

— Давай порежу, салатик сделаю, — предложила хозяйка. Но сын скорчил гримасу:

— Да, ну, так слопаем, — вытащил овощи из холодильника вместе с лотком и скрылся.

— Сережа! Сережа! А помыть? — пыталась кричать ему вдогонку мать. Да где там! Разве этаким регтайм перешибешь?!

— У них в желудках уже все проспиртовано, — любая бацилла помрет, — пытался утешить супругу Станислав Евсеевич. — Да и не покупные овощи-то, с собственной грядки, — не страшно. Давай, лучше рассказывай дальше про раскопки в Питерском парке.

Никогда прежде Чижов-старший не интересовался так живо «культурными новостями». Давно закончилась рекламная пауза. По телевизору снова пошел любимый фильм. Но смотреть его как-то расхотелось.

— Ну... Имение то, вернее, здание, ну, «Флигель под флагом», — все же Мария Алксеевна была несколько растеряна и расстроена, даже немного жалела, что отговорила мужа от поездки на дачу. — Короче, под флигелем раскопали старый фундамент, похоже, на том месте прежде стояло нечто типа ротонды, такого круглого павильона с колоннами. До сих пор под фундаментом сохранился подвал. И Валентину Николаевичу посчастливилось быть одним из первых, кого в этот подвал впустили.

— А там — скелеты и крысы, — пытался разрядить обстановку супруг. Засвистел чайник. Мария Алксеевна выключила газ, долила кипяток в заварку.

— Да, нет. Там, среди пыли и обвалившихся камней — старинные сосуды и латунный кастет. Светлана Артемьевна говорит, что Старков даже слезу пустил, когда их увидел. Представь только, он прикоснулся к предметам, к которым до него никто не дотрагивался больше двух столетий, с Екатерининских времен практически.

— А наша мисс Марпл сама видела, как Валентин Николаевич плакал?

— Нет, но слышала, как дрожал его голос во время рассказа.

Кажется, обстановка была несколько разряжена. И, возможно, жизнь предков вошла бы в свое обычное русло, если бы не очередной инцидент.

На кухне было душно и Станислав Евсеевич распахнул окно не чуть-чуть, вертикально, а

на весь позволяемый фрамугой горизонтальный угол. Рядом с кухней находилась большая комната и балкон, куда гости выходили курить. И вот с этого самого балкона слышались два девичьих голоса:

— Свет, ну, не думаю я, что у Мишки роман с Сыроежкиной. Сколько ему лет, и сколько ей! Она ж ему в матери годится!

Чижовы замерли. Мария Алексеевна застыла с горячим чайником в руках, супруг ее и вовсе прислонился к подоконнику, чтобы четче все слышать.

— А почему он тогда от меня бегаёт, почему сегодня на вечеринку не пришёл?

— Ты знаешь, мне кажется он не от тебя, а от Сережки бегаёт, что-то там у них произошло, похоже, ещё весной, или даже зимой. Как раз тогда, когда Сыроежкина прислала человека к нам курс, чтобы отобрал студентов на съёмки.

— А ты была на тех съёмках, ну, когда Мишка с ней познакомился?

— Была. Там предлагали всем высказаться по вопросу оттока молодых специалистов за границу, — повисла пауза, видимо, дамочка затягивалась сигаретой. — Мы ещё удивились, зачем младшекурсников набирать на такую тему? Ведь логичнее было бы выпускников. Верно?

— Верно!

— Ну, вот! Мишка чаще других реплики вставлял. Если честно, всякую чушь порол. После съёмок к нему подошёл редактор программы и сказал, что с ним желает переговорить сама мадам Сыроежкина. Все, больше ничего не знаю.

— Сына, сынуля! — завопила Мария Алексеевна, да так истошно, что девчонки шуганулись с балкона в комнату, а Сережка услышал вопль даже через долбящую музыку.

— Ма, ты че! Ну, дай повеселиться! Че опять не так?

— Серега, ты с кем-нибудь из друзей о бабушкином дневнике, или о перстне с изумрудом, о Николае Городце, говорил? — задал вопрос отец.

— Родичи, вы тут, на кухне, угорели, что ль? Да кому бабкин дневник интересен?! Мы там девчонок кадрим, так сказать о будущем думаем, а не в прошлом копаемся, не генеалогическое древо исследуем.

Сережка схватил из стоявшей на столе хрустальной вазочки пряник и откусил.

— Спасибо, чаю не надо, — попытался он съерничать. Но по лицу родителей стало понятно, что те чай предлагать не собираются, и шутить тоже не будут.

— Ты нас не правильно понял, сынок, — вступила в беседу Мария Алексеевна. — Не сейчас. А когда-либо. Может быть, зимой. Или весной...

— Да очень мне надо было об этом говорить!

Чижев-старший взял сына за плечи, подтолкнул к угловому диванчику и насильно усадил. Тот уже начал раздражаться:

— Ни с кем я не говорил, — с мольбой смотрел он на отца.

— А на какие такие съёмки к Елене Сыроежкиной вас приглашали и когда.

Сережка удивился вопросу, но ответить решил прямо и подробно. Понял, иначе «черепа» от него не отстанут.

— Ладно, ма, па! Тогда, наливайте чаю. («Все ж нехорошо разговаривать с родителями, когда от тебя разит пивом, авось крепкая заварка слегка протрезвит голову и перебьет хмельной дух»)

И Сережка рассказал.

В конце минувшей зимы к ним на факультет действительно приходили представители

утренней программы, на которой работает Елена Сыроежкина. Раздали анкеты и потом, по результатам их заполнения, отобрали десять человек, которых и пригласили на запись передачи. Точнее, пятнадцать человек, из расчета, что кто-то может не прийти. Сережка попал в группу, но он-то как раз и прогулял ответственное мероприятие.

— А ты разве не помнишь, я же тебе говорила, что Лена Сыроежкина моя бывшая одноклассница... — непонятно к чему вставила мать.

— Ма, я, конечно, пьян слегка, но не настолько, чтоб память отшибло! Помню! Как не помнить?! Ну, так что с того? Обязан был явиться пред ея светлые очи в обязательном порядке?! Ну не захотел я сниматься...

— Нет! Не обязан был, — даже как-то растерялась мамаша.

— Кстати, она, видимо, об этом, ну, что я твой сын, тоже помнила. Ребята утверждают, спрашивала обо мне.

Мария Алексеевна и Станислав Евсеевич переглянулись.

— Ты говорила Лене, где Сергей учится? — теперь уже допрос был перенесен с сына на супругу.

— Не помню я, — пожала та плечами. — Наверное, говорила, как сыном-то не похвастаться.

— А правда, что у Мишки, друга твоего, с этой Сыроежиной роман? — снова спросил Чижов Чижова.

— Ну, что-то типа того, а вы собрались привлекать полицию нравов?

— Да не до нравов нам! Последний вопрос, сын. Не расспрашивал ли Мишка тебя про бабушкин дневник, мол, где лежит, в коттедже или в городской квартире?

— Ой, да не помню я, пап!

— Отвечай! — тряхнул его за плечи грозный батяня.

— Ну, — он потупил взгляд. — Было что-то такое. Мельком. Подробности...

— Давай-давай, напрягай извилины, — снова затряс за плечи. Марии Алексеевне такой способ выколачивания информации показался даже несколько антипедагогичным.

— Как-то так к слову пришлось. Мы говорили о занудстве предков, — тут он спохватился. — Ну, то есть, обсуждали, у кого из знакомых слишком вредные родители. Вы у меня, разумеется, не такие!

— Зато ты у нас подлиза, хитрец и трепло! — перебил сына папаша. Жена одернула его за локоть, мол, потише, не наезжай на ребенка. — Ладно, давай без этих лакейских изворотов.

— Ну, тогда, вкратце, вот. Мишка рассказал мне, что его дед заставлял спать даже зимой всегда с раскрытой форточкой, за двойки из школы велел драить толчок, а за пятерки принуждал свою бабушку печь внуку плюшки. Я в ответ рассказал, какая у нас была бабуля, как она читала дневник. И что никому не разрешалось во время этого чтения выходить из комнаты, жевать или разговаривать. Ну и, само собой как-то получилось, что я упомянул, что тетрабочка сия заветная до сих пор в ящике письменного стола валяется.

— Точно сам сказал, или все же Мишка спросил? — желала уточнить Чижова-старшая.

— Может, и Мишка спрашивал. Ма! Я теперь не помню, дословно-то...

— А верно, что Мишка, когда с Сыроежиной спу... познакомился, дружить с тобой перестал? Кстати, ты ему говорил, что она мамина одноклассница?

— Говорил. Наверное, на то и обиделся. Даже не разозлился, а конфузливый какой-то стал. И дружбу мы не бросали, просто встречаемся реже. Видишь, перестал на общие наши

тусни приходить. Думаю, ему просто не до того, или слегка неловко. Ну, все вопросы, товарищи штандартенфюреры?

И парень, наконец, был выпущен из цепких родительских рук.

X X X X X

Невиновность Саши Вуда была практически доказана. Даже кунштюк с приметной шапкой стал понятен. Чтобы подставить бедолагу, на время изъяли головной убор из шкафчика в его кабинете. Сашка припомнил что-то такое. Вначале, мол, не мог найти, ушел домой без «ушанки», а на следующий день обнаружил ее на видном месте. Раньше бы его словам никто не поверил, а теперь, когда открылись и иные обстоятельства подтасовки улики... Эта шапка была у них как запасной вариант, если кто из местных все же обратит внимание на дорогую иномарку у подъезда... И ведь верно, Лаврон обратил. Только никто не предполагал, что буквально через несколько дней с хозяином шикарного авто, Генеральным директором «Картопака», произойдет скандальная история и гос. номер попадет в газеты.

Экс-ведущего к нежнейшему ликованию Юлечки, выпустили на свободу.

Елена Сыроежкина созналась, что через друга Сережки Чижова Михаила пыталась разузнать кое-что о семье бывшей одноклассницы, но то, что передавала информацию третьему лицу, отрицала.

«Интересно было, все ж дружили когда-то... Какие тут могут быть претензии. Почему напрямую не позвонила, да дела как-то, да и не совсем ловко. Стыдно, знаете, как-то показывать, что, несмотря на свою популярность, ты весьма и весьма одинока,» — тут она даже слезу пустить попыталась.

Ее действительно пригласили вести историческую викторину, придуманную Лобенко. Что Ольгу, да и всю честную компанию, разумеется, опечалило. Надежда на новую творческую работу, связанную с ее исконной профессией, с актерским мастерством, издохла как старый больной пес.

«1 сентября, 2000-го года.

Опечалена я, что так получилось или нет? Конечно, мне жаль. И когда я откликнулась на предложение Гридасова сгенерировать идеи новых программ, и когда писала предложения по «пилотному» выпуску исторической викторины, я, разумеется, везде ставила «ведущий» мужского рода, а в скобках дописывала «ая». Но в душе-то предполагала, точнее, нет, не «предполагала», а лелеяла надежду, что это будет именно «ведущая», еще точнее, что это буду именно я.

Ощущение, будто мне предложили конфету, а когда я развернула яркий блестящий фантик, то обнаружила, что внутри ничего нет. Очередная бутафорская коробка из «Волшебного ларца». Зрителям втолковывается, что там ценный приз, а на самом деле... Но в «Ларце» этот приз все же выдавался, хотя и свершено не празднично, со склада, с оформлением кучи бумаг... Мне же не досталось ничего. Авторство и редакторство не в счет. Такая же рутина, что и с бывшим администрированием. Зарплата повыше, голова занята больше. Но я ведь не об этом мечтала, не для этого в телецентр пришла...

С другой стороны, мне ничего наверняка и не обещалось. Эх, сама дура, надо было открыто переговорить с Гридасовым. Ведь, видно же, человек проявляет ко мне интерес, стало быть, прислушался бы к просьбе. Да и любой психолог скажет, что о своих стремлениях в плане карьеры нужно заявлять открыто и смело, иначе начальство решит, что вы слишком инертны. Кто первее, тот и правее.»

Ольга писала эти строки на работе. Все коллеги уже разошлись по домам. В последнее время она привыкла засиживаться в Останкино подолгу. Куски сочиненного без труда переправляла домой по электронной почте. На рабочем агрегате никаких записей не хранила. И «фанатик» бродит где-то рядом, и сотрудникам лишние подробности знать ни к чему. Как минимум, компьютерщики имели возможность залезть в ее святая святых, как максимум, — любой, кому стало бы любопытно, и кто проник бы в кабинет. Пароли заводить у них было не принято, рабочая информация могла понадобиться коллегам и в момент отсутствия сотрудника.

Небольшой, в сердцах написанный текст был скопирован и отправлен. Она зачем-то открыла оригинальный файл, прежде чем его уничтожить. Снова вчиталась в строчки. В это время дверь кабинета распахнулась. Вошел Генрих Ильич Гридасов с огромным букетом красных роз в руках.

— Оленька, это вам! — сказал он, плюхнув презент прямо на клавиатуру.

Неизвестно, от чего она растревожилась больше, от того ли, что букет продавит и заставит сработать совершенно неожиданные клавиши, от того ли, что Гридасов изловчится прочесть сейчас строки из дневника, или же от предчувствия некоего важного разговора.

— Оленька, не пугайтесь! — Генрих Ильич был как всегда элегантен, но нынче почему-то весьма демократичен. Вместо обычного для него костюма с галстуком, — махровый джемпер цвета кофе с молоком и слоновой кости рубашка. С одной стороны, добродушный, мягкий образ. С другой — слишком карамельный. Просто Сахар Медович какой-то. С головой тоже что-то было не так. Коротко, похоже совсем недавно, и ровно выстриженный ежик, — и на макушке, и на подбородке. Пахнет парфюмом с нотками бергамота.

— У меня к вам разговор...

«Ну, что я говорила, точнее, думала».

— Очень важный!

«А то по цветам не понятно».

— Но об этом позже, в ресторации. Мы с вами едем сегодня ужинать.

«Вот нахал! А согласия дамы не хочет спросить?»

— Если, конечно, вы не возражаете...

«Ну, ладно, уже лучше. Стоило бы отказаться, устала, да и вид не самый праздничный. Но... с другой стороны, приватная беседа с Генрихом Ильичем ей сейчас как нельзя кстати.»

Ответила согласием:

— Хорошо. Только цветы в вазу поставлю. Хотя, нет. Лучше возьму с собой.

«Этакая громадина не останется незамеченной в кабинете. Завтра все задолбают вопросом, от кого да по какому поводу. Что отвечать?»

В машине молчали. Исключительно потому, что Ольга боялась предстоящей беседы и очень не хотела начинать ее при посторонних, а именно при водителе.

Она уже решила для себя, что, о чем бы ни завел речь ее нынешний шеф, обязательно коснется карьерного вопроса. Поинтересуется, почему он пригласил на роль ведущей Сыроежкину, и почему не обсудил это решение ни с кем из рабочей группы. А, если повезет, то после бокала вина, или что там будет, спросит не примерял ли ненароком роль шоумена в исторической викторине на нее, на Ольгу, и что по этому поводу думает.

Ресторан был японским. Но каким-то нетипичным для подобных заведений. Ольга привыкла, что Ниппон — это ярко-оранжевый круг солнца, синие кимоно и суровая самурайская символика. Здесь все было бежевым: ореховая мебель, соломенные икебаны,

панно с песочными дюнами за стеклом и солнечный паркет. Она в бордовом джемпере и черной юбке не вписывалась. Хорошо еще ярко-алый букет оставила в машине. Зато Гридасов гармонировал со всем этим интерьером как нельзя лучше. Специально, наверное, подбирал.

Девушка ожидала, что и официантка выплывет с русой косой до пояса да конопушками на носу. Но пришел паренек, действительно узкоглазенький и со смоляными волосами, впрочем, желтизны его лица, льняных кимоно и хакамы было вполне достаточно для соответствия общему убранству.

Меню предлагалось как восточное, так и европейское. Ольга Лобенко в последнее время очень уставшая от всевозможных неловких ситуаций, к которым относила и это непонятное свидание, предпочла не путаться в языколомных названиях блюд и не конфузиться с палочками. Заказала себе лангет со спаржей и апельсиновый свежесжатый сок. Гридасов нимало не смутился тем, что выбрал блюдо из иного, нежели спутница, меню, а чтобы не обмишулиться с прочтением просто ткнул пальцем в нужную строчку.

— Итак, Генрих Ильич, не интригуйте. Что у вас за разговор? Да еще с цветами! Надеюсь, вы не предложение делать мне собрались.

Ольга, сама не знает почему, пошла в атаку.

Конечно, нельзя сказать, чтобы она была настолько непрозорлива, чтобы до сих пор не разглядела отнюдь не деловой интерес Генриха Ильича к собственной персоне. А коли разглядела, то, понятно, и роль невесты начальника на себя примеряла. И что? Коробило, естественно. Слишком неживой он был, слишком манерный. Может быть, дело в возрасте?

Она не раз сама себя спрашивала, почему позволяет ему провожать. Почему принимает его ухаживания? Любви, безусловно, не присутствовало. Проверяла: представляла, что он не богатый начальник, а простой мужичонка... И что? Погнала бы от себя взашей! А так...

Это «а так...» ее и смущало. Получалось: у него к ней чувство, а у нее к нему — корысть. Стыдно? Еще бы!

На штурм прямым вопросом он отреагировал весьма благодушно:

— Хе-хе! И не надейтесь, именно предложение.

— Деловое?

— Нет, личное...

Официант принес лангет и лапшу в плосечке. Надо признать, ее кавалер довольно ловко начал орудовать палочками.

Оба принялись жевать. Повисла пауза.

— М-м-м... — Гридасов подтянул губами длинную макаронину, то и дело норовившую зацепиться за бороду. — А напитки-то... Минералку заказали, а про вино забыли.

Сделал знак псевдо-японцу в юбке и опять обратился к компаньонке:

— Вино?

— На ваше усмотрение.

Он снова ткнул в меню, не произнося ни слова.

— Ольга Валерьевна! Оленька! Ну вы же не глупая девушка. Прекрасно понимаете, я не молод, одинок... — Генрих Ильич расхохотался. — Напоминает мелодраму советских времен. Не хватает только рабочей атмосферы... Отсвета мартеновской печи или вязальщиц снопов на заднем плане. Впрочем, эти вот пучки высушенной травы, претендующие на икебаны, вполне за снопы и сойдут. А вместо мартена... Можно попросить зажечь свечу.

Мужчина сказал это настолько просто и мягко, что Ольге даже захотелось оттянуть

предметный разговор, чтобы не портить человеку настроение так сразу.

— Не надо свечку, Генрих Ильич...

— А просто Генрих еще нельзя? Кажется, уже достаточно для того знакомы.

— Хорошо, Генрих! Уф! Честно? Мне ваше...

— Твое. О! И вино несут!

Официант хотел плеснуть в рюмку, для пробы, но Гридасов его остановил:

— Нет-нет, не надо, разливайте сразу по обоим бокалам. Нам не терпится выпить на «брудершафт». Так ведь, Оленька?

Девушка кивнула. Псевдо-японец разлил, снял белой накрахмаленной салфеткой багровую каплю с горлышка и удалился. Они переплели руки, пригубили. Кавалер вытянул уста, дама подставила щечку.

— Ну, уж тогда давай буду называть тебя Гешей. Идет?

— Идет!

— Геш, я ж про тебя ничего не знаю, — разговор как-то сразу стал проще. — Откуда родом? Был ли женат? Есть ли дети?

— Ну, давай начнем с простейшего. Я старше тебя аккурат на двадцать лет. И встречный вопрос: тебя это не пугает?

Ольга почувствовала, что зубы начали крепко сжиматься, как бы припечатывая верхнюю челюсть к нижней, — верный признак, — она уже слегка одурманена алкоголем. На следующем этапе по телу должна пробежать стая мурашек, потом смешки сделаются протяжнее, потом поникнет осанка. Ну, а дальше... Дальше она позволяла себе заходить, точнее будет сказать, запивать в исключительных случаях: попранная гордость, дезориентация в жизненном пространстве, падение самооценки с Останкинской телебашни... Сегодняшнее randevu «исключительным случаем» девушка не считала. Не потянет даже на «поникшую осанку», максимум, что можно допустить, так это «стаю мурашек».

— Знаешь, мне кажется, это Генрих Ильич старше меня на двадцать лет. А Геша — значительно моложе.

Гридасов хмыкнул себе под нос.

— Ну, коли так, могу обзавестись даже бороду сбрить.

— Совершенно ни к чему.

— Дальше по списку. Женат не был. Детей, соответственно, тоже нет.

— Почему же «соответственно»? — Ольга разошлась. — Одно другому не мешает.

— И тем не менее. Коренной москвич.

Вроде бы больше говорили, да и времени, вроде бы, прошло не слишком много. А блюда оказались пусты. Заказали десерт. Ольга ненадолго вышла. Вернулась. Бокал снова наполнен вином. Выпили за молодость.

— Геш, скажи честно, почему пригласил на роль ведущей Сыроежкину? Почему мне это место не предложил? Неужели не чувствовал, что хотела бы?

Он откинулся на спинку стула.

— Чувствовал. Но и о своих личных планах насчет тебя помнил, что сказали бы коллеги? Карьера через...

Он пытался подобрать нужное слово. Но... «постель» вставлять было слишком рано, а другие как-то не подходили, — фразеологизм все-таки.

— Экий пряткий, — Ольга даже пристукнула кулачишкой по столу. И заметила, что

стая мурашек как-то пролетела мимо, а вместо затяжного хихиканья, у нее уже начал заплетаться язык. — Во-первых, у нас еще ничего не было. Во-вторых, ты что серьезно решился предлагать мне сегодня руку и сердце?

Гридасов взял салфетку, аккуратно промокнул уголки губ.

— Я, конечно, кажусь архаичным ископаемым. Но все ж не настолько глуп, чтобы не понимать, что нынешние свадьбы делаются не после благословения папеньки с маменькой, а после того, как молодые... Кхм! Ну, как любящие друг друга люди, проживут некоторое время вместе.

«Вон куда загнул! Переспать, стало быть, для начала зовет, а не в загс...» И она начала силиться сказать что-нибудь этакое, чтобы снова растянуть столь внезапно сократившуюся дистанцию между ними. Но не выговорила ни слова. Икебана в вазе пошатнулась, Лобенко протянула руку, чтобы ее подхватить, — рука безвольно упала на коленку, но и ваза не разбилась. Песок под стеклом на панно завертелся, будто подхваченный вихрем, за ним закружилась и вся зала...

Х Х Х Х Х

Что же у Оленьки телефон не отвечает? Светлана Артемьевна не на шутку беспокоилась. Не радовал даже долгожданный звонок из Питера, от Валентина Николаевича.

Тот не объявлялся довольно давно. Позвонил специально, чтобы доложить о своей экспертной работе в бывшей Елагинской усадьбе:

— Разумеется, я пошел рыться в архивах, — хвастался Старков. — И знаете, похоже, эта ротонда служила для всевозможных полуполигальных сборищ. Скорее всего, именно здесь собирались масоны, которых взял под свое крыло Елагин. А еще я обнаружил сведения, что именно в этом месте в 1779 году проводил «Сеанс белой и черной магии» величайший авантюрист граф Калиостро. Как вам находочка?»

Масоны и ревность

Санкт-Петербург, сентябрь 1779-го года.

Татьяна лежала в постели с перевязанной головой. Перед нею сидела на табурете Глафира, в руках та держала миску с бульоном.

— Я подую, подую, голубушка, чтоб не обвариться. Вот. На, кушай! Куриный-то бульончик, наваристый! Курочка была добрая, как от матушки Екатерины, помнишь, ты рассказывала, что у ней на поварне все птицы раскормленные...

Та кивнула.

В дверь заглянул Мануэль.

— Барин приехал, справляются, не спит ли Татьяна. Так я пойду скажу, что не спит, что можно зайти.

— Скажи-скажи!

Своих детей у Глафиры не было. Хотя мужики красавицу лаской не обделяли. Взять для примера того же Арнольда, гостившего у садовника. Мануэль держался отстраненно. Но тс при Андрее, да при Татьяне. А Прохор, еще маленький был, как-то сказывал, что выбегал Мануэль утром не из своей комнаты, а из Глафириной каморки... Ну, не дал Бог женщине детишек, так уж распорядился.

Когда Анклебер привез в дом одиннадцатилетнего Прохора, Глафира воспряла духом. Стала готовить жидкие каши, приучила мальчика к чистому белью, играла с ним в разные игрушки... Но Прохор быстро вырос.

Боле никто в ее заботе не нуждался. И вот подвернулся новый случай побывать на няньках. Конечно, не приведи господь, лучше б этого эпизода вообще не было. «Едва Татьяну не угробили, окаянные!» К «окаянным», помимо напавшего в парке мужика, в сердцах Глафира отнесла и своего любимчика Прохора. Это ж надо, бросить мать одну в чужом доме. Ну и что, что его позвал кто-то для разговора. Надо было сказать: «Стой тут, никуда не уходи!» Татьяна, она ж как дитя неразумное, за ней глаз да глаз нужен...

Вот Глафира и относилась к ней теперь, как к дитяти: кормила с ложечки, сказки на ночь рассказывала, помогала менять ночнушку на свежую...

Прохора она тоже, как малышонка, отчитала. А тот, нет, чтобы ногой топнуть. «Кто здесь барский сын!» Глаза потупил, полный отчет представил:

— И сам, — говорит, — не пойму как так вышло. Я ведь за матерью неотступно следил. Думал, отойду в сторонку, но глаз не спущу, тем более, Шварин к ее перстню явно подбирался...

— Это каким таким разговором мужик тот тебя увлек, что ты про все на свете забыл?

— Представился Борисом Черняковым, отцом того конопатого паренька, что «проводником» сделался. Говорит, «вы такой молодой, при даме в возрасте, наверное, тоже эликсир графа Калиостро потребляете?» Я ему отвечаю, мол, то матушка моя. А он, будто не слышит. «Скажите, — задает новый вопрос, — эликсир только старение останавливает, али может повернуть время вспять? Тут уж я не выдержал. Да не пил я никакого эликсира, говорю. Мне только двадцать пять годков еще! Пока я все растолковывал, матушку-то из вида и выпустил. Кто ж мог подумать, что она в такую темень одна на улицу выскочит. Смотрю — нет ее, с Черняковым распрощался, и в парк. Слышу шорох в кустах, а потом все стихло.

— Ох! — схватилась за сердце Глафира. — На мгновение бы опоздал, неизвестно, осталась бы в живых наша краля, али нет. А кто хоть напал на нее? Не заметил?

— Как же заметить, бандит дал деру, даром что хромой, я уж и догонять не стал, нужно было матушке срочно помогать.

— Охо-хо-хо-шеньки! Горемычная моя, Татьянушка! Может, снасиловать разбойник хотел, а, может, ограбить, одета-то она была вона как шикарно!

— Может и ограбить, к счастью, не успел! Перстень на суставе застрял. Видать, я помешал его снять.

Татьяна уже неделю не вставала с кровати. Вначале не могла, теперь не позволяли. Хорошо еще рассказы ее слушали с пристрастием, а то совсем было бы скучно.

Андрейка, правда, в эти рассказы все время норовил подбавить ложку дегтя. То, видишь ли, парня-проводника в будущее за подставного посчитал. То принялся строить научные догадки, как можно, не касаясь, поджечь бумагу, али свечной фитиль... А ныне и вовсе ввалился в спальню с газетой в руках. Тычет ею Татьяне под нос, будто та в таком состоянии печатное разберет!

А потом сам начал читать: «Гишпанец граф Килиостро (живущий на дворцовой набережной в доме генерал-поручика Миллера), имеет намерение покинуть пределы империи».

— Не может того быть, — округлила голубые глазища жертва нападения. — Шварин говорил, что Калиостро еще пару месяцев в Москве пробудет.

— Значит, переменялись планы у твоего чародея, али кто их ему переменял, — Анклебер хитро подмигнул.

— Извините, что встречаю, — вымолвил Мануэль, принесший со двора раздутый самовар. — Вот вы, барин, при дворе служите, а самого главного конфуза не знаете!

— Ну так расскажи, что за конфуз, — садовник его и впрямь не знал. Но нутром чувствовал, выложит управляющий нечто пикантное, позабавит.

Оказалось, не дале как позавчера, Калиостро занимался волшебой на берегу Невы, неподалеку от Летнего сада. А именно, избавлял бесноватого купца от недуга, путем купания в воде. Знахарь вошел в состояние помрачнения сознания и общения с духами, начал мотать головой из стороны в сторону, вот она, головушка, и закружилась-то. В конце концов, потерял равновесие и плюхнулся в реку. Его почитатели, коих на время представлений завсегда собирается превеликое множество, вытащили кумира из невских волн. И в самый тот момент, когда он, в платье, с оногo ручьями стекала вода, ступил на гранит набережной, толпа вдруг раздалась и глазам собравшихся предстала сама императрица. Она стояла под кружевным зонтиком, украшенным теми же цветами, что и оборки на юбке с широченным кринолином. Ее Величество пристально разглядывала незадачливого знахаря в лорнет. Вдоволь налюбовавшись, она переметнула взор на хлопотавшую подле супругу мага, госпожу Лоренцо.

— Хороша! И впрямь хороша! Впрочем, не для одного графа! — произнесла Екатерина Алексеевна и удалилась...

Для управляющего Мануэля это была просто байка. И мотивов императрицы резко обращаться с гостем он не разумел. А вот дошлый садовник смекнул, неприязнь владычицы Всея Руси к известному чародею была вызвана не токмо ее трезвым умом и рассудительностью. Это было мерзкое чувство, присущее каждой влюбленной женщине, и сподвигающее оную на самые глупые и нелепые поступки. Это была ревность.

Дело в том, что Калиостро пользовался расположением у человека, бывшего ее фаворитом на протяжении последних тринадцати лет, Григория Потемкина. Поговаривали даже, будто императрица тайно была обвенчана с Григорием Александровичем, и что сие событие состоялось в 1774 году в храме Большого Вознесения на Никитской улице в Москве. Конечно, всякое в их жизни было, и размолвки, и отдаления друг от друга. Но в последние год-полтора будто бы сизнова все наладилось. И тут явился этот самый Калиостро. Да ладно бы один, а то с красавицей женой.

Светлейший князь принимал Калиостро в своем доме и даже предоставлял в распоряжение чародея одну из зал, где мага никто не смел побеспокоить. Сидя в зале гишпанец проводил сеансы врачевания, а гостеприимный хозяин в это время весьма смело развлекал его очаровательную женушку... Вот что послужило причиной столь скорого отъезда иностранца из империи...

Ночное видение

«2 сентября 2000-го года.

Ужас! Ужас! Ужас!

Сегодня я проснулась на квартире у Гридасова. Как такое могло случиться? Выпила вроде немного. Генрих Ильич утверждает, что я ему сказала...

Нет, прежде всего, он рассказывает, что мы вчера перешли на «ты» и я начала называть его Гешей. Ужас какой!

Ужас! Ужас! Ужас!

Так вот, этот, теперь для меня, тьфу, Геша, якобы, спросил не пора ли нам домой. На что я, также якобы, ответила: «Конечно, дорогой, едем к тебе!» Про то, что было дальше, я разузнать не смогла, как ни собиралась с силами. Ну и Гридасов, разумеется, тактичная личность, энтузиазма в вытаскивании правды на свет не проявил.

И это еще не все. Первым делом, я поделилась переживаниями со Светланой Артемьевной. А та сходу предложила сообщить о случившемся капитану Отводову. И орала я, и плакала, и грозилась разругаться с ней на веки вечные. Но бабуля настояла на своем.

И, ах, как хорошо, что настояла. Ираклий договорился с каким-то доктором, гинекологом, что меня проверят, мол, было что, или нет. Ну, то есть, «исследуют взятый материал на наличие в нем семенной жидкости или смазки, обычно применяемой на изделиях из латекса.

Ужас! Ужас! Ужас!

На месте мне провалиться прямо в ад. Гореть щекам, словно первомайскому солнцу и век голубого неба не видать. Сходила я к этой гинекологине. Окончательные результаты завтра. Предварительные — «не похоже, чтобы что-то было».

Я готова ко всему. Ежели экспертиза (боже, и терминологию-то применяю, как в криминалистическом морге) покажет плюс, значит, я, как честная женщина, буду вынуждена выйти за своего начальника замуж.

Ужас! Ужас! Ужас!

Вот когда стоило бы напиться до коматозного состояния. Но, после вчерашнего, даже валерьянки на сахар накапать не могу.»

Х Х Х Х Х

В первый же день, как только Ольга вышла на работу после «ужина» в японском ресторанчике (а случилось это уже после получения результатов заключения гинеколога), она пригласила Гридасова отведать его любимого «Джонни Уокера» в местном буфете.

— Знаешь, Геш, я прямо себя не узнаю. Этот вечер, он сильно изменил мое к тебе отношение.

Гридасов сидел, как и тогда, откинувшись на спинку стула, крутил в руках стакан с виски и самодовольно шурился. Да, еще, нонсенс! Он сбрил бороду.

— Я тоже не могу его забыть.

— И, веришь ли, — Ольга засмушалась, — я все чаще вспоминаю другой вечер, точнее ночь...

— Да? — Генрих Ильич округлил, насколько было возможно, глаза и приосанился, изображая внимание.

— Помнишь, когда на меня напали в подъезде, а ты меня спас?

Он снова сощурился:

— Конечно, помню.

— Так вот, — Ольга убрала из голоса елейность, — мне стало это сниться по ночам...

— Что «это»?

— То, как ты меня спасаешь, твое лицо, — Гридасов щурился все больше и больше. —

Ну, и лицо напавшего на меня амбала.

Гендиректор нового канала вздрогнул:

— И давно?

— Нет. Минувшей ночью. Работа подсознания, верно?

Мужчина кивнул на автомате. А Лобенко продолжила:

— Но сегодня... — она напустила во взгляд побольше ужаса. — Сегодня у меня начались галлюцинации наяву. Мне показалось, что я видела этого человека у входа в телецентр.

— Это нервы. Такое бывает, — успокаивал ее Гридасов, хотя и сам тем временем уже лихорадочно ерзал на стуле.

— Да я почти уверена, — стукнула кулачком в собственную грудь Лобенко.

— Ты же говорила, темно было, ты его почти не запомнила.

— Не запомнила. А как увидела, так почему-то абсолютно уверилась, — он.

— И давно ты его видела?

— Да только что. Бегала в газетный киоск, а там он. Стоит и пытается что-то втолковать охраннику. Я даже не знаю, может быть, капитану Отводову об этом рассказать?

Не успел Гридасов ничего ответить, как в кафешку влетел Саша Вуд. Ольга расплылась в улыбке. Гридасов тоже силился растянуть губы:

— Александр, вы снова на свободе. Какая ра...

— Потом-потом, — перебил новое начальство экс-ведущий. — Генрих Ильич, вас спрашивают. На входе. Какой-то тучный мужчина. Говорит, срочно.

Креативный директор «Картопака» уже не мог ничем прикрыть свою панику. Покраснел. Бегло извинившись, помчался вниз. На входе его ждала записка: «У меня проблемы. Кажется, на меня вышли. Требую увеличения гонорара, чтобы свалить на некоторое время из столицы. Торчать перед ментом больше не могу. Жду звонка в машине.»

Перепуганный Гридасов выскочил на улицу, по дороге судорожно тыкая в кнопки мобильного.

— Але! Степан? Степан! Ну, что за дела! Я же предупреждал, ни в коем случае не приближаться к Останкино!

— О чем вы, Генрих Ильич? — послышался ленивый голос на другом конце. Но Геша уже не был способен к анализу интонаций.

— Степан! Это что, шантаж? Штука баксов за то, чтобы повалиться на полу с хрупкой и вполне прелестной девушкой. Я предупреждал, что больше не дам ни копейки. Кто на тебя вышел? Менты? Не ври! Про это нападение уже все забыли!

— Генрих Ильич, пройдемте в дежурную машину, — выступил из-за угла капитан Отводов. Справа и слева к генеральному директору нового канала подошли двое в штатском.

— Генрих Ильич, похоже, это какая-то подстава! Вам нужно быть осторожным, Генрих Ильич! — последние слова прозвучали уже тогда, когда Гридасов отнял трубку от уха. Их слышали все.

Х Х Х Х Х

Санкт-Петербург, сентябрь 1779-го года.

Андрей в последнее время спал крепко и даже начал несколько похрапывать, чего раньше с ним никогда не случалось. Экая странная перемена. Прохор полагает, что то от лекарства, что прописал ему доктор.

Татьяна же, от выводимых муженьком рулад размыкала глаза и боле уже никак не могла провалиться в забытье.

Вот и сейчас лежала, подоткнув повыше пуховую подушку, и рассматривала, как колышется тень ветки на стене. Ветку ни с чем нельзя было спутать. Чего не скажешь об иных отражениях. Вот та широченная вертикальная полоса: должно быть, столб, или оконная рама? Ствол дерева таким ровным быть не может, — коли наклон не присутствует, так непременно шероховатость какая обнаружится.

Это что за гора? Ах, да, буфет. На буфете — самовар. А чудится ведь великан: угловатое тело и овальная голова... Вот еще один буфет с округленным кувшином... Стоп! Какой буфет, с каким кувшином? Не должно быть такового в комнате.

Пока Татьяна размышляла, откуда в ее собственной опочивальне взялась дополнительная мебель, «буфет» зашевелился. От него отделилась согнувшаяся в локте рука. Всего на секунду, и снова сплошная глыба.

Не примерещилось ли? Татьяна, как ни трудно ей было это делать, ибо голова после недавнего зашиба еще не окрепла, — пыталась соображать. Новообразованная гора, точнее, ее вычерченный в лунном свете силуэт, ранее доходил аккуратно до дверного косяка, ну, с кулак меж ними пролегал ясная полоска. Она это точно помнит, ибо зрительную наблюдательность за время болезни да ночных мужниных серенад развила до необычайности. Наизусть знает каждое пятнышко на беленой стене, с закрытыми глазами видит печной изразец.

Теперь же ентот предмет, который не то посудный шкаф, не то человек, не то вообще греза, — женщина уже ни в чем не была уверена, тем паче в здравости собственного рассудка, — сместился на дубовую дверь, и контур на ее темном фоне затерялся. Стал едва различимым. Вот, вроде как снова рука мелькнула. А, может, и не рука...

Закричать? Мужа перепугаю, сына, прислугу... Прохора ладно бы, молодой да крепкий. А вот Андрейка и без того хил, все чаще жалуется на ломоту в грудном череве. С Глафирой так вообще морок приключится. Нет уж, лежать спокойно и молчать, — дала она себе негласную установку.

Послушное внутреннему голосу тело не шелохнулось, только сердце гулко застучало, да в висках заколотило.

А шкаф-буфет вдруг утратил свои угловатые черты, окончательно очеловечился и двинулся прямиком к ореховому комоду. Да, батюшки, захромал...

«Отче наш, иже еси на небеси... И ныне, и присно, и во веки веков... Аминь...» — читала она молитву за молитвой. И вдруг, ни с того, ни с сего затянула:

Как далече-далече во чистом поле,

Что ковыль-трава во чистом в поле шатается, -

А и ездит в поле стар-матер человек,

Старой ли казак Илья Муромец.

То была крестьянская песенка «О станичниках, да разбойниках», которую Татьяна слышала еще в детстве.

Силуэт замер, Андрейка подскочил на кровати, точь-в-точь выпущенная из-под гнета

пружина. Сел прямехонько и вылупил глазища, словно всполошенная с насеста курица. То, что «вылупил», конечно, было не разглядеть. Но Татьяна за столько-то лет совместной жизни все его повадки выучила.

Провела рукою пред очами супруга, — с тех, словно пелена спала.

— Что приключилось? — спрашивает.

Женщина, прежде чем ответить, перевела взор на незваного гостя. А от человека-буфета и след простыл. Кое-как успокоила хозяина да сбежавшихся людей. Мол, «во сне, во сне заголосила!»

Два дня молчала, ни словом про ночной визит не обмолвилась. Не покой берегла, боялась, что засмеют. Особливо Андрейка. А на третий день не выдержала.

Супруг же отнесся к словам жены спокойно. Расспросил о подробностях. Потом тщательно осмотрел спальню.

Осень в нынешнем году выдалась жаркая. Окно практически не закрывалось. Первый этаж, — перескочить через подоконник труда не составит. Так, видимо, человек и проник в дом. Хромал? Сомнений нет, что от графа Шварина, да за перстнем. Направлялся к комоду, где заветная шкатулка с немногочисленными драгоценностями супруги и хранится.

— Танюш, ты б богатство свое потщательней спрятала... — сказал ласково, нежно, дабы не перепугать супружницу.

— Куда уж тщательней, чем в спальне.

— Так, разве давнишняя ночь тебя в обратном не убедила?

— Думаешь, к брошам да серьгам подбирался?

Анклебер тяжело вздохнул. Есть ли смысл укрывать истину? Уж в которой раз жизнь супружницы на прогнившей нитке висит. Следующего испытания может не выдержать.

— А то сама не разумеешь. Трижды хромоножка тебе встречался. И хоть лика ты так и не разглядела, а все одно мнишь, что один и тот человек. Один раз прямо за перстнем охотился, другой — подбирался к комоду, где тот самый перстень хранится...

— Батюшки свет! — Татьяна схватилась за голову, да с перепугу так сильно стукнула по ней собственной же ладошкой, что в глазах помутнело. Все ж она еще не совсем окрепла от случившегося после сеанса магии нападения. — Что делать-то будешь?

— Не знаю. Покумекать надобно. Не мешай мне, ладно? А сама пока, ей-ей, схорони шкатулку-то надежней.

И тут в доме началось невообразимое. Со стороны могло показаться, что хозяин да хозяйка слегка умом тронулись. Татьяна носилась со шкатулкой как с дитем малым. Во всякую щель пыталась ее запихнуть. И на чердак слазила и в подпол. В кладовку тож заглянула. В конце концов обмотала предмет тряпицей и положила на дно большого ящика, в который уже начали сгружать свежерыкопанную картошку.

Андрей Анклебер вел себя менее суетно. Он вначале съездил куда-то, потом заглянул в комнату к Мануэлю. Спросил у него старые штаны, в коих тот золу из печки выгребает, да замызганную косоворотку с плетеной обвязкой на крестьянский манер.

Потом постучался в комнату к Глафире.

Девка обомлела, когда узрела хозяина на пороге своей каморки. Чай, не молодая уже, и позабыла, когда к ней в последний-то раз мужчины заходили. Мануэль, и тот интерес потерял. А уж бурного романа, так со времен пруссака Арнольда не приключалось.

Что на самом деле было надобно хозяину, — то осталось неизвестно. Попросил он о какой-то престранной ерунде. Угольком пометил на рубахе со штанами места, где нужно

сделать дырки. Но не просто сделать. Вначале надрезать, потом заштопать, не сильно. Что за прихоть?!

Однако, барин! Не прекословить же. Все исполнила прилежнейшим образом. Нитки в тон подобрала, — и не видна порча совсем.

Андрей Анклебер тем временем снова уехал, на сей раз ведомо к кому. К Петру Васильевичу Лопухину, исполняющему обязанности столичного обер-полицеймейстера.

Тот принял его без помпы, хотя и в мундире. Велел не стесняться. Да садовник, собственно никогда не робел, даже пред самой императрицей, так что, после первой же чашки дежурно предложенного чаю заявил об истинных намерениях своего визита:

— Павел Васильевич, мне нужно найти одного человека, когда-то он убил освобожденного из плена пруссака, ныне подбирается к моей семье. Предполагаю, не одно преступление лежит на его грешной душе. Беда в том, что в глаза я этого бандита не видал. Знаю о нем только одно, хромый он.

Обер-полицеймейстер покряхтел, поерзал на стуле, постучал пальцами о деревяшку стола:

— Ну, что ж, не такая уж малая примета. За хромоножками обыкновенно тащится весьма приметный след.

Андрей кивнул, видно, сам не раз обдумывал эту деталь. А Лопухин продолжал:

— Одной, здоровой ногой они ровно ступают, как все, а больную — подтаскивают, след прочерчивает полосу на песке, или земле. Разумеется, ежели мы такой след замечаем, делаем непременно пометку. Я велю просмотреть бумаги и предоставить вам сведения.

— Меня интересуют давнишние дела. Произошедшие еще до царствования Елизаветы Петровны и не в столице, а в Печерском монастыре под Псковом.

Лопухин был удивлен:

— Чем же я тут могу помочь, в то время я еще не родился даже...

— Хочу заслать в монастырь своего помощника. А от вас прошу рекомендательное письмо. Так, мол, и так, посодействуйте паломнику. Ответьте на его вопросы, ищет человек сведения о родственниках, некогда проживавших при монастыре. Ведь вы дружны с настоятелем сего заведения. Не так ли?

Лопухину ничего не оставалось, кроме как согласиться и оказать требуемую услугу гостю. Всем известно, положение у исполняющего обязанности обер-полицеймейстера шаткое. Чичерин, вон, был изгнан с позором. Да и сам Павел Васильевич пока лишь исполняет обязанности начальника по сыскной части. А Анклебер у государыни в чести, — это всем известно. Жестом указал на дверь:

— Пройдемте в кабинет, при вас же письмо и составлю.

Звонок другу

Москва, сентябрь 2000-го года.

Супруги Чижовы признали в Генрихе Ильиче того самого бородатого спутника Елены Сыроежкиной в театре. Гридасов к тому времени уже следил за Марией Алексеевной. Чего проще, потолкаться возле театрального киоска и подслушать куда, да на какое число дамочка берет билет. Ему даже повезло. Успел расслышать, на какой ряд и на какие места. Тут же взял еще парочку билетов, на ряд поблизости.

Дальше предстояло выяснить, кого из подруг госпожи Чижовой выгоднее всего пригласить на спектакль. Кое-какие проработки на этот счет уже имелись: две бывшие одноклассницы, одна коллега с прежней работы, соседка. Впрочем, соседка была персонажем, хотя и удобным, но опасным, слишком близка в отношениях на сегодняшний день. Куда проще с сорабницами по школьной парте. И про дневник скорее могли знать, ибо общались в те времена, когда живы были и мать, и бабушка. И уж совсем повезло креативному директору «Картопака», когда выяснилось, что одна из этих самых однокашниц ныне ведущая на ТВ.

Знакомство с Сыроежкиной состоялось весьма органично. Даже повод изобретать не пришлось, требовалось новое знаменитое лицо для фирменной рекламы, пригласили на кастинг. Правда, потом отказали. Но до объявления итогов Генрих Ильич успел-таки затащить дамочку на спектакль.

В выдумке «вызирщику» от меркурианцев мало кто мог противостоять. Каждое свое преступление он разрабатывал детально, с творческим подходом. Словно спектакль режиссировал. В любимом Ольгой ВГИКе ему поставили бы «отлично».

Он и сам этим гордился. На допросе про все свои «кунштюки» рассказывал барственным тоном. Не утаил и повествование о том, как подбирался к Ольге.

Ну, то, что в Останкино не за зарплатой и не за славой пришел, — понятно. Но, вот облом: перстень, что периодически появлялся на точеном пальчике госпожи Лобенко, уж очень походил на Екатерининский, хотя был украшен явно не изумрудом. Та или не та оправка, необходимо было проверить у специалиста. И тут нашему баловню судьбы снова повезло.

Однажды он подслушал, как Ольга жаловалась Верочке на свое материальное положение. Было это осенью 1998-го года. В стране грянул дефолт! Зарплату выдавать временно перестали... На что жить? Верочка посоветовала подружке сходить в ломбард:

— Это как взять деньги в долг, под залог. Выплатят зарплату — выкупишь.

И Лобенко, не подозревая, что уже давным-давно находится под наблюдением у полоумного фанатика, как бы сама себе вслух пообещала:

— Прямо сегодня после работы и пойду. А что, заодно и узнаю, чего стоят мои «фамильные драгоценности».

План у Гридасова созрел мгновенно: «проводить» Лобенко до ломбарда. Подождать, пока она оттуда выйдет. А потом, дав взятку приемщику, расспросить его о сданных вещах. Во-первых, так он удостоверится, что перстень действительно тот самый, старинный, Екатерининский... (А то мало ли на свете похожих украшений, изумруда-то в нем нет) Во-вторых, возможно, получится, за хорошие деньги, выкупить кольцо раньше срока.

План удался наполовину (подлинность оправы перстня подтвердилась). Мог бы удался

и полностью, если бы приемщик в ломбарде не оказался пройдохой и скупердяем. Он, видите ли, честно назвал Ольге цену за комплект с горным хрусталем (там приуменьшать было нечего), а вот истинную стоимость серебряного перстня объявлять не стал. Решил взять его за копейки, а потом «толкнуть» знакомому антиквариату. Перед Лобенко же, если та придет выкупать, извиниться, мол, напутали в документации, пустили в оборот раньше срока. И в качестве компенсации выдать ей новое, золотое, колечко. По его замыслу, Ольга такому обмену должна была только обрадоваться. В одном просчитался: клиентку объявленная сумма не устроила, она не стала сдавать украшения, развернулась и ушла...

Гридасов запаниковал: ну как Ольга через пару дней решит сходить в другой ломбард, или вообще продаст реликвию? Теперь уж отследить будет трудно, практически невозможно. Креативный директор так испугался, что напрямик дунул к своему боссу Тещину, тому самому обладателю шикарной иномарки, маячившей у Ольгиного подъезда, и всеми правдами и неправдами выторговал у него энную сумму на поддержку дружественной передачи в трудную минуту.

На следующий день Ольге выдали зарплату. А Гридасов начал подготовку к изъятию перстня.

Ключи от входной двери вытащил из сумочки потерпевшей на работе, быстренько сделал дубликат и вернул на место. Планировал «пойти на дело» в середине марта, но тут подвернулся крайне удобный случай. Лобенко повстречала на съемках Соловьева и увезла ночевать к себе домой. Полдня приятель оставался один в квартире, — подозрение в первую очередь должно было пасть на него.

Х Х Х Х Х

На доклад к Цветкову майор Свистунов пошел вместе с Отводовым. Хотя, скорее, это получился не ранжированный деловой разговор, а добродушная беседа. Секретарь Зиночка принесла печенье и чай-кофе.

— Вот мы, Алексей Степанович, ломали голову, как же Саша Вуд не побоялся подменить малиновый рулет для Верочки на арахисовый, ежели кроме него да Ольги в примерку никто не заходил, — Игорь сидел осанисто, испытывая гордость за проделанную работу. Хотя и прекрасно понимал, что большей частью успеха в раскрытии дела обязан «красным следопытам». — Оказалось, рулет был подменен гораздо раньше, по дороге из буфета, когда Лобенко ненадолго заскочила в студию и буквально на минуту оставила пакет с едой без присмотра.

— Ну, а Гридасов что-нибудь говорит? В преступлениях сознается?

Тут в доклад вступил уже Ираклий:

— Выложил все подробности. Алкаша Лаврона, по его собственным словам, убивать не хотел. Хотел только спойть и усыпить, чтобы тот до утра не выходил из своей квартиры.

— Это сколько ж статей ему теперь за раз грозит? — Отводов все еще немного конфузился перед полковником. Потому Цветков предпочитал задавать вопросы глядя в глаза своему непосредственному подчиненному. Отвечал, соответственно, тоже Свистунов:

— Как минимум три: убийство (алкаша Лаврона), покушение на убийство (Верочки Мальшевой) и хищение личного имущества (Ольги Лобенко, Николая Городца и четы Чижовых).

— Что дал обыск в квартире?

— Нашли перстень и письмо на китайском языке. В настоящее время над ним работают переводчики. Жаль, деревянную трость Старкова так и не обнаружили. Не смогли вернуть

похищенную у Чижовых аппаратуру. Да и Ольга кроме перстня с аквамаринном ничего не возвратили. Гридасов сказал, что выбросил «все прочие девичьи побрякушки»: и крестик, и бижутерию, и мамин комплект с горным хрусталем.

А капитан Отводов добавил:

— А как же, он ведь прекрасно знал, все это — дешевка, даже к оценщику нести не пришлось.

Цветков отхлебнул кофе, пару раз звякнув ложечкой по фарфоровой ряби, — размешивал сахар.

— Ну, что ж, Ираклий Всеволодович! Мы с майором можем вас поздравить. Вы принимаетесь в штат, считайте, что с сегодняшнего дня ваш испытательный срок закончился.

Отводов как-то сразу засмутился.

— Да я-то что! Мне вон сколько народу помогало. Одна Ольга чего стоит, — и покраснел еще пуще. — Это ведь она и где продавался арахисовый бисквит наша, и Гридасова на чистую воду вывести помогла.

— Ну, — протянул Свистунов. — Арахисовый бисквит как раз путаницу внес, а не следствию помог.

— Это только поначалу «путаницу», — горячо запротестовал капитан. Цветков со Свистуновым переглянулись с ухмылочкой. — Потом именно этот факт и заставил убедиться, что Сашу Вуда подставляют. Мы сверили график съемок и выяснили, что экзеведущий должен был в день попытки отравления, и в день накануне выезжать из дома так рано, что магазинчик еще не открылся. За ним присылали служебную машину из телецентра, и водитель утверждает, что они прямиком отправились на работу и нигде по дороге не останавливались.

— Вот как! Мне, конечно, такие подробности не известны. Но то, что у вас был целый отряд добровольных пособников, у нас весь отдел обсуждал. Пытались вспомнить, и не нашли в практике ни одного подобного примера, чтоб потерпевшие так сплотились и помогали следствию... Еще раз поздравляю с зачислением в штат. И спасибо за работу, вам лично и вашим «тимуровцам»...

— «Красным следопытам», — поправил Отводов.

— Да-да, «красным следопытам», — расхохотался полковник.

Едва подчиненные вышли, полковник взялся за телефон. Но тут вошла Зиночка. Стала убирать со стола пустые чашки, обратила внимание на то, что Алексей Степанович застыл на месте с трубкой в руках.

— Вас с кем-нибудь соединить?

— Нет, Зина, не нужно. Я сам, — замешкался. — И посуду... позже.

Секретарша знала, что, ежели шеф обращается к ней просто по имени, без уменьшительного суффикса, — шутки в сторону. Его что-то на самом деле печет и тревожит. Срочно из кабинета, забиться в угол, уткнуться в бумаги и сидеть тихо, пока не позовут! Так и сделала.

Он спланировал этот звонок давно. Поначалу откладывал, боязно было, все ж столько лет прошло. После окончания школы они так ни разу и не встречались с Петькой Коршуновым, тем самым пареньком, с которым подрались из-за Майи Кристаллинской. Потом попенял сам себе: полковник с Петровки, с убийцами да головорезами общается запросто, а старому другу позвонить робеет!

Дом, где жил Петька в детстве, давно снесли, но отыскать бывшего приятеля для прожженного сыщика труда не составило. Уже через день на стол полковника лег ответ на запрос: Коршунов Петр Ефимович, старший научный сотрудник НИИ Высоких технологий Женат, имеет двоих детей. Проживает по адресу... Телефон такой-то.

Алексей Степанович достал бумажку, и глядя в нее, начал нажимать кнопки на телефонном аппарате.

В трубке послышались длинные гудки.

— Алло! — голос был то ли женским, то ли детским.

— Будьте добры Петра Ефимовича.

«Свекор-Петя, тебя,» — послышалось отдаленное.

«Ну, конечно, разве мог дурашливый, скоморошный Коршунов допустить. Чтобы юная жена сына называла его по имени-отчеству. Насколько помнил Цветков, по крайней мере в юности, Петька относился серьезно только к одной вещи, точнее, к человеку, — к майе Кристаллинской.»

— Слушаю, — мужской баритон был абсолютно серьезным, совершенно не дурашливым.

— Петька?

— Кто это?

— Петька! Это я, Леха-Цветик...

Разговору были рады оба. Такие «звонки из прошлого» всегда согревают душу. Но стройного диалога не получилось, слишком волновались, в основном сообщали друг другу цифры: который год женаты, сколько лет детям и внукам. Договорились свидеться. Пятнадцать минут пререкались, кто к кому едет в гости. Коршунов нахваливал русскую баню на своей даче, а Цветков — финскую сауну на своей... До крупной ссоры, как в детстве, дело не довели. Пошли на компромисс: решили в субботу побывать у полковника, а в воскресенье переместиться к старшему научному сотруднику. По достижении консенсуса, разговор постановили завершить. И Алексей Степанович с широченной улыбкой на лице и легкостью на сердце швырнул трубку в гнездо телефонной базы.

— Где вы, школьные учебники и задания домашние?

Кто теперь сидит за партою, за четвертой у окна? — протянул он, стараясь пиццать в подражание незабвенной Майи Кристаллинской. Выгнул брови, удивившись собственному экспромту, и почему-то пнул ногой стул.

Печерский монастырь под Псковом, октябрь 1779-го года.

Согбенный пожилой мужик с косматой бородой, опираясь на иссохшую палку-посох шел по деревянному мостику через ров. На старике был сермяжный зипун; коричневого цвета из-под которого торчали замызганные штанины, заправленные во вполне добротные, только жутко изношенные юфтевые сапоги. На голове — какая-то странная и явно не по сезону подобранная шапка наподобие малахая;

Он ступил на каменный настил, прошел под козырек ворот, держащийся на четырех массивных колоннах, и постучал в маленькое окошко, расположенное аккурат посередине двери.

— Кто? — спросили, даже не приоткрыв проем.

— Я — паломник. Иваном зовут. Из Петербурга. С письмом к игумену, архимандриту Иосифу.

Тяжелая чугунная дверь начала отворяться. Перво-наперво в щелку пролез серый в черную полоску котенок с белыми усами. Прокрался к гостю, опасливо того понюхал, и тут же прытко по штанине вскарабкался на руки. Иван его приласкал и погладил.

За котенком вышел монах в черном платье и высокой скуфье; из под которой куце выглядывала длинная косичка.

— От кого письмо-то?

— От обер-полицеймейстера Лопухина.

— Идемте.

Вначале его определили в келью. Монах отлучился, потом вернулся. Сказал, что настоятель примет Ивана завтра же. Но прежде тот должен будет отстоять службу во храме и исполнить послушные работы.

Паломник согласился.

Келья его сходствовала с выдолбленной в скале пещерой, пологие своды потолка плавно переходили в такие же неровные, вогнутые, будто внутренняя часть щита, стены. Точно помещение силилось само себя раздать вширь... Откидной стол, откидная скамья, и жесткая деревянная полка-кровать.

И хотя позже ему принесли тюфяк, подушку и одеяло. Спал он все же прескверно. С непривычки, али от волнения. Ведь за свою почитай шестидесятилетнюю жизнь в россейской столице, он редко куда отлучался. А коли отлучался (это уже в последние полтора десятилетия, со времен восшествия на трон матушки Екатерины), так был принимаем с почтением, селился в лучших апартаментах и угощался лучшей стряпней.

Здесь же, в монастыре, на ужин вовсе ничего не выдали. Утром, натошак, — служба. И только потом удалось хлебнуть чечевичной похлебки в трапезной. Похлебка была так себе. А вот местный монастырский хлеб удался на славу. Еще теплый и мягкий, пахнувший кислыми дрожжами и, почему-то, свежим ветром.

Ивана хотели как раз на пекарню в послушники и определить. Но он показал на свои испачканные штаны:

— Куда мне в пекари, мне бы в сад-огород, клумбу перекопать, или дорожку камнем уложить.

И его отправили сгребать листья под деревьями.

В основном это были липы, не высокие. Листочки у них желтенькие, как потерявшие сок от подавленных чувств сердечки. А Иван их безжалостно граблями, да граблями... Время от времени поднимал голову, смотрел на небо, будто что-то прикидывал. Неудовлетворенно качал головой и снова за работу.

После обеда монах собирался доложить о новом госте с письмом настоятелю, но паломник упретил. Посмотрел, согбенный, этак, снизу, с заиском:

— Дело у меня к архимандриту Иосифу сложное, но неспешное. Связано с тягостными для меня ошибками. Прежде, чем их исправлять пред людьми, хочу покаяться пред Богом. И дожидаться от него знамения, что молитвы мои услышаны, и я прощен.

Монаху речь показалась странной. О тайне исповеди странник говорит или о чем-то еще? Конечно, все они, посвятившие себя служению вере, надеялись на некий знак свыше, на чудо, но исключительно как на что-то редчайшее и внезапное, одаривающее своим появлением лишь людей избранных. А уж, чтобы чудо по заказу ожидать...

Иван пробыл в монастыре с неделю. Убрал все листья под деревьями, перекопал пустующие из-под картошки грядки и даже начертил план своей, монастырской, оранжереи. Приступить к строительству безотлагательно не мог, не было требуемого количества стекла. Но все подробно расписал и прорисовал. Насчет стекла обещал договориться в столице, семена также передать с оказией. Что-нибудь, не требующее особого ухода и научных знаний.

Целую неделю стояла сухая солнечная погода. И хотя уже заметно похолодало, все ж настроение было почитай еще летним. И вдруг в одночасье, точней будет сказать, единым утром все переменялось...

Сизые тучи нависли над монастырем. Под ними еще брезжила полоска лазоревого неба, но грозовая наволока поглощала ее со зримой быстротой. Беленые стены крепости, церковей и жилых пристроек покрылись фиолетовым отсветом.

И вдруг сполох озолотил все вокруг. Иван бросился на колени прямо на грязную землю и начал истово креститься. Громыкнул мощный раскат. Хлынул ливневый поток.

Паломник воздел руки к небу:

— Знак! Знак! Спасибо тебе, господи!

Струи били по лицу, волосам, макушке, пригвоздили ставшую полупрозрачной рубаху к телу. А Иван им радовался, как падающим с неба драгоценным камням, ловил губами, пытался скопить в ладошки.

Еще молния, на сей раз более мощная, взывавшая в водяных потоках и ослепившая всех вокруг. Когда глаза застигнутых врасплох непогодой монахов сызнава привыкли к мраку, те увидели, что косоворотка Ивана распорота аккурат на плече. Да скорей даже не распорота, а порезана, точно кто-то нанес удар саблей.

Мужчина схватился за руку.

— Бей, бей меня, всемогущий! Карай своей жгучей десницей, — наложил на себя крестное знамение.

Опять сполох молнии. И прежде, чем громыкнул очередной раскат, новый разрез образовался на штанах, чуть повыше колена. И так с каждым очередным ударом. Покуда одежда послушника не превратилась в полную рвань.

На лице же у Ивана вырисовывалась полная блажь. Он валялся в раскисшей грязи и ликовал.

Как только ливень с грозой стихли, монахи обступили паломника. Каждый норовил до

него дотронуться, будто до святого. Осматривали разрезы на одежде, дивились, что ткань будто лезвием искромсана, а на теле — ни ранки. «Вот что значит Божья десница, — пугнула, но не покарала».

Слух о снизошедшем с небес чуде долетел и до игумена архимандрита Иосифа. Тут уж и докладывать ему о просьбе Ивана на аудиенцию не пришлось, сам вызвал паломника в свою резиденцию.

Архимандрит был в черном клобуке и мантии, на рясе тесьма под грудью, в голубенький цветочек. Борода с проседью, как бы поделенная на две части. Нос над усищами нависает. Взгляд хитрый, со жмуром.

— Так, говоришь, сам Павел Васильевич Лопухин вам сопроводительное письмо дал?

— Именно, — Иван снова изобразил подобострастие. — Вот оно, — вытащил из-за пазухи сложенный и запечатанный сургучом листок. Одежда на нем теперь была поприличней, — монахи расстарались, как не поделиться с помеченным божьим вниманием человеком.

Игумен развернул, пробежал глазами по строчкам. Жестом указал гостю на скамью, сам сел напротив.

— Понятно. Дело, говоришь, здесь, у тебя важное. Так что за «дело»?

— Грешен!

— Ну, это понятно, святые люди редко приходят за покаянием, — Иосиф усмехнулся.

— Но мой грех, словно пень, обросший мхом десятилетий. Прогнившая суть скрыта, но то, что торчит снаружи, не менее отвратительно.

Настоятель посуровел. Оказалось, у него очень выразительный, глубокий взгляд, ежели в нем нет насмешки. Это было даже несколько неожиданно.

— Ты ведь собрался поведать о своем грехе, — так говори! Тем паче, не мне теперь тебя судить, сам господь к тебе внимание проявил, — и взгляд вновь сузился, вновь приобрел хитрый прищур. Ох, как не нравилось это Ивану. Потому тот решил более не тянуть.

— Ваше Высокопреподобие, — Иван впервые обратился к архимандриту согласно званию. — По молодости лет я был столь скудоумен и исподен, что бросил женщину, носившую во чреве моего ребенка. Та не снесла горя — утопилась, однако сделала это не сразу, прежде родила мальчика. Имею сведения, что младенца подбросили в ваш монастырь, и воспитывался он здесь до довольно зрелого возраста. Вот, собственно, и весь сказ.

Взор настоятеля опять стал цепким, словно тот котенок, что выбежал к Ивану из-за тяжелой чугунной двери ворот. Раз-два, со ступни на коленку... и на руках уже, и к груди прильнул. Мужчина почувствовал, как взгляд карабкается в самое его нутро. Но тут Иосиф опустил глаза в присланное Лопухиным письмо, и паломнику стало чуть легче, он смог перевести дух. Впрочем, ненадолго. Снова буравящий взгляд:

— Кто вы?

— Я же говорю, Иван, грешник, жаждущий на закате жизни искупить былое окаянство.

— Нет. Вот тут, в письме, писано: «Один умный и добрый человек собирается послать к Вам свое доверенное лицо. Помогите ему, и, по возможности, ответьте на его вопросы».

— Спасибо, конечно, что сослались дословно на столь лестный отзыв о моем покровителе, отблеск его благочестия озаряет и мою убогую личность...

Архимандрит резко прервал Ивана:

— Я повторяю свой вопрос: кто вы? Точнее, как вас зовут? То, что вы не «доверенное лицо», а тот самый «добрый и умный человек» не вызывает у меня никакого сомнения...

Москва, сентябрь 2000-го года.

Капитан Отводов лично попросил компьютерщиков переслать Ольге по электронной почте переведенное с китайского письмо, обнаруженное при обыске в квартире Гридасова. Кстати, экспертиза показала, что именно оно находилось когда-то в конверте в загородном доме родителей Лобенко близ Нижнего Тагила.

«Как же хорошо, что нам с папой Ю и мамой Глашей разрешили вернуться в Китай. Здесь все очень красиво и ярко, как в детской книжке с картинками.

Мои китайские бабушка с дедушкой очень маленькие и очень добрые. Кормят меня картофельными оладьями, внешне похожими на русские драники. Только в Китае картофельные оладьи не соленые, а сладкие. И едят их не со сметаной, а со шоколадными да сахарными подливами, можно и с вареньем. Так что баночки, которыми вы с Кларой Васильевной снабдили нас в дорогу, пришлось очень даже кстати.

Еще по дороге в освобожденную Маньчжурию я начала читать подаренный вами томик Чехова. И меж строк «Крыжовника» нашла карандашную приписку, указание на некий припрятанный для меня сюрприз. Вначале мы искали его меж страниц. А потом сообразили: рассказ называется «Крыжовник» и варенье нам подарили крыжовенное. По прибытии вскрыли баночку, тщательно, ложечкой, начали вынимать содержимое, и вдруг одна ягодка оказалась слишком насыщенная по цвету, промыли ее под краном, — а это вовсе и не ягода.

Мама забрала нечаянный «сюрприз» себе. Немного вас побранила, сказала, что не заслужили мы такого подарка. Еще сказала, что это очень ценная вещица, и что, когда я вырасту, то она мне ее передаст...»

Письмо было датировано 1946-ым годом.

Вот так совершенно неожиданно и очень просто оказалась решенной главная интрига дела: куда и когда исчез из Екатерининского перстня изумруд. Правда, было не совсем понятно, кто передал Сон камень: Евдокия Алексеевна или Клара Васильевна соответственно, и кто вытащил его из оправы, тоже не ясно? Скорее всего как раз Олина бабушка, ведь девочка более тесно общалась именно с ней. Но теперь это было и не важно.

Итак, следы магического изумруда Тейфаши вели в Китай.

Господин Гридасов, фанатик и последний из меркурианцев, тот, на кого возлагалась великая миссия во что бы то ни стало завладеть заветным камнем, был не так уж глуп, предлагая Ольге Лобенко сотрудничество в поиске смарагда. Наверняка, содержимое письма было им также переведено. Попробуй, отыщи человека в чужой стране через полвека?! Сон ведь уже выросла, завела собственную семью... Она уже, небось, бабушкой стала. А вот конкурент Генриха Ильича в амурных делах, Ираклий Всеволодович (ну и имечки у обоих кавалеров подошлись!), по своим каналам, точнее, по каналам ведомства, запросто мог такую информацию раздобыть. Что, собственно и сделал. Как только до него дошло содержание русифицированного документа, тут же отправил запрос. Ответ ожидается через неделю. Только к Гридасову эта информация уже не попадет.

Ольга вчитывалась в выведенные на экране строчки, когда зазвонил местный телефон. Голос в трубке был незнакомым:

— Ольга Валерьевна, вас беспокоят из приемной Кетова. Александр Алексеевич вызывает вас к себе.

Кетов был Генеральным продюсером Ольгиного канала. Здесь требуется пояснение. Ибо на телевидении одним термином принято называть многие и довольно разные вещи. Тот «канал», который должен был возглавить Гридасов, по сути являлся небольшой

телекомпанией, производящей отдельные передачи «под заказ», то бишь на потребу «каналам-кнопкам».

Кетов же возглавлял именно «кнопку». Он управлял множеством подразделений, идентичных бывшему ведомству Генриха Ильича, готовящих и размещающих в эфир программы различной направленности: информационные, аналитические, экономические, деловые, познавательные, игровые, развлекательные... Короче, был настолько большим начальником, что Ольга даже голос его секретарши не могла знать.

«Начальник — такой же человек, как и все остальные, только никто не осмеливается ему об этом сказать», — сочиненная на этапе преодоления лестничного проема «умняшка» все ж не помешала ступить «на ковер» к Кетову, как и полагалось, с трепетом. Слегка опустила плечики, поправила очки, робко просунула голову в дверной проем.

Несколько раз она все же бывала в этом кабинете, посему вылощенный интерьер ее не удивил. За отполированным до глянца большим овальным столом сидел Саша Вуд. Самого хозяина «апартаментов» в помещении не было. Он появился через пару минут... из шкафа, вытирая руки бумажной салфеткой.

«Потайная комната,» — догадалась Ольга. Она слышала, что большие боссы предпочитают скрывать и личный туалет, и помещение для отдыха-релаксации, — будто их и нет вовсе.

— О, все уже здесь, — сказал Кетов, как ни в чем ни бывало. — Добрый день.

— Добрый день, — как болванчики повторили Ольга с Александром.

Кетов уселся в рыжее кожаное кресло.

— Угощайтесь, — указал на крекеры в вазочке и минералку в бутылке.

— Спасибо, — ответили «вызванные на ковер», опять-таки, практически хором и не тронулись с места.

— Вы, конечно, понимаете, после известных всем нам событий и скандального ареста одного из руководителей вновь образованного акционерного общества, функционирование многих уже практически вписанных в сетку вещания, программ оказалось под угрозой, — он посмотрел на присутствующих поверх очков. — Так вот, я вызвал вас, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие... — и... не сдержался, почувствовав напряженность своих собеседников, — расхохотался. (Ну, конечно, сидят ни живы ни мертвы. Один уже был уволен, да за решеткой побывал. Вторая с преступником едва ли ни в интимной связи состояла... Будешь тут спокойным!) — Да не бойтесь вы так! Все остается. И новое АО, и запланированные передачи. Руководителя пока нет. Пока буду единолично всем управлять, а там... Из «Картопака» пришлют нового человека, но он все равно уже не получит должность Генерального директора.

Лобенко и Вуд переглянулись.

— Ольга Валерьевна, ваша историческая викторина, разумеется, тоже остается.

Ольга почувствовала, что к ее голосу прокрался визг. Бывает такое состояние, когда эмоции бьют через край. И ты уже не в силах управлять собственным тембром. Звуки переходят в частящее верещание, каждое «кра», «дра» и «пра» превращается в хрюканье... Как хорошо, что от нее сейчас не требуется никакого ответа. Кетов обращался теперь к экс-ведущему «Волшебного ларца».

— Александр Гаврилович, буквально на прошлой неделе пришли очередные данные социологического опроса. Так вот, там обнаружился некий парадокс. Не буду скрывать, в последние месяцы, и даже годы рейтинг программы, которую вы вели, падал. Собственно

это и была основная причин, из-за которой ее закрыли. Но... как только вы ушли с экрана, ваш личный рейтинг пополз вверх. Здесь, наверное, сработал эффект «расставания с любимым». Знаете, как в семьях с долгим стажем супружеской жизни, — все-таки у шефа было необыкновенно хорошее настроение, ишь, как разошелся, какую душевную беседу завел. — Бывает, кажется, муж с женой уж и на дух друг друга выносить не могут. Все раздражает: не так кепку на крюк повесил, не с тем выражением лица блины напекла... А решат какое-то время пожить по отдельности, или уедет кто из них на пару-тройку месяцев в командировку, — выясняется, что приварились — автогеном не распаять! Так и здесь. К тому, что вы регулярно появлялись в их жилищах на экранах, зрители попривыкли. Воспринимали это как должное. И вдруг, однажды вечером вы оттуда исчезли. Стало чего-то не хватать... А уж когда вас ложно обвинили... За любимца встали все горой!

Вуд лыбился, как людоед перед случайным странником. А Кетов продолжал:

— К чему это я клоню? Думаю, вы все уже поняли. Новую историческую викторину, программу, автором которой была и остается госпожа Лобенко, будет вести, разумеется, никакая не Сыроежкина, а наш проверенный шоу-мен. Но... — и он со значением перевел взор на даму, добродушие из него было уже не вытравить даже сведенными в кучку бровями. — Тема благодатнейшая. Тут вы, Ольга Валерьевна, попали в точку, в десятку, я бы даже сказал со ста шагов в игольное ушко. Смена тысячелетия, интерес к прошлому налицо. Игровая подача: костюмированные сценки-вопросы, музейные экспонаты в «черном ящике»... Господина Вуда, разумеется, облачим во фрак. Но ему нужна леди, дама, приятная во всех отношениях, умная, интригующая... Ему нужна соведущая, вы, госпожа Лобенко.

На людоеда девушка, разумеется, похожа не была. От напряжения последних минут ее белые крашенные волосенки натопорщились и, казалось, вот-вот от них полетят маленькие искорки. Она вся засияла как электрическая лампочка. Нет, скорее, как бенгальский огонь.

Печерский монастырь под Псковом, октябрь 1779-го года.

— Спасибо за откровенность, Андрей, — игумен Иосиф запустил руку в свою поделенную на две половинки бороду. Взгляд больше не сужался. И Анклебер не мог понять, что это означает, внутренний гнев, или же серьезность, с которой настоятель отнесся к проблемам гостя, изложенным в его рассказе. — Теперь и я отвечу на ваш вопрос. Как разглядел то, что Иван ненастоящий? Так ведь грамота подвела.

— Какая грамота, ученых слов, вроде не произносил...

— А слова здесь не нужны, интонация, поворот головы... У человека, десятилетиями томимого страшным грехом, никнут не только плечи. К тому же на лице у вас этих тяжких мучений также не прописано.

— А если я и не мучился, ежели надясь осознал и сразу к вам?

— Так не бывает.

Они недолго посидели молча. Архимандрит держался за висевший у него на шее большой крест, Анклебер на него смотрел.

— Конечно, грех ты все же совершил. Та сцена, которую разыграл прилюдно, да еще в монастыре, — богохульство.

Андрей склонил голову ниже плеч и замер в ожидании. Конечно, Владыко имеет теперь полное право выгнать его со двора.

— Но, мне знакома история изумруда, попавшего в руки к твоей жене. Слышал, что немало крови из-за него пролилось. Как человек, служащий богу, я всеконечно тебя порицаю. Но, как простой человек, как смертный, понимаю, что напрасно оуждать того, кто меж убийством и лукавством выбирает последнее. Впрочем, мудрец сказал бы, там, где есть два пути, всегда отыщется и третий.

— Понимаю, Ваше Высокопреподобие, — Андрей приложил ладонь к груди, — но в ярости пребывал. А в ярости ж напролом мчишь, до потаенных ли тут тропок?!

Иосиф лишь на секунду снова сощурился.

— Сам сломя голову несешься и меня за собой тащишь?! Так, стало быть, интересуется тебя история хромого мальчика, воспитанного в нашем монастыре? Я не знал его родителей. Но, говорят, никчемные были люди. Жили в деревне неподалеку. Вначале ребенка в монастырь подбросили, потом и сами сгинули из брэнного мира. Нет, не в схиму облачились, просто пропали, ни слуху о них, ни духу. Поговаривали, что утопились в болоте, а там, кто знает. Мы назвали его Савелием.

На Савелия обратила свое пристальное внимание одна знатная особа. Хороша собой, довольно умна. В 1722-ом году, задолго до появления здесь подкидыша, она также привезла ребенка. Сказала, что осиротевший дальний сродственник. Просила приютить и воспитать. Разумеется, дама перечисляла нам регулярно большие пожертвования. Я не буду называть имя ее мальчика, оно не важно.

Рос хлопец довольно смышленным, искренним и честным. Казалось, это даже несколько не устраивало его попечительницу. Посему, через какое-то время она и приласкала хромого Савелия.

Мне предшественники сказывали, что все началось с того, что однажды Савелий сбежал в деревню и подпалил там дом своих родителей. Откуда мальчуган узнал о них, и, тем паче,

как выяснил про их дом? Наказали. Допрашивали, откуда сведения получил. Но сиротка-хромоножка молчал, словно кто ему рот суровой нитью затянул.

Потом, я уже служил при монастыре, услышал как-то его рассуждения.

— Человек сродни собаке, кому предан, перед тем хвостом машет, а чужаку и горло перегрызет, — это он монаху объяснял. Тот его спрашивает:

— А кому преданным-то быть? Вот мы, люди послушные Богу. А ты кому служить собрался?

— Кто хлеб дает, тому обычно и служат. Вы мните, будто все с небес падает. А я себе человека найду, да чтоб не корку мне давал, а пряник медовый.

Ну, не трудно тут было сообразить, что сам по себе мальчик к таким мыслям прийти не смог бы. И монахи вряд ли этaкое богохульство в юную голову вложили. Оставалась наша благодетельница. А как ее уличишь? Да и... за слова обыкновенно из монастыря-то не гонют.

— Скажите, Андрей, как вы догадались, что хромой след ведет именно в монастырь?

— След, в первую очередь, вывел меня на графа Шварина. И тогда я стал интересоваться всем, что происходит вокруг него. Выяснил и про неожиданно явившегося после смерти баронессы Оксендорф Бориса. Так ведь звали «дальнего сродственника одной знатной дамы»?

Архимандрит кивнул.

— Потом уточнил, откуда он взялся. Нелегко пришлось. Помог крест, которым он очень дорожил и носил, практически не снимая его. Крест привел в ваш монастырь...

Архимандрит и тут кивнул:

— Прежний настоятель прикипел к мальчонке, подарил ему эту реликвию с надеждой на спасение души в моменты искушений.

— Ну, а дальше, — по аналогии. Ежели один таинственный человек явился из обители, почему второй не менее таинственный, не может прийти оттуда же?!

— Как же получилось, что Савелий служил вначале баронессе, а потом оказался исполнителем поручений графа и его потомков?

— Точно сам не разобрал. Но, думаю, Оксендорф поначалу приставила хромого паренька следить за своим сподвижником. Все-таки была она дамой коварной и вряд ли доверяла компаньону. А потом, когда тот был раскрыт, извинилась и сдала послушника, обращенного в свою веру на руки Шварину.

— Илья Осипович, должно быть, до сих пор держит его в подвале. Выпускает только когда требуется совершить очередное преступление...

Игумен Иосиф, словно спасаясь от черных мыслей, схватился за большой нагрудный крест:

— Воля — есть способность человека совершать поступки согласно собственному выбору. Выбор — принятие ответственности на себя. А коли кто выбирать да отвечать на этом свете не приучился, так у того и воли нету. К сожалению, такое иногда случается и с монастырскими воспитанниками.

Х Х Х Х Х

Императрице долго изъяснять ничего не пришлось. Мало того, что сама смышленная, так и к графу Шварину не первый год подозрение имела. Выделила солдат, приставила высокий чин, дабы хозяин не сопротивлялся. И с указом проверить подвал направила к Илье Осиповичу.

А там... Не врал бывший пленный Арнольд Беккер, ох, не врал! В полутемном подполье, тощ и малокровен, бледен и напуган сидел... нет, не зверь, сидел хромоножка Савелий.

Солдат Савелий устранился. Забился в угол, стал прикрываться серой, сбитой из единой широкой доски лавкой.

— Что здесь происходит? По какому такому праву ворвались в мой дом, — верещал граф, хотя и право на вторжение и причина оно были Илье Осиповичу разъяснены еще на пороге.

Сам Анклебер в подвал спускаться не стал. Подождал, покуда невольника вытащили наверх.

Синюшное щуплое тельце. Вокруг испуганных глазок синь еще большая.

— Как тебя зовут?

Потупился, на Шварина зыркнул: отвечать — не отвечать. Илья Осипович никакой реакции не выказал. Савелий и вовсе растерялся. Не привык он самостоятельно решения принимать. А Андрейка напирает:

— Говори, не бойся, как звать-то? Имя-то у тебя есть?

— Савелием звать, — и зарумянился, словно постыдное слово произнес.

— Ты давно у графа живешь?

— С монастыря, точнее, со смерти баронессы.

— А лет сколько?

Савелий начал пятиться, еще бы шаг, свалился бы обратно в прямоугольный черный просвет с круто идущей вниз лестницей, но солдаты подхватили за тощи ручки, оступиться не дали.

— Не приучен он года-то считать, — заявил граф откуда-то из затененного угла, из-под пыльной салатного цвета занавески. — Что спросить-то желали, сколько ему самому лет, или сколько лет в моем подвале проживает?

— Самому-то лет пятьдесят будет... — ответил Анклебер.

Среди солдат послышался шепоток. Никак не ожидали они, что ледащий мужичонка окажется столь великовозрастным. Они его за изможденного отрока приняли, никак не за зрелого человека. Седина в голове — так то как белесость у растения, содержащегося без света... Морщинистость — от истощения... Ан, оказывается, неверен расчет...

— А в доме моем он уже почитай лет двадцать обитает.

— Обитает, — удивился Андрей. — Слишком громко сказано. Вы его как крота без света держали, да как пса перед охотой — впроголодь.

Шварин ни малость не смутился, только зло посмотрел на садовника. А Анклебер обращался уже к стоящему Савелию.

— Архимандрит Иосиф, что ныне является настоятелем Печерского монастыря, взял с меня слово, что никакой казни над вами учинено не будет. Ощущает Владыко вину монастырского воспитания за то, что с вами приключилось. Я обещал отправить вас обратно, в обитель.

Савелий вырвался из рук солдат, подбежал, склонился перед садовником на колени, стал целовать аккурат в пряжку на туфле. И, все ж виновато, скопился в сторону бывшего «благодетеля». Шварин смотрел на недавнего пленника с презрением.

Андрей так и не понял, чему этот заложник чужой прихоти возрадовался, ведь нельзя сказать, чтобы прежнее существование его тяготило. Да и мук совести относительно

совершаемых злодеяний он, должно быть, не испытывал. Как верно подметил игумен Иосиф, у Савелия не было воли, сообразно, и ответственности за свои поступки он сознавать не должен. А тогда, и о каре думать не положено, и бояться оной — тем паче. За что ножки-то целовать? Исключительно из искательства? Из привычки поклоняться тому, кто на данный момент твоей судьбой управляет?

Андрей увел мужчину в одну из комнат. Предложил тому сесть в кресло. Сам устроился на стуле. И прогадал. Савелий не привык, чтобы к нему по-человечески обращались, тем паче, относились с почтением. Вид у него сделался еще более испуганный. Весь он как-то сжался. Заерзал по узорчатой камке.

Анклеберу тоже стало неловко. Уж в который раз за последние месяцы он дает промашку. Архимандрит Иосиф его в два счета раскусил. Теперь вот решил доверительно поговорить с бывшим графским невольником, но только конфуз на того нагнал.

— Вам неловко, в этом кресле-то?

— Нет, ничего.

— Я хотел спросить...

Савелий скукожился еще более.

— Хотел спросить... — мужчина и сам оробел, какой вопрос задать-то, чтоб человек разговорился. — Вы столько времени провели в полном одиночестве. И в монастыре, и у баронессы, и здесь, в подвале у графа... Как время-то коротали?

— Я Богу молился.

— И о чем же, — изумился Андрей.

— О всяком. О спасении людских душ. Об удачном исходе.

— «Удачном исходе» чего?

— Граф, Илья Осипович, иногда выдавал мне порученьца.

Тут уж Анклебер не выдержал, запольхал личиком:

— Это по головке человека кастетом тюкнуть, — порученьце?

Савелия залихоманило.

— Я потом неделю на грече с солью выстаивал, одну воду пил и молился... Потом еще неделю рябь с коленок не сходила.

— И убийство возницы в зимнем лесу, на глазах-то у дитяти малого, тоже замаливал?

— Тоже, так то ж похититель был, бабу с ребенком хотел в лес завести, да бросить.

— Хм!

Не такой уж слабоумный был этот Савелий. Значит, Шварин ему наврал, сказал, что убийство поделом будет. Так все одно, не по-христиански. Только у этого подвального узника понятия справедливости и христианских заповедей уже давным-давно в голове-то перекосило.

— Что ж, ты совсем, что ль, не понимал, что тебя в нечеловеческих условиях содержат. Не бабу, похищенную в лесу, спасти надобно было, а себя, — взял бы да и сбежал!

— А куда? Да и как содержат в человеческих условиях? Я ж не знал, — глаза у Савелия были по-прежнему голубовато-туманные, чистые и искренние. Нет, не мог обманывать, никак не мог... И бывший графский пленник словно понял, что ему, наконец, верят, вдруг осмелел, и попросил с простосердечной наивностью. — Барин, а вы мне не покажете, как люди-то живут...

Последняя фраза окончательно обескуражила Анклебера. Он развел руками по сторонам. Ну, смотри, вот так живут графы...

Печерский монастырь под Псковом, ноябрь 1779-го года.

Деревянный мостик к воротам монастыря взвизгивал под колесами скучающим псом. Вода во рве уже не была зеркальной, затуманилась, подернулась ледком. Скулеж сменился гулким гроыханием, когда экипаж въехал на каменный настил и остановился перед четырьмя колоннами входа.

Добрая душа Андрей Анклебер выделил собственную повозку для отправки Савелия в Печерскую обитель, меж колоннами она не проходила, да и не должна была проходить. Бывшего воспитанника должно было доставить лишь до ворот.

Их встретил все тот же монах в черном платье и в высокой скуфье с торчащей косичкой. Только котенка не было, холодно, видать, высовываться.

Возница первым сошел с козел. Негромко сказал что-то встречавшему иноку и сунул тому сложенный и запечатанный сургучом конверт. Тот кивнул. Только после кучер обошел карету и открыл дверцу.

Из кареты вышел заметно подобревший, и ликом, и телом, Савелий. Прозрачность черт его ушла, он уже не был изможден и иссушен, а как будто стал немного ватный. И даже, казалось, взгляд его уяснился. Он нес в руках узелок, — те небольшие пожитки, которые скопил за последний месяц, проведенный в приюте на Васильевском острове: кое-какое бельишко, дареные платочек с гребешком, да кем-то утерянную оловянную солдатскую пуговицу... Все эти предметы должны были напоминать ему в монастыре о немногих днях, проведенных среди обычных людей...

Дорога неподалеку от села Макаровка, ноябрь 1779-года.

Аспидный небесный купол, словно огромное сито, пропускал через себя крупинки снега. Вначале отдельные, редкие, а теперь довольно частые, так что и пространство все было в этих неуловимых глазом снежинках, словно в тумане. На взгорье наконец показались тусклые огни избенных окошек, редкие, не в каждом, должно быть, жгли свечи, из бережливости...

И вот тут лошади встали. Двое гнедых, обмененных на последней почтовой станции, и шага вперед ступить не желали. Отчасти потому, что исполосанная в недавнюю сырость дорога замерзла, и ступать по таким рытвинам да яминам было крайне сложно, отчасти из-за усталости, но боле всего из упрямства. Смотритель предупреждал, что кобылки с норовом, но иных все одно не имелось.

Ямщик попытался потянуть за поводья. Реакции не последовало. Хлестнул по крупу и после потянул, — лошади переступили с ноги на ногу, слегка дернулись вперед, но не боле.

Нехотя из кареты вылез граф Шварин, потуже обернул вокруг пояса объемный крестьянский тулуп. Свои, барские, шубейки в таких условиях от промерзлости не спасали. Хотя в карете и имелась небольшая печка, но грела, признаться, дрянно.

— Что, Данила, скоро ль поедем?

— Да, не идут окаянные, хоть пришиби их на месте!

Старый граф был уже не настолько спесив, чтобы наорать на своего ямщика (хотя прежде сделал бы это непременно). Более того, он сам вызвался пойти далее пешком, ибо до жилых домов было уже недалеко, а дожидаясь активности гнедых в карете, неровен час, и околеть можно.

Мужик продолжал хлыстать кобылок по крупу, и тянуть за поводья. А согбенная фигура Ильи Осиповича, с каким-то особым унынием продвигалась вперед, все больше теряясь в снежном тумане и в конце концов исчезла из вида.

Обратный въезд в столицу для графа Шварина был воспрещен. Там, в Макаровке, он и провел остатки дней...

Москва, сентябрь 2000-го года.

«Сон уехала из Китая в 1965 году. Куда — не известно? По тем временам о конечной точке своей эмиграции старались не сообщать. Такой ответ пришел на Петровку. Отводов не стал сообщать мне его по телефону, явился лично. И, только пришел, позвонил и Соловьев. Чувствовала ли я себя несколько неловко? Да, безусловно! Ну и фиг с ним!

Я стараюсь о них, о мужчинах, сейчас не думать. К своим почти тридцати годам я вдруг поняла, что самое главное в личной жизни, — это не гармония в отношениях с противоположным полом, а гармония в отношениях с самой собой. Ежели удастся красиво и плавно сосуществовать со своим внутренним «Я», то и все остальное непременно приложится.

Вот психологи советуют любить себя, каждое утро начинать с приветливых слов и улыбки перед зеркалом. А я так скажу, главное — себя уважать. Любовь, она из уважения вырастает. А уважение из достижений и самореализации.

Пока я еще сама не поняла, кто из двоих, оказавшихся сегодня подле меня, мужчин более почитаю мною. Ну так и любви тоже пока нет... Или уже нет? Опять я запуталась с выбором. Пожалуй, время рассудит...

Счастлива ли я сегодня? А как распознать? Ведь нельзя же рассматривать счастье как полную противоположность несчастью.

Вон, человек с рюкзаком брел по тропинке долго-долго, устал, ноги истер в мозоли. Присел на полянке, разбил палатку. Разжег костер, заварил чай и тронул струны гитары. Счастлив он или нет?

То-то же!

Я сейчас, как тот человек. Который не просто шел и устал, по дороге успел разглядеть многое вокруг. Он понял, как все в этом мире хрупко, как зависит все от простых вещей, совершенно незначимых в городской суете: от дождя, преградившей путь речки, внезапно спустившихся сумерек...

Да, сегодня он счастлив, на сегодня ему больше ничего не надо. Но и это еще не главное. Главное то, что он знает, куда пойдет завтра, и ему хочется пуститься в этот путь.»